

ЧЕКИСТЫ
РАССКАЗЫВАЮТ

ЧЕКИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ

Книга 7-я

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1987

Р2
Ч-37

Составитель **В. Листов**

Художник **Б. Мокин**

Ч $\frac{4702010200-079}{М-105(03)87}$ 155—87

© Издательство «Советская Россия», 1987 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом году страна Советов отмечает 70-летие со дня свершения Великой Октябрьской социалистической революции. Героический путь прошел советский народ в эти трудные и радостные, трагические и победные десятилетия. Вместе с ним прошли этот путь и органы государственной безопасности. 20 декабря 1917 года по инициативе Владимира Ильича Ленина была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Волею партии и народа чекисты были поставлены на защиту завоеваний Октября.

На работу в органы Чрезвычайной комиссии Центральный Комитет партии направил испытанные кадры во главе с ее первым председателем Феликсом Эдмундовичем Дзержинским, видным деятелем партии, верным ленинцем, прошедшим суровую школу подполья, царских тюрем и каторги, человеком беспредельно преданным революции и беспощадным к ее врагам. В ВЧК работали в разное время В. Р. Менжинский, Я. Х. Петерс, И. К. Ксенофонтов, М. С. Урицкий, М. С. Кедров, В. А. Аванесов, М. И. Лацис, И. С. Уншлихт, С. Г. Уралов, Я. Я. Буйкис и многие другие замечательные партийцы, составившие большевистское ядро чекистских органов.

С тех пор советские органы госбезопасности несут свою трудную, почетную службу. Много славных страниц вписали в историю Советского государства чекисты, дела которых могут служить образцом для подражания.

В 30-е годы резко возросла угроза нападения империалистических государств на Советский Союз. Непрерывные провокации японской военщины и находившихся у нее на службе эмигрантских организаций, установление в Германии фашистской диктатуры увеличило опасность развязывания войны против Советского Союза. Наряду с выявлением и пресечением подрывной деятельности засылаемых в этот период в нашу страну шпионов, диверсантов и террористов, чекисты предпринимали максимум усилий по получению своевременной информации о планах и замыслах противника.

22 июня 1941 года. Этот день войдет в историю как дата вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз и начала священной Великой Отечественной войны, закончившейся победой советского народа над злейшим врагом человечества — фашизмом.

Органы государственной безопасности всю свою деятельность подчинили борьбе с фашистскими захватчиками. Овеянные немеркнущей славой, наши пограничники первыми грудью встретили врага. Военные

контрразведчики с помощью командования и политорганов Советской Армии и Флота успешно ограждали наши Вооруженные Силы от вражеских шпионов, диверсантов, террористов, оберегали от противника оперативные планы советского командования. Во вражеском тылу бесстрашно вели самоотверженную борьбу чекисты-разведчики. Легендарными стали подвиги Героев Советского Союза Н. И. Кузнецова, И. Д. Кудри, В. А. Молодцова, В. А. Лягина, С. И. Солнцева, Ф. Ф. Озмителя и многих других чекистов, действовавших в тылу врага. Навсегда останутся в истории героические рейды партизанских соединений, которыми командовали чекисты Герои Советского Союза Д. Н. Медведев, С. А. Ваупшасов, К. П. Орловский, Н. А. Прокопюк, М. С. Прудников.

О чекистах, их деятельности написаны книги, им посвящены кинофильмы. С 1970 года издательство «Советская Россия» выпускает сборники «Чекисты рассказывают», ставшие летописью славных дел нескольких поколений работников органов госбезопасности. Чекисты сами или в соавторстве с литераторами рассказывают о своем благородном труде в деле обеспечения государственной безопасности Советской Отчизны.

На страницах сборников поделились воспоминаниями Р. Абель, Д. Быстролетов, В. Егоров, А. Зубов, А. Лукин, А. Поляков, А. Сергеев, Д. Федичкин и многие другие чекисты.

Читатель встретил эти книги с большим интересом и все шесть томов, вышедшие до настоящего времени, стали библиографической редкостью.

Предлагаемая читателям 7-я книга сборника «Чекисты рассказывают» подготовлена к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции и юбилею создания органов государственной безопасности.

Рассказ А. Марченко «Полчаса отдыха» возвращает нас к тревожным временам первых лет революции, к напряженной работе чекистов. В сложной обстановке Ф. Э. Дзержинский находит время, чтобы послушать «Революционный этюд» Шопена в исполнении Делафара, коммуниста-интернационалиста, позднее расстрелянного в Одессе французскими интервентами.

Шла гражданская война. На просторах бывшей царской России ширились вооруженные выступления контрреволюции, возникали организации и группы, возглавляемые монархистами, меньшевиками, эсерами, творили злодеяния кулацкие банды.

На Украине действовала банда Махно. В феврале 1919 года отряды Махно вошли в состав Красной Армии. Но в этих отрядах шел процесс политического и организационного разложения, махновщина превращалась в антисоветское движение, вырождалась в уголовный политический бандитизм. В этой обстановке в штаб Махно были внедрены чекисты. О том, в каких условиях они действовали и что сделали, чтобы

положить конец махновщине, рассказывается в рассказе М. Спектора «По заданию ЧК».

В период мирного строительства органы государственной безопасности СССР наносили удары по диверсионно-террористическим группам, засылавшимся в нашу страну из-за рубежа

Чекисты были надежным щитом от проникновения вражеских агентов на оборонные заводы, в штабы и части Советских Вооруженных Сил.

Немало написано о героических подвигах чекистов, сражавшихся в годы Великой Отечественной войны плечом к плечу с воинами Советской Армии. И тем не менее каждый новый эпизод важен для нас и для будущих поколений. Поэтому с особым интересом читается очерк Д. Корбова «В штабе Г. К. Жукова», повествующий о том, как выдающийся полководец тепло и приветливо принимал чекистов, прибывших в его штаб в Перхушково, чтобы доложить о важном деле

В тяжелой обстановке, сложившейся в первые месяцы войны, органы государственной безопасности приступили к созданию истребительных батальонов для борьбы с вражескими парашютистами, а также к комплектованию и заброске в тыл врага разведывательных групп партизанских отрядов. Партизаны наносили сокрушительные удары по тылам противника, а также захватывали в плен крупных представителей фашистского командования, от которых получали необходимые сведения о гитлеровской армии. Об одной из таких операций увлекательно рассказывает А. Авдеев в повести «Поединок»

Все, что связано с деятельностью В. И. Ленина и Н. К. Крупской, — в том числе даже места их временного проживания, — представляет собой святыню для советских людей. В рассказе Н. Ермоленко «Капитан Потемкин комендант Закопане» описывается, как партизанский отряд спас от уничтожения гитлеровцами домик, в котором проживали Ленин и Крупская в Поронино.

Окончилась Великая Отечественная война, но силы империализма не оставили попытки если не повернуть вспять, то хотя бы затормозить мирное строительство Советского государства.

В качестве нового оружия вводятся в бой идеологические диверсии, попытки внести раскол в умы молодого поколения советских людей, не прошедшего необходимой жизненной закалки. По-прежнему стремятся иностранные разведки проникнуть в наши государственные секреты. От чекистов требуется умение распознать новую тактику врага и умело противопоставить ей свои приемы. Главное здесь — высокая политическая бдительность, воспитание советских людей в духе преданности КПСС, «своей социалистической Родине». Об этом хорошо рассказано в произведениях П. Кренева «С камнем в кармане», И. Папуловского и А. Торпана «Синий треугольник», В. Востокова «Тень фирмы «Блиц» Повесть В. Листова «Вишневая шаль» еще раз напоминает о тех коварных приемах, к которым прибегают империалистические разведки, чтобы

вынудить к предательству своей Родины людей, случайно оступившихся. Даже такой гуманный акт Советского правительства, как амнистия, они пытаются использовать, чтобы обманом заставить работать человека в свою пользу, заниматься шпионажем.

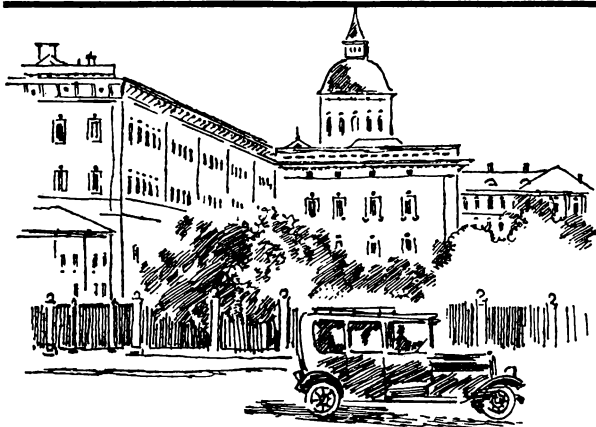
В повести «Синьор Рамони и К°» Г. Василенко рассказывает, как спецслужбы иностранных государств стремятся использовать в подрывных целях торгово-экономические связи СССР с зарубежными странами.

Документально-художественные произведения, напечатанные в сборниках «Чекисты рассказывают», отражают правду жизни и служат делу воспитания новых поколений советских патриотов, мужественных, смелых, преданных идеалам марксизма-ленинизма.

На XXVII съезде КПСС отмечалось, что империализм, являвшийся виновником двух мировых войн, ныне ведет активную подготовку к новой, теперь уже ядерной, войне. Особую роль в выполнении преступных замыслов империалистические державы отводят своим спецслужбам. В этой связи в Политическом докладе ЦК КПСС говорится: «В условиях наращивания подрывной деятельности спецслужб империализма против Советского Союза и других социалистических стран значительно возрастает ответственность, лежащая на **органах государственной безопасности**. Под руководством партии, строго соблюдая советские законы, они ведут большую работу по разоблачению враждебных происков, пресечению всякого рода подрывных действий, охране священных рубежей нашей Родины. Мы убеждены, что советские чекисты, воины-пограничники всегда будут находиться на высоте предъявляемых к ним требований, будут проявлять бдительность, выдержку и твердость в борьбе с любыми посягательствами на наш государственный и общественный строй».

Сознавая свою ответственность, чекисты преданно служат и будут служить Коммунистической партии, своему народу и социалистической Родине, так как у них нет других интересов, кроме защиты от любых посягательств на безопасность государства, созданного партией великого Ленина.

Генерал-майор Я. П. КИСЕЛЕВ

Анатолий МАРЧЕНКО

ПОЛЧАСА ОТДЫХА

Было уже близко к полуночи, когда молодой сотрудник ВЧК Делафар и его непосредственный начальник Калугин вышли на улицу. Горячий выдался денек, ничего не скажешь! Не такими уж простыми оказались эти анархисты. Было среди них немало и таких: вывеска «анархист», а под ней — монархист или деклассированный элемент. На допросах вели себя вызывающе, нагло, старались навести тень на плетень.

Теперь песенка их была спета, а вот скрутить банды анархистов было нелегко. Они захватили в Москве двадцать шесть особняков, начинили их пулеметами, бомбами, даже орудиями и буквально терроризировали город. Отвечая на вопрос корреспондента «Известий», Дзержинский подчеркнул: ...Они выбирали стратегические пункты как раз против всех наиболее важных советских учреждений города, поэтому мы имели основание предполагать, что якобы анархическими организациями руководит опытная рука контрреволюции».

Особенно отчаянно сопротивлялись анархисты, засевшие в бывшем купеческом клубе на Малой Дмитровке, который прозвали «домом анархии». Прежде чем овладеть им, чекисты захватили у анархистов пушку, обнаружили большой склад оружия.

Арестованными в «доме анархии» поручили заниматься Калугину и Делафару, прикомандированным к следственной комиссии. И теперь, спустя сутки, они направлялись на Лубянку, чтобы доложить Дзержинскому о результатах первых допросов.

Они подходили к перекрестку, и тут короткий гудок автомобиля вывел их из задумчивости. Машина, прижавшись к тротуару, остановилась.

— Феликс Эдмундович,— шепнул Делафару Калугин.

— Вы, вероятно, на Лубянку, товарищи? — обратился к ним Дзержинский, выходя из машины.— Но я вас опередил. Хочется поскорее узнать, что вам удалось выяснить сегодня.

Втроем они вернулись в «дом анархии», и вначале Калугин, а затем Делафар доложили Дзержинскому о ходе следствия. Он слушал молча, одновременно делал пометки в записной книжке.

— Кое-что прояснилось,— сказал Дзержинский.— Было бы, конечно, наивно думать, будто сейчас мы можем сказать о каждом арестованном анархисте что-либо определенное. Но уже сейчас ясно, что несмотря на уверения идейной части анархистов, что никаких выступлений против нас они не допустят, угроза такого выступления была налицо. Теперь надо попытаться нащупать их связи с внешним миром, наверняка нас ждет тут много неожиданностей. Разговор продолжим завтра. А сейчас вам пора отдохнуть. Я подвезу вас на машине.

— Да мы своим ходом,— неуверенно отказался Калугин.

Они спустились с крыльца.

— Садитесь,— повторил Дзержинский свое приглашение.— Товарищ Калугин живет, я знаю, недалеко от Лубянки, кажется, на Сретенке. А вы, товарищ Делафар?

— В Каретном ряду, товарищ Дзержинский.

— Как видите, вы мои попутчики.

Калугин и Делафар быстро забрались в автомобиль.

— Чувствуете, запахло весной? — спросил Дзержинский, оборачиваясь к ним.

Чувствуем,— весело отозвался Делафар.— Первая советская весна!

Первая,— кивнул Дзержинский.— Радостная и немверно трудная. И надо выстоять.

— Теперь к пирсу возвращаться не с руки,— сказал Калугин.— Теперь полный вперед, остановка в коммуне!

— Верно,— улыбнулся Дзержинский.— А морские словечки, товарищ Калугин, помогают вам ярче выразить мысль.

Калугин сразу не мог понять, хвалит или осуждает его Дзержинский. По словам выходило, что хвалит, а по тону — вроде подшучивает.

— Не могу отвыкнуть,— смущенно признался Калугин.— Липучие, черти.

— А зачем отвыкать? — спросил Дзержинский.— Я вот как-то без этих словечек и представить вас не могу.

— И я тоже! — подхватил Делафар, вновь и вновь радуясь, что попал в подчинение такому, видать по всему, отличному человеку, как Калугин.

Они ехали по городу, открывшему все улицы, мосты и переулки весне. Это была единственная сила, которая одолела Москву и от которой сама Москва и не думала защищаться.

— Вот закончим с анархистами, легче станет. И я буду просить вас, товарищ Дзержинский, дать мне более трудное задание,— не выдержал Делафар.

— Легче, говорите, станет? — отозвался Дзержинский.— Вот тут-то вы и ошибаетесь. Напротив, куда труднее будет! Анархисты — это еще, как говорят в народе, цветики, а ягодки впереди. Уже поднимает голову контрреволюционная организация Савинкова. Это враг опытный, коварный, опирается на белое офицерство. Поверьте, наша работа еще только начинается. Так что, товарищ Делафар, вам волноваться не следует. Будет вам трудное задание, да и не одно.

— Спасибо за доверие! — ответил Делафар.

Автомобиль подъезжал к Петровке, когда Делафар предложил:

— Товарищ Дзержинский, заглянули бы ко мне? На чашку чая...

Дзержинский взглянул на часы.

— Ну хоть на полчаса,— упрашивал Делафар.

— Как, товарищ Калугин? — спросил Дзержинский.

— На полчаса? — нахмурился Калугин.— Разве что на полчаса...

— Ну вот — единогласно,— подытожил Дзержинский.

Каждая минута была на счету, но Дзержинский откликнулся на просьбу Делафара. То ли потому, что ему хотелось посмотреть, как живет его молодой сотрудник, то ли потому, что в город вступала весна и хотелось, пусть ненадолго, отвлечься от непрерывных суровых обязанностей.

В подъезде дома, в котором жил Делафар, стояла темнота — густая и непроницаемая, как ночное южное небо. Ветер, еще пахнувший снегом, врвался в открытую дверь.

— Сюда, — негромко сказал Делафар, и они стали медленно подниматься на третий этаж.

Ступеньки каменной лестницы были крутые, и Делафар приостановился на площадке, давая Дзержинскому передохнуть.

— Не записывайте меня в старики, — пошутил Дзержинский. — Вам сколько? Двадцать? А я всего лишь в два раза старше вас.

— Шинель не снимайте, в квартире нетоплено, — предупредил Делафар, пропуская Феликса Эдмундовича в прихожую. Но Дзержинский не послушался, молча разделся и, когда Делафар зажег свечу, виновато взглянул на свои сапоги — от них на паркетном полу остались мокрые расплывчатые следы.

Делафар внес свечу в гостиную, поставил ее на круглый стол, сбросил с себя куртку.

Пианино, — как-то удивительно нежно проговорил Дзержинский.

— Подарок покойной матери, — отозвался Делафар. — Она учила музыке детей из богатых семей. Каким-то чудом собрала деньги. Мечтала, чтобы я стал музыкантом, даже композитором.

— Вы играете?

Да. Не блестяще, правда. Садитесь, прошу вас.

Дзержинский сел так, что пианино было перед его глазами, и смотрел на него, будто оно уже издавало звуки — еще очень робкие, далекие.

Он сидел не шевелясь, как человек, позволивший себе отдохнуть после утомительного перехода, готовый по первому зову трубы вновь продолжить свой путь.

Делафар бережно поднял крышку пианино и тоже замер, словно прислушиваясь к чему-то.

— Шопена, — тихо попросил Дзержинский.

Делафар вздрогнул. «Шопена!» Поразительным было

то, что он как раз и намеревался сыграть эту Шопена — Революционный!

В комнате было по-прежнему тихо, но все, что окружало Делафара, мгновенно обрело дар речи.

И пламя свечи, огненным язычком отражавшееся в черном зеркале пианино, и Свобода с картины Делафара, взметнувшая над баррикадой знамя.

Да, он очень нужен был сейчас, Шопен! Нужен свече, чтобы ярче гореть и не гаснуть. Ночи за окном, чтоб без отчаяния и страха уступить место рассвету. Свободе с картины, чтобы все: и мальчишка-гамен, поразительно похожий на Гавроша, и раненый, пытающийся победить смерть, и рабочий в блузе,— все видели парящее над баррикадой крылатое знамя.

Шопен был нужен и Дзержинскому, потому что он, никогда не позволявший своим чувствам отдаться чему-то другому, кроме борьбы, хотел услышать сейчас звуки, высекающие искры из сердца.

Шопен был нужен Делафару, потому что молодость жаждет фанфар и славы, вечного боя, любви и счастья.

Шопена хотел послушать Калугин, потому что он еще никогда в жизни не слушал его...

Делафар осознал все это в считанные мгновенья и вдруг, неожиданно для себя, в тот самый миг, когда в сердце взметнулось вдохновенье, коснувшись кончиками пальцев холодных клавиш, услышал, как пианино отозвалось ему голосом и дыханием самого Шопена...

Дзержинский не видел ни того, как стремительно метались длинные пальцы Делафара, ни того, как дрожало пламя свечи, ни того, как изумленно уставился на Делафара Калугин.

Дзержинский слушал...

Шопен звучал, радуя и поражая то своей кротостью, то неистовством. Вырвавшись из тесной комнаты, над ночной Москвой, над голыми еще лесами, над полями, жаждущими солнца и человеческих рук, у самых звезд звучал сейчас Революционный этюд Шопена...

Дзержинский слушал...

Что это? Небо, сотканное из живых, огненных звезд. И чувство счастья оттого, что можно неотрывно смотреть в это небо. Смотреть! Когда он в последний раз был в лесу, когда умывался росой, говорил со звездами? Когда?

Шопен... Он способен взорвать человеческую душу.

Как хочется обнять своей любовью все человечество, за-
жечь его мечтой о счастливом будущем...

Шопен... В этой музыке — великие страдания и радость, несмотря на мучения. Кажется, даже в тюрьме звучала эта мелодия. Стоны всей России, проникавшие за тюремную решетку, били в сердце как призывный набат. В тюрьме он вел дневник. Не ради забавы — то был порожденный самой жизнью разговор с самим собой. Через полмесяца — десять лет с тех пор, как была сделана первая запись. На вопрос, где выход из ада теперешней жизни, он тогда ответил: в идее социализма. Социализм — факел, зажигающий в сердцах людей неукротимую веру и энергию. Сейчас это особенно ясно...

Нет, он не проклинает свою судьбу. Он знает, что прошел этот путь ради того, чтобы разрушить ту огромную тюрьму, что находилась за стенами его тюрьмы. Он говорил тогда и готов повторить сейчас: если бы предстояло начать жизнь сызнова, начал бы так, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это — органическая необходимость...

Все яснее и громче звучит вечный гимн жизни, правды, красоты и счастья, и нет места отчаянию. Жизнь была для него радостна даже тогда, когда на руках звенели кандалы. Он знал, во имя чего переносил муки...

Шопен... Он влил в свою музыку kloкочущую кровь, в этой музыке бьется его живое сердце...

Волнения, бури, схватки... И вот — героические фанфары, как призыв к вечной борьбе...

Калугин впервые видел Дзержинского таким, каким он был сейчас. Пламя свечи дрожало, и оттого казалось, что лицо Дзержинского тоже вздрагивает, что каждый звук причиняет ему боль и страдания. Калугин и подумать не мог, что музыка способна преобразить человека, да еще такого человека, как Дзержинский. А главное, по твердому убеждению Калугина, этот самый Шопен ничуть не был похож на переливчатые, задорные переборы гармошек на городских окраинах, был чужд, непонятен и даже враждебен тому, что несла с собой революция. Калугину по душе были марши, вихрем врывавшиеся в душу и звавшие на смертный бой.

Так думал Калугин, не замечая, что независимо от хода его мыслей и от его настроения музыка, как бесовская сила, как наваждение, вползает в его душу, берedit

ее и подчиняет себе. Внезапно почувствовав это, он встряхнул головой, стараясь избавиться от колдовской силы, но это не помогло. Что-то могучее охватило его, парализовало волю и возбудило занимавшуюся в душе радость.

Делафар в последний раз прикоснулся к клавишам, прислушиваясь, как нехотя замирает заключительный аккорд. Неожиданно он ощутил на плече легкое прикосновение ладони. Делафар обернулся. Перед ним стоял Дзержинский.

Делафар вскочил. Дзержинский молчал, но было видно по его необычно просиявшему лицу, что он хочет сказать очень многое.

Спасибо...— Чувствовалось, что Дзержинский старается преодолеть волнение.— Сейчас мне хотелось повторить слова Гете: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно».— Он снова умолк, потом продолжил прерывисто, возбужденно: — А когда-нибудь... когда-нибудь мы выкроим время, и я попрошу вас сыграть Вторую фортепьянную сонату си бемоль минор. Самое трагичное из всего, что создал Шопен. Борьба между надеждой и отчаянием, жизнью и смертью. Скорбь мужественного сердца, влюбленного в жизнь...

Калугин слушал рассеянно: он все еще был под влиянием музыки и недоумевал, почему Делафар перестал играть.

— Вспомнилось,— снова заговорил Дзержинский.— Весна. По Лене только что прошли льдины. Прошли, а холод оставили. На берегу — костер. Моросит дождь. Вокруг костра — ссыльные. Я в их числе. Утром в Качуге мы должны были сесть на паузок. И как получилось, теперь даже самому странно, а вот тогда... Я вдруг начал читать свою юношескую поэму. Да, да, поэму. На польском языке. Подражательная поэма была, конечно. Влияние Мицкевича...

Делафар на миг представил себе и лица ссыльных, и реку, освободившуюся ото льда, и синеватый вечер, предвещавший солнечное утро, и лицо юноши в багровых отсветах костра.

А Калугин невидяще смотрел на Делафара, на пианино и тщетно пытался прогнать засевший в мозгу вопрос: «Почему он перестал играть? Почему?» Он до того был поглощен этой навязчивой мыслью, что не сразу услышал слова Дзержинского:

— Ну как, товарищ Калугин? Понравился Шопен?

— Думаю так, Феликс Эдмундович...— Калугин чувствовал себя словно пробудившимся ото сна и злился, что никак не может подобрать подходящие слова, способные выразить именно то, что он думал.— Ну как бы это... Короче: такой Шопен — ветер в паруса революционного корабля!

— Верно,— серьезно подтвердил Дзержинский.— Кстати, сколько у нас еще минут в запасе?

— Пятнадцать минут,— скосив глаза на часы, ответил Калугин.

— Тогда попросим товарища Делафара прочитать свои стихи.

— Не знаю, право,— смутился Делафар.— После Шопена...

— Не после,— возразил Дзержинский.— Точнее сказать — вместе с Шопеном.

— Хорошо,— согласился Делафар.

Он едва слышно прочитал первые строки. Делафар читал так, словно его слушали не два человека — Дзержинский и Калугин, а все бойцы, сражавшиеся сейчас за новую жизнь.

— Революция породила новый мир,— после долгой паузы заговорил Дзержинский.— А значит, и новую поэзию, поэзию действия, высокого долга, оптимизма. Поэзию, отрицающую беспросветное отчаяние. Она отнимает трагизм даже у смерти. Окружает жизнь не ореолом мученичества, а безграничного счастья борьбы... Вот скажите, товарищ Калугин,— вдруг обратился к нему Дзержинский,— скажите, что произойдет, если внезапно исчезнет поэзия?

Калугин не ждал такого вопроса, он был уверен, что Дзержинский спросит его мнение о стихах Делафара. Он заморгал густыми, цвета спелой ржи, ресницами и энергично, чтобы подбодрить себя, застегнул кожанку на все пуговицы.

— Если сердца людей покинет поэзия,— не ожидая ответа, задумчиво проговорил Дзержинский,— люди перестанут быть людьми.— Он помолчал и, повернувшись к Делафару, сказал: — В ваших стихах горит революционный огонь. Они искренни и мужественны. Лично я — за такую поэзию.

Делафар просиял: эти слова он воспринял как похвалу.

Дзержинский взглянул на часы.

Нам пора. Будем прощаться.

— А чай! — спохватился Делафар.— Я мигом заварю чай!

— Полчаса,— напомнил Дзержинский.— Всего полчаса...

Дзержинский надел шинель и, перед тем как выйти из комнаты, обернулся к Делафару:

— Еще раз спасибо. Честное слово, с октября семнадцатого я еще ни разу так чудесно не отдохнул, как этой ночью. Оказывается, для этого достаточно и полчаса.

Марк СПЕКТОР

ПО ЗАДАНИЮ ЧК

И опять Матвей Бойченко¹, как и год назад, увидел приземистое здание Гуляйпольского вокзала, а за ним степь и поросль пшеницы. Вдали, в струящемся мареве, угадывался городок.

На площади, у оббитого пулями вокзала, его и Гордеева ожидала тачанка. Не батькина, с коврами, а обыкновенная, набитая сеном. И не было почетного эскорта. Щемящее чувство тоски окатило Матвея: он снова в махновском логове. Как-то на этот раз обернется дело?

Дорогой от Харькова до Гуляй-Поля Гордеев держал себя так, будто ничего не произошло. Очень беспокоился, не поломали ли «бостонку», на которой печатались газеты, цел ли шрифт — ведь при махновских мотаниях из села в село не хитрое дело и рассыпать его, растерять. Еще Матвей заметил покровительственное отношение Гордеева к себе: так обычно ведут себя тщеславные люди, спасшие другому человеку жизнь. Вероятно, Илья так и считал — он спас Матвея от ЧК.

Вообще привлечение Гордеева к делу не нравилось

¹ Под этим именем действовал Марк Спектор в логове Махно.

Бойченко. Он тысячу раз был благодарен Клаусену за осторожность: ключ к паролю у него. От Матвея зависит, связаться с Ильей или нет и когда это лучше сделать.

Уселись в тачанку, Гордеев расцвел:

— Вот мы и дома, Матвей. Как-то нас встретят?

— Как обычно — самогонкой,— сердито ответил Бойченко.— Уж Яков постарается.

— Это — да. Я про другое...

Тачанка затарахтела по булыжнику. Разговор прервался.

Никогда еще Матвей не подъезжал к махновской столице с таким тревожным чувством.

Тачанка подкатила к дому:

— От тутечки буде ваша типография.

«Нас не только ждали, но и помещение отвели под типографию. Случайность? Или действительно Гордеев им позарез нужен...» — подумал Матвей.

Едва они внесли вещи, как примчался запыхавшийся Яков. Илья принялся обниматься с ним, а Яков крикнул хозяйке, чтоб приготовила яичницу, и достал бутылку горилки.

— Как вовремя вы приехали! Просто удивительно. Такая заваруха идет! — приговаривал он, обнимая Матвея.

Только сели за стол, как под окном промелькнуло соломенное канотье Барона. Он вошел, держа в руках перед собой тонкую трость. Его синий костюм был тщательно отглажен, а сорочка сияла белизной.

— С приездом, с приездом, дорогие! — говорил он таким тоном, будто появление Гордеева и Бойченко — личное одолжение, которое те сделали ему. Движения его были широки и чуточку медлительны от сознания собственного достоинства.— Представьте себе, я уже несколько дней думаю о тебе, Илья. Ты очень нужен мне.

«Не хватало только, чтоб и Барон, как батька, возомнил о себе»,— усмехнулся Матвей. И стоило ему так подумать, как в сенцах затопали сапоги и в горницу вбежал Васька — кучер батьки.

— Кто в культотдел прихав? Гордеев чи хто? Усих, хто прихав, батька требует... Матвей! Здорово!

— И меня? — спросил Барон, оборачиваясь к кучеру. Ни. Тильки хто прихав.

Странно...— фыркнул Барон.— Станный человек этот... батька.

Васька делал Матвею знаки, чтоб тот вышел. В сенцах он схватил Бойченко за рукав:

— Чого пропадав? Привиз еще книжки про пещеру? Тут без тебе понаихали отци городские и командуют, як у себе в хати. Привиз книжки?

— Привез, Васек. «Пещеру Лейхтвейса». Пять выпусков.

— Давай почитаемо зараз! — стал упрашивать Васька. Но Матвей отговорился тем, что ему надо осмотреть типографию: готова ли она к работе, и пошел туда, а Гордеев отправился к батьке.

Махно он застал в горнице с закрытыми от жары ставнями. Он сидел за столом и гонял чай. Поднялся, отдуваясь, и двинулся навстречу Гордееву, долго тряс его руку, пригласил за стол. Остриженный наголо, он выглядел постаревшим, маленькое личико прорезали глубокие морщины.

— Ты что, Илья, долго к батьке не ехал? Барон болтал, что болел? И я болел,— сказал Махно почти весело.— Кое-кто и преставился. Сыпняк свиреп. Только на Нестора Ивановича хворобы ще не выдумали такой, чтоб за печенку зацепило.

Когда Илья глядел на этого хилого, большеголового человечка, умевшего быть и внимательным, и ласковым, а сейчас суетливого и немного растерянного, им овладевало странное чувство жалости. Усевшись за стол, он снова посмотрел на Махно.

— Может, тебе горилки? Выпьешь с дороги? Да и я разговеюсь... Проклятые доктора не велят пока. А, Гордеев?

— Спасибо, Нестор Иванович. Не надо.

Ну смотри...— Махно на секунду прикрыл глаза совиными веками. Его изможденное болезнью лицо стало мертвенным и страшным. Гордеев содрогнулся, увидев этот случайно проступивший истинный лик батьки. Жалость и сочувствие как рукой сняло.

Илья... Ты же умный человек. Пошли ты этих ученых теоретиков кобыле под хвост. Ты мне газеты давай. Чтоб крестьянин понимал, чего желает батька Махно. Печатай по-простому, по-народному. Жарь правду обо мне!

«Ну за такое, Нестор Иванович, ты меня сам порубаешь. И Попову не доверишь. Или с ходу выпустишь всю обойму мне в брюхо...» — уткнувшись в стакан чаю, подумал Гордеев.

— Слышал я, наборщик, что «Шлях до воли» набирал, сбежал,— осторожно заметил Илья.

— Сбежал, сукин сын! — вспыхнул Махно.— Я велел Левке поймать и зарубать гадюку. Вот тебе и рабочий класс — изменник он. А селянин крепкий, самостоятельный от меня не побежит. Он знает — освободит его батька от поборов всякой власти... Хочешь, скажу Левке — он пошлет кого в Юзовку или Екатеринослав. За шиворот приволокет украинского наборщика! Скажи!

— Нестор Иванович,— доверительно сказал Илья,— наборщик силой работать не будет. Все перепутает. Вот поеду в Харьков, кого-нибудь из своих анархистов привезу. Есть у меня там один на примете.

— Ну давай, поезжай завтра! — Махно придвинулся к Илье.— А этому Барону плюнь в рожу с его университетом.

Видно, насолил вам Барон своей ученостью... заметил Илья.— Конечно, это не Волин. Тот учение его и скромнее.

Вскочив из-за стола, Махно заходил по горнице:

— Меня учить вздумал! Нестора Ивановича! Его идея... этот великий, как его...

— Эксперимент.

Во-во... А мой селянин ус крутит и не знает, с чем его едят... Этот...

— Эксперимент...

Ну и пес с Бароном. Пусть сидит со своей идеей, как клуша на яйцах. Только хрен высидит. Нет, ко мне прибежал Барон. У меня армия, мои селяне — за меня...

«Ого, Нестор Иванович, ты уж и крепостными и верно-подданными обзавелся: «моя армия», «мои селяне»... Широко шагаешь. Барон тебя неспроста «наполеончиком» прозвал...» — спрятал улыбку Гордеев.

Вот и нужны мне газеты! На русском само собой. А на украинском — во как! — Махно резанул ребром ладони по горлу.— Ты же все понимаешь, Илья. И сказать народу по-человечески, а не по-собачьи, как тот Барон. Спиримент... Спиримент...— стал он передразнивать.— Поезжай, Илья! Привези наборщика.

Если я уеду завтра, дело с газетами совсем станет.

— Станет...— согласился Махно.— Эти только языками трепать умеют.

— А с экспериментом... с завоеванием территории дело решено?

— Думать надо еще... Вот соберем командиров.

— Сами вы «за»?

— Говорю — думать надо... — недовольно проворчал Махно. — Надо подумать.

Гордеев вернулся от батьки, осмотрел «бостонку», поговорил с наборщиками, велел набирать статьи для махновских газет и листовок. Сам он днями просиживал над редактированием материалов Аршинова-Марина, Барона, Суховольского, спорил с ними, выяснял точки зрения, разногласия. У Матвея сложилось впечатление, что Илья нисколько не изменил своему прошлому. Похоже было — информацией о конфиденциальном совещании секретариата анархистов попросту «откупился» в ЧК, чтобы избежать ареста или публикации в газете заявления о его уходе из «Набата».

Беспокоило Матвея и другое. От Васьки-кучера, который каждый день появлялся в культотделе, чтобы послушать продолжение «Пещеры Лейхтвейса», Бойченко узнал, что Найденов болен тифом и оставлен Белашом в Васильевке у верного человека. Белаш очень заботился о нем и уже несколько раз посылал туда своего вестового, чтобы справиться о здоровье, переправлял лекарства. Теперь Найденов пошел на поправку и, наверное, скоро будет в Гуляй-Поле.

Читали «Пещеру Лейхтвейса» под вязом у дома, где разместился культотдел. Делал это Матвей с тайной надеждой, что по улице проедет верный его помощник и старший товарищ Иван Лобода и увидит его. Но только на четвертый день, когда Матвей уже потерял всякую надежду на встречу, он проскакал на своем кауром. Лобода чуть замедлил ход коня, а через полчаса подъехал сказать Ваське, что того ищут.

Что вы тут делаете? — спросил Иван.

— Читаем...

— Ух, какая книжка! Про разбойника страшного?

Васька не ушел, пока Матвей не дочитал главу: оставалось полстранички, а потом опрометью кинулся в штаб. Тогда Иван принялся рассказывать обо всем, что произошло в отсутствие Матвея.

— Мельника я ранил в голову, чтобы не сообщил Махно, где закопаны награбленные богатства. Живуч собака, только память отшибло. Вчера батька в последний раз на мельницу ездил.

Почему ты думаешь, что в последний? — спросил Матвей.

— Вынесли вчера старика на волю. Махно все суетился перед ним: «Хоть очами покажи! — просил. — Хоть очами поведи в сторону, где закопано!» А тот только глаза таращит. Махно рассвирепел, выхватил маузер и вогнал старику пулю в лоб. Потом выпил две кварты горилки и совсем осатанел. Уж в мертвого всю обойму всадил. А все-таки хорошо, что золото Махно мы для революции сохранили...

Подняв прутик, Лобода принялся чертить на земле замысловатые узоры и вдруг неожиданно сказал:

— Отпусти меня, Матвей. Не могу я больше...

— Что?

— Тошно мне. Пора из этого ада крошечного уходить. Батяка хочет сотню дать.

Не понимаю я тебя, Иван, — проговорил Матвей.

Жениться собираюсь... Ганнусю... и себя жалко. С ее стариками я уже договорился. Понимаешь, Матвей, пора мне. Больше тянуть нельзя.

— Не я тебя сюда посылал, Иван...

— Знаю.

Буду в Харькове — доложу. Оставаться тебе здесь действительно опасно и не нужно. А про женитьбу... Скажу и про женитьбу.

Со стороны штаба, нервно поигрывая тросточкой, быстрыми шагами шел Барон. Канотье его было воинственно сбито на затылок, нижняя челюсть выдвинута вперед.

Наскоро попрощавшись с Иваном, Матвей собрал книжки и пошел в дом, к Гордееву. Вслед за ним в комнату ворвался Барон.

— Сидим, как пещерные жители! Настоящие питекантропы! Шляхта уже пять дней как ворвалась на Правобережье! Красные бегут! Самое время захватывать территорию, а батяка, черт бы его побрал, вторые сутки пьет! Да будь у меня десятитысячная армия, как у него сейчас, я бы давно установил анархистский строй на всей Украине! А он пьет!

Он был вне себя.

Матвей, ошеломленный известием о нападении, притих за своим столом в углу комнаты. Очевидно, и Гордеев не мог справиться с удивлением:

Что ты говоришь?

То, что слышишь. Белополяки идут неудержимой лавиной. У красных нет сил их сдержать! Что с тобой, Илья? Ты перестал что-либо понимать! Махно пьет, когда

нужно использовать момент. Он ничего не понимает в стратегии! Мне бы его десять тысяч повстанцев.

Поднявшись со стула, Гордеев принялся ходить из угла в угол.

Мне бы эти десять тысяч! Уж я сумел бы завоевать территорию. На весь мир прогремел бы исторический Великий эксперимент!

Так они у тебя есть — эти десять тысяч. Ты — председатель реввоенсовета.

Ты идеалист, Илья... Командует пьяница Махно! Так заставь его.

— Как?! — трагически воскликнул Барон.

Ну напиши, по крайней мере, Нестору Ивановичу... если боишься сам поехать и сказать,— негромко сказал Гордеев.

— Написать... Это идея! Но поехать — я не сошел с ума,— усмехнулся Барон.— Этот псих способен на все. Даже пристрелить человека, который пытается вытащить его на свет истории из колодца мерзостей! Подумать только, и от него зависят исторические судьбы строительства анархистского общества. Ты, Илья, набрал мою статью по вопросу теоретического обоснования нашей позиции?

— Нет еще.

— Жаль. Ее надо поставить в первый номер. Так что же написать этому «наполеончику»?.. — Барон легонько постукал себя по подбородку набалдашником трости.— Что?

Он быстро придвинулся к столу, взял листок, долго мычал, бросал на бумагу слова, зачеркивал, снова мычал:

Вот. «Ты уехал пьянствовать к себе на родину. Некрасиво же оставлять своих товарищей пьянствовать в чужом селе. Председатель реввоенсовета — Барон».

— Не очень здорово... Но сойдет,— согласился Гордеев.

Матвей жалел, что Илья не посоветовал Барону написать резче. А еще лучше было бы уговорить Барона поехать на мельницу. Пусть бы схватились...

Возьми, Матвей, отвези Нестору Ивановичу,— сказал Барон.

Не успел Бойченко подумать, что это распоряжение похоже на провокацию, как Гордеев вступился за него:

— Ну уж нет. Пошли вестового. Тому делать нечего, а Матвей у меня работает. Гранки вычитывает.

— Тоже верно,— быстро согласился Барон.

Матвей понял, от какой опасности спас его Илья.

Пакет передали в штаб, Барон остался ждать ответа в культотделе. Матвей засел за гранки и проработал два часа. Илья редактировал статьи, а Барон сидел у окна и нервно барабанил тросточкой по подоконнику.

Наконец ввалился бледный, как полотно, вестовой.

Барон вскочил:

— Что ответил Нестор Иванович?

Не говоря ни слова, вестовой снял шапку и проткнул пальцем дыру от пули:

— Господь хранил. Спасибо Левке Задову — под локоть подтолкнул батьку. Упросил его, чтоб не брал напрасный грех на душу. Вот и весь ответ, товарищ Барон.

— М-да... Благодарю,— медленно проговорил Барон.— Останусь-ка я, Илья, у тебя обедать.

Барон остался ночевать в культотделе, а наутро, чуть свет, прибежали его искать: батька созывал совещание командиров всех частей махновской армии, штаба и реввоенсовета.

— Все-таки он послушался меня! — воскликнул Барон. Он долго и с особой тщательностью одевался, крутился у зеркала, словно актриса перед выходом.

Вместе с Гордеевым на совещание отправился и Матвей.

Первым выступал Барон, говоривший долго, вдохновенно и до удивления непонятно. Махновские командиры зевали. Только когда Барон более или менее ясно выразил сущность своего эксперимента, а именно: необходимо завоевать территорию, чтоб организовать на ней свободное анархистское общество без коммунистов, продагентов и прочей контры,— его стали слушать. Особенно ревниво отнеслись к границам, в которых должен проводиться Великий эксперимент. Барон заявил, что в область эксперимента войдут Северная Таврия, Гуляйпольщина, Александровский уезд с городом Александровском и Гришинский уезд.

Поднялся шум. Махновские командиры из Полтавщины, Николаевщины и Херсонщины требовали включения и их территории в область Великого эксперимента.

«Эк, аппетиты разгорелись,— насмешливо подумал

Матвей.— Включали бы зараз всю Украину. Чего стоит! Тут все кулачье из этих мест собралось. Еще бы им не одобрять Барона!»

Батя молчал, слушал, хмурился, кидал на Барона недобрые взгляды. После выступления Барона Махно объявил перерыв на обед. Ели долго, много пили, и только к концу трапезы поднялся батя и приказал замолчать. Он медленно обвел пристальным взглядом присутствующих, стукнул кулаком по столу:

— Слушайте меня! Так и будет! Завоею территорию от Александровска, Синельникова, Павлограда и Гришино, аж до самого Азова. Всем командирам поднять народ и быть готовыми. Белашу разработать оперативный план. Барону собрать сюда анархистов со всей Украины. Ты, Гордеев, печатай в газетах, чтобы селяне знали, что батя Махно забирает территорию для свободной анархической республики на благо селян. Налей чарки, хлопцы, за то, що сказав батя Махно!

Командиры ликовали. Пили за батю, за матушку Галину. Поднялся было подвыпивший Барон, желая произнести еще одну «историческую речь», но ему не дали.

Из соседней комнаты, где Матвей обедал вместе с Васькой-кучером, хорошо просматривался весь зал. Двери были распахнуты настежь. Бойченко заметил, что Белаш был чем-то недоволен, не пил, едва пригубил чарку, когда провозгласил здравицу в-честь батю. Не пил и растерянно озирался Гордеев, словно впервые попал на подобный пир.

Около полуночи, как обычно, Домашенко и Левка Задов увели охмелевшего Махно. Начали расходиться и гости. В зале стало тихо. Матвей слышал, как Белаш, проходя мимо Гордеева, сказал:

— Пойдем, Илья, и мы на покой...

Бойченко вышел следом. Белаш и Гордеев разговаривали негромко. У хаты, где помещалась типография, Илья обернулся:

— Иди спать, Матвей. Я поброжу.

В комнате Бойченко, не раздеваясь, лег на постель. Много неясного, противоречивого чувствовал он в поведении Гордеева. Тот то работал запоем, словно хотел забыться, то часами сидел, уставившись в окно, стал рассеянным, терял страницы рукописей, а то и целые статьи. Потом они оказывались в мусорной корзине: так случилось с длиннющим теоретическимopusом Аршинова-

Марина. Видно, неожиданное приближение к бабушке как-то обескуражило Гордеева.

«Все это так... — размышлял Матвей. — Но и ждать больше нельзя. Надо ехать в Харьков, а Гордеев последнее время совсем перестал делиться со мной новостями. Создается впечатление, что я ему совершенно не нужен. Терпит он меня возле себя, скорее, по привычке... А пароль я должен назвать сегодня... Как-то он к этому отнесется? Это уже не имеет никакого значения. Я должен вызвать его на откровенный разговор во что бы то ни стало. И завтра же уехать в Харьков. Ждать нельзя!»

В открытое окно доносился легкий шелест листвы. Яркая луна висела высоко-высоко. Свет ее мерцал в едва приметном колыпании ветвей. Потом он перебрался на подоконник, двинулся по стене и погас.

Сад наполнился синими сумерками утра.

Стараясь не шуметь, в комнату вошел Илья, но зацепился за стул, выругался.

— Ты не спишь? — спросил Илья, разглядев одетого Матвея.

— Не спится.

— И мне не спится... Выпил, что ли, лишнего...

— Ты не пил.

— Верно, — рассеянно согласился Илья и вздохнул. — Мне до зарезу нужно попасть в Харьков. — Он прошелся по комнате, снова задел стул, шумно отодвинул его к стене. — Неотложно. Совершенно неотложно.

— А газеты? Нестор Иванович приказал тебе заняться газетами, — напомнил Матвей с тайной мыслью, что это категорическое распоряжение Махно заставит Илью отказаться от рискованной в его положении затеи. — Он тебя сейчас никуда не отпустит. Да и что вдруг тебе приспичило... А-а, Галочка... Жениться надумал?

Никогда Матвей не разговаривал так с Гордеевым. Но Илья был слишком углублен в себя, чтобы заметить это.

— Глупости! Мне не понятно, что происходит, — прохаживаясь по комнате, говорил Илья. — Барон переполошил всех повстанцев. В Харькове мне нужно поговорить с другом. Ну... Подумать вместе... Определить линию. Ясно?

— Вместо тебя поеду я... — твердо сказал Матвей.

Только теперь почувствовав необычную напористость Бойченко, Гордеев остановился посреди комнаты, замер. Матвею очень хотелось в эту минуту видеть лицо Ильи,

но сумерки были еще густы. Матвей видел лишь бледное пятно с темными впадинами глаз. Надо было решаться.

Весна в полном разгаре. Так хочется домой, — негромко, но очень внятно проговорил Бойченко.

Гордеев как-то странно гмыкнул.

Наступила напряженная тишина. Матвей слышал, как бешено колотится его сердце. Он замер, как замер и Гордеев.

— П-постой... Матвей, повтори, что ты сказал, — шепотом произнес Гордеев. — Повтори...

Зачем повторять, если ты все понял?

И меня тянет в Харьков... Скорее бы конец, — как-то деревянно, спотыкаясь на каждом слове, сказал Илья условный ответ.

И вдруг он плюхнулся на кровать и расхохотался нервно, безудержно, схватившись руками за голову, покачиваясь из стороны в сторону.

— Тише, Илья! Не истерикуй!

Гордеев снова вскочил, подошел к кровати Бойченко:

— Не... Неужели... это ты?!

Прежде всего успокойся, Илья. Так нельзя.

Нельзя... действительно нельзя.

У нас мало времени, а поговорить надо о многом.

Ты прав. Но неужели... Это ты — тот человек, о котором мне говорили?

— Как видишь!

Гордеев стал совершенно серьезным.

— Я рад, что этим человеком оказался ты. Мне стало много легче. Я ведь к кому только ни приглядывался. А про тебя и не подумал. Как гора с плеч... Тебя, значит, тоже вызвали к Клаусену?

Теперь это уже не имеет значения, — уклончиво ответил Матвей. Не сообщать же Гордееву о том, что он уже второй год выполняет задания ВУЧК. — У нас действительно мало времени.

Слушаю...

Скажешь Барону, а еще лучше, если об этом будет знать Махно, что ты меня официально посылаешь в Харьков. Там мне нужно найти наборщика. У тебя действительно есть на примете человек? Как его фамилия? Кто он?

Фамилия? — переспросил Гордеев. — Фамилия его Померанцев. Он из бывших эмигрантов. Отец его — духобор — увез семью в Канаду. Давно... Впрочем, Померанцев-отец и сейчас там. А сын вернулся.

А откуда у Померанцева эта профессия? — спросил Бойченко.

— Как он мне рассказывал, в Канаде они жили общиной, выпускали газету на украинском языке. Вот Померанцев и научился. Когда ему исполнилось лет двадцать, он уехал в Европу... Подожди, Матвей... Неужели это все-таки ты — тот человек, о котором мне говорили? — Илья потер пальцами лоб.— Так неожиданно...

— Я, Гордеев, тот человек, о котором тебе говорили. Рассказывай дальше, — попросил Бойченко.

Стало светло, взошло солнце, и Матвей видел теперь растерянное лицо Гордеева.

— Так вот... Еще в Канаде Померанцев стал убежденным анархистом. А в Париже познакомился с Волиным, эмигрантом. После Февральской революции он вместе с ними приехал в Харьков. По Харькову его знает Аршинов-Марин. Это наш... то есть...верный человек анархистов. Только вот точного адреса Померанцева я не знаю. Придется заехать в Дергачи к Мрачному.

— Хорошо. Теперь расскажи мне, Илья, о чем ты говорил с Белашом и что думает по поводу Великого эксперимента Аршинов-Марин.

— С Белашом? Матвей, ты просто прирожденный конспиратор!

— Полно, Илья, давай о деле.

Уставясь в окно на зеленую мозаику листвы, освещенную солнцем, Гордеев рассказал, что Белаш жаловался на одиночество, жалел, что его помощник Найденов очень болен. И хотя Найденов должен вот-вот приехать, с ним придется расстаться — бесчеловечно заставлять его работать дальше. А дел в штабе до черта: батька целыми днями сидит над картами уездов, планируя операции по захвату территории. Аршинов-Марин ссорится с Бароном, говорит, что Махно не будет на побегушках у «Набата», сейчас такой период борьбы, когда основная сила в руках военных, в руках Махно.

— Главное, Матвей, ты предупреди — они вот-вот начнут.

— А когда?

— Один бог знает... да, может, и Махно... Только вряд ли.

Почему ты так думаешь? — Матвей знал механику махновского командования, но ему хотелось проверить себя.

— Почему... Почему... Разведка Левки Задова дает обстановку: где силы красных, где — белых, кого собирается бить Махно. А батька — ловит момент. Ведь настоящих боевых действий он не ведет, действует налетами.

— Согласен, Илья. И я так думаю. Тем более важно попасть скорее в Харьков.

В полдень Бойченко получил в штабе необходимые документы. Проститься с ним и пожелать счастливого пути пришел даже Аршинов-Марин. Тяжелые веки полуприкрывали его выпуклые глаза. Улыбнулся тонкими губами, протянул Матвею тонкую ладонь дощечкой:

Передай Померанцеву привет от меня. Скажи, я его буду очень рад видеть. Помню его.

Неделю добирался Бойченко до Харькова. Один раз состав остановился перед взорванным кулаками мостом, другой раз на поезд налетела банда. Только пропуск, подписанный самим батькой, спас его от расправы. Узнав, что Бойченко едет по указанию самого Нестора Ивановича, атаман приказал доставить его немедленно на ближайшую станцию, откуда шли поезда. Доставили. С шиком. На тачанке. И отпустили с миром. В пути Матвей узнал, что белополяки захватили Киев. Это была страшная новость. И трех месяцев не прошло, как с Украины выбили деникинцев, и снова украинская земля стонала под игом захватчиков.

В Харькове, в первый же день приезда, Бойченко встретился на квартире зубного врача с заместителем председателя ВУЧК Янушевским. Выслушав Бойченко, Янушевский сказал:

— Сведения очень важные. Хорошо, что сразу приехали. Но потеряна неделя. Целая неделя! В случае крайней необходимости даем вам запасной канал связи: Микола Гайдук из Дибровки. Сами не пользуйтесь — для вас опасно. Лучше через Лободу. Он с Миколой Гайдуком знаком. Когда Лободе уходить — решите сами. Сотню ему принимать ни к чему. Для Гордеева главное — вбивать клин между Махно и Бароном. И никаких газет Махно. Особенно украинских. С Померанцевым вы увидите. Но пока он туда не поедет. Гордееву скажете, что не нашли. Мрачный переменял квартиру. По прежнему адресу вы его действительно не застанете. С Найденовым... Жаль терять своего человека в махновском штабе... Но он болен, вы говорите? Когда ему уйти и приехать в Харьков, как и Лободе, — решите сами. По обстановке...

Янушевский еще раз поблагодарил Бойченко за важное сообщение, потом, подумав немного, сказал:

— Матвей Борисович, мы сейчас пойдем, а вы будьте здесь еще немного. Понимаете, к нам, на Украину, приехал Феликс Эдмундович Дзержинский. Я сейчас должен доложить ему все, что вы рассказали. Возможно, он захочет с вами встретиться. Тогда за вами заедет Георг Карлович Клаусен. Пока прилягте на диван, отдохните, подумайте. Может, что-нибудь упустили.

Через некоторое время вбежал Клаусен и поднял Матвея:

— Пошли скорее. Будешь говорить с Дзержинским.

У дома их ожидала крытая машина. Клаусен провел Матвея через главный подъезд здания ВУЧК. Всю дорогу Матвей волновался. Особенно нервничал, когда его ввели в кабинет председателя ВУЧК Манцева. Ему казалось, что он не сможет и слова произнести. У стола стоял высокий человек. Матвей сразу понял, что это Дзержинский. Он был одет в гимнастерку цвета хаки, затянутую ремнем. Когда глаза их встретились, у Матвея всю робость как рукой сняло. Дзержинский подошел к нему.

— Очень приятно с вами познакомиться, товарищ Бойченко. Имя ваше — Матвей — мне сказали, а отчества не назвали.

— Борисович, — ответил за Матвея Янушевский.

— Так вот, Матвей Борисович, — обязанности, как я понимаю, у вас очень сложные. Крепко ли вы себя там чувствуете? Нет ли какого опасения? Сколько вы уже среди этих бандитов?

— У махновцев почти год. Периодически, — ответил Матвей. — А среди набатовцев — с апреля прошлого года. Все время. Чувствую, что подозрений никаких.

— Сколько же вам сейчас лет? — поинтересовался Дзержинский.

— Восемнадцать... через месяц будет, — ответил Матвей.

— Очень молоды для такого дела. А ваши люди не обижаются, что ими руководит такой молодой чекист?

— Сначала каждый из них удивлялся. Но потом привыкли. Они очень исполнительны. Болеют за дело.

Феликс Эдмундович посмотрел на часы и сказал:

К сожалению, у нас только десять минут. Ровно в двадцать три ноль-ноль у нас назначено совещание с военными товарищами. Поэтому я вам задам только несколько вопросов. Подробно о вашем сообщении мне

доложил товарищ Янушевский. Сведения исключительно важные.

Учитывая серьезность положения на Украине, создавшегося в результате вторжения белополяков, Центральный Комитет направил туда Ф. Э. Дзержинского. Он приехал в Харьков 5 мая в качестве начальника тыла фронта.

Вместе с ним прибыли на Украину несколько ответственных работников, в том числе Евдокимов, Реденс и другие чекисты.

Четырнадцатого мая Феликс Эдмундович писал в Москву: ...в связи с наступлением поляков вся Украина превратилась в кипящий котел. Вспышки восстаний повсеместны. Украина не очищена от петлюровцев...»

На совещании командования Юго-Западного фронта и руководства ВУЧК выяснилось, что отдельными сведениями об активизации махновцев армейская разведка располагала, но общий замысел Махно оставался неизвестным. Доклад Бойченко многое прояснил.

Гарнизоны Синельникова, Александровска и Просяной были усилены. Дополнительно был отдан приказ об усилении гарнизона станции Гришино, которая прикрывала Донецкий бассейн, а также узловой станции Пологи. Частям 42-й стрелковой дивизии было предписано непременно выбить Махно из его «столицы» — Гуляй-Поля. Иначе Махно мог оседлать железную дорогу на участке Просяная — Пологи и перекрыть движение воинских эшелонов на юг.

Феликс Эдмундович сидел за столом справа от председателя ВУЧК. Перед ним лежала открытая коробка папирос и небольшой блокнот. Время от времени Дзержинский делал пометки. Потом, продолжая внимательно слушать Янушевского, поднялся и стал медленно ходить по комнате, разминая папиросу.

В первые же дни наступления польской шляхты чекистами Украины под руководством Дзержинского был ликвидирован центральный повстанческий комитет, организованный ставкой Петлюры для объединения и руководства всем бандитским движением на Украине.

Петлюровско-бандитские шайки лишились своего координационного и руководящего центра. Вслед за центральным были ликвидированы петлюровские повстанкомы и на местах. Чекисты изъяли много оружия, бое-

припасов и важных разведывательных документов, свидетельствующих о связях петлюровцев с иностранными разведками.

В начале июня, когда Красная Армия на западе вела ожесточенные бои с белополяками, из Крыма в Северную Таврию прорвался Врангель, угрожая Донбассу и Ростову. Наступление Врангеля было поддержано английским и французским флотом. «Черный барон» рассчитывал на поддержку со стороны кубанских и донских казаков, белогвардейских организаций, созданных в городах и селах юга Украины. Он даже стал заигрывать с махновцами.

Фактически борьба Махно с Советской властью шла целиком на пользу Врангелю.

Об этом и говорилось на совещании в ВУЧК.

Когда Янушевский закончил свое сообщение, Дзержинский сел, положил папиросу обратно в коробку, придвинул блокнот.

Какова численность махновских формирований? — спросил Феликс Эдмундович. — Называют разные цифры, а ведь очень важно знать точно численность врага и его вооружение.

— По последним данным Бойченко, — ответил Янушевский, — у Махно сейчас около десяти тысяч, включая группировки Савонова под Изюмом и несколько отрядов на Полтавщине. Эти сведения совпадают с данными Екатеринославского и Полтавского губчека. Бойченко сообщает, что Махно снова организовал у себя три корпуса. В каждом из них по несколько полков с неопределенной численностью. Полки у него теперь сформированы по принципу землячества. Основное ядро из какого-либо села или волости. Но к каждому полку примыкает различный деклассированный элемент, дезертиры, остатки разбитых банд, в том числе и петлюровских.

— Я понимаю, — продолжал Дзержинский, — что Бойченко и его люди исходят из наличия вооруженных махновцев и не учитывают потенциальные возможности Махно. Ведь известно, что во многих уездах — Александровском, Павлоградском, Новомосковском и других, не говоря уже о Гуляйпольщине, и сейчас значительное количество богатых сел целиком находится под влиянием Махно. К этому следует добавить ряд сел и волостей Херсонщины, Николаевщины и особенно Северной Таврии, которая занята врангелевцами. Это вполне естественно. В те недолгие месяцы прошлого года, когда на Украине устанав-

ливалась Советская власть, на Левобережье, не считая Донецкого бассейна, мы даже не успели организовать крепкий советский аппарат и во многих Советах тон задавали махновцы. Если мы хотим правильно организовать борьбу с махновцами, надо учесть все. Вот и сейчас. Как у нас обстоят дела с созданием комнезамов¹ на Левобережье? Плохо. Недавно я был в районах Правобережья, там идет бурное формирование комитетов незаможников². Они всколыхнули всю бедноту, формируются отряды самообороны, у кулаков отбирают излишки земли, продовольствия, изымают оружие. А вот на Левобережье — полнейший застой. Не так ли, Василий Николаевич?

У меня последние данные, самые свежие, на двенадцатое июня, — ответил председатель ВУЧК Манцев. — Сразу же, после изгнания белополяков с Киевщины, в четверти сел комнезамы уже стали действовать. Еще лучше в Харьковской, Николаевской, Полтавской губерниях. На это же число во всей Екатеринославщине только в трех процентах сел организованы комитеты незаможников. Хуже всего в Александровском и Гуляйпольском районах. Махно понял, что комнезамы — мина, подведенная под его господство. Он прямо утверждает: комнезамы — ставленники комиссаров и ЧК и их надо разгонять. Вот у меня один из последних приказов Махно. Он прямо пишет: «В корне пресечь организацию и деятельность комнезамов и комсомола». На Полтавщине командир махновского отряда Христовой выпустил воззвание с приказом: «Долой милицию, долой комнезамы, исполком и земельный отдел».

В некоторых селах Екатеринославщины и Полтавщины, где очень сильно влияние махновщины, организованные комнезамы вынуждены находиться на нелегальном положении. Это при Советской-то власти.

— Из этого следует, — сказал Дзержинский, — что положение на Левобережье гораздо сложнее, чем мы думаем. От каждого чекиста требуется большая, напряженная работа. С бандитами, которые гуляют по тылам 13-й армии, надо вести беспощадную борьбу, опираясь

Комнезамы — комитеты незаможных селян — революционные организации сельской бедноты на Украине в 20-х годах. Распределяли помещичьи земли, боролись с кулачеством, участвовали в проведении коллективизации.

² Незаможники — бедные, неимущие крестьяне.

на беднейшую часть крестьянства. Товарищ Мамсуров, — обратился Дзержинский к начальнику войск внутренней охраны, — придется нам перебросить еще два-три батальона ВОХРа на Левобережье. А вы, Ефим Георгиевич, подумайте, в каких районах более целесообразно их использовать.

— Феликс Эдмундович, — заметил начальник особого отдела ВУЧК Евдокимов, — несколькими батальонами ВОХРа мы не обойдемся. Мы должны учесть тактику Махно. Он ведь не действует компактной массой. У него каждый полк оперирует в своем районе самостоятельно. Между полками поддерживают связь подростки или женщины из разведки Левки Задова. Из последних донесений особого отдела 13-й армии видно, что махновцы боя не принимают. Они наскакивают на наши части совершенно неожиданно там, где их меньше всего ожидают. Если они чувствуют превосходство, то моментально рассыпаются на мелкие группы и исчезают. Вот недавно, когда части 42-й дивизии повели наступление на Гуляй-Поле, пришлось вести бой с немногочисленным арьергардом махновцев, а сам Махно с основными силами исчез. Просто испарился.

— Вот, товарищи, и получается, что в борьбе с махновцами следует применить их же тактику, — улыбнулся Дзержинский. — Их сила в основном в поддержке местного кулачества и той части бедноты, которая кулаками подкармливается. Мы должны оторвать от Махно одурманенную и зависящую от кулаков часть бедноты. Согласен, что два-три батальона ВОХРа — это очень немного. Я позволю товарищу Менжинскому и попрошу перебросить сюда несколько батальонов ВОХРа из более спокойных северных губерний Российской Федерации. Но это не самое важное. Главное — это политическая работа, быстрая и гибкая. Борьба за бедноту и крестьянина-середняка Левобережья. У меня сложилось впечатление, что Махно наращивает силы и бережет их для решающего сражения. Находясь в нашем тылу, он выжидает: кто кого победит — Красная Армия Врангеля или Врангель Красную Армию, и тогда он бросит своих повстанцев на тех, кто победил, чтобы расширить свою территорию. Сейчас у Махно безвыходное положение. Он сжат между нашими войсками и врангелевцами. Вся Гуляйпольщина находится на линии фронта.

Отходить на север ему невыгодно, он лишится баз снабжения. Следовательно, он может пытаться пройти

через Северную Таврию, где у него имеются свои люди. Там он будет вести бои с белыми. Этим он, возможно, надеется повысить свой авторитет среди селян. И в том и в другом случае эти подлецы могут причинить нам большой вред. Основное задание Бойченко и его людям — разузнать, что замышляет Махно со своим штабом. Этим должны заниматься и чекисты Екатеринославщины.

— В последнее время поступают сообщения, — заметил председатель ВУЧК Манцев, — что Врангель начал заигрывать с махновцами. Связной, прибывший от крымского подполья, сообщил в ЦК, что в симферопольской газете стали появляться статьи с призывом к махновцам о совместных действиях против большевиков. У Врангеля даже появилось два полка с черными знаменами и надписями: «Полк Русской Единой Армии имени батьки Махно». В селах Северной Таврии бывший махновский комендант Мелитополя, анархист Володин, выпустил листовку. В ней написано, будто русская армия барона Врангеля отстаивает то, за что борется батька Махно. Известны случаи посылки Врангелем своих эмиссаров к Махно. Недавно особисты 13-й армии при ликвидации в Бердянске белогвардейского заговора обнаружили письмо, в котором Махно предлагаются совместные действия: сговориться о будущем устройстве бывшей царской России можно будет потом, раздавив коммунистов.

— Нет, — твердо сказал Дзержинский. — Махно на такое не пойдет. Он понимает, как много потеряет в этом случае даже в глазах кулака. Допустить, будто Махно пойдет с теми, кто хочет вернуть земли помещикам, — значит верить в его внезапный поворот на сто восемьдесят градусов. Махно преследует свои цели: захватить и укрепиться пока на Гуляйпольщине. Повторяю. Основное задание Бойченко и людям из Екатеринославского губчека — разгадать замыслы Махно. И надо подумать о внедрении новых проверенных людей.

— Нам удалось привлечь на нашу сторону заместителя начальника культотдела махновской армии набатовца Гордеева, — заявил Янушевский. — Но он еще недостаточно изучен...

— С этим народом надо быть поосторожней. Как бы он не завалил группу Бойченко, — заметил Дзержинский. — Кстати, как ведет себя эсер Попов, который спрятался у Махно?

Свиристует, — ответил Янушевский. — Уничтожил не один десяток коммунистов.

Давно пора его изъять оттуда, — подумав, сказал Феликс Эдмундович. — Да, кстати, и такого прожженного политика, как Аршинов-Марин, тоже. Главное — обезвредить особо доверенных и приближенных к Махно людей.

— Группа Бойченко уже многое сделала. Недавно не без помощи товарища из группы Матвея, бывшего матроса Лободы, Махно расстрелял своего особо доверенного командира сотни Лашкевича и его дружка Бончика из Одессы. Это помогло нам сохранить золото Махно. Сейчас у группы задание: крепко поссорить Махно с Бароном, новым председателем секретариата конфедерации «Набат».

— Успешно они действуют?

— По нашим сведениям — да.

Дзержинский вернулся к столу, взял спички и закурил.

Выехав из Харькова, Матвей добрался лишь до станции Чаплино. Дальше пассажирские поезда не шли: только воинские эшелоны. Пришлось идти пешком до Дибровки. Там Бойченко узнал, что выбитый из Гуляй-Поля Махно со штабом и культотделом обосновался в Туркеневке. Воспользовавшись махновскими документами, Бойченко быстро достал подводу и вечером подкатил к хате, где квартировал Гордеев. В гостях у Ильи он застал Барона, Аршинова-Марина и Суховольского.

— А где Померанцев? — заглядывая через плечо Матвея, словно ища спрятавшегося наборщика, любопытствовал Аршинов.

— Стоило меня гонять! — с обидой проговорил Бойченко. — Какой же вы мне дали адрес Мрачного в Дергачах? Постучал я в тот дом, дверь открыла девушка. Я спрашиваю: «Здесь Мрачный живет?» А она рассмеялась: «Какой мрачный? Сам ты, парень, мрачный! Здесь только веселые живут», — и дверь захлопнула у меня под носом. А где же я без Мрачного Померанцева буду искать? Зря прогоняли!

— И правда! — воскликнул Суховольский. — Ты что ж, Барон, сам же посылал Лаврова в Харьков сообщить Мрачному, чтобы тот переходил на нелегальное положение. А Матвея забыл предупредить о новом

адресе. Впрочем, Померанцев в этой заварухе не нужен...

— Безобразие! — взорвался Аршинов. — Это безобразие, Барон. Посылаем человека в Харьков, где он рискует головой — и даем неправильный адрес. А если бы чекисты оставили на старой квартире Мрачного засаду? И так сколько людей потеряли! И снова бездумно рискуем верным человеком. Это безобразная безответственность!

В ответ на выговор Аршинова Барон постарался отшутиться.

— Все хорошо? — спросил Илья, когда они с Матвеем остались одни.

— Нормально. Тебе Янушевский передал личное задание: во что бы то ни стало окончательно рассорить Нестора Ивановича с Бароном. Это очень важно.

— Это я сделаю. Между ними трещина образовалась уже после записки на мельницу, а теперь эта глупая история с адресом Мрачного. Видел, на него даже Аршинов взъелся. А уж он не преминет рассказать все батьке. Почему ты все-таки Померанцева не привез?

— А как ты думаешь?

— ЧК не заинтересована в том, чтобы у Махно печатались газеты, листовки, да еще на украинском языке.

— Молодец...

Утром, проходя мимо штаба, Матвей услышал, что его окликнули, обернулся и увидел Найденова. Бойченко поднялся на крыльцо, но дорогу преградил часовой.

— Не велено...

— Пусть зайдет, — сказал в окно Найденов.

Обнялись. Найденов был худ, беспрестанно покашливал. Болезнь согнула его, он казался горбатым.

Разговорились.

— Как Белаш? — спросил Матвей.

— Очень осторожен. Сдерживает батьку с этим экспериментом. С Поповым из-за этого на ножах. Еще с весны, с Белозерских хуторов. Там они от нечего делать совсем перегрызлись. Попов называл Белаша липовым стратегом, а Белаш Попова садистом и хамелеоном. Он прямо заявил Попову, что тот не анархист, а эсер и просто прячется среди махновцев.

— А как Левка с Поповым?

— Левка, как начальник разведки, в большой дружбе с Белашом. А с Поповым они враги. Левка часто заходит

в штаб, ругается, что Поповто на одного, то на другого командира наговаривает батьке. Махно стал очень подозрительным. Попов этим и пользуется.

Крыльцо заскрипело под тяжелыми шагами. Найденов и Матвей замолчали. Послышался голос Левки Задова. Он что-то спросил у часового, пошел в хату.

— Легок на помине...— прошептал Найденов.

— Что, солдат, все хвораешь? — обратился Левка к Найденову.

— Угу...

— А ты, Матвей, что здесь делаешь? Знаешь порядок? В штаб посторонним не положено.

— Лев Николаевич,— принялся оправдываться Матвей.— Так я на минутку... Вот проведать зашел.

— Проведал — и хватит. Пойдем отсюда.

На улице Левка положил свою лапищу на плечо Матвея. Тот аж пригнулся.

Вот что, Матвей,— проговорил Левка, подумав.— Не ходи сюда больше... И вообще не шатайся, где тебе не положено. Увидит Попов, да еще нанюхавшись... Просто — порубает. И твой Илья со всеми вашими Баронами тебе не помогут.

После такого предупреждения видеться с Найденовым стало сложно. Случайно встретились на улице и условились, что, когда нужно, Найденов сам зайдет в культотдел.

В культотделе частым гостем стал Барон. Обиженно выпячивая нижнюю губу, он брюзжал на Махно, что тот совсем не считается с ним, как с председателем реввоенсовета.

— Ему ближе этот эсеришка Попов. С ним он делится всеми планами, а я, как мальчишка, все узнаю из третьих рук.

С Волиным он делился...— неопределенно заметил Гордеев.— Дядя Волин умел к нему подойти, потребовать, если надо.

— Ты думаешь, я не смогу потребовать? — взъерошился Барон.— Я имею на это полное право. Сегодня же на совещании потребую....

Воинственно надвинув на лоб канотье и сильно, словно шпагу, выбрасывая вперед трость, Барон вместе с культотдельцами отправился к батьке.

Едва началось совещание, Барон вскочил и принялся обличать Махно:

— Что мы мотаемся и пьянствуем по разным селам!

Неужели с десяти тысячной армией нельзя было не только удержать Гуляй-Поле, но и расширить территорию? Ведь от этого зависит судьба Великого эксперимента! Что могут говорить о нас наши друзья в мире? Ведь я информировал их о решении реввоенсовета. Я, как председатель реввоенсовета, требую, чтобы мне сейчас же показали все оперативные планы!

Поиграв желваками на скулах, тощий, взъерошенный батька зло бросил:

Какие планы?! Планы мне должны показывать, а твое дело распространять анархистские идеи, — и заговорил о другом.

Насупившись, Барон скрестил на груди руки и замолчал.

Когда Махно ушел, Попов, нервно подергивая ногой в лакированном сапоге, так что звякала шпора, и не стесняясь других анархистов, обратился к Барону:

Ты убирайся-ка восвояси. Не мути здесь. Тебе же лучше будет.

Как ты смеешь со мной так разговаривать?! — вскинулся Барон. — Ты забыл, что я председатель реввоенсовета?

— А мы можем... в один прекрасный день остаться без председателя и плакать не будем... — криво улыбнулся Попов.

«Ловко же Гордеев подтолкнул Барона на скандал... — подумал Матвей. — Попов слов на ветер не бросает».

В культотделе, куда они вернулись, Суховольский, который почитал себя теоретиком не хуже Барона и с удовольствием занял бы место председателя, прямо сказал:

Лучше бы ты действительно уехал.

Я? Я никуда не уеду. Моя идея — мне ее и осуществлять. Я заставлю его выполнять нашу волю — волю секретариата в вопросе тактики борьбы за утверждение анархистского строя.

Суховольский спорить не стал. Но в тот же день у него состоялось свидание с Махно, а вечером Яков доверительно сообщил Гордееву, что у батьки принципиальных разногласий с набатовцами нет, территорию он скоро завоюет. Но он не позволит, чтобы выскочка Барон садился ему на голову.

Батька так и сказал: «Найдет Нестор Иванович нужным — он его быстро уберет. Пусть он это знает», —

юнизив голос,— проговорил Яков.— Все-таки, я думаю, не стоит передавать такое Барону...

— Конечно, не стоит,— поддержал Илья.

Больше месяца махновские отряды совершали рейды из села в село. Сам Махно, не говоря уже о Бароне, не раз упрасивал и требовал, чтобы Илья выпустил хотя бы одну газету, хоть один номер «Пути к свободе» или «Голоса махновца». Илья попрекал Барона неправильным адресом в Харькове — без наборщика газету не сделаешь. А у Махно Гордеев отговаривался тем, что нет возможности работать при такой кочевой жизни: и машину можно запороть, и шрифт порастерять, тогда — дело швах.

После одного из таких разговоров Илья вернулся мрачнее тучи.

Что делать, Матвей? Печатать эту чепуху? Тут материалов на десять номеров хватит. Не печатать — мне несдобровать. Очень уж зол батька. Попов грозитя сам присмотреть за нашей работой... Может, сорваться нам отсюда...

— Как сорваться? Ты что! Мы должны выполнить задание.

Внимательно посмотрев на Бойченко, Гордеев чуть сощурил глаза:

— Получается, Матвей, что теперь не ты мой воспитанник, а я — твой. Ну и чудеса. Впрочем, в революции всякое бывает. Теперь я до конца понял, почему ты не привез Померанцева. У тебя, брат, все продумано. Когда ты успел так наловчиться?

Вскоре Попов наведалься в редакцию. Гордеев показал ему перепутанные кассы со шрифтом.

— Видишь, Попов, что наборщики натворили перед тем, как драпануть,— сказал Илья.— Чтоб все в порядок привести — сколько нам времени нужно? А тут переезд за переездом.

— Да, постарались, гады...— только и сказал Попов, почесав затылок.— Тут глаза сломаешь.

А время шло...

В июне двадцатого года красные части освободили Киев от белополяков. Погнали их на запад. Но Врангель тем временем захватил Северную Таврию и продвинулся на север почти до самого Гуляй-Поля. Большая часть махновских отрядов оказалась непосредственно в тылах 13-й армии. Махновцы, оставшиеся во врангелевском тылу, расплылись по селам, превратились в мирных селян. Зато севернее линии фронта батька не сидел сложа

руки. Его отряды налетали на воинские эшелоны, захватывали оружие и снаряжение, грабили обозы, взрывали мосты, разбирали и растаскивали железнодорожные пути. Дня не проходило без налета, без стычки.

Тылы 13-й армии оказались в критическом положении. И все-таки наступление Врангеля было приостановлено.

План Антанты на соединение белополяков и «черного барона» рухнул.

У Красной Армии появилась возможность бросить больше сил на борьбу с Махно.

Литературная запись В. Я ГОЛАНД

Алексей АВДЕЕВ

ПОЕДИНОК

Он лежал на спине, неловко подвернув руку. Перед рассветом тюремщики волоком втащили его в камеру, бросили на бетонный пол и ушли, а он мгновенно провалился в глубокий обморок.

Слабый свет зимнего дня едва проходил через замерзшее, запорошенное инеем окно, звуки не проникали в камеру.

Примерно в полдень заскрежетали металлические запоры. Распахнулась тяжелая, обитая железом дверь. В камеру вошел пожилой надзиратель с кастрюлей в руках. Глянув на узника, он кхекнул и пнул его ногой.

— Эй ты, барин! Слышь, что ль? Старуха кашу принесла. Говорит, мать! Очнись, доходяга, жрать-то ведь хочешь! — И снова ударил ногой по ребрам.

Узник застонал, пошевелился, с трудом раскрыл затекшие глаза, непонимающе глянул на тюремщика.

— Не изволите, значит, подниматься? Ну и хрен с тобой!

Тюремщик поставил кастрюлю на пол рядом с арестантом и ушел, громко хлопнув дверью. Дважды щелкнул ключ в замке. Заскрежетал тяжелый засов. Узник вздрогнул, снова застонал, но так и не смог поднять головы.

Когда в промозглой камере снова наступила тишина,

в углу зашуршала солома, из нее выбралась крыса, пригнулась и кинулась к кастрюле. За ней шмыгнуло еще несколько серых тварей. С жадным пискom они набросились на кашу. В борьбе за еду перевернули кастрюлю. Завертелись серым клубком. И вскоре пустая кастрюля с грохотом покатилаcь по бетонному полу...

Огромная крыса отделилась от стаи и смело приблизилась к человеку. Забралась к нему на грудь, принялась обнюхивать его избитое, заросшее лицо... Жуткий крик разорвал тишину камеры. Серая стая испуганно исчезла в темном углу.

Опираясь руками о пол, пленник с трудом приподнялся. Тяжело дыша, сел. С нижней губы его стекала струйка свежей крови. Он слизнул ее, сплюнул на пол. Приложил к укушенной губе руку. Сколько времени находится он в этой зловонной ледяной камере?

Вспомнил. Они с Буйновым собирались взорвать городскую электростанцию, но их схватили немцы. Но станцию все-таки взорвали.

Узник облегченно вздохнул.

Диверсию на городской электростанции, снабжавшей токoм не только город, но и концентрационный лагерь, оборудованный немцами на территории бывшего кирпичного завода, партизаны приурочили к побегу большой группы советских военнопленных. Пока охрана лагеря в кромешной темноте возилась с запуском аварийного дизеля и налаживала динамо-машину, сотни узников разорвали обесточенную колючую проволоку и успели скрыться...

К этой операции партизаны и подпольщики готовились долго и серьезно. Была зима, и надо было прежде всего подумать о том, куда укрыть, чем накормить и во что одеть сотни освобожденных товарищей...

Наверное, уже неделя минула, как его бросили в застенок. Каждую ночь его возят в городскую комендатуру на допрос. Пытают, зверски бьют жгутом, свитым из электрических проводов. Пытками гитлеровцы стараются заставить его говорить. Вопросы повторяются одни и те же: кто был с ним на месте диверсии, кого он знает из местного подполья, где скрываются бежавшие военнопленные? Он молчит.

А два дня назад в камеру пришел тот же толстый пожилой надзиратель.

— Эй, жених, получай передачу от невесты! — крикнул он и поставил на пол кастрюлю с вареной картошкой.

Узник обрадовался передаче, но тут же подумал: «От кого?» Никакой невесты у него не было. Острое чувство голода заставило взять картофелину. Он стал жадно есть.

— Смотри не подавись,— хохотнул тюремщик.— Ишь, налетел! А невеста у тебя ничего. Клавдией назвалась,— продолжал полицай с издевкой и добавил назидательно: Только верь моему слову: свадьбе вашей не бывать. Ишо до бракосочетания прикончат тебя тута, голубь! Если, конечно, не одумаешься и за ум не возьмешься.

И вот снова передача. Теперь ее принесла мать.

Он взял в руки пустую кастрюлю. Оглядел ее со всех сторон — ишь, как вылизали! И вдруг понял, что это та же кастрюля, в которой невеста приносила картошку. Точно! Вот и вмятина на боку!

Кастрюля знакомая, а принес ее другой человек? Как это понимать? Есть ли в этом какой-то смысл? Ни невесты, ни матери у меня в этом городе нет: они далеко отсюда, за линией фронта. Значит — это весточка с воли. Не веря еще в удачу, он продолжал рассматривать посудину. Почувствовал, что одна из ручек держится слабо. Он попытался открутить ее, но страшная боль обручем стянула голову. Перед глазами замельтешили красные круги, подступила дурнота.

Когда боль чуть приутихла, в сознании возникла мысль: «Почему фрицы ничего не спрашивали о Захаре Буйнове? Что с ним случилось? Может, удалось бежать?»

Узник тяжело вздохнул. Снова вернулся к пустой кастрюле... Крысы — сволочи. Он вспомнил, что у него в кармане должна еще остаться картофелина, берег ее про черный день. Куда уж чернее! Он отломил кусочек и осторожно просунул его сквозь распухшие, разбитые губы... Но картошка была маленькая, и после нее еще больше захотелось есть.

В камере становилось все холоднее. Или, быть может, это его избитое, обессиленное пытками и голодом тело уже не в состоянии было бороться за жизнь? Нет, не возьмешь! Он плотнее запахнул полы ватника. Сжался в комок, колени подтянул к подбородку. Стало немного лучше. Решил снова заняться шатающейся ручкой — не давала она ему покоя.

Повернулся к двери спиной, чтобы скрыться от глаз тюремщиков, и, передохнув, стал внимательно и со всех сторон осматривать посудину, отгибать и без того слабую

ручку И тут он заметил под ручкой кастрюли сплюснутый, еле видимый среди остатков каши клочок бумаги. Руки его дрожали, когда он осторожно извлек этот клочок.

Бумажка была мелко исписана острым карандашом. Ему удалось разобрать и понять основной смысл записки.

Загремел запор двери. Узник вздрогнул, быстро скомкал бумажку. Взгляд его тревожно метнулся по камере: куда спрятать?! Он сунул бумажный шарик в рот, давась, проглотил его. А дверь уже открылась, и рядом с ним что-то тяжелое рухнуло на бетонный пол.

— Эй, хозяин! Принимай гостя! А то, видать, совсем заскучал тута один-то! — крикнул тот же пожилой тюремщик, считая, видимо, своим служебным долгом каждый раз обязательно поиздеваться над заключенным. Однако, видя, что тот не отзывается на его слова, пробурчал какое-то ругательство, подхватил с пола кастрюлю и захромал к выходу. Дверь с оглушающим грохотом и скрипом захлопнулась.

Полежав еще некоторое время, узник медленно поднял голову. В метре от него, скорчившись в три погибели, лежал человек в грязной, прожженной солдатской шинели, старой красноармейской ушанке, плотно завязанной под заросшим подбородком. Незнакомец тихо застонал, пошевелился, но глаза не открывал. Узник пристально всмотрелся в гостя: «Кто он? Друг? Враг? Не подсада ли?» — и решил первым не заговаривать. Он свернулся в комок и попытался заснуть... Но ему мешало уснуть письмо с воли.

Все же он заснул и спал долго. Пришел в себя от пинков и ругани тюремщика.

— Эй ты, барин! Разлегся! Не у тещи в гостях!

Он приподнялся с пола, но встать сразу не мог, а тюремщик злобно орал:

— Сколько тебе говорить, зараза? А ну встань!

Он напрягся и медленно поднялся во весь рост. Ноги дрожали, подгибались: он едва держался, его шатало. Яркий луч фонаря слепил воспаленные и отвыкшие от света глаза. «Держись, брат, держись,— подбадривал он себя.— Надо выстоять. Непременно выстоять!» В камеру вошли еще двое: надзиратель с повязкой полицая на рукаве и второй — помоложе, в немецкой форме, с автоматом. Немец молча, пристально смотрел на узника, мотнул головой: «Ведите!» А узник вдруг обрел силы: в его памяти всплыло письмо с воли. У него сразу полегчало на

душе, даже будто потеплело в камере-холодильнике и боль в избитом теле стала меньше. Улыбка мелькнула на его измученном лице.

— Ну, ты чего скалишься? — завопил полицейский. — Не радуйся, не на гулянку повезут... Марш в коридор!

— Форвертс! Шнеллер! — крикнул немец.

Шаркая ногами по бетонному полу, узник медленно вышел в коридор. Держась руками за ледяные железные перила, спустился по крутой каменной лестнице, а в голове все яснее складывалась новая линия поведения на предстоящем допросе. «Спасибо, товарищи. Вовремя подсказали. Посмотрим теперь, кто кого!» — подумал он и даже прибавил шаг.

Пока шли к воротам через тюремный двор, узник жадно вдыхал морозный воздух, размахивал руками, старался размять избитое тело. Ветер бросал в лицо крупные хлопья снега.

Он ловил ртом снежинки, жадно слизывал с губ капельки воды.

За воротами стоял автофургон. Арестант усмехнулся: «Каждый раз в новом экипаже возят. Видать, боятся, чтобы партизаны меня не отбили». Полицейский тихо свистнул. Одна половинка двери распахнулась. На землю тяжело соскочили три пожилых полицейских с белыми повязками на рукавах. У каждого — карабин, подсумок на поясе.

— Ну как, орлы, готовы?

— Как штыки! — отозвался тот, что был в полушубке и новой черной каракулевой шапке. Он хрипло загоготал...

— Да-а, чую аромат! А не перебрали?

— Как всегда, по погоде, не больше.

— Ну-ну! Вот вам пассажир. Принимайте и трогайте. Запомните и зарубите на носу, чтоб с головы этого арестанта, промежду прочим политического, ни один волос не упал, пока вы его доставите. Я тебя, Ноздрюк, как старшего спрашиваю: ясно?!

Полицейский приосанился.

— Ясно.

В плотно закрытой машине было холодно и темно. Острый запах гнилых овощей вызывал тошноту. На поворотах машина со скрипом кренилась.

Конвоиры время от времени включали фонарь. Освещали узника, сидевшего на скамье у окна кабинки, забранного железной решеткой, а с другой стороны задер-

нутаго занавеской. Хотели убедиться, не сбежал ли, часом. Полицаи, получившие строгий приказ от тюремного начальства охранять узника, были недовольны. Им хотелось показать арестанту, что они кое-что значат. И они начали задирать его.

Сидишь? Молчишь? Правильно делаешь! Песенка твоя уже спетая. Полная хана тебе обеспечена.

— Чудно как-то получается, черт бы вас задрал, партизан да подпольщиков! Ну чего добиваетесь? Через вас, паразитов, и нам никакой жизни нету. Сидели бы мы в тепле и сытости, а тут ночами гоняют, как собак! Угомонились бы уж... Сила у них ого какая! Да и мы люди не маленькие!

Партизан усмехнулся и спросил:

— А чего это вы, господа хорошие, тогда такие злые, коль люди «не маленькие», а? Или хозяева мало платят за верную службу? Или страшновато по ночам разъезжать?

Что-о-о?!— взвыли они хором.— А кого ж это нам страшиться? Таких вот доходяг, как ты? Ха-ха!

Тут же включили фонари. Свет направили на партизана, но и он разглядел их плохо выбритые рожи бывших уголовников.

С каким бы удовольствием они прикончили его, посмеявшегося так смело и прямо сказать им, кто они такие, но не имели на это права. И ему вдруг стало смешно. Ах письмо, сколько ты придало сил!

Автофургон остановился у подъезда городской комендатуры и длинно просигналил. Конвоиры вывели узника из машины и с рук на руки передали немецким солдатам. Те привели его в просторный кабинет с двумя широкими окнами, задернутыми плотными шторами. В кабинете все было так же, как вчера и позавчера: до блеска натертый паркетный пол, огромный стол, портрет Гитлера на стене, за столом здоровенный немецкий майор, следовательно Шранке. Только сам узник чувствовал себя по-другому.

Один из солдат грубо толкнул его прикладом в спину, и он плюхнулся на табурет перед столом следователя. На этом табурете он уже просидел семь длинных и страшных ночей. Не раз падал с него, теряя сознание от зверских побоев.

Ну-с, господин Титов, продолжим нашу работу! — сказал, отрываясь от бумаг, Шранке. Майор держал в руках паспорт на имя Владимира Титова, слесаря-меха-

ника частной автомастерской.— Итак, вы помните, о чем я спрашивал вас в прошлый раз?

Партизан пожал плечами.

Гитлеровец резко откинулся на высокую спинку резного стула и повернул настольную лампу так, чтобы сильный свет ее падал на арестованного, а лицо самого следователя оставалось в тени. Титов молчал. Надо быть очень осмотрительным сегодня. Сначала лучше помолчать, собраться.

— Ну-ну?! Скажете мне сегодня что-нибудь вразумительное? Или по-прежнему будете молчать? Не теряйте времени, которого у вас мало. Назовите ваших сообщников. Вы слышите меня?

— Я слышу вас, господин следователь, и прекрасно понимаю. Только мне не совсем ясно, почему вы спрашиваете меня о том, что вам самому хорошо известно?— сказал Титов, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

Немец резко вскинул голову. Удивленно посмотрел на арестованного.

— Вот как? — следователь был явно ошарашен.— Что вы имеете в виду?

Вы же знаете, что меня не одного взяли на месте диверсии.

— Гм! Это — верно, вас взяли не одного.— Шранке помолчал, покусал губу.

Титов тихо сказал:

— Со мной был мой напарник, Буйнов Захар Петрович.— И добавил, нахмурясь: — Если при допросах тут его не угробили.

Шранке в упор смотрел на партизана. Потом взял сигарету, закурил, жадно затянулся и как-то бесцветно заметил:

Да, вы правы. Он, представьте, пока еще жив. Однако нас интересуют другие бандиты, причастные к этой диверсии. Ведь большие дела совершаются не единицами?

Партизан пожал плечами.

— Господин следователь, иногда большие операции совершаются малым количеством людей, даже одиночками, наверное, у вас были подобные случаи. Мы с ним вдвоем шли на взрыв городской электростанции, а взорвали другие...

Следователь резко вскинулся.

— Так кто же это сделал?

— Этого я не знаю. Взрыв произошел, когда нас уже взяли. Значит, нас с Буйновым кто-то дублировал. Но мы не должны были знать других исполнителей.

— Допускаю... А еще какие важные объекты в нашем городе вы должны были взорвать?

— В ту ночь мы с Буйновым были заняты только электростанцией. Я не знал других объектов, которые по плану должны быть взорваны. Разве только...

Титов замолчал...

Эсэсовец вскочил и обошел стол. Вплотную приблизился к допрашиваемому, похлопал жгутом из проводов по ладони.

— Прекрасно! Очень хорошо! Так что вы хотели сказать?

Титов медленно, будто с трудом проговорил:

— Мы готовили к взрыву городскую гостиницу...

— Гостиницу?! — переспросил следователь, задыхаясь.

Титов кивнул.

— Какую?! Я вас спрашиваю: какую?!

— Ту, в которой живут ваши офицеры, — тихо сообщил партизан.

Шранке крикнул в ужасе:

— А взрывчатку! Взрывчатку успели заложить?!

Партизан рассеянно посмотрел на него, болезненно сморщился, недоуменно спросил:

— Взрывчатку?..

Он почувствовал, что теряет сознание, но надо держаться, надо держаться до последнего, он еще не выполнил своей задачи — он сжал кулаки, плотнее уселся на табурете.

— Так где же находится взрывчатка?

Партизан, не сводя взгляда с немца, тихо сказал:

— Взрывчатка находится в надежном месте, господин майор. Но где? Этого я вам, к сожалению, сказать не могу.

— Почему? — удивился Шранке.

— Да потому, что за взрыв гостиницы отвечал не я. Вы спросите об этом исполнителя второй диверсии.

— А кто же он, этот исполнитель второй диверсии?

Титов опустил глаза, помолчал и будто нехотя ответил:

— Вторым исполнителем является мой напарник.

Это — Захар Петрович Буйнов. Я думаю, что он лично все вам и доложит...

— Буйнов? — удивленно спросил следователь.

— Он. Я не могу говорить то, о чем он может сам рассказать. Неудобно как-то. Да я и не знаю точных расчетов...

Гитлеровец иронически хмыкнул.

— Bravo! Какая товарищеская верность, черт возьми! Но вы уже сказали самое главное! Довольно, Титов! Где взрывчатка?

Узник устало, но решительно покачал головой.

— Господин майор, видите ли, дело это не мое. Я могу напутать...

Шранке задумался. Конечно, он был доволен, что ему наконец-то удалось сломить русского упряма, который молчал, стойко перенося пытки. И вот — заговорил! Но что-то скребло, что-то делало его победу зыбкой. Он резко закрыл папку и приказал привести второго диверсанта.

Подследственный тем временем готовился к встрече с напарником.

Отворилась половинка широкой двери, и на пороге кабинета, без всякого сопровождения, остановился Буйнов. Он выглядел совершенно здоровым и хорошо отдохнувшим. Был выбрит. Одет в чистую коричневую фуфайку и ватные брюки. На голове — цигейковая ушанка. Поклонившись следователю, Буйнов доложил:

— Буйнов Захар Петрович явился по вашему приказанию, герр майор!

Немец кивнул и сдержанно улыбнулся. Затем хитро сощурился.

— Так-так... Ну как отдохнули? Как чувствуете себя, господин Буйнов?

— О-о, прекрасно, герр майор! Спасибо за заботу, герр майор. Готов хоть сейчас приступить к выполнению любого вашего задания, герр майор.

Говоря все это, Буйнов не обращал внимания на избитого, грязного и заросшего пленника. Он явно не узнавал своего бывшего напарника.

— Ну что ж. Рад за вас. — Кивнув на Титова, Шранке сказал: — А теперь посмотрите внимательно, кто у нас в гостях?

Буйнов повернулся, пристально посмотрел на человека, сидевшего на табурете. Узнал его, улыбка мгновенно слетела с лица. Он окаменело смотрел на Титова.

— Ну как, узнаете своего партнера?

Да, герр майор,— еле выдавил из себя Буйнов.— Но он так изменился! Да и потом я думал, что...

Гитлеровец засмеялся, откидываясь назад.

Ну что вы?! Он еще дышит, как видите, и вполне в здравом уме... А вы не желаете поговорить с ним?

Буйнов кашлянул в кулак. Лицо его стало растерянным. Шагнул поближе к Титову, извиняющимся тоном сказал:

— Здравствуй, Володя! Ты так изменился, что тебя не узнать.

Партизан улыбнулся непослушными губами.

— А-а, Захар Петрович, дорогой! Живой? Хорошо! А я так боялся за тебя... Сколько дней прошло, а о тебе ничего не слышно. Рад видеть тебя живым!

Буйнов снова улыбнулся, но улыбка была у него какая-то натянутая, неестественная.

— Как видишь, Володя... Живу пока, как говорится. Титов вздохнул.

Вижу, что живешь, и неплохо, а вот меня искалечили, как бог черепаху! — недобро пошутил партизан.

— Но почему? — спросил Буйнов.

— Как почему? Я же попал к ним в плен.

— Ты прав. Но это не главное: и с врагами можно договориться, если захочешь! А ты, наверное, упорствуешь и не идешь на компромисс, молчишь? И напрасно! Жизнь дороже всего на свете! А ты еще не осознал этого...

Титов готов был кинуться на предателя, но сдержал себя и, как бы слабея духом, прошептал:

— Да нет, Захар Петрович, не особенно я упорствую. Но, понимаешь, не могу же я говорить то, чего не знаю. Или то, что меня лично не касается.

Буйнов пожал плечами.

— Возможно, и так. Но все же...

— Не могу я рассказать и о том, что делали другие товарищи. Разве я не прав?

Буйнов смотрел на Титова внимательно, но, видимо, не понимал, куда он клонит. А Титов повторял, что не может говорить о том, что ему точно неизвестно.

Шранке молча стоял у окна, наблюдал.

— Лишнего, конечно, болтать не следует. Это — верно. Но то, что хорошо знаешь и что может представить интерес для следствия...

Титов перебил напарника.

— Захар Петрович, зачем же я буду говорить о делах других, когда они сами могут об этом рассказать?

Захар Петрович нахмурился:

Постой, постой-ка, Володя, что-то я понять тебя не могу, о чем ты речь ведешь... Ты растолковал бы мне пояснее, в чем тут дело?

Партизан с досадой махнул рукой.

— Да чего ж тут не понятно? Я говорю о том, что я не могу рассказывать следствию о том, что делали другие. Ясно? Да и зачем мне валить на себя чужой груз?

Буйнов пристально посмотрел на него, спросил:

— Кого ты конкретно имеешь в виду?

Титов опустил голову, молча потер распухшие, покалеченные пальцы. Буйнов ждал.

Партизан вздохнул и наконец пояснил:

— Я имею в виду ту операцию, Захар Петрович, за которую лично отвечал ты. Они требуют о ней детального рассказа. Ясно тебе? А зачем же мне об этом распинаться, когда ты сам жив и здоров?

Буйнов вылупил на него испуганные глаза, облизал вдруг пересохшие губы. Голос его задрожал:

— Стой-стой! О какой еще операции ты говоришь?

— Как о какой? Неужели забыл? Вот и расскажи сам, где взрывчатка, бикфордов шнур, объект.

Услышав это, Буйнов вскинул руку, словно хотел защититься от Титова. Он даже отступил на шаг, быстро зыркнув на следователя, и чуть слышно зашептал:

— Послушай, Титов, что ты мелешь, а? Ты не в своем уме. О какой другой операции ты говоришь?

— Итак, господа-товарищи,— неожиданно вмешался в их беседу следователь, в упор глядя на Буйнова,— как я понял господина Титова, вы готовили взрыв гостиницы, в которой квартируют офицеры нашего гарнизона. Так?

Буйнов всем корпусом повернулся к следователю, вытянулся перед ним по стойке «смирно», залепетал торопливо, глотая слова:

Герр майор, герр майор! Это не так! Я, кроме диверсии на городской электростанции, ничего не знаю! — Он обернулся к партизану.— Послушай, Титов, что же это ты, а? Что все это значит? Погубить меня хочешь? Чтоб вместе, да?

Партизан с деланным удивлением посмотрел на своего бывшего напарника, укоризненно покачал головой.

— Ну говори же, Титов! Скажи, зачем все это ты наболтал? Это же неправда! — кричал Буйнов.

Партизан заговорил медленно и укоризненно:

— Эх ты... Чего кричишь? Ладно, Буйнов. Поступай, как знаешь, а я уже не могу молчать, понимаешь? Не могу-у-у! Ни воли, ни сил у меня больше нет! Пойми меня правильно, Захар Петрович, я больше не могу...

Шранке с интересом смотрел на Буйнова, а тот метался растерянным взглядом с Титова на майора, с майора на Титова. Его худая фигура ссутулилась. Редкие рыжие волосы прилипли к потному лбу, он торопливо вытер шапкой лицо. Следовательно повернулся к партизану и заговорил:

— Господин Титов, ваш напарник, видимо, кое-что подзабыл. Может быть вы поможете ему вспомнить? Подскажете ему детали готовившейся операции? И помните, что чистосердечное признание своих злодеяний дарует вам жизнь.

Титов с видом покорившегося человека внимательно слушал следователя. И пока тот говорил, он несколько раз кивнул в знак согласия. Потом пристально посмотрел на дрожавшего Буйнова, и едва различимая усмешка прошла по его худому заросшему лицу. «Вот какие бывают они, провокаторы. Он мне не понравился сразу своей услужливостью, желанием угодить, я смолчал тогда. Мало ли кому не нравится что-то в характере другого человека! А я сам такой ли приятный человек? Ведь главное, что Буйнов готов был жертвовать собой для блага общего дела. А теперь выяснилось: все это чистая маскировка, ему надо было войти в доверие к партизанам. Значит, наши товарищи где-то недосмотрели, не сумели своевременно распознать врага. И вот к чему привела ошибка! Ну что ж, главное, что враг разоблачен. И наша задача — наказать его по заслугам!»

Титов сдержанно и твердо сказал:

— Ты верно говоришь, что жизнь у человека одна. И она, конечно, дороже всего на свете. Тем более для меня. Ты, Захар Петрович, уже немало пожил. Успел насладиться жизнью, а мне ж только-только минуло двадцать пять! Прости меня, Захар Петрович, но я больше не в силах держаться. Рассказывай, а то начну я!

Буйнов взвизгнул, замахал руками, заорал:

Да о чем я должен рассказывать?!

Послушай, Захар Петрович, может, вторую диверсию отменили, а я не знал? Но ее же планировали. Я это точно помню. Или нет?

Тьфу, мать твою! Да какую вторую диверсию? Ты бредишь? — Он повернулся к следователю. — Герр майор, да скажите же вы придурку. Растолкуйте ему, пожалуйста-ста!

Следователь постучал пальцами по столу.

Буйнов вовремя предупредил нас о диверсии, но не указал, где заложена мина, — сказал следователь.

Так мину закладывал Титов с кем-то из партизан! — уже в панике крикнул Буйнов. — Мне эту работу не доверили, поскольку я не специалист.

Следователь заметил:

— Это нам тоже известно... Но ты, Буйнов, оказывается, не все доносил нам, почему? — Он помолчал минутку, добавил: — Кое-что утаивал от нас. С какой целью?

Буйнов вздрогнул, заговорил, чуть не плача:

— Герр майор, я клянусь! Все, что мне удавалось узнавать, я при первом же удобном случае докладывал вам! — Он повернулся лицом к портрету Гитлера, висевшему на стене за спиной следователя, несколько раз широко перекрестился. — Вот! Вот вам крест святой, герр майор! Все, все, что я вам говорю, есть истинная, святая правда!

Гитлеровец сдвинул брови, посмотрел на Буйнова, потом на партизана.

— Странно. А как же тогда понимать его? — он кивнул на Титова. — Он же утверждает противоположное?

— Он врет нагло! — заорал Буйнов.

Следователь насупился.

— Все это очень странно, Захар Буйнов.

Буйнов отупело посмотрел на следователя. Он, видимо, сам не мог объяснить поведение партизана. Следователь повернулся к Титову.

— Титов, может быть, вы внесете ясность в это запутанное дело? Помогите своему партнеру найти истину.

С каким бы удовольствием Титов ударил сейчас провокатора в его наглую рожу. Но ему надо сдерживаться. Он смиренно посмотрел на гитлеровца, кашлянул в кулак. Заговорил как-то виновато:

— Господин майор, понимаете, мне трудно, очень трудно. Может быть, действительно я что-нибудь путаю? Но вы же, господин майор, наверное, уже делали в его доме обыск и сами смогли убедиться в том, что я прав!

Услышав о возможном обыске в доме Буйнова, гитлеровец удивленно взглянул на партизана.

А тот продолжал:

— Мне одно неясно, я толком не пойму, почему Захар Петрович упирается? Если он докладывал вам все, что узнавал о партизанских делах, так почему не желает быть последовательным и искренним до конца? Что его сдерживает?

Буйнов истерически завопил:

— Тю-у! Бешеная собака! Да о чем я должен говорить? В чем ты меня обвиняешь, ну скажи?!

Титов неуверенно посмотрел на следователя, словно хотел получить у него поддержку. А немец был в большом затруднении. Ему трудно было разобраться: их старый агент, которому они до сих пор верили, в чем-то замешан, а партизан, неделю упорно молчавший, открыто и подробно рассказывает о боевых делах. Что бы все это значило?

Титов осторожно спросил:

— Господин майор, если можно, конечно...

— Что?

— Разрешите закурить?

Шранке протянул ему портсигар. Чиркнул зажигалкой. Титов затаился. Ух как закружилась голова! Нет, курить нельзя, силу потеряешь. Он загасил сигарету в пепельнице.

— Крепковата. Отвык.— Гитлеровец понимающе кивнул, а Титов снова заговорил: — Господин следователь, разрешите мне спросить вас о гарантиях. Меня интересуют условия, которые вы предоставляете людям, ведущим себя на следствии честно и открыто.

Майор прищурился, пристально и с большим интересом посмотрел на партизана:

Вы, господин Титов, очевидно, имеете в виду то, чем мы платим за искренность?

— Да, господин майор, именно это...

Фашист сощурился, побарабанил пальцами по столу.

— Я вас вполне понимаю, господин Титов... Так вот, тем лицам, которые ведут себя искренне с нами и мы

в этом убеждаемся, даруется жизнь! — Фашист поднял палец: — Понимаете? Жизнь!..

— Значит, если я искренне и честно расскажу вам все, что связано с подготовкой диверсии в городской гостинице, вы освободите меня? — спросил Титов, как бы задохнувшись.

Следователь ударил ладонью по столу.

Именно так! Но если вы убедите меня в этом на все сто процентов, и не меньше, господин Титов!

Понятно. Благодарю вас, господин майор. Но дело в том, что, оказавшись на свободе, я буду уничтожен им! — он кивнул на Буйнова, который находился сейчас как бы в прострации: молчал и дышал как рыба, вынутая из воды. — Поэтому я прошу вас, помочь мне скрыться из города после того, как я все расскажу. Если вы этого не гарантируете, то я буду вынужден отказаться от дачи показаний, опасаясь мести. В таком случае для меня будет выгоднее сидеть за решеткой, чем гулять на свободе, где мне угрожает смерть.

Следователь откинулся на спинку стула.

— Да-а, черт побери, вы правы! Попали в интересную ситуацию. Не завидую я вам, господин Титов! Ха-ха-ха! — откровенно и нагло рассмеялся гитлеровец. — Не сгущайте краски. Если вы будете чистосердечны и детально изложите коварные замыслы партизан, то мы гарантируем вашу безопасность. Я вам обещаю.

Партизан облегченно вздохнул. Затем строго глянул на Буйнова, который в полном недоумении смотрел на него, все еще не в силах ничего понять.

— Спасибо за обещание. А теперь я хочу сообщить вам о том, что Буйнов — совсем не тот человек, за которого он выдает себя...

— Что-о?! Что вы говорите? — вскакивая со стула, перебил его следователь.

Партизан поднял руку.

— Минутку, господин майор... Дело в том, что в первые дни оккупации этого города вашими войсками Буйнов был направлен сюда советским командованием с заданием войти в доверие к вам, а потом...

— Неправда! Врешь, гад! Меня в то время здесь не было!

Буйнов с кулаками кинулся на Титова. Но его перехватили солдаты. Один из них ударил его автоматом в грудь. Буйнов упал. Следователь что-то приказал им. Солдаты схватили Буйнова и оттащили в дальний угол...

Титов играл ва-банк. Он был уверен, что таким путем сумеет окончательно скомпрометировать провокатора и его казнят, а что будет с ним, Титовым, уже не имело значения.

Следователь не до конца поверил партизану, но то, что тот говорил о Буйнове, насторожило и испугало его.

Фашист еще не мог решить, кто из этих двух вводит его в заблуждение. Однако ему стало страшно, когда он представил себе, что партизан говорит правду! Ведь в таком случае Буйнов мог передать русским немало важных сведений, поскольку он многое знал. Взяв себя в руки, гитлеровец сел за стол. Жадно выпил стакан воды, старательно вытер лицо.

Титов, продолжайте ваши показания!

— Буйнову без особого труда удалось войти к вам в доверие. Он передавал вам якобы важные сведения о советских партизанах, а практически — это была дезинформация. Партизаны же успешно использовали его информацию о дислокации германских войск, о расположении учреждений, складов в городе, численности гарнизона и другие ценные сведения...

Офицер рявкнул:

— Факты! Факты! Доннер веттер!

Титов посмотрел Шранке прямо в глаза, кивнул.

Точных фактов сейчас я вам сообщить не могу, господин следователь. Но хорошо знаю, что дважды ваши карательные экспедиции пытались разгромить главную базу местных партизан. Первый раз они пришли на пустое место. А второй раз — напоролись на мощную партизанскую засаду и отошли, неся большие потери. Обе карательные экспедиции направлялись в лес по наводке Буйнова.

Следователь заерзал на стуле, гневно поглядел на Буйнова, губы его шевелились. Он судорожно листал толстую папку, что-то искал в ней, делал какие-то записи. Провокатор, схватившись за голову, качался из стороны в сторону. Вдруг он закричал истошным голосом:

— Да что же он мелет?! Докажи, подонок!

Партизан развел руками.

— Давай-ка, Захар Петрович, расскажи сам все по порядку: как и что было на самом деле. Чистосердечное признание снимает вину, сам слышал.

— Да о чем же я еще должен говорить, скотина?

Титов осуждающе покачал головой.

— Ну как знаешь. Меня в клевете обвиняешь, а сам заврался. Да и сейчас хитришь. Стараешься ввести следствие в заблуждение.

— Например?

— Пожалуйста. О взрывчатке, что хранится в твоём доме, ты сказал? Что-то я не помню.

Майор посмотрел на Буйнова.

— Ну, отвечайте!

— Что отвечать?! — сорвался Буйнов.

— О заряде расскажи, приготовленном для взрыва городской гостиницы, — ввернул Титов.

Тогда сорвался Шранке, угрожающе зашипел:

— Послушай, ты, грязная русская свинья! Если все это не подтвердится, я прикажу разорвать тебя танками?

«Смерть провокатору!» — вспомнил Титов записку товарищей.

Гитлеровец достал платок, тщательно вытер лицо. Вид у следователя был растерянный, он, видимо, все еще находился на распутье.

А Буйнов уже начал каяться.

— Что же мне делать, герр следователь? Клянусь вам, что я передавал вам все, что получал от них...

Партизан отрицательно помахал рукой, строго сказал:

— Стоп! Опять ложь! Ты, Буйнов, передавал им только то, что тебе было приказано, чтобы завоевать у немцев доверие. Разве не так? А скажи, куда девалась политическая литература?

— Какая литература? — вскочил со стула следователь и впился в партизана горящим взглядом. — Что за политическая литература?! Ну?!

Титов пояснил:

— Несколько экземпляров центральной газеты «Правда». Приказ товарища Сталина о разгроме германских войск под Москвой и еще...

— Довольно! — Следователь схватил со стола страшный жгут, подошел к Буйнову. — Ну-у-у? Говори, где эти бумаги? Где взрывчатка? Да, да, и взрывчатка, которой ты готовился поднять на воздух городскую гостиницу вместе с германскими офицерами! Где она, я тебя спрашиваю?!

Провокатор упал на колени, заскулил, как побитый щенок. Глотая слезы, он заговорил быстро и сбивчиво,

стараясь убедить майора в том, что Титов умышленно наговаривает на него. Просил следователя вспомнить все, что он передавал им. Называл фамилии подпольщиков, которых выдал оккупантам. Адреса и явки советских патриотов, переданные им же... «О-о, какая же ты сволочь! Сколько же ты погубил наших людей! — подумал Титов. — Ну берегись, людоед! Конец твой близок! Покуда я дышу, я выдержу все! Я выстою! Сам погибну, но сделаю все, чтобы угробить тебя!» А майор Шранке орал, брызжа слюной:

— Где большевистская «Правда»? Где приказ советского лидера?

Буйнов умоляюще сложил руки на груди, не спуская глаз с охваченного бешенством фашиста.

Свистящий удар жгута оставил на лице провокатора страшный кровавый след и свалил его на спину. Схватившись за голову, он покатился по полу, оглашая кабинет дикими воплями. Потом встал на четвереньки, подполз к гитлеровцу и стал хватать его за ноги. Майор уже не слушал его. Рывком что-то, пнул сапогом. Он был похож на зверя, готового кинуться на каждого, кто неосторожно приблизится к нему. Покружив по кабинету, гитлеровец круто остановился перед табуретом, на котором сидел партизан, смерил его ненавидящим взглядом, словно решал: ударить или не стоит? Потом швырнул жгут на стол, спросил:

— Титов, вы можете указать, где находится взрывчатка?

Партизан спокойно смотрел на следователя.

Могу, господин майор. Было бы лучше, если бы он сам...

Отставить! Я вас спрашиваю: где взрывчатка?!

Слушаюсь, господин следователь! Где же ей быть, как не в его доме? Другого, более надежного места в городе нет.

Услышав слова партизана, провокатор истерически захохотал, откидываясь назад и размазывая по лицу кровь и слезы.

— Ищи-свищи! Ты же сам забрал ее, гадина! Что, забыл? — уверенно говорил Буйнов, видимо надеясь еще выбраться из западни, которую подстроил ему партизан.

Шранке недоуменно смотрел на Титова.

— Это правда, что он говорит? Буйнов передавал вам взрывчатку?

Партизан утвердительно кивнул.

Да, господин майор, он передавал мне взрывчатку. Ею я заминировал дизель и динамо-машину на городской электростанции. Но дополнительный заряд для гостиницы был спрятан отдельно.

Провокатор снова стал кричать, что Титов помешался и теперь несет черт знает что. Предлагал отправить его на обследование к врачу.

Гитлеровец курил одну сигарету за другой и внимательно следил за перепалкой недавних «единомышленников». Когда Буйнов, устав орать, притих, заговорил партизан. Он говорил тихо, казалось, каждая фраза дается ему с трудом.

— Эх, Захар Петрович, Захар Петрович... Значит, ты водил за нос не только их, но и нас? Хорош гусь! Может, я и помешался от пыток, но где находился второй тайник в твоём доме, я ещё помню. — Партизан помолчал минутку, потом решительно сказал: — Господин майор, я могу начертить план и указать место тайника.

Гитлеровец одобритительно кивнул.

— Хорошо, господин Титов. Начертите... Садитесь вот сюда и чертите.

Титов медленно пересел с табурета на стул, что стоял у стола следователя. Майор передал ему лист чистой бумаги, карандаш.

Не раз он останавливался, будто припоминая детали, а на самом деле — отдыхал: покалеченные пальцы плохо держали карандаш, но он, хоть и медленно, продвигался к цели.

Наконец чертеж был готов. Жирным крестом Титов пометил место расположения тайника со взрывчаткой и политической литературой. Внизу чертежа крупно написан адрес Буйнова. Положил чертеж перед следователем и сказал:

Ну вот и все, господин следователь. Кажется, ничего не пропустил. — И закрыв глаза, замер, откинувшись на спинку стула, а в голове неотступно билась мысль: «Все ли в порядке? Успеют ли?»

Титов устал от длительной и напряженной борьбы: надо было следить за каждой фразой, за каждым движением и выражением лица, за поведением и словами Буйнова и действиями следователя, а сил почти не было... И теперь, закончив чертеж, он находился в полуобморочном состоянии: глаза слипались. «Не смей спать!» — приказывал он себе и держался из последних сил

Стукнула дверь. На пороге появился солдат с тарелкой бутербродов и стаканом чая. Все это, по молчаливому приказу Шранке, было поставлено перед Титовым:

— Угощайтесь, господин Титов.

Титову очень хотелось есть, но он заставил себя медленно взять бутерброд, достойно отпить из стакана. Он чувствовал, как с каждым глотком прибавляются силы... Но есть много не стал: он знал, что после голодовки, которая у него была в тюрьме, можно не сладить с собой и уснуть.

Буйнов притих в углу. Он поглядывал на майора, который внимательно изучал чертеж. Покончив с этим, следователь нажал кнопку звонка. Тут же в кабинет вошел офицер, четко козырнул и щелкнул каблуками. Майор что-то тихо сказал ему и передал листок. Офицер снова козырнул, спрятал чертеж в планшет, вышел.

Время тянулось медленно. Буйнов не сводил глаз с двери. Прошел час. Кончился второй. Что будет! Титов с трудом уже боролся с дремотой, тело его оседало на стуле, заныли все раны, разболелась голова. «Не надо было есть, Володька», — попрекнул он себя, в очередной раз с невероятным усилием выплывая из полузабытья. Часы мерно отстукивали время. Шранке делал вид, что занят чтением бумаг из толстенной папки. Только Буйнов не отрывал глаз от двери.

И наконец она распахнулась. Вошел тот же офицер. Он щелкнул каблуками, замер перед столом следователя.

— Ну?! — коротко спросил Шранке.

Тот доложил:

— Ничего в доме не обнаружено, герр майор! Но когда мы подъезжали, то водитель машины заметил в доме слабый свет. Мы тщательно обследовали весь дом, но никого не нашли!

— Та-ак, — довольно растерянно протянул Шранке и замолчал.

И вдруг вскочил со стула и заорал на партизана:

— Что все это значит? Кто из вас водит меня за нос? Где взрывчатка, о которой ты, сталинский бандит, тут наговорил?

Буйнов вскочил на ноги, и заревел, как раненый медведь:

— Ну что, нашли?! Ах ты, дьявол красный! Герр майор, повесьте эту скотину на люстре! Чтоб другим неповадно было шельмовать честных и преданных вам людей! Воздайте должное этой бешеной собаке!

С Титова сонливость как рукой сняло, голова заработала четко и ясно.

«Что-то случилось, неужели не успели подложить взрывчатку? Что теперь делать? Надо оттянуть время, надо тянуть как можно дольше».

А Буйнов продолжал вопить:

— Повесьте его, герр майор, повесьте! Я преданный и верный ваш друг. Я обещаю вам, герр майор, всю оставшуюся жизнь посвятить борьбе против коммунистов! Клянусь вам! Я...

Тут майор прикрикнул на него, и Буйнов замолчал. В кабинете наступила тишина...

Шранке медленно прохаживался по кабинету, старался взять себя в руки. Затем подошел к партизану, прищурился и тихо спросил:

— Так что все это значит, господин Титов? Где же содержимое тайника в доме Буйнова, о котором вы так уверенно говорили?

Титов смиренно посмотрел на майора.

— Простите, господин следователь... Возможно, вкралась досадная ошибка. Но я утверждаю...

— Не верьте ему, герр майор. Он все врет! Это такая хитрая и продувная бестия! — закричал Буйнов. — Он же не простой партизан. Да-да! Он не простой партизан. Он прилетел сюда из самой Москвы! Он, — Буйнов чуть было не задохнулся, прежде чем закончить фразу, — ге-пе-уш-ник!

— Что ты сказал? Повтори! — выдохнул гитлеровец.

Провокатор побледнел.

— Чекист, герр майор!

— У-у! Кретин! Скотина! Почему ты раньше не сказал?! — заорал гитлеровец.

Провокатор опустил голову.

— Боялся ошибиться, герр майор. Прежде хотел уточнить. Но это не так-то просто...

Шранке зашагал по кабинету.

Новость очень заинтересовала его. В то же время мысль о том, что Буйнов желает избавиться от свидетеля своего предательства, все еще не выходила из его головы.

Затянувшись несколько раз сигаретой, он остановился перед Буйновым.

— Значит, ты утверждаешь, что он — чекист?

Тот нерешительно кивнул.

— Я не утверждаю, герр майор. Я только догадываюсь, что он — не простой партизан. Я наблюдал за ним. Он молодой, да ранний, как говорят русские. Слова от него лишнего не вытянешь. Каждый шаг он обдумывает, прежде чем...

Гитлеровец нетерпеливо махнул рукой, недовольно сказал:

— Что ты мямлишь! — Потом повернулся к партизану: — Титов, вы слышите, что он говорит о вас? Значит, вы не простой партизан, а советский разведчик, чекист? Это верно? Ну и ну! А знаете, это даже интересно. Особенно теперь, когда мы установили с вами деловой контакт, верно?

Титов сделал вид, что не слышал вопроса. Виновато посмотрев на Шранке, он сказал:

Господин майор, знаете, я неправильно начертил схему дома Буйнова. Наверно, что-то подзабыл. Но я вместе с ним закладывал тайник. Я могу найти то место. — Партизан замялся. — Правда, тогда была темная снежная ночь... Несколько килограммов тола, бухта бикфордова шнура, коробка с капсюлями-детонаторами, — говорил Титов, стараясь не ответить на вопрос.

Следователь недовольно скривился:

— Послушайте, Титов, сейчас меня интересует совершенно другое: вы — действительно чекист или Буйнов фантазирует?

«Ишь, как тебя задело, сволочь!» — подумал Титов, потом горько усмехнулся, стараясь выглядеть протачком.

— Э-эх, господин майор, а какое это имеет значение теперь? Сейчас, мне кажется, важнее разоблачить этого лицемера, который так долго водил вас за нос!

Майор исподлобья посмотрел на него.

То, что вы говорите, конечно, имеет важное значение, но и личность ваша меня тоже интересует. Так кто вы?

Партизан тяжело вздохнул. Провокатор действительно поставил его в сложное положение. Говорить «да» он, конечно, не будет. И отрицать тоже не следует.

— Знаете, господин следователь, будь я чекистом или простым партизаном, теперь для меня это все равно.

После того, что я сделал для вас, мне следует бояться больше своих, чем вас... В общем, теперь мне хана!

Хорошо, господин Титов, оставим пока этот вопрос открытым, но ненадолго.

Буйнов ушам своим не верил. Он был поражен спокойным тоном Титова и его уверенностью. Однако он вовсе не собирался сдаваться. Он еще надеялся доказать майору свою правоту. Он догадался, что партизаны разоблачили его и теперь мстят. Но как это доказать? Как убедить в этом майора? Он хорошо понимал, что именно в эти минуты решается вопрос: жить ему или умереть страшной смертью. И он подумал, что наступил момент, когда надо использовать свой последний козырь. Буйнов встал, вытянулся по стойке «смирно».

— Герр майор, разрешите мне поговорить с вами без посторонних,— сказал он громко.

Фашист прищурился, с интересом посмотрел на подбравшегося Буйнова.

— Это еще зачем?

Чтобы он не слышал. То, что я вам скажу, тайна! Он знать не должен.

— Абсолютно бесполезно, господин Буйнов. Теперь все равно: ни вы, ни он не выйдете из моего кабинета на своих ногах!

Провокатор побледнел, но тут же снова заговорил:

— Я все же убедительно прошу вас, герр майор! Поверьте, что это очень важно не только для меня, но и для вас!

Гитлеровец недоверчиво усмехнулся.

— О чем важном ты можешь сказать после того, как весь погряз во лжи? Сомневаюсь.

Буйнов не сдавался.

— Герр майор, я прошу... Я повторяю, я сообщу очень важные сведения.

Майор нетерпеливо махнул рукой.

— Только здесь! Уже ничего не изменит моего решения. Ты не оправдал наших надежд!

Ваша воля, герр майор. Вы должны знать, кто я на самом деле... Разве вам не известно, что я не советский гражданин? Что долгие годы я прожил в немецком государстве? Мой отец — видный белоэмигрант! Все эти годы я мечтал отомстить большевикам за все то, что потеряла наша семья в России после революции! Я ненавижу их! —

Он затрясся. По его перечеркнутому вздувшимся рубцом лицу потекли слезы.— Герр майор, неужели вы верите не мне, а этому красному кутенку?! О боже, как я ненавижу всю их свору!

Недоверчивая улыбка появилась на тонких губах Шранке.

Это интересно, Буйнов. Я был бы рад, если бы все это оказалось истиной. Но боюсь... Ведь все, о чем вы тут говорили, совсем не помешало вам бороться против нас. Вот в чем дело!

Нет-нет, герр майор, все не совсем так! Я попытаюсь вам доказать,— оправдывался Буйнов.

Хватит! — прервал его майор.— Не забывайте, что вы прежде всего русский! А следовательно, наш потенциальный враг! И я не могу поверить вам на слово. Вы должны доказать, и доказать убедительно, что все это не так, как говорит партизан Титов, понимаете? Поймите, что я очень хотел бы поверить, что правы вы, а не Титов. Вот и давайте, пока я разрешаю вам, говорите. Но говорите так, чтобы я вам поверил.

Провокатор откашлялся, заговорил четко, даже голос повысил. Он размахивал сжатым кулаком, словно вбивал каждое слово в сознание следователя.

Герр майор, я настоятельно прошу вас запросить обо мне Берлин! Я настаиваю на этом, герр майор! Ибо там хорошо знают меня!

Гитлеровец серьезно посмотрел на собеседника, решительно сказал:

Я вас понял, господин Буйнов. Я запрошу о вас Берлин, однако сделаю это только тогда, когда еще раз проверят ваш дом и ничего компрометирующего вас там не окажется. Если же... то вас уже никто и ничто не спасет, ясно?!

Услышав это, провокатор всплеснул руками:

— Это ужасно, герр майор! Значит, вы верите красному? Но я требую! — истерично выкрикнул Буйнов и дальше заговорил по-немецки и так быстро, что Титов, знавший немецкий неплохо, мало что мог понять из его торопливой и сбивчивой речи. Кончив, Буйнов щелкнул каблуками, выбросил руку в сторону портрета Гитлера, крикнул: — Хайль Гитлер!

Следователь, выслушал Буйнова, удивленно смотрел на него, по скулам его заходили желваки. Потом он вызвал снова офицера, которого недавно посылал в дом

Буйнова, приказал взять Титова и ехать искать взрывчатку.

Буйнов ошалело смотрел на следователя, пораженный тем, что тот не обратил никакого внимания на его слова, а продолжал действовать так же, как и раньше. Когда за партизаном и офицером закрылась дверь, Буйнов молча попятился в дальний угол кабинета, сел прямо на пол, закрыл лицо ладонями и зарыдал.

Часа через два офицер и Титов появились в кабинете следователя. Титов едва держался на ногах. Следом за ними два солдата внесли деревянный ящик и кипу советских газет. Они поставили ящик на табурет, на стол положили газеты.

— Открыть!

Один из солдат отбросил крышку ящика. Там желтели толовые шашки. Темнел бикфордов шнур...

Увидев все это, Буйнов вскочил на ноги. Лицо его перекопилось, словно его хватил паралич. Он кинулся к окну.

— Хальт! Цурюк!

Но Буйнов не подчинился команде. Он проворно вскочил на широкий подоконник, ударом ноги распахнул раму. К нему кинулся солдат.

— Прочь отсюда! — крикнул Буйнов и ударил солдата ногой в лицо.

— Фойер! — заорал майор Шранке, хватаясь за кобуру.

Солдат, стоявший у дверей, вскинул автомат. Прогрехотала длинная очередь. Зазвенели куски оконного стекла, падавшие на подоконник. Сизый пороховой дым заполнил кабинет. Буйнов вскинул руки и с громким воплем свалился в кабинет. Все замерли, наступила мертвая тишина, только корявая ветка продолжала стучать и царапаться в окно. Через разбитое стекло в кабинет хлынул холодный воздух, парусом надувая штору.

— Убрать! — приказал майор Шранке и рукавом кителя медленно вытер пот с лица.

Солдаты схватили труп провокатора за ноги и поволокли из кабинета. Широкая полоса крови протянулась по блестящему паркету до самых дверей. С головы трупа свалилась цигейковая ушанка. Солдат, которого Буйнов пнул ногой в лицо, зажимая нос платком, зло отфутболил ее за дверь...

Двое суток прошло с той невероятно трудной и страшной ночи. Титова теперь содержали в другой камере, она была попросторнее, и в ней не было так холодно. Три раза в день его кормили баландой, давали кусок хлеба и кружку кипятка. На ночь в камеру загоняли других узников. Многие из них были со следами побоев на лицах, хромали или осторожно поддерживали поврежденные руки. Во сне избитые стонали, но днем крепились, только зубами скрипели. Спали вповалку на грязной соломе. С Титовым почему-то никто из них не разговаривал. Все смотрели на него враждебно. Видя это, он тоже не пытался сближаться с ними, опасаясь провокаторов.

Таясь в своем углу, Титов мысленно разговаривал с товарищами по отряду, боевое задание которых успешно выполнил. «А кто была та невеста? — не раз задавал он себе вопрос.— Видать, смелая и решительная девушка. А старушка?»

Титов терпеливо ждал, что будет дальше, он, конечно, не верил, что немцы оставят его в покое и освободят, как обещал майор Шранке. Почему они до сих пор не вызывают его к себе? Выжидают? Смерть Буйнова, конечно, не входила в планы гитлеровцев и принесла им много хлопот...

Все это очень беспокоило чекиста. Тем не менее он был рад, что предатель понес заслуженную кару.

Разоблачение Буйнова как «советского разведчика» заставит их здорово поработать. Возможно, майор Шранке запросил Берлин. А там не так-то быстро и легко поверят в то, что Буйнов — сын крупного белогвардейца — мог предать их. Начнется серьезная и всесторонняя проверка, и чем она кончится? Титов много думал о том, как ему выбраться на свободу из застенка, пока фашисты не начнут пересматривать его показания. А с воли не было никаких сигналов... Воля! Как ему хотелось почувствовать себя свободным человеком! Увидеть боевых товарищей. Снова взять в руки оружие!

Утром на третий день, когда всех «квартирантов» увели, он подсел к батарее центрального отопления, от которой шло едва ощутимое тепло, прислонился к ней спиной и снова, уже не первый раз, стал прокручивать в памяти весь ход последнего допроса: не переиграл ли он? Не ухватятся ли немцы за конец какой-нибудь оборванной ниточки, чтобы раскрутить весь клубок, который ему удалось намотать? В батарее центрального отопления,

как в испорченном микрофоне, слышались какие-то хаотические металлические звуки. Похоже было, что систему где-то ремонтировали... Вдруг в хаос этих звуков вплелось что-то ритмичное. Узник уловил три одинаковых удара через равные промежутки. Потом еще три с промежутком покороче. Затем — один длинный. За ним — короткий и длинный... Что это? Он прислушался. Снова повторились удары. Азбука морзе! Партизан, затаив дыхание, принимал передачу: О-Л-Е-Г шум инструмента... Т-Ы... Б-О-Л-Е-Н... хаотические удары... Б-О-Л-Ь-Н-И-Ц-А... Н-У-Ж-Н-А... Б-О-Л-Ь-Н-И-Ц-А. «Олег, ты болен. Нужна больница», — говорил он. Сигнал от друзей!

Он не отходил от батареи, но больше ничего не услышал.

Вечером, когда камеру окутали ранние зимние сумерки и из коридора стали доноситься грубые голоса, ругань тюремщиков и тяжелые шаги возвращавшихся с каторжных работ узников, Титов еще раз услышал обрывки азбуки морзе. Но ничего нового он не смог разобрать, кроме того, что уже принял утром...

Камера быстро заполнилась уставшими, дрожащими от холода и слабости людьми. Войдя в помещение, они тут же падали на истертую солому, тяжело дышали. Некоторые мельком, недружелюбно посматривали на Титова, который сидел у батареи центрального отопления, надеясь услышать еще что-нибудь.

Когда совсем стемнело, в камеру внесли фонарь «летучая мышь». При слабом его свете роздали ужин — баланду из мороженой свеклы и кусок липкого, тяжелого, как хозяйственное мыло, хлеба. Потом надзиратель принес ведро кипятка. Его черпали прямо из ведра немытыми мисками.

— Эй, господа хорошие! Чай хлебайте побыстрее и на боковую! Нечего керосин зазря изводить!

Миски и ведро убрали. Фонарь унесли. Узники, кряхтя и постанывая, укладывались спать, плотно прижимаясь друг к другу, чтобы сохранить тепло... Время шло. Все реже и реже слышались тихие голоса. Титову казалось, что все уже спят, но он крепился и гнал от себя сон, словно предчувствовал недоброе. И не ошибся: почти перед самым рассветом он услышал приглушенный шепот. Разговаривали двое. Он прислушался и понял, что речь идет о нем: «Вот гад! Выдал фашистам товарища по отряду. Того прикончили прямо в кабинете следователя!»

Голоса стихли. Минут через десять снова шепот, и он разобрал: «Предатель! Придушить гада!» Титов затаил дыхание, подумал: «Откуда им стало известно о гибели Буйнова? Наверное, это дело старшего полиция Ноздюка и его дружков. Не иначе! Сумели-таки бандиты отомстить «политическому арестанту», — горько улыбнулся чекист. Он решил не спать, но это удавалось ему с огромным трудом.

Вдруг чуть слышно зашуршала солома. Из груды спавших тел в полный рост поднялись двое. Титов вскочил на ноги, напрягся, готовясь к защите.

«Неужели придется погибнуть от своих? Этого еще не хватало», — подумал он с горечью и отскочил в сторону. Но споткнулся о спавшего рядом заключенного и упал. Мстители навалились на него. Били, старались схватить за горло, но сил у них было немного. Они стонали от бессилия и ненависти, мешали друг другу, и это помогало Титову держаться: он по очереди отбрасывал их от себя. Пытался встать, но те снова и снова кидались на него. Видя, что вдвоем им не справиться, взмолились:

— Товарищи!.. Братцы! Помогите прикончить Иуду!

Проснулись и другие узники. Поняв, в чем дело, кое-кто из них кинулся на помощь мстителям. А двое рванулись к двери, закричали испуганно, зовя охрану. Поднялся невероятный шум. Загрохотали запоры. Распахнулась железная дверь. Два ярких луча света вырвали из темноты камеры кучу копошащихся тел.

— Кто нарушает порядок?! Чего не поделили? Сцепились, как собаки! — ругался надзиратель. И приказал: — А ну все марш в коридор!

В камеру ворвались полицейские с карабинами. Они принялись наотмашь лупить заключенных прикладами. За ними вошел комендант, обер-лейтенант с парабеллумом и электрическим фонарем.

— Быстрее, быстрее в коридор! Построиться! — все еще кричал тюремщик, размахивая кулаком.

Камера быстро опустела. Только Титов недвижно лежал у батареи. «Олег, ты болен. Нужна больница...» — едва теплилось в его уходящем сознании.

Комендант тюрьмы обер-лейтенант Гросс осветил камеру. Остановил луч света на неподвижно лежавшем теле.

— Это кто? — спросил гитлеровец.

Пожилой надзиратель склонился над Титовым, кашлянул в кулак.

Господин обер-лейтенант, этот самый арестант, которого приказано... Господин майор Шранке приказал, значит, чтоб он жил.

— Тот, который смотреть необходимо, как собственный око?! — спросил немец и ткнул дулом пистолета надзирателю в грудь.

Тот самый, господин обер-лейтенант,— ответил надзиратель, опасливо отступая на шаг от немца.

— О-о-о! Доннер веттер! Старый осел! Почему он лежит?— закричал фашист и наклонился над узником.

Немец принялся хлестать его по щекам рукой, надеясь привести в чувство, но, увидев кровь на руке, брезгливо скривился. Вытер пальцы, выпрямился и что-то приказал.

В камеру вбежали два автоматчика. Тот указал пальцем на неподвижное тело.

— В больницу!

Заняв город, одну из городских больниц немцы превратили в госпиталь-концлагерь для советских военнопленных. Гражданских лиц, лечившихся в больнице, гитлеровцы вышвырнули на улицу. Оставили в ней только раненых, попавших туда во время обороны города. Большинство медицинского персонала составляли советские медики, работавшие в больнице еще до войны и не отступившие с частями Красной Армии, чтобы не бросать на верную смерть больных. Некоторые медработники пришли в госпиталь уже после оккупации города немецкими войсками.

Пациенты госпиталя-концлагеря числились в списках под личными номерами. У каждого из них на одежде висела фанерная бирка с жирно оттиснутым номером.

В этот госпиталь-концлагерь по приказу коменданта тюрьмы был срочно доставлен Титов. Его поместили в палату смертников, поскольку он был так слаб, что едва дышал и двигаться самостоятельно не мог. Сам комендант и другие тюремщики были очевидцами того, как его жестоко избили, и верили, что он находится в крайне тяжелом состоянии. На самом же деле Титов был не так уж плох, жизни его ничто не угрожало, кроме гитлеровцев, конечно.

Врачи-подпольщики констатировали «крайне тяжелое

положение, грозящее неизбежной и скорой кончиной». Поэтому-то больного и поместили в палату смертников, присвоив ему номер 438.

В первую же ночь его переодели в куртку, на которой висел уже другой номер — 379, и перевели в общий барак (в нем содержались выздоравливающие) под именем красноармейца Плетнева Никифора Севастьяновича родом из Саратова, шофера по профессии. А на место Владимира Юрьевича Титова в палату смертников под номером 438 положили труп скончавшегося Плетнева.

Вечером умершего узника Титова вынесли в морг, а утром зарыли в общей могиле на городском кладбище...

Рядового Плетнева поселили в бараке для выздоравливающих. Через два дня он уже встал на ноги, а на пятый — был переселен в барак, где содержались военнопленные, ожидавшие отправки в концентрационный лагерь или включения в рабочую команду. Вскоре Титову с помощью медиков-подпольщиков удалось устроиться разнорабочим на кухню. Он пилил и колол дрова, чистил котлы и выполнял другие работы. Физически он окреп и стал подумывать о побеге, но товарищи сказали ему, что сбежать можно, только если тебя включают в рабочую команду по валке леса...

Майор Шранке получил ответ на свой отчет по делу о партизанской диверсии. Он был оглушен его содержанием. Начал пить и напивался до чертиков. Ночами его мучили кошмары. Днем зверем кидался на подчиненных, а те шарахались от него, как от чумного...

Через своего человека, внедренного в число вольнонаемных чиновников аппарата канцелярии комендатуры города, подпольщикам удалось добыть копии некоторых секретных документов из переписки комендатуры. В этих документах они прочли:

«...Буйнов Захар Петрович был нашим проверенным агентом по кличке «Россиянин». Будучи сыном царского офицера, он горел неукротимой ненавистью к новой власти в России и люто ненавидел большевиков. Постоянной мечтой «Россиянина» было отомстить большевикам за все то, что потеряла их семья после Октябрьской революции.

Преданность рейху этот агент доказал своей честной и многолетней работой. За предвоенное время «Россиянин»

приобрел и подготовил нескольких способных и весьма перспективных агентов из числа русских эмигрантов. Они заброшены на советскую сторону, успешно там легализовались и начинают снабжать ценной информацией о внутреннем положении в стране противника.

Нас удивляет, майор Шранке, ваш субъективный и довольно примитивный метод ведения следствия по диверсии на городской электростанции.

«Россиянин» был прав, отказываясь от своей причастности к диверсии в городской гостинице. В данном случае вы поступили неквалифицированно и близоруко и погубили «Россиянина». А с его смертью потеряли и многих преданных рейху людей, с которыми «Россиянин» работал лично и не оставил на них никаких данных. Потеря такого агента, как «Россиянин», выглядит еще серьезнее, если учесть, что высшее руководство рейха, следуя весьма прозорливым и гениальным мыслям нашего дорогого фюрера и руководствуясь его великим военным гением, планировало активно использовать «Россиянина» и подобных ему личностей на важной работе по созданию органов местной власти на освобожденных нашими доблестными войсками землях...

Итак, майор Шранке, вы не оправдали высокое звание солдата фюрера. С мечом, огнем и кровью наши доблестные солдаты идут по России и устраивают там новый порядок. И всякий, кто помешает этому победоносному маршу, будет уничтожен!..

В связи с вышеизложенным вам предлагается немедленно прибыть в оперативный Центр с личным отчетом по затронутым вопросам и туда же доставить чекиста Титова...

Очнувшись, наконец, от запоя и поняв смысл указаний Центра, майор Шранке кинулся в городскую тюрьму, куда он заточил Титова.

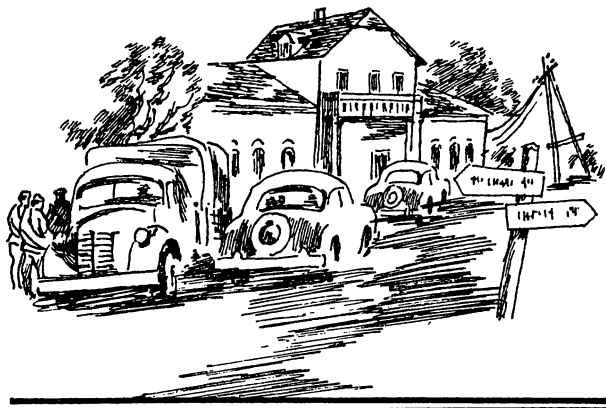
Где тот русский партизан, которого я приказывал охранять, как зеницу ока?! — рявкнул он.

Комендант городской тюрьмы обер-лейтенант Гросс вытянулся по стойке «смирно».

— Разрешите доложить, герр майор! Партизан, о котором вы изволите говорить, герр майор, некоторое время тому назад скоростижно скончался от телесных повреждений.

Комендант подробно доложил ему, как Титова избили заключенные, он был отправлен в госпиталь, а там, не приходя в сознание, умер. Погребен на городском кладбище.

В марте 1942 года заключенный номер 379 был включен в рабочую команду по заготовке леса. Военнопленные валили деревья в районе железнодорожной станции Красное, на перегоне железной дороги Смоленск — Орша. В мае этого же года ему удалось бежать и присоединиться к одному из партизанских отрядов, действовавших в треугольнике железных дорог Смоленск — Витебск — Орша.

Дмитрий КОРБОВ

В ШТАБЕ Г. К. ЖУКОВА,

Просматривая на днях свои архивы, обнаружил такую запись: «10 апреля 1942 года. 7 часов утра. Только что вернулся из Перхушково. Ездил с товарищами из управления особых отделов представлять командующему Западным фронтом тов. ЖУКОВУ Г. К. двух агентов немецкой разведки».

Дата показалась невероятной. Неужели прошло 45 лет? Ну а память тут же услужливо представила мне скромную рабочую комнату на шестом этаже дома 2 по улице Дзержинского, окно, выходящее во двор, старенький диванчик, где мы спали в ночные часы, сидевшего напротив меня славного Алешу Горбенко¹, которого, к великому сожалению, уже нет в живых, и все то, что окружало нас и чем мы жили в те, теперь уже далекие годы...

Я был тогда оперативным уполномоченным центрального аппарата контрразведки и работал в подразделении, занимавшемся использованием захваченных вражеских агентов, снабженных рациями. Суть моей работы состояла в том, чтобы организовать мероприятия, которые должны были создать у противника видимость активной деятель-

¹ Здесь и далее фамилии сотрудников и агентов изменены.

ности его агентуры в то время, когда фактически она находилась в руках советской контрразведки и работала под нашим контролем. Естественно, что мы широко практиковали передачу противнику военной дезинформации. Она разрабатывалась по указаниям Генерального штаба и штабов фронтов Красной Армии в соответствии с их стратегическими и тактическими планами. Каждая радиogramма, предназначавшаяся для передачи противнику, обязательно санкционировалась руководством Генерального штаба, с которым чекисты поддерживали тесный контакт на протяжении всей Великой Отечественной войны.

По роду работы сотрудникам контрразведки нередко приходилось выезжать в командировки на фронт. Такой командировкой был и наш визит к командующему Западным фронтом генералу армии Георгию Константиновичу Жукову.

Все началось 9 апреля 1942 года в первой половине дня.

Ты куда пропал? — набросился на меня Алексей, как только я переступил порог кабинета. — Разыскиваю уже пять минут, все телефоны оборвал...

— Забегал в «Стрелу», хотел отоварить карточки. Позарез нужна банка сгущенки, хочу послать в Свердловск своим, может, дойдет ко дню рождения дочки. А что, собственно, случилось?

— Звонила Рая, просила, чтобы ты срочно зашел к ПП.

Так для краткости мы называли между собой начальника отдела центрального аппарата контрразведки майора госбезопасности Петра Петровича Тимова.

В кабинете у Тимова находились два неизвестных мне сотрудника: один — майор госбезопасности с ромбом в петлицах, другой — лейтенант госбезопасности со шпалой. Первый оказался руководящим работником Управления особых отделов НКВД СССР Горновым, а второй — следователем этого управления Мозовым.

Когда я, пожав руки гостям, сел, Тимов сказал:

— Сейчас товарищ Мозов передаст вам материалы на двух агентов немецкой разведки, заброшенных на нашу сторону. У них есть рация и все необходимое для работы на ней... Отложите все дела и займитесь ими. Прежде всего решите, можно ли включать задержанных в работу. Заключение должно быть готово сегодня к вечеру. Ясно?

Ясно, товарищ майор!

— Да... Если возникнет необходимость поговорить с

агентами, товарищ Мозов это организует. И вот еще что. Сегодня ночью, возможно, придется поехать по этому делу в штаб фронта. Без моего ведома никуда не отлучайтесь.

Я пригласил Мозова в свой кабинет. Выслушав его, принял необходимые материалы и, не теряя ни минуты, приступил к работе.

Прежде всего ознакомился с биографиями агентов. Оба оказались молодыми людьми, бывшими военнослужащими Красной Армии, попали в плен к гитлеровцам в первые же месяцы войны. Старший — Григорий Феденко — имел звание младшего лейтенанта, командовал радиовзводом стрелкового полка. Его партнер Иван Дьяков был лейтенантом, командиром взвода отдельного батальона связи.

Биографии агентов (правда, записанные с их слов и пока еще не проверенные) указывали на то, что ни Феденко, ни Дьяков не могли быть закоренелыми врагами Отечества, и, следовательно, их можно было использовать в операции против гитлеровской разведки. Косвенно это подтверждала одна очень важная деталь: оба сразу же после выброски в наш тыл, спрятав на месте приземления парашюты и рацию, явились в военную комендатуру города Селижарово и заявили о своем задании.

Но по опыту работы я уже знал, что так называемая «положительная биография» и даже явка с повинной не всегда доказывали искренность намерений этой категории людей. Бывало, что все оказывалось заранее спланированной операцией, в ходе которой разведка противника пыталась внедрить своих агентов в советскую контрразведку.

Феденко и Дьяков были подготовлены «Абверкомандой-103», разведорганом гитлеровцев, приданным армейской группе немецких армий «Центр», действовавших на Западном фронте. Мы неплохо знали методы работы этой «Абверкоманды» (ее возглавлял полковник Герлиц). Несколько шпионских групп, подготовленных и заброшенных в наш тыл, уже были захвачены органами госбезопасности, многое, касавшееся подбора и обучения разведчиков в Борисовской, Катынской и Орджоникидзеградской школах «Абверкоманды», экипировки и инструктажа разведчиков, было мне известно. И вот теперь, сравнивая все то, что я знал, с показаниями Феденко и Дьякова, пришел к заключению: им можно верить. И все же документы документами, а личное впечатление иной

раз может перевесить. Я позвонил Мозову и попросил вызвать на допрос Дьякова. «Чуть позже потребуется и Феденко», — предупредил я.

Дьяков оказался типичным русаком — ширококостный, плечистый, с крепко посаженной головой на короткой толстой шее.

Простодушное лицо, мягкие русые волосы и светлые глаза.

— Садитесь, — сказал я ему. — Как себя чувствуете?

— Спасибо, все нормально, — сказал парень, с интересом разглядывая комнату и меня. — Дом — он, знаете, и есть дом. Каким бы ни был. Родные стены, в общем...

Разговор начался. Говорил он спокойно, просто, бесхитростно, называл вещи своими именами и не выгораживал себя.

Слушая его, я легко представил трагедию этого человека, только начавшего самостоятельную жизнь. Выходил из окружения. Плутал четыре дня, устал и в ночь на 11 сентября крепко заснул в каком-то заброшенном окопе. Тут и был захвачен немецкими автоматчиками. «У меня отобрали комсомольский билет, нож, часы, деньги. Наган утонул, когда переплывал Десну».

Дьяков передохнул, попросил воды.

Знакомая история. И то, что случилось дальше, тоже мне было известно: лагеря военнопленных в Чернигове, Гомеле, Бобруйске и Минске.

В минский лагерь приехали двое вербовщиков немецкой разведки в форме командиров Красной Армии. Отобрали среди военнопленных шесть человек — все специалисты в области связи — и отправили в Борисов. Вечером пришел немецкий офицер, майор Альбрехт, и объявил: будете работать в разведке, вам оказано большое доверие, цените это! Ну а если кто не желает, может вернуться обратно в лагерь... Вернуться никто не захотел. Это было равносильно самоубийству.

Все произошло настолько быстро и неожиданно, что я просто не сознавал, что делал, — говорил мне Дьяков. — Думал только об одном: не попасть бы снова в лагерь! Ну, а позже, когда началась учеба и особенно когда встретился с будущим своим напарником, понял: то, куда я попал, хуже любого лагеря. И нужно сделать все, чтобы перейти к своим. Так мы и решили с Феденко.

Потом в кабинет ввели Феденко. Этот был повыше ростом, потоньше, но держался тоже спокойно, смотрел

открыто, не пряча глаз, как человек, который знает, что совершил ошибку, но теперь ее исправляет и поступает правильно. Обстоятельства его пленения и вербовки были почти такими же, как у Дьякова.

Позвонил Тимов, спросил:

— Ну как дела?

— Все в порядке, товарищ майор. Заканчиваю. Через полчаса заключение будет готово.

— Впечатление?

— Положительное.

— Хорошо, заходите.

Тимов прочитал мою записку, задал несколько вопросов, набрал номер Горнова:

— У нас все готово. Мы «за»! Так что будем ждать команду на выезд. Транспорт и организация поездки за вами. — И, поймав мой вопросительный взгляд, пояснил: В Генштабе считают, раз агенты будут действовать в прифронтовой зоне, добро на их использование должен дать сам командующий фронтом Жуков. Георгий Константинович проявил к этому делу большой интерес и согласился принять их сегодня. Выезд состоится, по всей видимости, ночью. Поэтому будьте наготове.

Я пошел к себе, а по дороге заглянул в буфет. Съел вишнегрет, заправленный прогорклым постным маслом, выпил стакан чая с кусочком сахара (второй кусочек положил в карман для дочки) и стал ждать. В половине двенадцатого ночи мне позвонили: «Спускайтесь, машины у подъезда». На улице уже стояли три «эмки». В первую сели Горнов и проводник. В двух других разместились Мозов, я, агенты и два бойца охраны.

С площади Дзержинского взяли курс на Можайское шоссе. Город был погружен в темноту. Машины шли медленно, иногда включая подфарники. У деревни Мамоново, до которой добрались минут за сорок, произошла небольшая заминка — тут почему-то застряла двигавшаяся к фронту автоколонна. Через четверть часа поехали дальше. Миновали Одинцово, свернули вправо, на узкую лесную дорогу. Проскочили какую-то аллею. Затем было несколько поворотов с подъемами и спусками, и наконец машины остановились около шлагбаума, охранявшегося военным патрулем. Офицер проверил документы и дал команду открыть шлагбаум. Машины выехали на площадку, окруженную со всех сторон лесом. Слева на склоне среди деревьев виднелись силуэты двух небольших зданий. Справа, ниже по склону, недалеко от оврага, стоял одноэтажный

каменный домик с мезонином. Типичная помещичья усадьба прошлого века. Я спросил проводника: где мы? «Власиха», — кратко и непонятно ответил он. Оказалось, что местность эта именуется так по имени хозяйки имения. Что касается поселка Перхушково, имя которого вошло в летопись Великой Отечественной войны как район дислокации штаба Западного фронта, то он находился от домика с мезонином на расстоянии добрых трёх километров.

Мы с Горновым направились к крылечку дома. Несколько ступенек, простенькие перила, незатейливый деревянный навес над крыльцом. Решили тут подождать. До назначенного времени оставалось пятнадцать минут. Мозов с бойцами охраны и агентами остались в машине.

Качались, поскрипывая, сосны. Шевелил ветками ночной ветерок... «Время. Пошли!» В приемной командующего дежурили два офицера. Старший по званию сидел за столом, рассматривая какие-то бумаги. На столе стояло несколько телефонных аппаратов. Офицер помоложе шагнул к нам навстречу с журналом в руках. О нашем приезде им, видимо, было уже известно, так как старший офицер спросил:

— Вы на прием к командующему в один тридцать?

— Совершенно верно, — ответил Горнов.

— К сожалению, придется подождать. У него непредвиденное совещание. Присядьте, пожалуйста, сюда (он указал на диван). Полистайте журналы.

Около двух часов ночи из кабинета Жукова поспешно выскочил грузноватый генерал-майор с раскрасневшимся потным лицом, и в тот момент, когда он открывал дверь, до меня донеслись энергичные слова командующего:

— Вот так, генерал! Понятно? И запомните: только так!..

Совещание закончилось, и сразу же нас пригласили к Жукову. Переступив порог кабинета, Горнов доложил, что агенты немецкой разведки, заброшенные в район Селижарово, доставлены и находятся здесь.

— Хорошо, — сказал Жуков, выходя из-за длинного стола, стоявшего вдоль стены (на столе были разложены разрисованные цветными карандашами карты). Он пожал нам руки и, указывая на стулья, сказал:

— Садитесь!

Но сам не сел.

— Садитесь, садитесь, — повторил командующий. —

На меня не обращайтесь внимания, мое вертикальное положение пусть вас не смущает. Это мой метод борьбы со сном...

Мы сели, и Жуков, прохаживаясь вдоль затянутой портьерами стены, спросил:

— С кем имею честь беседовать?

Горнов назвал фамилию, должность, звание и представил меня.

— Цель нашего визита,— сказал он,— решить, целесообразно ли включать в работу агентов, заброшенных в район Селижарово. Заинтересовано ли в этом командование фронта? И есть ли надобность в передаче противнику военной дезинформации? В Генеральном штабе нам посоветовали встретиться с вами.

— Да, я в курсе. Мне звонили. А как с вашей стороны, препятствий нет? Вы уверены в том, что они будут честно работать?

Горнов коротко сообщил, что собой представляют оба агента, и добавил:

— Думаем, что им можно верить. Техника тоже в порядке. Как, товарищ Корбов, правильно?

— Так точно,— ответил я,— все исправно: рация, кварцы, батареи, расписание связи, шифры. К работе можно приступать в любое время. Правда, есть одна трудность: после выброски агентов прошло четыре дня, а они молчат. Хотя обязаны держать связь со своим радиоцентром ежедневно. Поэтому агентам было разрешено передать следующую радиограмму: «Приземлились благополучно не в своем районе. Выходим к месту. В связи с большим движением днем скрывались». Думаем, что это может успокоить противника.

Радиограмму уже передали?— поинтересовался Жуков.

— Да. Немцы подтвердили: радиограмма принята. Теперь они знают, что их люди встретились с трудностями и связь с ними может прерваться на некоторое время.

Командующий молча прошелся вдоль стола, затем, повернувшись к нам, сказал:

— Давайте сначала выясним, чем конкретно интересуются немцы, а затем решим, как быть дальше.

По его приказанию в кабинет ввели Феденко, который, бросив взгляд на пять звездочек в петлицах командующего, явно растерялся.

— Мне доложили, что вы — офицер Красной Армии. Правильно?— спросил Жуков.

— Так точно.

— В каком звании?

— Младший лейтенант.

— Где служили?

— Был командиром радиовзвода стрелкового полка 129-й стрелковой дивизии.

Как оказались во вражеском плену?

Так сложилась обстановка.

— А именно?

— 29 июля на выходе из окружения в направлении Ярцево меня, безоружного, взяли в плен четыре немецких солдата.

— Значит, сдались без сопротивления, добровольно? Так?

— Можно считать, так. Сопротивляться было нечем.

— Это позор!— резко среагировал командующий. Он прошелся вдоль стола, добавил:— Это — измена Родине! Вы задумывались об этом?

Феденко опустил голову, как провинившийся школьник. Отводя глаза в сторону, ответил:

Конечно, задумывался. Страшнее плена ничего не придумаешь... Я только и думал, как бы вырваться из этого ада.

— И пошли на службу к фашистам. Как это понимать?

— Я пошел на сотрудничество с немецкой разведкой только потому, что видел: это единственный путь домой. Мне удалось вернуться. Я счастлив. И готов нести любое наказание...

Чем же вы приглянулись немцам, почему они доверили вам такое важное дело?

Вероятно, тем, что я был специалистом по связи.

И только?

Ничем другим объяснить не могу. Немцы вообще считали, что если сдался в плен, то обязан на них работать. Разведчики им нужны, в первую очередь специалисты по связи.

Но немцы ведь не дураки. Их доверие нужно заслужить. Я знаю, что для проверки своих разведчиков они поручают им участвовать в карательных акциях против партизан, зачисляют на службу в полицию. Какие задания поручали вам?

— Таких заданий ни я, ни мой напарник не получали. Но было другое. Этой зимой нас перебросили в распоряжение штаба гитлеровской разведки во Ржеве. Предпола-

галось, что Ржев будет сдан, а нас хотели оставить там с рацией... Немцы посылали нас под видом военнопленных к местным жителям. Мы посетили семь квартир, доложили, что ничего подозрительного не заметили. С таким же заданием нас направили в ржевский лагерь военнопленных. Еще нам поручали дежурить на радиостанции — прослушивать радиопередачи советских войск.

— Ладно, Феденко. Хорошо, что вы все же опомнились, нашли в себе мужество явиться с повинной. За это многое простится, хотя, может быть, и не все. Надеюсь, урок пойдет на пользу. А сейчас расскажите подробно, какие вы получали задания и инструкции.

— Нам было поручено обследовать расположение воинских частей Красной Армии в районе Селижарово и выяснить, есть ли резервы в этом районе, особенно танковые. Каково состояние дорог, их проходимость и ширина, происходит ли выгрузка войск в Селижарово, много ли их и какие именно, какова интенсивность движения по железной дороге Торжок — Кувшиново — Селижарово. Где выгружаются войска, как далеко продвигаются на запад...

Жуков подозвал Феденко к себе, подвел к карте, лежавшей на столе:

— Покажите маршрут, по которому должны были пройти.

И стал терпеливо расспрашивать, стараясь выяснить, почему абвер заинтересовался именно этим, а не каким-то другим населенным пунктом.

Феденко подробно отвечал.

— На сколько дней было рассчитано ваше задание? — спросил командующий.

— На десять.

— А потом?

— Потом на этом участке должно начаться наступление немецких войск.

— Стоп, стоп, — поднял руку Жуков. — Когда, где, кем, в какой форме и в связи с чем это было сказано?

Так инструктировал нас перед отправкой на задание майор Альбрехт. Сказано было следующее: «Вы должны обязательно уложиться в срок, так как немецкое командование в районе Ржев — Селижарово готовит наступление своих войск. Возможно, мы успеем застать вас на месте еще до того, как вы перейдете линию фронта».

— Где намечался ваш переход?

— В районе Ржева.

Задав еще несколько вопросов, командующий отпустил Феденко и приказал ввести Дьякова.

Коренастая, крепкая фигура Дьякова, его бравый, спокойный вид и явно выраженное любопытство при виде знаков высшего генеральского ранга, как мне показалось, произвели на Жукова неплохое впечатление. Неспешно осмотрев его с ног до головы, он улыбнулся, спросил:

— Ну что, солдат, вырвался из вражеского логова?

Так точно, товарищ генерал,— отрапортовал Дьяков, смутившись, что назвал его товарищем.

— Правильно сделал, что вырвался, хотя способ, должен заметить, крайне рискованный. Ведь немцы, прежде чем забросить сюда, могли в порядке испытания заставить вас обгадить руки кровью товарищей. А такое пятно уже ничем не смоешь. Родина не простит. Хорошо, что все сошло благополучно.

Ответы Дьякова подтверждали все, что сказал Феденко, но были более обстоятельными. Он рассказывал, что немцы, как ему пришлось не раз слышать от них, готовятся взять реванш за зимнее поражение на Западном фронте. Наступление начнется, как только закончится разлив рек и просохнут дороги, чтобы можно было использовать танки.

— Теперь поподробнее, что видели на территории противника,— сказал Жуков, раскрывая блокнот.— Передвижение войск, где и какие укрепления, аэродромы...

Дьяков ответил. Жуков записал все в блокнот. Разговор в общей сложности занял более двух часов.

Ну что ж, товарищи, давайте подбивать бабки,— сказал Жуков, когда мы снова остались втроем. Он потер виски, провел ладонями по красным от постоянного недосыпания векам, тряхнул головой, прогоняя сон и усталость, и сказал:

— Жаль, конечно, что этих людей не было у нас несколько раньше, когда мы планировали операцию по разгрому ржевско-вяземской группировки немцев. Большая была бы польза... Ну а сейчас на этом участке такая обстановка, когда передавать противнику любую дезинформацию мне представляется затруднительным.

Жуков подошел к стене, отодвинул портьеру — за ней оказалась большая карта.

— Вот, смотрите: в образовавшемся здесь «аппендиксе» сосредоточены довольно солидные силы немцев. О на-

ступлении они пока не помышляют и вряд ли отважатся в ближайшее время. То, что нам сейчас рассказали агенты насчет подготовки к наступлению, я склонен рассматривать лишь как тактический ход со стороны абвера, цель которого подбодрить их. Мы в свою очередь тоже вынуждены перейти к обороне — чтобы наступать, нужны силы, а чтобы их накопить, требуется время. В этой ситуации продемонстрировать ложное сосредоточение наших войск, а самим наносить удар в другом месте мы пока не можем. Не готовы к этому. Вот если б удлинить срок пребывания агентов, тогда другое дело. Кстати, а нельзя ли это сделать? Давайте-ка их спросим.

Дьякова снова ввели в кабинет.

— Вы сказали, что ваше задание рассчитано на десять дней. Так? — спросил Жуков.

— Совершенно верно.

— А если бы пришлось задержаться дольше? Такой вариант не обсуждался?

— Нет. Было сказано, чтобы мы уложились именно в этот срок. Из этого расчета нам выдали и продовольствие.

— Сколько же дней осталось?

— Самое большое — неделя.

— Хорошо, можете идти.

Когда за Дьяковым закрылась дверь кабинета, командующий подошел к стене, задвинул портьеру, закрыв карту, и сказал:

— Да, видимо, ничего не получится, а жаль! Впрочем, будем надеяться, что это не последняя возможность. Думается, все еще впереди. А за визит спасибо. Надеюсь, что помощь чекистов фронту всегда будет оставаться на должном уровне.

Мы вышли на улицу. Было очень тихо, начинался рассвет. На дне оврага виднелась вода, там, очевидно, протекал ручей или небольшая речушка. Постояли несколько минут на воздухе и пошли к машинам. Мозов и агенты были уже там.

Помню, прежде чем сесть в машину, я еще раз посмотрел на домик с мезонином, которому в годину тяжелейших для Отчизны испытаний было суждено стать кабинетом и квартирой выдающегося советского полководца. Хотелось запомнить все.

Бессонная ночь давала о себе знать. Клонило ко сну. Но, как только я закрывал глаза, передо мной снова возникало усталое волевое лицо Жукова, красные веки, рука

движется по разрисованной цветными карандашами карте. Энергичный жест, твердый голос человека, привыкшего одолевать любые трудности...

Таким я и запомнил его.

Потом нам не раз приходилось использовать гитлеровских агентов для дезинформации противника, и нет-нет да приходило мне на память напутственное слово Жукова: «Будем надеяться, что это не последняя возможность. Думается, все еще впереди». Так оно и оказалось.

Николай ЕРМОЛЕНКО

КАПИТАН ПОТЕМКИН КОМЕНДАНТ ЗАКОПАНЕ

В 1944 году победоносная Красная Армия выбросила врага за границы Советского Союза. Очистив от гитлеровских захватчиков территорию своей Родины, советские люди, верные интернациональному долгу, протянули руку бескорыстной братской помощи народам, томившимся под немецко-фашистским игмом.

На территории Польши и Чехословакии действовал отряд, сформированный НКГБ УССР 31 июля 1944 года в г. Ровно и получивший имя легендарного героя гражданской войны Н. Щорса. В его состав вошли восемьдесят бойцов и командиров. В большинстве своем они уже успели повоевать на оккупированной фашистами территории. Командиром отряда был назначен капитан Потемкин — Владимир Семенович Мацнев.

Отряд действовал успешно: в центр поступала ценная развединформация, летели под откос эшелоны с живой силой и техникой врага, рушились шоссейные и железнодорожные мосты. Но есть на боевом счету щорсовцев особо памятная и почетная операция. Это — захват городов Закопане и Поронино, спасение дорогого для человечества дома, где в 1913—1914 годах жили и работали В. И. Ленин и Н. К. Крупская.

...За окном домика, затерявшегося среди Словацких Высоких Татр, бушевала декабрьская вьюга. Радистки партизанского отряда им. Щорса Лена Киселева и Рая Калугина готовились к очередному сеансу связи с Большой землей. И вот в эфире раздались знакомые позывные... Через некоторое время на стол командира легла радиограмма:

«Потемкину. Связи наступательными операциями Красной Армии направлении Новы Тарг отряду необходимо передислоцироваться Польшу. Организовать сбор развединформации о противнике: численности гарнизонов, строительстве оборонительных укреплений. Парализовать его движение на железнодорожных и шоссейных магистралях. Скалов».

«Скалов» — так именовался в радиограммах нарком госбезопасности Украины. Его подпись свидетельствовала о серьезности поставленных задач. Владимир Семенович Мацнев вызвал своего заместителя по разведке Чуракова:

— Обстановка меняется, Иван Иванович,— сказал командир, протягивая радиограмму.— Предстоит сложный переход в Польшу. Прикинем маршрут.

Они подошли к столу, на котором лежала испещренная пометками карта.

— Я думаю, лучше всего будет действовать из района Костелиской долины: удобно для проведения разведывательных и диверсионных операций. Да и в случае обороны — преимущество.

— Да, пожалуй, это самый выгодный район,— согласился Чураков.— Места знакомые. Помнится, здесь, в районе Гала Томанова, километрах в десяти юго-западнее Закопане, есть лесные домики. В них можно будет и расположиться.

22 декабря 1944 года во второй половине дня отряд им. Щорса передислоцировался в Костелискую долину — именно в тот район, который Мацнев и Чураков наметили.

Пока часть партизан приводила в порядок домики — ремонтировали печи, сооружали нары,— разведчики начали «обживать» район действий.

Местность, где расположился отряд, была резко пересеченной. Долина, тянувшаяся на юг от села Костелиско до перевала, в двух километрах от которого находилось село Киры, будто нарочно была создана для укрытия дозоров. Скалы, достигавшие 200-метровой высоты, нависали над

долиной. Ее ширина в некоторых местах не превышала трех десятков метров. Здесь Мацнев расположил партизанские заставы.

Отходящая на восток Томанавская долина вела на перевал в Тихую долину, склоны которой в это время года были труднодоступны. А вот перевал в Хохловскую долину, расположенный в десяти километрах юго-западнее города Закопане, оказался проходимым. Оттуда и следовало ожидать противника. Тем более что, по имевшимся у Потемкина данным, в Хохловской долине дислоцировался отряд капитана Тихонова, о котором гитлеровцы не могли не знать.

В ночь на 24 декабря в села Киры и Костелиско, находившиеся вблизи Закопане, ушли партизанские разведчики: прежде чем приступить к ведению активных операций, необходимо было уточнить обстановку. Однако то, что им удалось узнать, представляло интерес не только для отряда им. Щорса. Поэтому, как Мацьеву ни не хотелось раньше времени выходить в эфир — была почти стопроцентная уверенность, что появившуюся радиостанцию тут же запеленгуют гитлеровцы, в Центр ушла радиограмма:

«Скалову. Приступили разведке районе Закопане. Численность гарнизонов: г. Закопане — до 1000 чел. и около 150 сотрудников полиции безопасности и СД. В прилегающих к ж. д. полотну населенных пунктах: Новы Тарг — до 1000, в Шафлянах — около 50, Поронино — 100. Численность меняется. Опросом населения Костелиско, Медзе, Червоне и др., жители которых работают на строительстве оборонительного рубежа, установлено: траншеи полного профиля роятся северо-восточнее города Рабка, идут через село Обидово — восточнее Новы Тарг — на село Нова Бяла. На отдельных отрезках — противотанковые рвы. Уточненные данные обстановке квадратах Новы Тарг — Закопане сообщу следующих сеансах связи. Потемкин».

Как и предполагал Мацнев, выход в эфир радиостанции не остался незамеченным. Уже 27 декабря партизанские заставы зафиксировали отряд немецких солдат — около 200 человек, — который спустился в Костелискую долину в двух-трех километрах южнее шоссе Закопане — Витув. Доложили заместителю командира по разведке. Чураков и Мацнев решили, что обнаруживать пока себя нет нужды.

Снег в этом месте лежал глубокий. Партизаны, отправляясь на задания, двигались обходными маршрутами, и вражеская разведка, увидев нетронутое снежное покрывало, покинула долину.

А 29 декабря стало известно, что гитлеровцы побывали в селе Киры. Они пытались узнать что-либо о «десанте советских парашютистов». Были опрошены почти все жители. Некоторым, угрожая расстрелом, устроили форменный допрос...

— Твои разведчики ходили,— говорил Мацнев своему заместителю.— Их могли видеть и чужие глаза. Ох, чуёт мое сердце: испортят фашисты нам новогоднюю ночь.

Партизаны выставили усиленные посты, разведгруппы проложили маршруты таким образом, чтобы их появление в населенных пунктах не связывалось с Костелинской долиной.

Советскому командованию нужны были достоверные сведения об обороне немецких войск, и Мацнев благоразумно старался избежать стычек, которые могли перерасти в ожесточенное сражение с превосходящими силами противника.

Однако, вопреки ожиданиям, 30 и 31 декабря прошли спокойно. Отряд вел разведку, укрепляя оборонительные огневые точки и готовился к встрече Нового года. Мацневу в эти дни надоело выпроваживать командиров взводов подрывников, разведчиков, каждый из которых приходил проситься на задание: «совершить налет на гарнизон... «устроить фашистам фейерверк...», «забросать гранатами штаб...», «выкрасть «ценного фрица...»

Новый год встречали все вместе. Был даже небольшой концерт — «на злобу дня»: с шутками, сатирическими куплетами, импровизациями.

Владимир Семенович Мацнев вспомнил дни, когда Новый год был мирным, детство, юность родителей...

Отец с первых же дней в Красной Гвардии и Красной Армии. Мать — до революции батрачка, после революции служила артиллеристом на бронепоезде «Борец за Свободу», где ее муж был комиссаром. С 1920 по 1936 год отец работал в органах ВЧК — НКВД, затем — до 1942-го — на партийной работе, потом ушел на фронт...

Когда началась война, Потемкин, к тому времени уже окончивший институт и работавший в школе учителем физики, стал проситься на фронт. С трудом добился, но попал не на передовую, а в военное училище. Позже были бои под Сталинградом, плен... Организовал побег: с ним ушло более сотни военнопленных. Образовали партизанский отряд. Он был начальником штаба, потом командовал отрядом. После освобождения Красной Армией Ровно сдал

командование и стал проситься на передовую или в тыл противника.

Учитывая опыт и организаторские способности Мацнева, Управление НКГБ Ровенской области по согласованию с Наркоматом госбезопасности Украины поручило ему сформировать из бывших партизан специальный разведывательно-диверсионный отряд...

В сентябре 1944 года отряд с боем прорвался через линию фронта. Он пополнился за счет местных патриотов и бежавших из плена красноармейцев...

Мацнев знал всех собравшихся в лесном домике и тех, кто в этот момент находился в «секрете»... Но даже если говорить о каждом кратко, ему не хватило бы новогодней ночи. Вот, например, командир взвода разведки Иван Федотович Ткаченко. О его смелости и мужестве свидетельствуют медали «За отвагу» и две — «За боевые заслуги», полученные в 1943 году.

Рядом с Ткаченко пристроились радистки Елена Киселева и Рая Калугина, совсем девочки, им недавно исполнилось по двадцать.

Лену Киселеву Ткаченко считал своей землячкой: она родилась в Белгороде, но затем вместе с родителями переехала в Воронеж... Рая Калугина — украинка, из села Привольное. Обе учились в институтах. И вот война... Не без сомнений взял Мацнев девушек в свой отряд, но не ошибся. Спокойствию и выдержке этих «пичуг» удивлялись даже бывалые партизаны. Нередко им приходилось разворачивать рацию во время боев. Случалось, вражеские мины падали в десяти-пятнадцати метрах, а они лишь на мгновение выпускали из рук телеграфный ключ или карандаш для того, чтобы прикрыть своим телом рацию.

— После войны расскажем о каждом, — вслух произнес Владимир Семенович.

— О чем вы? — удивленно посмотрел на командира Чураков.

Мацнев улыбнулся:

— После войны расскажем, как били врага, как воевали партизаны и чекисты — вроде тебя, и о тех, кто сложил голову и не дожил до Победы... Народ должен знать и помнить своих сынов!

...Новый год начался с боя. 3 января прибывший в штаб связной доложил: «В пяти километрах южнее шоссе Закопане — Витув, прямо на заставу, движется отряд немецких солдат».

Мацнев, взглянув на карту, сказал:

— Сейчас на заставе отделение Дробинчука. Ну, на Николая Захаровича можно положиться — не пропустят фрицев.

Донеслась приглушенная расстоянием пулеметная очередь, заговорили автоматы, перекрывая их, громыхнул взрыв гранаты.

Тишина закончилась, — озабоченно проговорил Мацнев. — Теперь жди гостей. Будем готовиться к обороне.

Встретив огонь партизан, немцы остановились, затем рассыпались в разные стороны и отошли. Как и предполагал командир, через час противник подтянул оборону, перекрыли все подходы к месту боя. Мацнев готов был послать Дробинчуку подкрепление, но не понадобилось. Партизаны удачно выбрали место для огневых точек, и гитлеровцам не удалось прорваться. Неоднократно немцы предпринимали попытки атаковать. Их подпускали совсем близко, уже можно было разглядеть лица...

Все ближе и ближе маячат на мушках фигуры в ненавистой форме. Партизаны готовы нажать на спусковые крючки автоматов, но их сдерживает спокойный голос Николая Дробинчука:

— Не стрелять, ребята! Подождем. Пусть обогнут уступ — так они нам виднее будут.

И, наконец, команда: «Огонь!..»

Захлебывается очередная атака. С наступлением темноты гитлеровцы, оставив на снегу убитых, отошли в села Киры и Костелиско.

Кто-то из бойцов, делясь впечатлениями от боя, удивился, мол, еще не доводилось видеть, чтобы противник так слепо, в панике метался по ущелью. Мацнев ответил:

— Вероятно, этим солдатам не приходилось вести бой в горах. Мы уже привыкли. А представьте себе, что ощущает человек, который это испытал впервые: гром выстрелов, усиленный и отраженный эхом; пули, рикошета от скал, противно свистят, а рядом падают идущие в атаку... Однако, товарищи, готовимся к серьезному бою. Сегодняшний свидетельствует о том, что нас недооценили. Завтра наверняка, здесь появятся лыжники-егеря, подтянут артиллерию... Это нарушает наши планы, но бой надо принимать.

О том, что произошло на следующий день, стало известно из отчета командира специального отряда НКГБ СССР им. Щорса капитана Потемкина:

...4 января 1945 г. в 11 часов 30 мин. гитлеровцы силой одного горнолыжного батальона при поддержке артиллерии и минометов начали наступление по Костелинской долине... Встреченные огнем нашей усиленной заставы (1-й взвод под командованием тов. Голубева (Карпа Степановича Рябца), отходили, теряя убитых и раненых...

К 15 часам противник сконцентрировал артиллерийский огонь по заставе, применяя шрапнельные снаряды, и снова начал наступление. Так как обстановка становилась серьезной, на помощь заставе был брошен 2-й взвод под командованием тов. Кухарева (Петра Александровича Кислицина).

К 19 часам со стороны перевала из Томановой долины появилась группа немецких лыжников в количестве 100 человек. Ее цель была понятна — выйти в тыл нашей заставе и совместным ударом с наступавшими со стороны Костелинской долины частями уничтожить ее... Было принято решение устроить засаду. Для этого 3-й взвод под командованием тов. Кошкина (Ивана Тихоновича Тихонова) занял оборону и, подпустив спускающийся по открытому склону отряд гитлеровцев, открыл огонь из пулеметов. Немцы залегли... По-видимому, они не предполагали наткнуться здесь на нашу оборону. С наступлением темноты эта группа лыжников отошла обратно через Томановый перевал в гор. Закопане...

Хотя противник и оттянул свои силы, однако продолжал вести наблюдение за выходами из Костелинской долины. Не теряли бдительности и партизаны. Их дозоры контролировали все подходы к базе и готовы были отразить любую попытку врага прорваться сквозь заставы.

Один из партизанских «секретов» блокировал подступы со стороны села Киры. Вдруг бойцы, внимательно вглядывавшиеся в темноту, услышали скрип снега и увидели, как на фоне неба мелькнула одинокая фигура лыжника.

Лыжник легко скользнул вниз. Он так уверенно обходил валуны и россыпи, что можно было подумать — он видит в темноте. Неизвестный двигался прямо на цепочку затаившихся партизан.

Окрик «Стоять!» по-русски и по-немецки заставил лыжника резко затормозить, воткнуть палки в снег и, подчиняясь команде, поднять руки вверх...

Задержанным оказался юноша лет восемнадцати, житель села Киры Станислав Карпель. Он непременно хотел видеть командира «советских парашютистов». Когда его привели к Чуракову, парень, волнуясь, сказал, что хочет

бить гитлеровцев вместе с русскими братьями, что немцы утром собираются напасть на отряд, уже подтягивают войска: много солдат в маскировочных халатах на лыжах, много пушек, больших минометов.

— Вам надо уходить отсюда, я знаю тропы...— посоветовал он.

— Этот юноша для нас находка,— докладывал Мацнев Чураков.— Он дал ценную информацию о дислокации противника, оборонительных сооружениях, о гарнизоне и укреплениях в Закопане. Кроме того, его старший брат оказался товарищем нашего проводника Рудека Самардака и уже помогал ему добывать необходимые сведения. Думаю, на Станислава смело можно положиться и сейчас, и впредь.

— Ну впредь — это уже разведка — твоя непосредственная работа, займешься сам,— согласно кивнул головой Мацнев,— а сейчас надо поднимать отряд: не то к утру окажемся в мешке.

Из отчета командира отряда им. Щорса:

...В 24 часа 4 января 1945 года начали отход в Словакию по маршруту: через перевал — в Хохловскую долину; по Старобочанской долине — до перевала в Рачковую долину. Перед отходом, на шоссе, ведущем из села Киры в Костелискую долину, нами было установлено 14 противопехотных мин...

К 19 часам 5 января 1945 года отряд благополучно перешел через лавиноопасный перевал и спустился в Рачковую долину у села Прибылина (Словакия)... расположились в рабочих бараках, находящихся в 6 километрах севернее села...

В ответ на радиogramму о вынужденном уходе в Словакию, Центр ответил:

«Потемкину. Задача остается прежней. Примите все меры ее выполнению. Этим целям Вам подчиняется группа Сокола. Взаимодействуйте отрядом капитана Тихонова... Докладывайте ежесуточно. Скалов».

Вскоре отряд возвратился в Костелискую долину. Переход осуществили скрытно. Противник, убедившись, что партизаны ушли, снял наблюдение. Да и обстановка для немецко-фашистских захватчиков складывалась сложно — части Красной Армии подходили к городу Новы Тарг

17 января 1945 года была отмечена необычная активность немецких войск, особенно пограничной стражи и отрядов, располагающихся на территории санаториев.

Чураков послал в близлежащие населенные пункты разведгруппу. Погода была ужасная: все вокруг покрылось мутной пеленой тумана, увидеть что-то можно было лишь... «на ошупь».

Бойцы шли по дороге, когда до них донеслось характерное всхрапывание. «Едут на лошадях, наверное, местные жители», — подумали они. Но оказалось, что это двигался отряд немецкой пограничной стражи. Разведчики быстро отошли назад и решили принять бой. В их сторону полетели гранаты, хлестнули автоматные очереди... Дело дошло до рукопашной схватки.

Особенно смело действовали командир 3-го взвода Тихонов, бойцы Шумилин, Макуха, Антипов, Яремчук, разведчик Самардак и другие.

Немецкие пограничники бежали: небольшую группу партизан они приняли за наступавший партизанский отряд. Захваченный разведчиками унтер-офицер Ганс Циглер рассказал, что пограничная стража из сел Хохолув и Витув собирается в двух километрах западнее города Закопане (в селе Гроник), откуда должна эвакуироваться. Приказ о пункте назначения еще не поступил.

Обстановка в районе Закопане, Новы Тарг, планы немецкого командования оставались неразгаданными. Мацнев и Чураков, понимая важность и срочность получения достоверной информации, решили провести усиленную разведку. В районы, где сосредоточивались крупные силы гитлеровцев, было послано несколько групп. Одна из них во главе с младшим лейтенантом Павлом Ивановичем Никуличем отправилась к селу Яшуровка. Ей было поручено — при благоприятном стечении обстоятельств — взорвать шоссейный мост. Две другие — 3-й взвод Ивана Тихоновича Тихонова и взвод разведки под командованием Ивана Федотовича Коротких — направились в долину Малой Лонки (3 км юго-западнее г. Закопане).

Возвратившаяся группа Никулича доложила, что по шоссе непрерывным потоком движутся колонны отходящих немецких войск. Мост усиленно охраняется, и скрытно подойти к нему не удалось. Большие передвижения немцев отметили группы Тихонова и Коротких.

Ночью в Наркомат госбезопасности Украины ушла радиограмма:

«Скалову. Районе Закопане — Новы Тарг фиксируем отступление войск противника... Огневые точки продолжают удерживаться. Немецкое командование перебрасы-

вает дополнительные силы, в том числе артиллерию, минометы на оборонительную линию северо-западнее Закопане — район Хохолув¹

В момент наступления наших войск направлении Закопане окажем поддержку ударом с тыла... Потемкин.

...Мацнев и Чураков наносили на карту полученные сведения о расположении войск противника, обсуждали план действий отряда: намечали проведение новых разведывательных и диверсионных операций. В это время слышались голоса, кто-то хотел видеть Потемкина. Раздался стук в дверь. Вошел заместитель командира взвода разведки Иосиф Борисович Галицкий. Предложение, с которым он явился, совпало с тем, над чем думали руководители отряда: он хотел проникнуть в Закопане...

Операция была рискованной, но Мацнев хорошо знал Галицкого, ценил его выдержку, умение быстро принимать верные решения, способность перевоплощаться в «старика», «беженца», «полицейского»...

За плечами этого бойца был уже немалый опыт борьбы с врагом. Двадцатилетним юношей — в апреле 1943 года — он вступил в отряд им. Дзержинского партизанского соединения, которым командовал И. И. Шитов. Был разведчиком. В феврале 1944-го после освобождения от гитлеровских захватчиков Ровенской области стал бойцом истребительного отряда. Изъявил желание пойти в тыл противника. Галицкий не только вел боевую разведку, но и принимал участие в диверсионных операциях на железнодорожных магистралях, где требовалось особое хладнокровие, выдержка и мужество. Кроме того, он знал польский язык и вполне мог сойти за местного жителя...

Не успел Галицкий получить «добро» Мацнева на проведение разведоперации, как в дверях появилась запрошенная снегом фигура. Человек нерешительно остановился на пороге — понял, что командир еще не закончил разговор.

А, Станислав,— узнал его Мацнев.— Проходи, проходи.

Станислав Карпель подошел к столу и присел на край скамейки.

— Мы планируем провести разведку в Закопане,— продолжал Мацнев.— Нужны сведения о дислокации и

---

¹ В это время части Красной Армии наносили удар в обход Закопане: с Новы Тарг — на Хохолув.

численности гарнизона, временно остановившихся в городе воинских частях, расположении огневых точек. Ты не раз бывал там, знаешь, где находятся учреждения оккупантов, посты охраны, места, откуда удобнее вести наблюдение...

Командир перевел взгляд на Галицкого, затем снова обратился к Станиславу:

Хочу попросить тебя сходить в разведку с нашим товарищем. Сейчас нам очень важно знать, какие меры предпринимают гитлеровцы для укрепления обороны, или же выявить признаки, что они собираются оставить город...

Конечно, я с радостью помогу вам. Уже сейчас могу сказать, что немцы, по всей вероятности, намерены оставить город. Они готовят к взрыву железнодорожный и шоссейные мосты, заминировали электростанцию, госпиталь, астрономическую обсерваторию, некоторые здания. Но, товарищ командир, это еще не все...

Он приподнялся и, путая польские и русские слова, быстро заговорил.

— Успокойся, Станислав, — подошел к нему Мацнев. — Успокойся, рассказывай по порядку.

— Это очень важно, товарищ командир, — продолжал Станислав. Сегодня я был у Марии и Владислава Крагулец. Мне сказали, что они искали меня. Старики в отчаянии. Им стало известно, что немцы решили сжечь деревянный домик, в котором работали Ленин и Крупская. И домик в Бялы Дунайце, где они жили, тоже хотят уничтожить... Крагульцам можно верить, вы же их знаете...

Мацнев действительно хорошо знал эту семью. Мария — старый член Коммунистической партии, участница Октябрьской революции. Она и ее муж были лично знакомы с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Встречались еще в 1913—1914 годах, когда они жили и работали в Поронино и селе Бялы Дунаец...

Сообщение партизанского связного было столь важным, что командир изменил план. Галицкий направился в Закопане один, а Станиславу было поручено организовать тщательное наблюдение за фашистами: чтобы не остался незамеченным ни один их шаг. Мацнев посоветовал привлечь к этому и брата — его появление не вызовет подозрений у гитлеровских ищеек.

Едва Карпель ушел, Мацнев приказал собрать всех свободных от несения боевого охранения и не успевших уйти на задания.

Товарищи, только что получены тревожные вести, — сказал он... — Гитлеровцы задумали сжечь домик Влади-

мира Ильича Ленина в Поронино. С Поронино связаны важные для деятельности нашей партии события, — продолжал Мацнев. — История сохранила их для потомков. Здесь в 1913 году состоялось Поронинское совещание ЦК РСДРП. Оно проходило под руководством Владимира Ильича. И вот теперь гитлеровцы задумали совершить еще один варварский акт, — сжечь домик. Мы не должны допустить этого. Противник собирается оставить Закопане: уже производит эвакуационные работы. Намреваясь превратить город в кучи щебня, минует его. Чтобы упредить фашистов, помешать совершить им черное дело, мы должны взять Закопане и Поронино, выбить гитлеровцев из близлежащих населенных пунктов, в том числе — из Бялы Дунайца, в котором также под угрозой уничтожения находится домик, где жили Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Готовимся к решающему бою, товарищи!

...Два дня пробыл в Закопане партизанский разведчик Иосиф Галицкий. Он собрал ценные сведения об огневых точках противника, о казармах и домах, где расположились войска гарнизона; обнаружил кабели связи с подразделениями, дислоцировавшимися в близлежащих населенных пунктах, ведущие к частям, занимавшим линию обороны северо-западнее Закопане.

Зная о решении командования отряда поддержать наступление Красной Армии ударом с тыла, Галицкий внимательно изучил расположение улиц — подходы к центру города, — по которым в случае необходимости партизаны быстро и в обход огневых точек могли бы достичь оборонительных объектов, удерживаемых противником.

Полученные разведсведения оказались как нельзя кстати: штаб отряда в данный момент разрабатывал детали операции по захвату Закопане.

Штурм решили начать с наступлением темноты 29 января. Первое направление удара — со стороны шоссе на Витув: через села Гроник и Скийувки. Второе — с юга: через Бундувки и по улицам города.

Несколько раньше выступил взвод разведчиков во главе с Иваном Федотовичем Коротких и его заместителем — Иосифом Галицким. Набив карманы гранатами и спрятав под пальто автоматы, разведчики поодиночке проникли в центр города, пробрались к казармам и комендатуре. Ровно в 20 часов — в назначенное штабом время — полетели гранаты, им вдогонку заговорили автоматы передовой партизанской группы. Это было сигналом для

общего наступления. Первым бросился на врага взвод Тихонова. Бойцы сняли расположенные на окраине посты и ворвались в город.

Неожиданное нападение вызвало среди гитлеровцев панику: вероятно, они думали, что в Закопане ворвались части Красной Армии. Взрывы гранат, стрельба... Враг не знал, с какой стороны занимать оборону. Однако вскоре немецким офицерам удалось собрать большую группу солдат и организовать контр наступление. Они начали теснить бойцов Тихонова. В этот момент на помощь подоспел взвод Николая Лукича Никифорова. Гитлеровцы оказались в кольце. Поняв бессмысленность сопротивления, они прекратили стрельбу и, побросав оружие, подняли руки... Перед началом атаки партизаны прервали связь, так что помощи немецкому гарнизону ждать было неоткуда.

Пока часть партизан вылавливала прятавшихся в подвалах и на чердаках домов немецких и власовских вояк, другие спешно двинулись на Поронино выбить оттуда фашистов и помешать им уничтожить дом В. И. Ленина. Принять участие в этой операции хотели все партизаны. Но, разумеется, Мацнев не мог отправить весь отряд. Бойцов он отобрал сам.

В освобождении Поронино принимали участие Сергей Артамонов, Евгений Мельников, Василий Коробейников, Алексей Трофимов, Василий Старостин, а также бойцы польской группы отряда.

Пришлось отпустить и связную Янину Питоньову (Фигус). Командир не хотел рисковать жизнью девушки, но со слезами на глазах она доказывала, что это ее патриотический и гражданский долг.

Янина вместе с матерью Анной Питоньовой оказала большую помощь партизанскому отряду им. Щорса. Они собирали нужную информацию, шили для бойцов маскировочные халаты, участвовали в проведении различных операций. Однажды при выполнении разведывательного задания Янина была арестована. Это известие взволновало командование отряда и всех, кто ее знал. Предлагались самые различные способы освобождения девушки, но из-за слишком большого неравенства сил они были практически неосуществимы. И все же партизаны не отказались даже от малейшего шанса. Разведчики и боевая группа находились в постоянной готовности... Произошло то, на что и рассчитывали щорсовцы: гестаповский конвой был уничтожен, Янина освобождена. С тех пор она находилась в отряде, и вот теперь шла в бой.

...Партизаны неожиданно и стремительно ворвались в Поронино и Бялы Дунаец. Гитлеровцы не успели оказать сколь-нибудь серьезного сопротивления, и дом-музей В. И. Ленина был спасен от уничтожения.

Население радостно встречало победителей. Мацнев стал комендантом Закопане. Были созданы органы городского управления, милиция, восстановлена взорванная немцами электростанция, оборудовано два госпиталя — благо имущества, захваченного у противника, для этого хватало.

На улицах Закопане появились приказы коменданта, которые позволили нормализовать жизнь. Чтобы обезопасить Закопане и остальные населенные пункты от возможного нападения рассеянных и отступавших гитлеровских войск, во все стороны направились разведывательно-дозорные группы. Партизаны готовы были огнем встретить врага, отстоять освобожденный ими город. Об этом говорилось и в радиোগрамме, которую Мацнев направил в Москву — в адрес И. В. Сталина — и в Наркомат госбезопасности Украины:

«...29 января 1945 года в 20 часов спецотрядом НКГБ УССР взят город Закопане, предместье Костелиско, Кирты, Поронино. Из жителей созданы городское управление и милиция. Идет восстановление разрушенных сооружений. Город будем удерживать до прихода Красной Армии. Командир отряда им. Щорса Потемкин».

Отгремели суровые вихри войны. Бойцы возвратились к мирному труду. Однажды Владимир Семенович Мацнев получил письмо со штемпелем «Международное». Обратный адрес был Закопане. С понятным волнением он вскрыл конверт.

«Нам, жителям города Закопане и его околлиц,— читал бывший командир чекистского отряда,— особенно близка память о тех, кто жил среди нас, кто своей богатырской борьбой не давал спать оккупантам, а сердца польских граждан наполнял надеждой на скорое освобождение — память о советских партизанах из отряда им. Щорса и его славном командире Потемкине. Жители нашего города никогда не забудут, что благодаря им Закопане избежало разрушения, а множество людей остались в живых. Мы благодарны за это советским людям и партии, которая их воспитала. Память и благодарность советским друзьям мы бережем и будем беречь в сердцах наших всегда».

А через некоторое время в адрес Мацнева пришла те-

леграмма. Председатель президиума Народной Рады города Закопане Здислав Лютросинский сообщал, что 29 января 1959 года на торжественной сессии городского народного Совета Мацневу присвоено звание почетного гражданина города Закопане.

...В настоящее время Владимир Семенович Мацнев, первый комендант освобожденного от гитлеровских оккупантов польского города Закопане, живет в Киеве. За ратный подвиг он награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, боевыми орденами и медалями Польши и Чехословакии.

Прошло более 40 лет, но память постоянно возвращает его в те суровые военные годы, к друзьям и побратимам по борьбе.

Владимир ЛИСТОВ

ВИШНЕВАЯ ШАЛЬ

Хасан Эрушетов бережно завернул ружье в мешковину, отнес в угол пещеры и набросил сверху тулуп. В горах становилось сыро. Солнце скрылось за дальней грядой, но еще подсвечивало край неба и пронизывало прозрачный воздух рассеянным светом.

Эрушетов уселся на овечью шкуру на краю горной террасы, поджав под себя ноги. Перед ним лежала голая и пустынная земля. Кругом возвышались лишь мрачные скалы, и почва в долине вобрала в себя осколки этих скал. И только ниже за грядой огромных валунов и кратеров, напоминающих лунные, начинались альпийские луга.

Хасан был одет в короткую куртку и суконные брюки, заправленные в мягкие сапоги-ичиги, плотно облегающие икры ног. Голову прикрывала мохнатая барашковая папаха. Вот уже несколько дней он жил на небольшой горной площадке. Справа — глубокая скалистая пропасть, на дне которой клокотал шумный горный поток и всегда было темно и сыро, слева — скалистые обрывы, уходящие ввысь.

Хасан долго сидел неподвижно, прикрыв веки, и только губы его слегка шевелились. Нет, он не творил вечернюю молитву. Он был неверующим, несмотря на то что почти весь аул, в котором он родился и вырос, исповедовал ис-

лам. Он что-то напевал. Кругом — ни души. Даже горный орел, еще недавно паривший рядом, с заходом солнца укрылся в скалистой расщелине.

Эрушетов пел очень тихо, скорее даже бормотал что-то тягучее, заунывное и печальное. Он пел о том, как однообразен окружающий его горный ландшафт, как суровы эти голые вершины, кратеры и валуны и как монотонно шумит в ущелье бурный поток. И в напеве его звучала тоска, непомерная усталость и беспокойство.

Его никто не слушал, да и не рассчитывал на это. Он был один в горах, и одиночество прорывалось в его несложной и грустной песне.

До ближайшего селения было около пяти километров, да и то это был глухой аул, затерявшийся среди кавказских хребтов, связь его с районным центром часто прерывалась из-за ливней и горных обвалов.

Эрушетов закончил петь, открыл глаза и увидел, что в ауле уже поднимаются над крышами приземистых домов сизые струйки дыма. Он представил себе, как в домах зажигают огни, хозяйки на очагах готовят ужин, во дворах слышится бляение коз, перезванивают колокольчики, подвязанные к их шеям. И его потянуло к людям.

Но спуститься вниз он не мог. Его тонкие губы скривила горькая усмешка. Люди его боятся. Весь район, вся Грузия знают, что в горах скрывается группа уголовных преступников, во главе которой стоит он, Эрушетов.

Горец снова закрыл глаза. Ему вспомнилась убогая сакля, где он вырос. Отец, мать, два брата. Отец давно умер. Один брат погиб на войне, другой находится в заключении. Жива мать. Но как она живет, он не знает.

За трое суток, что он провел на этой горной площадке, Эрушетов о многом передумал.

Две недели тому назад его разыскал житель аула и передал весть: если участники группы добровольно выйдут и сложат оружие, то власти их простят, судить не будут. Вышла амнистия.

Эрушетов не знал, как отнестись к этому известию, правда это или ловушка. Целый день они обсуждали, как поступить. Всем надоело скитаться в горах, все хотели жить дома.

И только Махмуд повторял:

— Ох, не верю я! Вай, не верю!

Больше всего на свете Эрушетов боялся тюрьмы. «Умру я в клетке!» — эта мысль не покидала его. Наконец он принял решение:

Пора кончать. Виноват я один. Вам ничего не будет. Идите в район и сложите оружие... Мы никого не убивали. Если меня простят, я готов сдаться. Пусть мне сообщит об этом Махмуд или Гиви. Я буду ждать.

С каждым днем ожидать становилось все тягостнее. Когда их было семеро, то казалось, что он живет в семье. Разговоры, песни. А теперь язык совсем бы отсох, если бы не пел. Вот уже солнце третий раз опустилось за гору, а Эрушетов никуда не уходил, все ждал гонца. «Кто придет и с какими известиями? А может быть, их всех посадили за решетку и слова об амнистии только обман? И опять все сначала: горные тропы ущелья, побеги, ночевки и тоска по родному аулу?»

Хасан встал, прошелся по краю площадки. Никого. За трое суток, что он провел здесь, успел припомнить всю жизнь.

Вот он — подросток. «Хасан, достанем из гнезда орленка!» — кричали такие же черноголовые, как он, мальчишки. И он не мог отказать. Они карабкались по горным утесам, там, где скалы отвесно уходили в пропасть и, казалось, не за что было уцепиться. Самый ловкий из них, Хасан, упираясь пальцами ног в едва заметные выступы, подбирался к гнезду.

Он вырос в большом горном селении. На уступах и террасах прилепились глинобитные хижины, и среди них выделялся сложенный из камня дом муллы. Самая красивая девушка в селении была племянницей муллы — Мамия.

Эрушетов вспомнил, как завидовали парни его умению стрелять из ружья. «Научи, Хасан!» — просили они. А когда на него смотрела Мамия, у которой была тугая черная коса и огромные пугливые глаза, он говорил:

— Подбрось-ка вверх копейку. Да повыше!

На лету сбивал монету и украдкой поглядывал на девушку. А парни хлопали в ладоши и кричали:

— Вай, Хасан! Вай, Хасан!

Учился в школе он хуже других, не давались ему науки. Но когда наступала зима и горы покрывались сверкающими белоснежными шапками, молодой горец отправлялся на охоту — здесь была его стихия. Никто в селении не приносил столько пушнины и дичи, сколько приносил он. Олень и серна были его добычей. Он научился выделывать шкуры, получал за них хорошие деньги. Дважды ему повстречался бурый медведь. Одну шкуру он подарил Мамии.

Как-то Хасан увидел издали горного козла. Он стоял на

крутом отроге скалы, наклонив голову и выставив, словно напоказ, свои витые рога...

Хасан решил приблизиться к нему на расстояние выстрела. Он взбирался по узкой тропке, извивавшейся по краю обрывистого склона. Неожиданно тропа исчезла, ушла куда-то в пропасть, а до животного, которое продолжало спокойно стоять, оставалось еще не меньше трехсот метров.

Хасан осмотрелся: скалистая стена слева уходила далеко ввысь, так что пришлось задирать голову, чтобы увидеть ее край. С другой стороны — очень крутой склон, почти обрыв. А впереди и того хуже: пропасть — кинь камень — не слышно падения. Оставался один путь — назад: осторожно развернуться и идти по узкой тропке туда, откуда пришел.

Хасан потрогал рукой скалистую стену, которая тянулась дальше, над пропастью, и в полутора метрах от него круто поворачивала. «Что там? Может быть, снова тропа?»

Пальцы рук ощутили холод. Солнце никогда не согревало эту скалу. Глаза невольно тянулись к стене над пропастью. Отступить не хотелось. «Вон там, совсем рядом, небольшие выступы и выемки. Что же там, дальше, за поворотом? А что, если... А-а! Не привыкать». Тоскливо защемило в груди. И вот он уже повис над пропастью.

Рука вцепилась в едва заметный выступ, ноги нашли незаметные упоры. А глаза смотрят вперед, обшаривают стену. На какое-то мгновение он повис на одной руке и сразу же ухватился за новый выступ. Нога нашла другую выемку... Даже сейчас он ощутил вечный холод, от которого заныли руки, хотя с тех пор прошло несколько лет.

Он передвигался по скале все дальше и дальше, повиснув над пропастью. Наконец поворот! Еще усилие, и нога стоит на тропе. Как он и предполагал, обрыв кончился и можно снова идти вперед. Извилистая тропа уходила отлого вниз. Хасан передохнул и посмотрел вокруг: горный козел куда-то исчез, но теперь он меньше всего интересовал охотника. Куда ведет тропа?

Осторожно ступая, он пошел вперед. Вскоре горы расступились, и в дымке показалось селение. Оно было скрыто густыми кронами фруктовых деревьев. В этих местах Хасан еще не бывал.

Спустившись в долину, он увидел отару овец и возле нее пастуха. Показалась странной одежда пастуха, и он подошел к нему, чтобы выяснить, где находится.

— Добрый день! — приветствовал Хасан незнакомца. Тот что-то ответил, но Хасан не понял и переспросил: — Что ты сказал?

Пастух опять что-то ответил. Только теперь Хасан догадался, что он говорит на другом языке. Хасан понял, что перешел границу.

Скорей домой! И он возвратился в свои горы.

В другой раз он заметил с отвесной кручи небольшую площадку внизу. Отправляясь в очередное странствие, захватил с собой веревку и теперь решил осмотреть площадку. Спустившись вниз, увидел в стене небольшое отверстие, неприметное сверху: пещера! Вошел внутрь. Пещера была небольшая, вскоре он вышел с противоположной стороны. И опять оказался за границей.

Так Эрушетов узнал несколько проходов через границу, о которых не имел понятия никто другой.

Походит, бывало, по горам, настреляет дичи — и домой. Мать разведет очаг, отец зажарит барашка, и сакля, стены которой увешаны деревянной и глиняной посудой, наполняется теплом и ароматом жареного мяса. После ужина ложился рядом с братом в уютном углу на залатанном коврике, брошенном поверх медвежьей шкуры. А мать, укутанная с головой в поношенный черный шерстяной платок, все время на ногах, все время хлопочет, не зная покоя и отдыха.

В конце войны Хасана призвали в армию. Он стал снайпером. К этому времени он повзрослел и стал очень красив: высокий, статный, тонкий в талии, он гордо носил голову с копной густых черных волос. Узкий нос с небольшой горбинкой придавал лицу несколько суровое выражение. По характеру он был добр и доверчив, но очень вспыльчив. Воевал хорошо, его пули били без промаха. И всего за несколько дней до Победы осколок вражеского снаряда раздробил плечо...

Эрушетов вздохнул и, стоя на краю площадки, в который уже раз всматриваясь вдаль, потрогал плечо. «Как будто ничего не было! Это мать. Ее заботливые руки да травы, собранные меж горных расщелин. Все прошло бесследно... Как там она?» Эрушетов с тоской посмотрел на горные хребты. «Был бы горным орлом, мигом бы слетал!» — подумал он.

Вылечившись, он так и не смог догнать своих сверстников: одни остались в армии и своим трудом и усердием дослужились до офицерских званий, другие пошли учиться. Хасан же не любил рудиться.

Почему же он оказался в горах? Почему он одинок и боится спуститься к людям? Когда Хасан начинал вспоминать все сначала, тугой ком подкатывал к горлу, сжимал его тисками, заставлял учащенно биться сердце.

Однажды, когда война была далеко позади, Хасан повстречал Мамию у горного источника. Было раннее утро. На высокой траве переливами сверкали капли росы.

Девушка отбросила черную косынку, которая скрывала от людей лицо, легко нагнувшись, зачерпнула воды, поставила кувшин на плечо и, слегка покачиваясь, пошла вверх по тропинке.

Она была так хороша, что у Хасана перехватило дыхание. Он выскочил из-за утеса и попытался ее обнять. От неожиданности девушка вскрикнула и выронила кувшин. Глаза ее сверкнули гневом, она оттолкнула Хасана и побежала вверх. Потом остановилась, слегка отдышалась и сказала:

— Не смей, Хасан! Не подходи! Оставь меня в покое.

Хасан молча спустился к ручью. Присев на корточки, он зачерпнул ладонями холодную прозрачную воду, смочил лицо, шею. Потом улыбнулся. В душе его все-таки теплилась надежда.

А вечером, когда солнце зашло за вершину горы, он увидел Мамию на улице вместе с учителем, который недавно приехал в аул. Молодой человек стоял подле нее, и они тихо о чем-то шептались. Девушка как-то особенно смотрела на учителя. Это Хасан заметил сразу.

Он подошел к ним. Учитель сделал шаг вперед, словно заслонил девушку от него. Выдержать это Хасан был не в силах. Он мгновенно выхватил кинжал из ножен. Ревность и гнев затуманили его рассудок. Он видел перед собою только соперника. Кинжал сверкнул в воздухе, и учитель, подавшись вперед, упал на землю.

— Что ты сделал? Убей и меня! — Мамия кинулась к Хасану и ударила его по лицу.

Кинжал выпал из рук Эрушетова. Резко повернувшись, он бросился бежать. Куда, зачем — он не знал и сам. А вечером, захватив ружье, ушел в горы.

«Виноват ли учитель, полюбивший Мамию? Виновата ли девушка, ответившая ему взаимностью? А он, Хасан Эрушетов, давно любивший Мамию, в чем виноват он?»

Учитель, к счастью, остался жив.

Несколько месяцев в родном ауле ничего не было слышно о Хасане, и старая мать, когда ее спрашивали о сыне, только вытирала глаза концом черной шали. Но

делала она это уже больше по привычке, так как глаза ее оставались сухими: она выплакала все слезы.

Месяца через полтора после бегства Хасан повстречал в горах незнакомого человека. Елисбар — так звали незнакомца — был крайне истощен и в двадцать шесть лет выглядел подростком. Эрушетов накормил его и вылечил, так как Елисбар ни за что не хотел спускаться в селение. Обычно угрюмый и неразговорчивый, Елисбар однажды разоткровенничался и поведал, что работал шофером, частенько выпивал. Как-то в рейсе хватил через меру и вместе с машиной свалился в кювет. Сам не пострадал, а машину так искорежил, что его хотели судить. Вот и бежал в горы...

Потом из аула, расположенного по соседству с аулом Хасана, пришел Гиви.

Ну и долго же я тебя искал! — воскликнул Гиви, когда они повстречались. — Хотят меня судить за кражу. Ну какой я вор? Посуди сам! Взял из магазина ружье и порох, а деньги верну, когда заработаю. — И он рассмеялся. В противоположность Елисбару Гиви был весельчак, любил балагурить и танцевать. От Гиви-то Хасан и узнал, что учитель остался жив.

— Мамия его навещает, — проговорил Гиви и осекся. Рука Хасана потянулась к кинжалу, но он сдержался.

Потом к группе примкнули круглолицый Хусейн, глуповатый Элдар и звонкоголосый Нония, которые тоже бежали от наказания. Все они дали клятву верности Эрушетову

По горным селениям пошли слухи, что несколько человек скрываются в горах. Жители стали говорить: недавно группа людей напала на охотничий магазин, взяли ружья, много пороху, в долине связали пастуха, угнали в горы колхозных овец...

К зиме разговоры поутихли. Замело тропы буранами. Дороги стали непроходимыми, и милиция вынуждена была прекратить розыск. Поговаривали, что видели каких-то парней в горах, на границе с Турцией.

Самым последним пришел в группу Махмуд. Хасан хорошо помнил, как это было.

На утренней заре, когда еще очень хотелось спать, его разбудил Гиви:

— Хасан, там кто-то кричит.

— Где? Я не слышу. Пойди посмотри.

Гиви поднялся и вышел из пещеры. Остановился на

площадке и из-за камня стал наблюдать. Путник был один.

— Эгей-ей! Эгей-ей! — Теперь и Хасан услышал крик. Быстро вскочил и вышел из пещеры. Какой-то человек с мешком за плечами удалялся от них. Хасан сказал:

— Спустись, Гиви. Узнай, что ему нужно.

Молодой горец быстро нагнал путника и вырос перед ним, словно из-под земли.

Куда держишь путь так рано?

— Несу шапки тому, кто лучше всех стреляет.

Шапки?! — Глаза у Гиви разгорелись. Все они давно мечтали о теплых барашковых шапках, отнимать же их у местных жителей не разрешал Хасан. Он знал, как трудно достается хорошая шапка.

— Покажи! — попросил Гиви.

Махмуд развязал мешок, достал черную барашковую шапку, потряс ее в руке, отчего мех стал пышным, и передал горцу. Гиви погладил мех рукой и осторожно надел шапку на голову «В самый раз. Точно сшита по заказу!» — подумал он. С шапкой не хотелось расставаться.

А еще есть? — спросил он с надеждой в голосе.

Бери, бери. Для всех принес. Веди меня к главному. Махмуд знает, сколько нужно.

Хасан сидел на большом валуне, слегка прикрыв глаза, то ли жмурясь от солнца, то ли раздумывая.

Махмуд поднялся на площадку, остановился возле него и стал рыться в мешке, выбирая шапку.

Вот для тебя, — наконец вытащил он и протянул Эрушетову. — Посмотри, какая красивая!

Шапка действительно была хороша. Хасан взял шапку, пощупал мех и ощутил приятное тепло.

— Возьми меня к себе, — тихо произнес пришелец.

«Что нужно этому человеку? Почему он принес шапки? Откуда он знает, сколько нас?» Хасану показалось, что Махмуд что-то скрывает.

— Кто тебя прислал? — не отвечая на просьбу и глядя в упор на Махмуда, спросил Эрушетов.

— Почему ты мне не веришь?

— А почему я должен тебе верить?

— Не уйду я от тебя. Некуда мне податься. Меня тоже ищут. Пока никто не знает, что я отправился к тебе. Работал я в магазине и растратил много денег. Были у меня женщины, сам понимаешь... Вот и будут меня судить. А

я не могу в тюрьму, горную птицу нельзя упрятать за решетку — погибнет. Так же, как и тебя...

Эрушетов долго разговаривал с пришельцем, не решаясь взять его к себе: уж очень хитрым он ему показался. Но Махмуд знал, о чем и как нужно говорить, и, заметив, что Хасан начинает колебаться, пустил в ход самый сильный козырь. Он достал маленький кинжал в красивых ножнах.

— На, бери! Мне дал знакомый шапочник. А я дарю тебе.

Теперь Эрушетов ни в чем не мог отказать Махмуду. Он любовно погладил кинжал и спросил:

— Кто такой шапочник и откуда у него такая вещь?

— Не знаешь ты его. В Тбилиси он живет. О тебе слышал.

— Ого! Вон куда слухи дошли...

— Еще бы! Целый взвод милиции против тебя посылают. Хотят любыми средствами уничтожить группу. Нужно сейчас же уходить...

А утром следующего дня и в самом деле внизу появились военные. Какой-то отряд разбил палатки у подножия горы. Вскоре солдаты начали окружать стоянку Эрушетова. По-видимому, они получили точные сведения, где находятся преступники. Первым к главарю подбежал Махмуд:

Нужно бежать, Хасан! Немедленно, если еще успеем... — Он был взволнован. Лицо его покраснело, на лбу выступил пот. Только теперь Эрушетов окончательно поверил ему.

Ничего, дорогой, не волнуйся. — Эрушетов оставался спокойным.

Когда солнце повисло высоко над горами, а воздух прогрелся и стал дрожащими струйками подниматься вверх, солдаты начали взбираться на гору. Им, должно быть, дан был приказ взять всех живыми.

Участники группы сгрудились возле своего предводителя и ждали его решения. Эрушетов сидел на большом камне, молча смотрел на громадные каменные глыбы и о чем-то думал.

Собирался ли он вступить в бой? Он не был безрассуден и понимал, что сопротивление бесполезно. Сожалел ли, что не послушался Махмуда и не ушел ночью? Сейчас ему было жаль покидать Родину и уходить на чужбину, хотя он знал, что другого выхода нет.

Когда солдаты подошли так близко, что могли вести

прицельный огонь из винтовок, Эрушетов подал команду:
— В людей не стрелять! Два залпа вверх! — взмахнул рукой и выстрелил вместе со всеми. Солдаты залегли, крываясь за крупными камнями, и открыли огонь.

Хасан приказал:

— Всем за мной, не отставать!

Солдаты карабкались все выше и выше. Сбоку — пропасть, в которую страшно смотреть, впереди — отвесная скала, неприступный утес, на него могут взобраться только альпинисты. И совсем рядом — горная площадка. Командир отряда подал команду:

— Прекратить огонь!

Он был уверен, что участники группы одумались и решили сдаться.

Отряд мигом взобрался на площадку. В воздухе стоял запах пороха, угли в костре еще тлели. И — никого. Преступников след простыл. Командир оглянулся по сторонам, может быть, попрятались? Но спрятаться было нигде...

Эрушетов медленно шел во главе группы. Они спускались вниз уже по ту сторону границы. Одному ему известными тропами вывел он своих людей из окружения. Но на душе у него было не весело...

Когда селение было совсем близко, он подозвал парней и сказал:

Наступают холода. В горах нам будет тяжело. Перезимуем здесь. Кто говорит на местном языке?

— Я немного, — ответил Махмуд.

— Ты пойдешь со мной в селение. Продадим шкуры, купим продукты и порох. Остальные останутся с пастухами в горах. И чтоб все было тихо!

Слова главаря были законом. В селении Махмуд предложил:

— Давай поедem в город. Посмотришь красивые магазины.

Эрушетов покосился на него.

— А если потребуют документы?

Не бойся. Я там бывал, никто не интересуется. Зайдем к мадам Сании. Заведение там у нее с девочками...

Эрушетов прислонился к скале, задумчиво посмотрел на горы, их заволакивали тучи, и решительно сказал:

— Нет, дорогой. Ты как хочешь, а я не пойду... Не ле-

жит у меня душа, понимаешь... Буду ждать тебя здесь. Когда ты возвратишься?

— Дня через два, если ты не возражаешь. Ты должен меня понять.

— Иди, но будь осторожен...

Махмуд возвратился, как обещал.

Выглядел он веселым и отдохнувшим. После взаимных приветствий, радостно воскликнул:

— Какой я тебе принес подарок! Вай, Хасан! Посмотри! — И Махмуд вытащил из внутреннего кармана черкески серебряную с инкрустацией зажигалку.

— Где ты взял? — глаза Хасана загорелись от восхищения.

Он положил зажигалку на ладонь, сокрушенно посмотрел и сказал:

Возьми назад. Не могу я принять такой подарок. Чем я тебе отплачу?

— Э-э, Хасан! Зачем отплачивать. Ты уже и так сделал доброе дело, что взял меня к себе. Куда бы я девался! Бери, бери! Это дал мне друг, он мне тоже многим обязан. Махмуд отошел в сторону, показывая, что разговор окончен.

Зима показалась Хасану очень длинной, и с наступлением ранней весны они возвратились на Родину. Солдаты ушли, кругом было тихо и безопасно. Эрушетов навестил мать. Она обрадовалась, да недолго длилось ее счастье. Скоро Хасан опять ушел в горы.

Против его группы вновь послали отряд. Хоть и не совершали они убийств, но угоняли скот, нападали на лавки. Несколько раз командир отряда проводил разведку, узнавал, где находится группа, и спешно готовился к операции. Но каждый раз главарь уводил своих людей из-под удара. Как он это делал? Для всех оставалось секретом.

Осенью Хасан опять ушел через границу, а возвратившись весной, принес матери подарок: красивую вишневую шаль. Хасан даже сейчас вспомнил мягкое тепло тонкой шерсти, и ему виделась счастливая улыбка матери.

«А все Махмуд! Настоящий друг. Это он принес тогда шаль из города. Сказал, что купил за большие деньги. Как была довольна мать! А где взял деньги? Так и не объяснил... Что-то долго его нет!» — с огорчением вспомнил Хасан...

Когда совсем стемнело, он поднялся, чтобы приготовить ужин: вошел в пещеру, разложил сухие сучья, соби-

раясь разжечь костер. Неожиданно послышался крик. Хасан выскочил на площадку. Прислушался.

— Эге-ей! — он узнал знакомый голос. Эрушетов встал на краю утеса, где был виден только крутой спуск лишь у самых ног, а дальше угадывался обрыв.

— Эге-ей! — более отчетливо повторил крик и его умножили горы: «Эгей... Эгей... Эге...

Теперь он ответил:

— Ого-ой! — И эхо подхватило: «Ого-о!.. Ого-о!.. Ооо!..

Потом стало слышно, как внизу осыпаются камни из под чьих-то ног. Вскоре на горную площадку поднялся Махмуд. «Какие вести он принес?» Хасан подошел к нему, и они обнялись.

— Пойдем, дорогой, в пещеру. Я готовлю ужин.

Эрушетов достал из дальнего угла пещеры баранью тушу. Махмуд ловко разжег костер. Не прошло и часа, как они сидели у раскаленных углей, резали ароматную, пропеченную на вертеле баранину. Когда Махмуд утолил голод после долгого пути, Эрушетов спросил:

— Что так долго не шел?

— Был, дорогой, в Москве. Сам понимаешь, время летит, как лавина с гор. Переговоры, разговоры...

— Неужели в Москве? Что говорят власти? — Эрушетов посмотрел на пришельца с тревогой и надеждой.

— А-а, дорогой. Ничего хорошего. — Махмуд неопределенно взмахнул рукой. Потом долго жевал кусок баранины, словно ему попались жилы. Наконец он сказал: — Нельзя тебе, Хасан, покидать горы. Не простят они тебе. — Заметив горькую усмешку, пробежавшую по лицу главаря, продолжал: — Власти ничего не говорят. Сказали, пусть выходит и сдает оружие. Потом решим. Но я случайно подслушал разговор. Один большой начальник говорил другому: «Он связан с границей. Весь район знает, что он ходил на ту сторону. Нельзя, говорят, оставлять его на свободе».

Эрушетов печально смотрел на тлеющие угли. Долго сидел молча. Наконец с горечью произнес:

— Нельзя, так нельзя... Буду жить здесь...

И больше за весь вечер не сказал ни слова. А утром Махмуд предложил:

— Давай, Хасан, сходим на ту сторону. Поживем несколько дней, развлечемся. Не хочу я покидать тебя в таком настроении.

— А-а, все равно. Пошли.— Хасан кивнул головой.

И опять Хасан ожидал Махмуда на той стороне двое суток. А когда Махмуд возвратился, то принес Хасану золотой перстень. На возражения принять такой подарок, ответил:

Бери, бери. Ты заслужил. Тебе еще долго скитаться...

Через несколько дней, когда они возвратились обратно в свои горы и стали прощаться, Махмуд сказал:

— Не печалься. Ты не останешься один. Я пришлю к тебе кого-нибудь. Да и сам буду навещать.

В середине рабочего дня Забродин неожиданно услышал необычный шум, доносившийся из узкого коридора, куда выходила дверь его кабинета.

Выглянув в коридор, полковник увидел экзотическую группу: люди в длинных бурках и лохматых черных шапках, громко разговаривая и жестикулируя, шли куда-то гурьбой в сопровождении нескольких офицеров.

«Кто такие? Задержанные? По какому поводу? И почему толпой?»

Потом Забродин узнал, что это были лица, совершившие уголовные преступления и скрывавшиеся в горах Кавказа. Эти горцы получили амнистию и приехали в Москву за документами.

Может быть, все это быстро бы исчезло из памяти полковника и он не узнал бы ничего ни о судьбе главаря этой группы Эрушетова, ни о последующих событиях, если бы ему не пришлось принимать участие в одной операции. Вот тогда-то он и узнал все подробности.

В конце августа возникла необходимость съездить в Грузию. Забродин уже получил от руководства все инструкции и подбирал нужные ему материалы, когда его опять пригласили к генералу Шестову.

В кабинете было несколько человек.

— Присаживайтесь,— пригласил он Забродина.— Когда выезжаете?

— Завтра.

У вас серьезные задачи в Грузии и мало времени. Я это понимаю. Но появилось еще одно важное дело.

Генерал наблюдал за реакцией полковника и, убедившись, что Забродин внимательно слушает, продолжал:

— Мы обсуждаем, как вытащить в селение главаря

уголовной группы. Почему-то Эрушетов не хочет выходить, хотя прекрасно знает, что была амнистия и никакого наказания он не понесет. Дважды посылали к нему Махмуда. Вчера Махмуд снова возвратился ни с чем. Говорит, что Эрушетов категорически отказывается. А в горах оставлять его нельзя. Сбегутся к нему опять темные людишки, и снова нужно будет снаряжать отряд на их поимку. А как жителям района? Они боятся ездить из аула в аул.

Нам поручили заняться этим делом вместе с МВД Грузии: Эрушетов знает тайные проходы в горах, ведущие за границу, и ходит туда и обратно, когда ему вздумается, совершенно беспрепятственно. Нарушает пограничный режим. Дело приобретает политический характер. Познакомьтесь с материалами на эту группу. Наше мнение такое: направить в горы Махмуда и кого-нибудь еще вместе с ним, чтобы вдвоем они попытались все же уговорить Эрушетова. Если же это им не удастся, то они должны связать его и силой привезти в Тбилиси. Вдвоем они справятся. Нужно подобрать для Махмуда крепкого напарника. Вы поговорите с грузинскими товарищами, кого можно выделить в помощь Махмуду. Может быть, Гиви или кого другого. Но чтобы он не подвел. Нужно кончать любыми средствами.

Забродин прочитал все документы по делу, и принятое решение не вызвало у него никаких сомнений. Другого выхода из создавшегося положения он не видел.

В поезде он много думал о судьбе Эрушетова. Он уже знал его биографию, и ему было непонятно поведение горца.

«Что может удерживать человека в горах, в одиночестве? Ненависть к людям? Может ли неудачная любовь вызвать ненависть ко всем остальным? И как долго может это продолжаться?»

Полковнику хотелось создать версию, объясняющую поведение Эрушетова. «Главарь знает, что наказание ему не грозит, — рассуждал он. — Жить одному в горах даже год или два, а не то что несколько лет, как живет Эрушетов, хуже любой ссылки. Какие же причины вынуждают его так поступать? Может быть, он впал в отчаяние и ищет смерти? Нет, он не лезет на рожон, под пули. И откуда отчаяние? Даже самую горячую любовь время излечивает. А если не отвергнутая любовь, то что тогда?»

Наше правительство поступило очень гуманно. Амнистия дает возможность исправиться тем, в ком осталась еще хоть какая-то доля порядочности. Эти люди имеют

возможность стать полноправными гражданами. Какая же сила удерживает Эрушетова?

Остается единственное: вероятно, он совершил тяжкое преступление и опасается, что это обнаружится и амнистия ему не поможет, придется отвечать по всей строгости закона».

Остановившись на такой версии, Забродин на некоторое время отвлекся от дела Эрушетова.

В Тбилиси Забродин приехал днем. Его встретили грузинские товарищи. В большом городе, зажатом со всех сторон горами, было жарко, и, пока автомобиль мчался по извилистым улицам, Забродин с завистью смотрел на зеленую гору Мтацминда, что возвышается над столицей Грузии. Там, вдали, бесшумно двигались вверх и вниз вагончики фуникулера, поднимающие жителей в прохладный парк.

Далеко на склоне горы он заметил знакомую древнюю церковь святого Давида. Там захоронен Грибоедов. Потом перед ним раскрылась зажатая с двух сторон в бетонные набережные Кура... И вот уже красивое здание гостиницы на проспекте Руставели.

Друзья наперебой рассказывали, что нового построено в городе, с гордостью сообщали о том, что заполняется водой Тбилисское море, и он вместе с ними радовался их успехам.

На следующий день Забродин занялся делами. Он выяснил, что контрразведке известны несколько контрабандистов, которых по ряду соображений пока не трогали. Было известно, что и куда они переправляли, но ничего подозрительного по связям с иностранными разведками зафиксировано не было. Речь шла только о заграничных тряпках и сигаретах.

Несколько человек встречались с подозрительными иностранными туристами. Эти связи были эпизодическими. Решили еще раз проверить и их.

Только к вечеру полковник смог выкроить время для группы Эрушетова. Он позвонил полковнику Чхенкели, который руководил всей операцией.

— Заходите, дорогой, заходите,— услышал он приветливый голос.— Я уже знаю, что нам нужно поговорить о деле Эрушетова.

Забродин вошел в большой кабинет. Навстречу ему поднялся из-за стола невысокий, довольно полный молодой грузин, с сединой на висках. Он крепко пожал Забродину руку и усадил в кресло. После того как они справи-

лись о здоровье друг друга, о семьях, перешли к делу Эрушетова. Забродин изложил инструкции, полученные в Москве. Чхенкели задумался. Закурил.

— Мы обсуждали этот вариант.— Чхенкели говорил ровно, спокойно.— Можно послать в горы Махмуда с кем-нибудь и взять Эрушетова силой. Но нам кажется, что это не лучшее решение вопроса.

Чхенкели пристально посмотрел на Забродина. Своими возражениями он не хотел обидеть коллегу. Забродин внимательно слушал его.

— Посудите сами,— продолжал Чхенкели.— Во-первых, Эрушетов сильный и ловкий. Он может убить и двоих. Во-вторых,— он вытащил два толстых цветных карандаша из стаканчика и положил их рядом на столе,— Эрушетов может уговорить этих парней остаться с ним в горах, и, таким образом, все, что мы сделали до сих пор, окажется напрасным. А самое главное,— он взял в руку третий карандаш, как бы подчеркивая значимость своих слов,— если они доставят к нам Эрушетова связанным, то что будет с ним? Распространится ли на него амнистия, в которой сказано, что участники группы должны спуститься с гор и добровольно сложить оружие. Вероятно, этот вопрос будет решать суд? А если судить главаря, то какое влияние это окажет на других участников группы? Чхенкели разволновался.

Он израсходовал все аргументы и теперь смотрел на Забродина, пытаясь отгадать, что тот ответит.

Забродин понял, что Чхенкели прав. Обсуждая этот вопрос в Москве, они, по-видимому, не учли всех обстоятельств, всей специфики. В данном случае целесообразно было отказаться от плана, намеченного в Москве. Но Забродин не мог решить это сам и пока молчал. Что-то вспоминая, Чхенкели продолжал:

— Нужно учесть еще одну особенность: если такого человека доставить связанным, то даже при самом лучшем исходе не удержать нам его потом в селении. Останется обида. Уйдет он снова в горы и будет мстить людям.

— Вы, вероятно, правы,— сказал Забродин.— Я много думал об Эрушетове. И у меня сложилось впечатление, что мы не все о нем знаем. Может быть, на его совести еще какое-то серьезное преступление? Убийство? И он опасается, что это обнаружится и его будут судить?!

— Нет, дорогой, нет! В том-то и дело, что мы тщательно проверили. Не совершал он других преступлений. Так говорят и все участники группы. Больше того: он приказал

не стрелять в солдат, которые посылались на разгром банды... А тот случай с учителем, ранение в порыве ревности, так он был учтен при решении вопроса об амнистии. И Эрушетов должен об этом знать от Махмуда... Не-ет, здесь что-то другое!

— Но где же выход? Что еще можно сделать в этой ситуации?

— Выход найдем, дорогой Владимир Дмитриевич, — обрадованно воскликнул Чхенкели. Он понял, что Забродин соглашается с ним. — Вот послушайте одну притчу, и вы, может быть, поймете меня лучше? Хотите? Я вам расскажу. Но... сначала выпьем чаю.

— С удовольствием сделаю то и другое. — Забродин рассмеялся. Чхенкели попросил принести чай и приступил к рассказу:

— В горах жил пастух. Имел девятнадцать чистокровных рысаков. Это — не мало. Было у этого пастуха три сына. Когда он почувствовал, что умирает, созвал своих сыновей и говорит: «Дорогие мои дети, я не очень богат, но мои арабские кони стоят немалых денег. Скоро они достанутся вам. Единственная моя просьба, чтобы вы поделили их так, как я велю: старшему сыну половину табуна, среднему — одну четверть, младшему — одну пятую». Сказал и умер.

Сыновья стали ломать голову, как поделить наследство, чтобы выполнить волю отца. Число девятнадцать пополам не делится, и на четыре, и на пять частей — тоже. Продать одного, двух, наконец всех рысаков и поделить оставшихся лошадей и деньги так, как велел отец? На Западе, по видимому, так бы и поступили. У нас же воля отца священна. Нужно точно выполнить его наказ. Гадали, думали и, ничего не придумав, решили пойти за советом к мудрецу.

Выслушал их мудрец и говорит: «Возьмите моего коня и поступайте, как велел отец». Коротко и ясно.

И в самом деле: у них стало двадцать коней. Половину — десять коней получил старший брат. Одну четвертую часть — пять коней получил средний брат и одну пятую часть — четырех коней получил младший брат. В сумме получается девятнадцать рысаков. Но один остался лишний. Опять задумались братья и пошли к мудрецу.

Усмехнулся старик и отвечает: «Так ведь это мой конь, которого вы брали взаймы. Отправьте его обратно в табун».

Вот так поступают у нас на Востоке.

Чхенкели улыбнулся и спросил:

Понравилась притча?

— Очень. И чай тоже. Большое спасибо... Но где же нам найти такого мудреца?

— Э-э, дорогой. Я не хочу быть похожим на того мудреца, но в деле Эрушетова тоже происходит что-то, как в этой притче. Мы чего-то не знаем. Нужен какой-то ключ, чтобы раскрыть эту загадку.

— И я тоже так думаю. Но какой ключ, как его найти?

— Я мог бы предложить такой вариант: у Эрушетова есть старший брат, которого он всегда любил. Да и воля старшего у нас — закон. Этот брат в заключении. — Чхенкели сделал вид, что не заметил разочарование, явно проступившее на лице Забродина при последних словах, и продолжал горячо убеждать: — Всякое в жизни бывает. Занимался он раньше спекуляцией, вот и получил свое. А теперь мы справились в колонии — ведет брат там себя неплохо. И я уверен, что если он даст слово, то свое обещание сдержит. Так говорят люди. Вот его-то мы и пошлем к Хасану в горы.

— Согласится ли он?

— Это другой вопрос. Сначала его нужно привезти в Тбилиси и поговорить. Человек он разумный, и я думаю, что захочет помочь нам и своему брату.

У Забродина сразу возникло множество вопросов и сомнений: «Посылать в горы человека, который был осужден и, возможно, затаил обиду? Не останется ли он там? Отменять решение, принятое в Москве? Правильно ли это будет? А если Эрушетов все же совершил тяжкое преступление? В таком случае его нужно брать только силой, и брат тут не помощник... Но, с другой стороны, доводы Чхенкели логичны!»

Забродин уклонился пока от прямого ответа на предложение Чхенкели и попросил:

— Давайте поговорим с Махмудом. Потом окончательно решим.

Полковнику хотелось посмотреть на этого человека. Да и не поговорив хотя бы с одним участником группы, он не мог отменять решение, принятое в Москве.

— Хорошо, дорогой, — спокойно ответил Чхенкели, но в голосе его Забродин почувствовал нотки обиды.

Махмуд прибыл под вечер следующего дня. Был он невысок, но широкоплеч и жилист. В его движениях угадывались ловкость и сила.

— Гамарджоба! — Махмуд кивнул головой и улыб-

нулся. Остановился у порога, переминаясь с ноги на ногу.— Извините, товарищ начальник, что не мог раньше. Очень, очень торопился, но дорогу дождь размыл... Сами понимаете.— перевел взгляд на Забродина. Слегка поклонился и произнес:— Гамарджоба! Здравствуйте!

«Догадался, что я — приезжий,— сразу понял Забродин.— По каким признакам? Но тут же ответил:

— Гамарджоба!

Чхенкели усадил Махмуда за стол и, указывая на лежащую пачку папирос, спросил:

— Еще не научились курить?

Махмуд покачал головой и опять улыбнулся:

Нет. Спасибо. В нашем селении никто не курит.

Тогда будем пить чай.— Чхенкели распорядился накрыть на стол.— Домой вы вернетесь, по-видимому, сегодня не успеете? Ночевать будете здесь? У вас есть родственники или знакомые в Тбилиси? Или вам нужно заказать номер в гостинице?

Спасибо, товарищ полковник. Гогоберидзе,— Махмуд кивнул в сторону двери, как бы указывая на сотрудника, который его привел,— уже это сделал. А что, будет длинный разговор? — в свою очередь спросил он.— Я очень устал с дороги.

Нет Хотим еще раз посоветоваться,— спокойно ответил Чхенкели.— Мы задержим вас недолго. Как у вас дома?

— Отец жены все болеет.— Махмуд нахмурил брови и опустил голову вниз.

— Что с ним? Нужна помощь? — участливо спросил Чхенкели.

Нет, спасибо. Врач был. Ничего уже ему не поможет.

Махмуд печально прикрыл глаза, всем своим видом показывая, что ему тяжело об этом говорить.

Что слышно об Эрүшетове? — Чхенкели переменял тему разговора.

— Не знаю. С тех пор как я был у него неделю тому назад, о чем вам докладывал, ничего больше не слышал.

Почему он не хочет спуститься в селение и жить нормальной жизнью? — включился в разговор Забродин.

Говорит, что отвык от людей. Хочет жить один. Вам это трудно понять, а я понимаю. Горы тянут к себе, как бы вам объяснить. Не отпускают. Там есть своя прелесть...— Махмуд говорил с чувством, и ответы его казались убедительными.

— Он мог бы явиться с повинной, а потом жить там, где ему хочется, хотя бы в горах,— настаивал Забродин. Махмуд удивленно посмотрел на Забродина.

— Да. А ведь в самом деле... Мы с ним об этом как-то не говорили. Я могу сходить еще раз...

— Вы ходили дважды?

— Да, товарищ начальник.

— Может быть, он не верит вам одному и лучше отправиться с кем-нибудь вдвоем, чтобы его уговорить? — спросил Чхенкели.

Почему не верит? — вспыхнул Махмуд.— Он сам сказал, чтобы я пришел к нему... — в голосе Махмуда прозвучала обида. Он допил чай. Потом, подумав, сказал: — А вообще, как прикажете. Кого я должен взять с собой?

— Мы еще подумаем,— сказал Чхенкели,— и вас вызовем.

«Что-то в нем есть неприятное,— подумал Забродин.— И уж очень быстро он со всем соглашается».

Отпустив Махмуда, Чхенкели и Забродин долго еще сидели и обсуждали разные варианты. В конце концов Забродин сказал:

— Вы правы. Я согласен с вашим предложением. Сообщу об этом в Москву. С чего будем начинать?

Я думаю, что сначала нужно вызвать в Тбилиси брата Эрушетова и поговорить с ним, обсудить обстоятельства дела.

Было около десяти часов вечера, когда Забродин вышел из здания МВД.

Воздух, насыщенный ароматом ночных цветов, каких-то пряностей, звуки веселой музыки отвлекали от забот.

Забродин направился к гостинице кружным путем, темными улицами, чтобы насладиться прелестью южной ночи. В одном месте, где деревья расступились в стороны и стали видны иссиня-черные горы, он увидел несколько светящихся точек и подумал: «Где-то среди этих суровых громад затаился Хасан. Чего он хочет?» Забродин даже пожегся: уж очень неприглядной показалась ему такая участь.

Потом Забродин вышел на центральную улицу города. Здесь было душно, шумно и многолюдно.

Неожиданно внимание его привлек невысокий мужчина, сосредоточенно рассматривающий ярко освещенную витрину. «Махмуд! Почему он здесь? Вышел прогуляться? А почему отвернулся? Говорил, что очень устал и пойдет спать... Видел ли он меня? А впрочем, к чему лишние пред-

положения? Завтра все выяснится. Чхенкели дал распоряжение за ним наблюдать».

Забродин сделал вид, что не заметил Махмуда, и пошел своей дорогой.

Разговор в МВД озадачил Махмуда. Для этого было немало причин: его вызывали уже третий раз в связи с делом Эрушетова. Поручения становились более ответственными. Он шумно вдохнул пряный вечерний воздух, что-то пробормотал и нахмурил брови.

Махмуд быстро прошел в гостиницу, переоделся в темный вечерний костюм и отправился в город. Он влился в толпу горожан, шел не торопясь, словно бы бесцельно. Останавливался у ярко освещенных витрин, прислушивался к звукам оркестров, доносившихся из переполненных кафе. Подошел к кассам кинотеатра: последний сеанс уже начался. Махмуд оглянулся по сторонам, медленно подошел к темному переулку, свернул в него и, пройдя сотню шагов, остановился, чтобы прикурить. Поблизости никого не было.

Он быстро дошел до конца переулочка, свернул в улицу, ведущую в сторону от центра. Шел торопливо, уверенно, было видно, что он хорошо ориентируется в этом районе.

Махмуд прошел несколько кварталов, вышел к набережной Куры. Наконец подошел к калитке, просунул руку в щель, открыл. Он оказался в небольшом дворике, мощенном камнем. Было совсем темно, но он шел все так же уверенно.

Вот и дом. Жилые комнаты располагались на втором этаже, а сложенный из камня и зацементированный низ использовался для подсобных целей. Внизу — сарай, гараж, хранилище для вина, овощей и копченостей. Это ему было знакомо.

На ощупь поднялся по высоким ступеням и тихо постучал. В прихожей зажегся свет, и женщина громко спросила:

— Кто?

— Махмуд, — коротко бросил пришелец.

Дверь тотчас отворилась. Его встретила женщина с красивым лицом, но сильно располневшей фигурой.

— Нестор дома? — спросил Махмуд.

— Проходите. Сейчас позову.

Ночной гость прошел в просторную комнату. Большой диван, стол. На стене пестрый ковер, на нем изогнутая сабля с богатой инкрустацией. В углу — ножная швейная машина.

Через несколько минут в комнату, тяжело ступая, вошел толстый мужчина, одетый в брюки галифе и черную кавказскую косоворотку, подпоясанную тонким ремешком. Полное лицо его было бронзовым от загара.

— Гамарджоба. Что так поздно? Заказчики в такое время за шапками ко мне не являются, — недовольно буркнул он.

Был сегодня там... Вызывали. Нужно срочно поговорить.

— Тогда садись. — Нестор указал на стул. — А как пришел?

— Все спокойно. Проверился.

Хозяйка молча внесла и поставила на стол кувшин с вином, два граненых стакана, тарелку с сыром, нарезанным ломтиками. Шапочник налил вино:

— За твое здоровье, дорогой гость.

Выпили.

— Что они хотят? — спросил хозяин.

Все то же: намерены вытащить Эрушетова любыми средствами. Может быть, пошлют кого-то со мной. Был такой разговор. Тогда все пропало. Что делать? — Махмуд нервно теребил ремень.

Дали задание?

— Нет, еще не дали. Но, вероятно, дадут. Там был еще приезжий из Москвы...

— Кто с тобой пойдет?

Не знаю. Сказали, чтобы ехал домой, а когда будет нужно — вызовут. Поэтому и пришел к тебе. Потом могу не успеть. Решай, как быть.

— Чего тревожишься? Нам больше не нужен Хасан. Ты сам знаешь путь на ту сторону...

— Я плохо запомнил. Я не могу провести, как ведет Хасан. Да и вообще в горах нужен человек...

Нестор задумался, потрогал руками ремешок, почмокал губами и наконец сказал:

— Твоя правда. Дело говоришь. Нужно думать, ой как думать! Однако второго никак нельзя допускать к Эрушетову. Иначе — всему конец...

— Вай! Но как это сделать?!

Хозяин долго ходил по комнате. Молчал. Молчал и гость. Потом Нестор вышел в прихожую. Возвратился, держа в руках кинжал.

— Вот возьми. У нас с тобой не остается ничего другого. Если пойдет второй, там, в горах, вблизи пещеры Эрушетова ты его... — Нестор приложил ладонь поперек гор-

ла.— Это единственный выход. Сам понимаешь... Второй не может возвратиться в Тбилиси, не поговорив с Хасаном. А допускать его к Хасану тоже нельзя. Понял?

— Боюсь я...

— Не бойся. В случае чего уйдем на ту сторону. Эрушетов покажет дорогу, пойдет вместе с нами. Не в первый раз. Другого выхода у него не будет. К Эрушетову явишься один. Скажешь, чтоб остерегался. Его считают шпионом. Все знают, что он ходил на ту сторону. У матери многие видели заграничную шаль... А главное, расскажешь ему, что тебя вызывали в МВД и дали задание доставить его связанным. Дали напарника, вооружили его пистолетом и послали с тобой в горы. Но ты не мог предать Хасана, ты — его верный друг, а напарника по дороге зарезал, так как он мог стрелять. Понял? Эрушетов тебя еще больше оценит. Он человек не очень умный, не догадается. Будет служить нам верой и правдой, будет нашим проводником за кордон. Понял?

— Хорошо ты придумал, но как же я вернусь назад, что скажу начальникам? Они меня повесят! Тогда я тоже должен оставаться в горах, а это мне — нож в сердце.

— Э-э, дорогой! Ничего ты не понимаешь. Пустая голова, под стать Эрушетову Ты вернешься в Тбилиси как герой! Начальникам скажешь, что вдвоем вы пытались связать Эрушетова, но неудачно. Твоего напарника он убил кинжалом, а ты едва спасся! Понял? У Хасана будут все пути отрезаны. Они будут считать его убийцей. Кто это сможет опровергнуть? Ему не простят. Хасан вынужден будет скрываться до конца своих дней. Он будет наш!

— Ай да Нестор! Ясная голова! — теперь Махмуд улыбнулся, и лицо его просветлело.

Хозяин налил вина.

Ну давай на дорогу. Желаю успеха!

Забродин возвратился в Москву с чувством неудовлетворенности. Хотя основные дела, из-за которых он ездил в Грузию, закончились успешно и коллеги тепло провожали его, но на душе у него остался осадок: с делом Эрушетова так и не разобрались. Даже не ясно, что же все-таки получится? Сумеет ли брат его уговорить, да и вообще, возьмется ли он за это дело? Вернется ли Хасан к мирной жизни? И что делать в противном случае: брать силой?

Забродин еще ничего не знал о шапочнике Несторе Карониди, но у него было предчувствие недоброго. Обычно

в Москву он возвращался с удовольствием. Даже в кратковременных командировках начинал тосковать по столице, по ее неугомонному ритму жизни. Скучал по семье. Сейчас он был настроен мрачно.

Утром Забродин отправился к начальнику, чтобы доложить о результатах командировки. Генерал Шестов встретил его приветливо.

Присаживайтесь! Как съездили? Рассказывайте.

— Докладывать, собственно, нечего. Съездил хорошо. Все прошло так, как мы предполагали. В Тбилиси опытные работники и оказали мне во всех делах большую помощь. Так что главные задачи решены... Что касается Эрушетова, то я докладывал вам по «ВЧ». Товарищ Чхенкели предложил разумное решение этого вопроса, и я надеюсь, что с помощью брата удастся образумить горца... В общем, в этом деле я не оправдал ваших надежд,— закончил Забродин доклад и горько усмехнулся. Но тут же поправился: — Извините, товарищ генерал. Я знаю, что дело не в надеждах. Мне просто неприятно докладывать о таких результатах...

— Я вас не понимаю,— спокойно ответил генерал.— Будем думать и искать. Может быть, вам придется еще туда съездить. Что касается предложения товарища Чхенкели, то здесь нужно еще и еще раз взвесить все «за» и «против». Не останется ли брат вместе с Хасаном? Что мы будем делать тогда? Подумайте и доложите мне завтра.

Остаток дня Забродин входил в курс обычных своих дел: читал поступившие за время его отсутствия материалы, разговаривал с товарищами. Но мысли о Хасане, о его судьбе не покидали его ни на минуту. Никто заранее не может ручаться, что получится из намеченных планов. Нельзя предусмотреть и рассчитать все, до мельчайших подробностей. На каком-то этапе в дело вмешиваются человеческие чувства, характеры, настроения, которые не поддаются точному учету.

И все же многое можно предусмотреть заранее. Это знал полковник по собственному опыту. Но в каждом случае может быть несколько решений. Какое из них наиболее правильное?

Утром Забродин доложил генералу:

— Мне кажется, что товарищ Чхенкели выбрал правильное решение.

— Хорошо. Действуйте,— услышал он в ответ.

А действовать-то Забродин не мог. Действовать

должен Чхенкели, а он — ждать. Чхенкели позвонил через неделю:

— Алло, Владимир Дмитриевич, гамарджоба! Как жизнь?

— Спасибо, хорошо. Как вы?

— Нормально. Ну вот, Шалва Эрушетов прибыл вчера. Настроение у него хорошее. Говорит, что сделает все, что в его силах. Ручаться, конечно, и он не может, так как брата давно не видел. Заедет сначала к матери и поговорит с ней. Потом отправится к Хасану. Во всяком случае он берется за это дело.

— Хорошо.

— Отправлю его в горы, как договорились. Когда будут известия — позвоню.

— Благодарю вас. Буду ждать звонка.

Недели через две после разговора с Чхенкели, Забродина вызвал генерал Шестов. Хотя полковник и бывал у генерала ежедневно по разным делам, но по голосу его понял, что в обычные дела втиснулось какое-то неподвиженное событие.

На столе перед генералом лежала телеграмма. Прежде чем передать ее Забродину, генерал сказал:

— Да-а! Чего только в жизни не бывает! Дело Эрушетава оказалось серьезнее, чем мы предполагали! Вот, — он передал полковнику лист бумаги. — Садитесь и читайте.

И он занялся другими делами.

Забродин положил перед собой на стол телеграмму из Тбилиси и углубился в чтение.

Полковник Чхенкели сообщал, что 2 октября, согласно договоренности, был отправлен в горы Шалва Эрушетов, брат известного Забродину Хасана Эрушетава, с поручением сообщить горцу об амнистии и уговорить сложить оружие. Шалва успешно справился с данным поручением, и 15 октября оба брата прибыли в Тбилиси и явились в МВД.

В ходе беседы с Хасаном Эрушетовым установлено двуличное поведение Махмуда, который по непонятным для Эрушетава причинам убеждал его оставаться в горах, утверждая, что на него амнистия якобы не распространяется и он подвергнется репрессии. В связи с таким заявлением Хасана Эрушетава, который также утверждает, что Махмуд был инициатором неоднократных нарушений Государственной границы СССР, Махмуд задержан и у него произведен обыск. Найдена иностранная валюта, шифрованные записи, оружие.

На допросах Махмуд ведет себя неискренне, многое путает, но ни в чем не сознается. В числе его связей установлен Нестор Карониди, шапочник. Следствие продолжается. По мере получения новых сведений о них будут докладывать.

Когда Забродин закончил читать и положил телеграмму на стол, генерал сказал:

— Видали! Вот тебе и Махмуд! Скорей всего Махмуд перехитрил Эрушетова. По-видимому, шпионы использовали Эрушетова и за его спиной творили свои дела. Может быть, это и есть тот канал, по которому передавались сведения о наших секретах? Выходит, Владимир Дмитриевич, снова надо вам ехать в Тбилиси. Когда вы намерены выехать, чтобы вместе с грузинскими сотрудниками довести дело до конца?

Забродин улыбнулся. Не дожидаясь его ответа, генерал встал из-за стола, подошел к нему вплотную и, пожимая руку, сказал:

Желаю удачи!

Проводив Махмуда, Нестор Карониди прочно запер дверь, постоял в прихожей, прислушиваясь к удалявшимся шагам. Было уже за полночь. Город спал. Махмуд приходил в дом не первый раз, и все было спокойно, но сейчас Карониди не на шутку встревожился. Он был не из тех, кто реагировал на каждый пустяк. Его трудно было вывести из равновесия, тем более испугать.

В столовой, освещенной подвешенной к потолку лампочкой, он тоже не смог подавить тревоги, и взгляд его перескакивал с одной вещи на другую, словно что-то отыскивая, ощупывая их. Плеснул в стакан вина. Залпом выпил.

Беспокойство не проходило. «Почему не оставляют в покое Эрушетова? Зачем нужно посылать с Махмудом второго человека? Выходит, не доверяют Махмуду?! Все ли я объяснил Махмуду? Правильно ли тот понял?» Ситуация складывалась очень сложная и неблагоприятная. А Карониди привык к тому, что все идет гладко, размеренно, как он того хочет. Сейчас что-то сделано не так!

«И надо же было связываться с Эрушетовым! А все — Ислан-бей. Хорошо ему там... сидит себе, денежки загребает! А мне здесь? Расстрел или тюрьма!.. Но ведь другого выхода нет! После гибели курьера на границе все пути на

ту сторону отрезаны». Нужно было искать новые возможности, а Ислан-бей прознал о группе Эрушетова. По его указанию пограничная стража эту группу не трогала. Только пастухи наблюдали, где горцы кочуют через границу, и докладывали о каждом передвижении.

«Будет у нас надежная переправа! — не раз повторял Ислан-бей. — Много денег заработаем. Идеальная тропа!.. За каждого переброшенного и вернувшегося благополучно — тысячи долларов!» Ислан-бей потирал руки и глаза его возбужденно блестели. Теперь Эрушетов погубит всех!

«Да и этот Махмуд! Падок на женщин, деньги. За ним нужен глаз да глаз. Продаст кого хочешь...

Все ли он сделает, как условились? Впрочем, деваться ему некуда, крепко привязан. Если провернет это «мокрое» дело, то еще сильнее завязнет... Ислан-бей сказал, что на него можно положиться.

Теперь от Махмуда нужно ждать сигнала. Крест мелом на перилах моста через Куру — значит, он пошел в горы к Эрушетову один; кружок мелом — начальник послал его с кем-то вдвоем».

Карониди глубоко вздохнул. Посчитал на пальцах: раз, два, три, четыре... Покачал головой. «Четвертый год такой собачьей жизни».

Следующие трое суток он работал не покладая рук. Шил новые шапки, выдавал их заказчикам. Выполнял мелкие работы по дому. И как будто забыл о своих опасениях.

Несколько раз ходил на рынок: покупал продукты, приценивался к шапкам, которые продавали с рук другие. Некоторых скорняков он знал, а с одним, крепким еще стариком, завязал дружбу. Во всяком случае тот его называл просто Нестором, а он его Вахтангом. Изредка они вместе выпивали бутылку красного вина. В последнее время Карониди по вечерам закрывался в комнате, пил вино и молча перебирал четки, что-то обдумывая.

Спустя неделю после ночного визита Махмуда Карониди стал по утрам выходить к набережной Куры. Подойдет к мосту, посмотрит на перила, перейдет на другую сторону, прогуляется или зайдет в магазин — и обратно домой.

С женой теперь разговаривал редко. Да и вообще они никогда не были близки. У них сложились странные отношения: третий год живут тихо и мирно, никаких ссор, но и никакой близости.

Она иногда задумывалась. Зачем вышла замуж за

Нестора? Жила бы себе одна. Муж давно умер, сын взрослый, в другом городе... А все Вахтауг, шапочник. Как встретит на рынке или на улице, так и пристаёт: «Что ты, Айваз, все одна? Я тебе найду хорошего мужа». Одной и впрямь не сладко. И он однажды познакомил ее с Нестором. Тот оказался хорошим человеком: спокойный, уравновешенный, умный работник. Подумала Айваз и согласилась.

А в последнее время стала замечать, что Нестор чаще обычного нервничает. Особенно после того, как его навеситил этот маленький вертлявый черкес, как она про себя называла Махмуда. Две недели уже не заглядывает. А Нестор будто ждет кого. Несколько раз прикрикивал раздраженно, когда она входила в комнату без стука. И все чаще отправлялся на прогулки к мосту. Теперь ходил туда по два раза в день: утром и вечером. А когда возвращался, становился еще мрачнее.

В конце третьей недели, после очередной прогулки, Нестор не находил себе места: «Почему же нет сигнала от Махмуда? А что, если в горы, к Эрушетову, послали не его, а кого-то другого? И как только раньше не подумал об этом?» Карониди даже вздрогнул от этой мысли и уронил на пол четки, которые он теперь все время держал в руках, как успокоительное средство. Поднял четки, постарался спокойно проанализировать свое предположение.

«Могут ли они послать другого человека вместо Махмуда? Нет. Другой не найдет Эрушетова. В тот раз Махмуд предложил Хасану сменить место, договорились встретиться на новом. К тому же Хасан не станет разговаривать ни с кем, так как вел переговоры только с Махмудом и доверяет только ему».

Сделав такой вывод, Карониди вновь обрел душевное равновесие и занялся домашними делами. А вечером, когда стемнело и жена легла спать, он вышел в прихожую, отодвинул в стене доску, вытащил сверток. Возвратился в комнату, развернул его. Там находились две сумочки, из коричневого и красного материала. Они были пришиты одна к другой наподобие патронташа.

Карониди держал их бережно. Вытащил из одной небольшую красивую книгу в ярко-зеленом переплете. Это были «Сури» — избранные молитвы на арабском языке.

Из другой сумочки достал пачку воощенных листов бумаги, на которых каллиграфическим почерком сделаны выписки молитв из корана. Полистав их, нашел кусочек листка из ученической тетради. Пробежал взглядом напи-

санное, хотя знал все наизусть. Нет, память его не подвела: там была сделана запись: «Цунда, 192,6». Только и всего.

После этого Карониди стал шепотом читать молитвы, медленно раскачиваясь взад и вперед, как бы отвешивая поклоны. Так продолжалось около часа. Затем сложил все в сумочки и спрятал их в тайник.

Таким образом он набрался терпения до середины четвертой недели. В среду с утра зарядил дождь, и на Нестора снова навалилась хандра. Накинув плащ, зашпешил к мосту. На асфальте пузырились лужи, он промочил ноги, но это его не смущало. Вот и мост. Прошелся, внимательно осматривая перила, — ничего.

— Вай, какой шайтан в него вселился! — раздраженно пробормотал Нестор. — Что делать? — Несколько минут он стоял, не замечая дождя. Спohватившись, что привлекает внимание прохожих, решительно зашагал обратно, но передумал и пошел на рынок. Прошелся вдоль прилавков, на которых высились горки ароматных желтых груш, пестрели яблоки, было много различной зелени. Он останавливался и осматривал это изобилие, ни к чему не прицениваясь. Наконец подошел к невысокому пожилому горцу, в руках у которого была барашковая шапка, поздоровался.

— Послушай, Вахтанг, у меня к тебе дело. Я тебя очень уважаю и прошу, как друга...

— Чего ты хочешь, Нестор?

Карониди отвел горца в сторону и продолжал:

Один мой важный заказчик просил срочно сшить две шапки и обещал хорошо заплатить. Очень торопился, собирается куда-то ехать. Я выполнил заказ, но его что-то долго нет, наверное, заболел. Не мог бы ты послать к нему своего племянника отвезти шапки и получить деньги? Это недалеко... Я бы поехал сам, да что-то нездоровится в такую погоду. Дорогу я оплачу, а потом мы с тобой разопьем бутылку цинандали.

— Хорошо. Племянник может поехать завтра.

Ираклий Чадунели, племянник Вахтанга, вышел из дому рано утром.

Нудный дождь, ливший со вчерашнего дня, прекратился, но горы еще тонули в облаках. На электричке добрался до маленькой станции. Сел на попутную машину и только в середине дня увидел серебристую ленту канала.

Последние два километра шел пешком и ругал своего дядю: «Если бы знал, что нужно так добираться, не согласился бы. Из-за каких-то двух шапок!» Наконец увидел село. Там, где совсем недавно была голая степь, выстроились аккуратные домики с верандами. Ираклий присел на большой камень передохнуть. Настроение его поднялось: к вечеру будет снова в Тбилиси и получит обещанную бутылку цинандали.

Он поднялся и бодро зашагал к селу. На окраине ему встретился паренек, он нес большую сумку с грушами. «Значит, местный», — подумал Ираклий и спросил, как найти дом Махмуда.

Махмуда? — паренек подозрительно покосился на незнакомца.

А разве вы не знаете? Его увезли на машине в город, обыск у него был...

Да?! — растерянно произнес Ираклий. — Вот так штука! — Повернулся и пошел прочь от села.

На следующее утро Вахтанг Чадунели, как всегда, был на рынке и, когда к нему подошел Нестор Карониди, с обидой сказал:

— К кому ты посылал племянника? Мне Ираклий устроил такую баню! Чуть, говорит, не влип в историю. Если бы я только знал, ни за что бы не послал его. — Чадунели выложил свою обиду залпом, так что даже Нестор опешил.

— Что, Махмуд нагрубил Ираклию?

— А-а, нет твоего Махмуда! — махнул рукою Вахтанг. Он хотел было рассказать подробно, но увидел участкового уполномоченного Шалву Долидзе и, отвернувшись от Карониди, шагнул к нему навстречу.

Карониди насторожился, застыл в ожидании. «С Махмудом что-то случилось. Ушел в горы и до сих пор не вернулся? Нет, этого не может быть! Тогда что же?» Холодок закрадывался в душу.

Чадунели поздоровался с Долидзе, стал жаловаться на погоду. Карониди слышал обрывки разговора: ничего такого, что вынуждало бы действовать.

Долидзе улыбнулся старику и, не задерживаясь, направился дальше. Карониди облегченно вздохнул.

— Извини, Нестор, что прервал разговор, — подойдя к Карониди, проговорил Вахтанг. — Хороший знакомый. Как не поздороваться!

— Ты не договорил, Вахтанг, — с нетерпением заметил Карониди.

— Забрали Махмуда, плакали твои денежки!
Как забрали? Кто забрал?

Милиция. И обыск делали, весь дом перерыли! —
Вахтанг рассказал все, что узнал от племянника.

Карониди хоть и предполагал, что случилось что-то неприятное, но такого известия не ожидал. Он был потрясен. Стараясь скрыть волнение, сказал:

— Ладно, Вахтанг, извини меня. Кто мог подумать?
Карониди порылся в кошельке, достал пять рублей.—
Передай племяннику и скажи, что я очень сожалею.—
Повернулся и зашагал домой.

Закрывшись в своей комнате, ни слова ни говоря жене, Карониди стал торопливо собираться. Вытащил из сундука пачку денег. Отыскал рюкзак, запихнул в него темную рубашку. Завернул в газету кусок лаваша с сыром. Постоял, осматривая комнату.

Торопливо вышел в прихожую, достал из тайника мешочки с «Сури» и выписками из корана, потом извлек клубок шпагата, на котором через равные расстояния были завязаны узелки. Все это тоже уложил в рюкзак. «Кажется, все.» Постучался к жене:

— Я пошел, Айваз. Ты меня скоро не жди.
Прощай.

Женщина что-то ответила. Ей нездоровилось, и она второй день не поднималась с постели.

Карониди хлопнул дверью. На улице дождило, пешеходов было мало.

Пройдя несколько кварталов быстрым шагом, он остановился. Огляделся по сторонам. Позади никого не было. Только разбрызгивая лужи, мчались автомобили.

Нестор пришел на стоянку такси, сел в свободную машину.

— Пожалуйста, побыстрей. В Месхети.

Когда водитель развернул машину и прибавил газу, Карониди облегченно вздохнул.

Полковник Забродин прибыл из Москвы в Тбилиси в самое слякотное время. По улицам бежали потоки воды. Шел снег и тут же таял. В гостинице «Интурист», куда они подъехали вместе с встречавшим его капитаном Гогоберидзе, было холодновато.

— Да, невесело сейчас полковнику Асатиани, который выехал к тайнику Махмуда, чтобы руководить изъятием запряганных вещей,— заметил капитан.— Тайник находится на берегу озера. Там теперь такая грязь!

— Почему же он не поехал раньше, когда была хорошая погода?

— Об этом тайнике Махмуд рассказал только вчера. До сих пор изворачивался.— Гогоберидзе коротко поведал о результатах расследования.

Спустя час Забродин отправился в КГБ. Полковник Асатиани, который теперь занимался этим делом, был уже на месте, и они встретились как старые друзья.

— Как ваша поездка? — спросил Забродин.

Асатиани поднялся из-за стола, открыл сейф, и Забродин увидел два миниатюрных фотоаппарата, два пистолета, кучу различных шпионских «мелочей».

— Какие сведения передавал за границу Махмуд?

Говорит, немного: сколько железнодорожных составов проследовало и с какой маркировкой, о движении автомашин; послал описание одного шоссеиного моста. Они хотели наладить регулярную связь через границу с помощью Эрушетова. Когда мы направили в горы брата Эрушетова и тот убедил Хасана спуститься в селение и сложить оружие, тут-то все и раскрылось. И мы арестовали Махмуда. Впрочем, вы это знаете.

— А что Нестор?

— Никаких перемен. Сидит в своем убежище в Кутаиси, как сурок, на улице не появляется. Возможно, кого-то ждет. Махмуд заверяет, что он ничего о его связях не знает.

— Может быть, послушаем арестованного еще?

Асатиани распорядился, и вскоре Махмуд предстал перед ними. Сейчас он был сдержан и казался даже ниже ростом.

— Садитесь, Кулиев,— сказал Асатиани.— Можете курить. И постарайтесь вспомнить связи Карониди.

— Клянусь аллахом, ничего не знаю. Он не рассказывал. Мне теперь нечего скрывать, после того как я рассказал вам о тайнике.

— А где Карониди может скрываться?

Не знаю. Один через горы уйти он не мог. По-видимому, у него здесь кто-то есть.

— Ну хорошо. Расскажите о себе, как встали на такой путь?

Махмуд задумался, тяжело вздохнул:

— Мне придется много вспоминать.

— Ничего, мы потерпим,— ответил Асатиани.

В 1941 году я был мобилизован в Советскую Армию,— начал Махмуд.— Через полтора месяца отправили

в Крым, на фронт. В мае 1942 года часть, в которой я служил, натиском фашистов была прижата к морю. Бои продолжались семь дней. Все смешалось, мы не знали, где кто находится, потеряли связь с командованием, попали в плен.

Вначале меня вместе с группой солдат-кавказцев отправили в Австрию, затем — в Италию, где я работал на восстановлении дорог. Я с ужасом вспоминаю эти годы. Иногда по ночам просыпаюсь от собственного крика... Потом пришли американцы. Нас передали в их распоряжение и поместили в лагерь около Неаполя. Всего в лагере было около ста пятидесяти бывших советских граждан.

Я хотел вернуться домой, но в лагере появился один мужчина, житель Ахалцихе, и рассказал, что в Советском Союзе бывших военнопленных уничтожают. Только много позже я понял, что это был провокатор. Если бы я только знал, как обернутся события! Вай-вай! — Махмуд обхватил руками голову.

— Пожалуйста, без эмоций! — остановил его Асатиани. — Продолжайте.

Вместе с другими военнопленными, выходцами с Кавказа, я был отправлен в пограничное с СССР государство. Это произошло неожиданно, мы даже не знали, куда нас везут. Нас доставили в небольшой поселок, где жандармы каждого спрашивали, откуда родом, где семья, есть ли желание вернуться домой. Я сказал, что хотел бы возвратиться на Родину. Мне ответили, что по возвращении буду уничтожен, и я, поверив лжи, остался в этой стране.

В том же поселке я познакомился с Нестором Карониди. Изредка мы встречались, вели разговор о том о сем и, случалось, распивали бутылку вина. Потом Карониди надолго исчез.

В 1956 году ко мне домой пришел Ислан-бей. В поселке его знали как большого начальника. Он был одет в форму жандармского офицера, и хозяин дома, где я снимал комнату, держался с ним заискивающе. Ислан-бей оглядел мое убогое жилище, сел на стул и сказал:

— Ай, ай-я! Как бедно ты живешь! В доме у тебя ничего нет, и ты не можешь даже угостить друга!

Я развел руками, давая понять, что в этом не моя вина.

Хорошему человеку нужно помочь. Ты будешь работать со мной, и у тебя появятся деньги!

— Спасибо, господин. Что я должен буду делать?

У тебя есть родственники там? — Ислан-бей кивнул в сторону Советского Союза.

— Нет, никого не осталось...

Ты подумай над моим предложением, а я к тебе еще зайду.

Спустя некоторое время опять появился Карониди и посоветовал принять предложение Ислан-бея.

— Встретимся в Тбилиси,— сказал он, прощаясь.

Для переброски в Советский Союз меня готовили вместе с Хусейном. Это был малоразговорчивый парень, тоже бывший военнопленный. Жили мы недалеко от советской границы, где Ислан-бей и американские инструкторы учили нас преодолевать инженерные заграждения в дневное и ночное время, стрелять из пистолетов, оборудовать тайники, собирать шпионские сведения...

Расскажите, как вы переходили границу,— спросил Асатиани.

Махмуд надолго задумался, словно заново переживая события тех дней. Наконец заговорил, не отрывая взгляда от окна, по стеклам которого барабанили капли дождя.

К границе подошли вечером. Ислан-бей остался на горе, а мы спустились в долину. Когда стемнело, стали осторожно пробираться вперед. Нас заметили, начали преследовать, открыли огонь из автоматов. Мы отстреливались. Вдруг Хусейн вскрикнул и упал. Я попытался поднять его и почувствовал на руках кровь. Хусейн был смертельно ранен в грудь и живот. Я оттащил его в камыши и побежал. В это время хлынул ливень. Он-то меня и спас, смыл мои следы.

В лесу, в шалаше, который я соорудил, просидел четыре дня, пока шел дождь. Потом направился в Боржоми, там купил костюм, пообедал и вечерним поездом выехал в Тбилиси.

В Тбилиси пробыл сутки. На следующий день в городской бане встретился с Нестором Карониди. Он передал мне новый паспорт и велел немедленно ехать в горный район и устроиться на жительство. В ближайшее время, сказал он, жителей этого района будут переселять в другие места, так как там мало пригодной для земледелия земли.

Так оно и случилось. Не прошло и года с того времени, как я обосновался в селении, и нас перевезли в плодородную долину. Для всех жителей это была большая радость. Для меня тоже: наконец-то удалось замести следы.

Асатиани и Забродин переглянулись. Похоже, Махмуд говорил правду. Между тем Кулиев продолжал:

— После этого я стал регулярно встречаться с Карониди, передавать ему те сведения, которые удавалось собрать.

— Это нам известно, Кулиев. Теперь расскажите все, что знаете о Карониди,— потребовал Асатиани.

В отношении Нестора Карониди мне известно лишь то, что в 1944 году нелегально перешел в Советский Союз. Об этом он рассказывал мне сам. О своей шпионской деятельности ничего не говорил, только однажды, когда поругался с Ислан-беем, заявил, что давно работает на разведку.

Мне известно от Карониди, что его тайник, в котором он прячет оружие и деньги, находится неподалеку от моего тайника, вблизи того же озера Цунда. Но где точно, я не знаю. Как видите,— Махмуд покорно смотрел то на Асатиани, то на Забродину,— я рассказал все. Прошу не судить меня строго.

Не прикидывайтесь, Махмуд,— прервал его Забродин.— Вы сами виноваты, что так сложилась ваша жизнь и вы стали на преступный путь. Увлекались азартными играми, любили покутить, но не хотели работать, стремились жить на чужой счет. И ничего не сделали для того, чтобы вырваться из этого порочного круга. А ваше поведение с Эрүшетовым? Отговаривали его идти с повинной... Что же касается вашей чистосердечности, то это мы еще проверим. Вопрос о вашем наказании будет решать суд.

Отправив Махмуда в камеру, Забродин и Асатиани обсудили неотложные дела.

— Понимаете, Владимир Дмитриевич,— сказал Асатиани,— мы могли бы взять Карониди хоть сейчас. Он живет в Кутаиси, у некоего Баланадзе, работающего грузчиком на железнодорожной станции. По-видимому, его сообщник, но я думаю, что это мелкая птаха. Мы ни на минуту не выпускаем Карониди и Баланадзе из поля зрения. Но другие связи Карониди нам не известны. Может быть, у него есть более солидные помощники? Вот об этом мы и хотели бы знать. Кроме того, у нас почти нет доказательств преступной деятельности Карониди. Показания Махмуда для суда не могут иметь решающего значения. Вы это понимаете сами. А что еще? Документы его, скорее всего, в порядке, так как он живет здесь уже много лет и мог несколько раз их поменять. Надо найти

такие улики, которые бы его изобличали. Вот почему мы его не трогаем. А он сидит безвылазно в комнате, как медведь в берлоге.

— Возможно, стоит его потревожить?

— Этим мы его только спугнем и не узнаем ничего нового.

— Потревожить можно по-разному, — проговорил Забродин.

Третью неделю жил Нестор Карониди в 12-метровой комнате двухэтажного дома на улице Церетели в Кутаиси. Вернее, не жил, а скрывался. Питался всухомятку, гулять выходил, когда становилось совсем темно и улицы были пустынные... И никто из соседей грузчика Баланадзе не догадывался, что у него в комнате находится посторонний человек. Да и о самом Баланадзе знали они мало: работает на железнодорожной станции. Пьет в меру, дома почти не бывает. Человек тихий, покладистый... Вот и все.

Карониди оброс бородой и, выходя по ночам на прогулки, маскировался под глубокого старца. Хотя он и похудел за это время, но свой живот затягивал все туже, и его фигура приобретала почти стройные очертания старого горца. Вообще, никто из знакомых теперь не узнал бы его.

Нестор понимал, что нужно беречь физические силы, чтобы выдержать предстоящие испытания. Он еще не знал, куда пойдет из этой комнаты и что будет делать. Но делать что-то нужно. «А что предстоит, один аллах знает!» Выходя на прогулку из подъезда дома, он быстрым шагом проскакивал мимо висящего на углу яркого фонаря и сворачивал в переулок, где обычно было темно. Здесь он шел не спеша. Шел долго, сворачивал в другой такой же переулок, который считался безопасным. Долго стоял, всматриваясь в проступающие очертания гор, в потемневшее небо, потом медленно возвращался домой.

Дома Карониди часами стоял у окна и перебирал пальцами четки или читал книгу в зеленом переплете. И думал... В вынужденном заточении он перебрал десятки вариантов, прикидывая, что должен делать дальше. Выход был только один: бежать за границу. Но как? Пробраться на иностранный пароход в каком-либо порту? В Новороссийске, в Одессе, в Батуми — не годится. Он слишком приметный человек. Да и что можно сделать без документов! Угнать рыбацкую лодку и переплыть в

соседнюю страну? Нет, не подходит. Помешают пограничники.

Уехать в Среднюю Азию или на Север и попытать счастья там? Нет. Карониди прошел стадию радостных надежд и необоснованных обольщений. Он знал, что переходить границу даже с опытным проводником сейчас никто не решаетъ. А у него нет проводника. Все варианты при тщательном анализе отпадали. Он понимал, что будет мгновенно схвачен. А выход нужно было искать. И он искал день и ночь. И наконец придумал. Но как осуществить эту идею? «Самолет!» Вот то, что ему нужно.

Во вторник третьей недели, когда Баланадзе, возвратившись с работы, разложил перед жильцом на столе еду, Нестор спросил:

— Что слышно?

— Тихо.

Я скоро уйду. Решил окончательно. Выполнишь одно поручение, и на этом расстанемся.— Карониди говорил твердо, Баланадзе почтительно кивал головой. Выпив вина и закусив сыром, Карониди спросил:

— Ты знаешь, где находится озеро Цунда?

— Нет. Никогда там не был...

— Доедешь до Ахалцихе. В тридцати километрах от города находится село Аспиндза. Запомнил? Доедешь до Аспиндзы, его тебе каждый покажет. Потом еще немного дальше, километров пятнадцать, и дорога будет разветвляться. Здесь на вершине скалистого холма громоздятся развалины древней крепости Хертвиси, недалеко от которой находится озеро Цунда. Там я зарыл в землю свои вещи.

Баланадзе кивнул.

На берегу лежит большой камень, величиной с автомобиль, его ты увидишь сразу — 92 шага от озера. Подойдешь к камню, станешь лицом на запад и увидишь развалины старой крепости. Как увидишь развалины, возьми веревочку.— Карониди достал из кармана моток шпагата, на котором на равном расстоянии были повязаны узлы, передал его Баланадзе.— Моток положи на землю и растяни его в направлении от камня к крепости. На шестом узелке отгребни гальку и немного копай. Там будет тайник.

Две-три минуты прошли в молчании. Карониди пристально, изучающе смотрел на Баланадзе, а тот, глядя в окно, кивал головой и шепотом повторял то, что ему сказал Карониди.

На стене монотонно тикали ходики.

Кто тебя будет кормить? — поинтересовался Баланадзе.

— Сделаешь запас. Самое главное — взять из тайника деньги и оружие. Не забудь: два пистолета и двадцать тысяч. Они в пачках.

Баланадзе согласно кивал головой. Он устал, ему страшно надоел Карониди, надоело все, но он не подавал виду. Устал он не столько от физической нагрузки, сколько от постоянного нервного напряжения. Он хотел скорей избавиться от Карониди. И вот выход... Правда, и потом будет так же, как раньше: он продолжит посещения станции, будет записывать маркировку проходящих эшелонов, пересылать эти сведения при помощи тайнописи куда следует, в общем, он вынужден будет по-прежнему выполнять задания Ислан-бея, так как некуда ему деваться, слишком сильно он привязан. Но... по крайней мере ни о ком, кроме себя, не нужно будет заботиться.

Между тем Карониди продолжал инструктировать:

В вагоне садись в сторонке, лучше в углу, подальше от любопытных, от расспросов. Люди любят в дороге поговорить... Можно сказать лишнее. Держи язык за зубами и постарайся быстрее вернуться.

Карониди проводил Баланадзе на заре. Светало. Путь был дальний, а обернуться нужно было максимум за трое суток.

После отъезда Баланадзе Карониди целый день просидел у окна, прикрытого занавеской, выглядывая на улицу. Было прохладно и сыро. Он натянул шерстяной свитер, включил электрическую плитку, но она помогала плохо: ветер с гор быстро выхолаживал комнату.

Теперь Карониди знал: через несколько дней в руках у него будет оружие, потом — билет на самолет. Уж он-то сумеет заставить летчика лететь туда, куда ему нужно!

Но вдруг летчик откажется выполнить приказание? Карониди усмехнулся: «Не откажется!» У него еще никто никогда не отказывался выполнить приказание...

Он перебрал в памяти случаи, когда попадал в критическую ситуацию, и поежился, словно за воротник рубашки внезапно скатилось несколько холодных дождевых капель. Наплывом, как кинокадры, перед глазами отчетливо прошли наполненные ужасом лица тех, кому довелось

смотреть в зрачок его бесшумного пистолета. Да, в ответственную минуту он, Каронида, действовал решительно и беспощадно...

Вечером, не зажигая света, он надел пальто и вышел на улицу, дошел до своего излюбленного места: сумрачного, как ущелье гор, переулка.

Здесь он постоял, подумал. Думал об одном: как раздобыть билет на самолет? Вздохнул. И, прошептав молитву, неторопливо зашагал в обратном направлении.

Когда он приблизился к своему дому, вдали показался мужчина. Каронида уже свыкся со своим положением и шел спокойно, он был уверен, что в этих местах и в такое время его никто не узнает. Одинокий путник торопился и поравнялся с Каронидой в тот момент, когда они были вблизи фонаря. К своему удивлению Каронида сразу узнал прохожего, хотел отвернуться и пройти мимо, но тот тоже узнал его и удивленно воскликнул:

— Нестор, ты?!

Первой мыслью было выхватить кинжал и ударить. Кинжал был под пальто, и шапочник взялся за рукоятку, но удержался. «Ударить никогда не поздно! Нужно выяснить, зачем он здесь». Остановился:

— Ты зачем здесь, Вахтанг?

— Приехал навестить брата. Давно не виделись. Его жена написала, что он тяжело болеет...

— Где живет брат? — спрашивал он резко, отрывисто.

— На улице Рижинашвили, недалеко от завода.— Вахтанг отвечал спокойно. Но все же Каронида подумал: «Приедет Баланадзе, заставлю проверить».

— Извини меня, Вахтанг.— Каронида переменял тон.— Я очень тороплюсь. У меня неприятности, ты знаешь. Давай встретимся завтра, здесь же, я хочу с тобой поговорить. Ты сможешь сделать еще одно одолжение старому другу?

— Опять просьба, Нестор? Больше ничего делать не буду.

Такой ответ еще больше успокоил Каронида. Раз Вахтанг отказывается выполнить его просьбу, стало быть, он не подослан.

— Не обижайся, Вахтанг. Я хочу с тобой посоветоваться. Ты человек умный и должен меня понять. А тот случай забудь. Меня подвел, очень подвел Махмуд. Только ты никому не говори. Понял?

— Если не веришь, зачем приглашаешь, кацо? — с

обидой в голосе проговорил Вахтанг и, махнув рукой, повернулся, чтобы уйти.

— Не сердись, это я так,— остановил его Карониди и положил руку на плечо старика.— Извини. До завтра.— Карониди повернулся и зашагал к своему дому.

Возвратившись домой, Карониди стал обдумывать план дальнейших действий:

«Вахтангу можно верить. Помог же он вовремя удрать из Тбилиси, рассказав об аресте Махмуда. Пожалуй, сегодняшняя встреча случайное совпадение. Вернется Баланадзе — проверим. А главное — поскорей лететь! Вот его-то я и попрошу узнать расписание полетов. Это никому ни о чем не говорит. А заплачу — будет молчать».

Баланадзе хорошо был виден на экране. Вот слегка рябит и поблескивает озеро. Справа — кустарник, заросли камыша. Баланадзе остановился невдалеке, огляделся. Увидел большой валун и зашагал к нему. Закурил. Потом посмотрел вдаль, в сторону развалин старой крепости. Выкурив папиросу, достал из кармана моток шпагата, растянул по земле в направлении крепости, стал отмерять. Нагнулся. В разные стороны полетели камни, потом стал разгребать землю ножом, вытащил из земли большой пакет завернутый в целлофан, развернул его.

Забродин и Асатиани отчетливо увидели, как Баланадзе подержал в руке пистолет, обтер его сверху рукавом пиджака, положил во внутренний карман. То же самое он проделал с другим пистолетом. Чекисты переглянулись. Они понимали друг друга без слов: пока у преступников было только холодное оружие, все было проще. А теперь?

Между тем Баланадзе достал из пакета большую пачку денег и еще какие-то вещи. Остальное зарыл на том же месте. Отдохнув, отправился в обратный путь.

Асатиани приказал выключить экран и зажечь свет. Потом раздвинули плотные шторы, и в просторный кабинет ворвался дневной свет. Первым нарушил молчание Асатиани:

— Тут есть над чем подумать. Может быть, следует задержать Баланадзе в пути, пока он не доставил оружие Карониди?

— Тогда придется брать и Карониди. А если у него в Батуми связной? Ведь на следствии от Карониди ничего не добьешься...— возразил Забродин.

— Предлагаю Баланадзе пока не трогать. Усилить наблюдение за домом, а также на вокзалах, в портах, на аэродромах в Тбилиси, Кутаиси, Батуми.

— Принимается.

Рассуждая вслух, Забродин продолжал:

— Повезло Вахтангу. Хорошо, что не потребовалась помощь, хотя наши люди были поблизости и наготове... Карониди жесток и безжалостен. Но все же, почему он не тронул этого шапочника? Ведь это свидетель против него.

— Карониди надеется, что ему удалось замести следы. А раз так, то нападение на кого бы то ни было пока исключено. До тех пор пока скрывается у Баланадзе, он будет осторожен. А когда покинет эту комнату, вот тогда другое дело. Тут уж смотри в оба...

— А зачем ему понадобилось расписание рейсов самолетов — Батуми — Тбилиси?

— Э, дорогой, не торопитесь. Я не Карониди, — Асатиани улыбнулся. — Через два часа узнаем.

Спустя два часа Вахтанг Чадунели сообщил Асатиани и Забродину о своей последней встрече с Карониди:

— Разговор был короткий, на улице. К себе в комнату он не приглашал. Взял бумагу с расписанием рейсов, дал мне деньги, не поскупился. — Чадунели достал из кармана сторублевую купюру и положил ее на стол. — Прощаясь со мной, Карониди сказал: «До скорой встречи!» Вот и все. — Вахтанг развел руками. — Больше узнать ничего не удалось...

— Не сказал, когда встретитесь и когда полетит? И ни о чем больше не просил?! — спросил Забродин.

— Нет. Я передал разговор точно, не упустил ничего.

— Думаю, что о будущей встрече он соврал, как врал вам до сих пор, — сказал Забродин. — Наверное, хотел припугнуть. Никакой встречи у вас с ним больше не будет.

— Я тоже так думаю, — сказал Асатиани. — Спасибо, — поблагодарил он Вахтанга. — Вы нам очень помогли.

Возвратившись домой после ночной встречи с Вахтангом, Карониди разбудил спавшего Баланадзе.

— Завтра тебе нужно ехать в Батуми.

Баланадзе сел на край постели и удивленно протер глаза. Потом сказал:

— Завтра не могу. И так начальство ругалось, что четыре дня меня не было на работе. Начальник говорил, что я пьянствовал. Если и завтра уйду, не договорившись, меня уволят. Где я потом найду такую работу? И что скажет Ислан-бей?

— Хорошо, послезавтра. Мне нужно срочно уходить. Дальше оставаться здесь нельзя. Да и тебе будет лучше. А чтобы отпроситься у начальства, придумай хороший повод, например скажи, что кто-нибудь из близких устраивает в Батуми свадьбу. Проверять никто не будет, здесь это принято.

Баланадзе ничего не ответил. Лег и уснул. Карониди тоже улегся, не дождавшись ответа. А утром, уходя на работу, Баланадзе сказал:

— Постараюсь что-нибудь придумать и завтра уехать. Что нужно сделать в Батуми?

— Купить билет на самолет Батуми — Тбилиси. Больше ничего.

Не понял,— произнес Баланадзе,— почему Батуми — Тбилиси? Для кого билет?

Билет нужен мне. Ты купи его на пять дней вперед. Когда привезешь, я поеду в Батуми поездом, а оттуда полечу в Тбилиси.

Баланадзе с недоверием покосился на Карониди. Он, по-видимому, ничего не понял или не поверил, но переспрашивать не стал. На следующий день рано утром выехал в Батуми.

Наступила самая ответственная пора. Карониди готовился к решительным действиям. Готовились и чекисты. Они знали, что Баланадзе поехал в Батуми, но терялись в догадках: почему поехал Баланадзе, а не Карониди? Почему поездом, а не самолетом? Ведь Карониди интересовался расписанием полетов.

— Неужели Баланадзе пойдет на встречу со связным? — с недоумением произнес Забродин, Асатиани только пожал плечами.

Возможно, чекисты действовали неосторожно и Карониди заметил, что они идут по следу? Какие шаги предпримет он в ближайшее время?

Развязка близилась. Но где и в какой момент она произойдет?

Утром Баланадзе прибыл в Батуми. Наскоро перекусив в шашлычной, отправился в кассы «Аэрофлота». В

это зимнее время там было пусто, и он без труда купил билет на самолет до Тбилиси, вылетающий из Батуми через пять дней. Остаток дня слонялся по городу: был на рынке, зашел в аквариум, пообедал в столовой. А вечерним поездом выехал обратно в Кутаиси.

Подробное сообщение, полученное из Батуми Забродным и Асатиани, не прояснило мотивов поведения Каронида, а вызвало даже некоторое недоумение. Баланадзе — а связь между его поездкой и положением, в котором оказался Каронида, была очевидной, — вероятно, выполнял какое-то поручение Каронида. Но какое?

Асатиани и Забродин снова скрупулезно перебирали все действия связного. Он заходил в аквариум. В этот час там было немногочисленно. Со скучающим видом походил у витражей, задержался на несколько минут возле тюленей, причем разглядывал их с явным интересом. Это вполне естественно для человека, который не так уж часто видит таких зверей. Кроме того, очевидно, что ему просто надо было как-то убить время. Потому что ни с кем в аквариуме он не встречался.

На батумском рынке сообщник Каронида тоже вел себя как человек, которому некуда деть время. Ни товары, ни продавцы не привлекли его внимания — он спокойно ходил между рядами, равнодушно разглядывая пестроту рынка. Лишь у одной из промтоварных палаток остановился ненадолго, поинтересовался стоимостью какой-то яркой пижамы. Но покупать ее не стал и, еще с минуту постояв, пошел дальше.

Продавец этой палатки, как сообщили из Батуми, вне подозрений. Да и, кроме вопроса о цене и ответа, никакого другого контакта между ними не было. От этой палатки все с тем же скучающим видом Баланадзе направился дальше вдоль рядов. Остаток дня он прослонялся по городу, ни с кем не встречаясь, ни с кем не разговаривая, а вечером сел на обратный поезд.

— Значит, единственное, зачем он ездил в Батуми, — это билет? — Забродин вопросительно посмотрел на Асатиани.

Тот согласно кивнул головой.

— Или Каронида решил нас пустить по ложному следу, или птичка хочет улететь таким способом. И то, и другое нам надо предусмотреть.

Через день после возвращения Баланадзе из Батуми

Каронида покинул дом в неурочное время. В одной руке он держал небольшой чемоданчик. Другая рука была плотно засунута в карман пальто. Он шел быстро по направлению к вокзалу. Без сомнения, в кармане держал пистолет. Каронида, как зверь, нутром чувствовал опасность и готов был в любое время применить оружие.

Об этом было тотчас доложено Асатиани.

Короткий день подходил к концу. Смеркалось. Каронида сел в поезд, идущий до Батуми. Он занял свою полку в купейном вагоне и улегся спать. Теперь многое прояснилось. Каронида действительно держит путь в Батуми.

В тот же день вылетели в Батуми Асатиани и Забродин.

В отделе КГБ Забродина и Асатиани познакомили с последними сведениями о Карониде: в Батуми прибыл рано утром, перекусил на вокзале и отправился в приморский парк.

— Сидит там и сейчас,— доложил майор, которому было поручено заниматься этим делом.

Странно, очень странно.

Нет ничего странного, Владимир Дмитриевич,— возразил Асатиани.— Самое подходящее место для встречи...

— Непонятно все его поведение.

Товарищ майор, усильте наблюдение за побережьем,— распорядился Асатиани.— Предупредите еще раз пограничников.— И объяснил Забродину:— У нас, в Грузии, есть такое село, как в Италии: граница делит его пополам. Странно, но факт. И этим иногда пользуются.

— Этот голубчик намерен воспользоваться оружием в воздухе,— сказал Забродин.

— Пожалуй, вы правы,— согласился Асатиани.— Старый, матерый волк решил перейти границу в воздухе.

— Да, времени терять не будем,— сказал Забродин.— С каждой минутой он становится все опаснее. Теперь все. Встречи не будет! Нужно его брать! И брать здесь, в парке. Нельзя пускать его в аэровокзал. Там много людей, а преступник может открыть стрельбу.

Когда Забродин и Асатиани приехали в парк, Каронида еще сидел на скамье.

— Даю команду приступать к операции,— сказал Асатиани и, повернувшись к идущему рядом майору, приказал:— Действуйте!

Забродин увидел, как в парк торопливо вбежала молодая девушка с чемоданом и красивой сумочкой в руках. Ее нагонял неряшливо одетый парень. Когда они были

рядом с Карониди, парень выхватил из рук девушки сумочку и кинулся бежать. Но его тут же задержали двое мужчин. Поднялся шум, подошел милиционер, стал разбираться. Указывая на Карониди, девушка сказала:

— Этот гражданин видел, как он выхватил мою сумочку.

Милиционер подошел к Карониди, который теперь стоял, держа в одной руке все тот же чемоданчик, а другую не вытаскивал из кармана.

— Гражданин, прошу пройти со мной.

Карониди отказывался, никакие уговоры не помогали. Он стоял у скамьи, держа руку в кармане. Забродин был уверен, что там у него пистолет. Это поняла и девушка. Она с решительным видом подошла к Карониди, поставила у самых его ног свой увесистый чемодан и, указывая на сумочку, которую держал в руках парень, сказала:

— Вот у него моя сумочка!

Карониди немного наклонился вперед. Стоявший позади «прохожий» сильно толкнул его в спину. Споткнувшись о чемодан и падая, Карониди вытянул руки вперед. В этот момент его схватили.

Иван ПАПУЛОВСКИЙ
Адольф ТОРПАН

СИНИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Холодный ветер гнал по притихшим темным улицам Таллина остатки прошлогодней листвы. Наверху, слабо освещенный, темнел громадами старых домов, крепостных стен и башен Вышгород, в просветы между тучами вонзались шпили Домской церкви, церкви Олевисте, городской ратуши и церкви Нигулисте.

Дежурный по Комитету государственной безопасности республики встал из-за стола, уставленного телефонами, подошел к окну. Завтра — 7 мая, остается два дня до праздника Победы. Девять лет прошло, как смолкли в Европе орудия, девять лет тревожного послевоенного мира.

Резко зазвонил телефон.

— Дежурный слушает...

Голос далекий, фамилию дежурный не сразу понял.

— Только что пролетел четырехмоторный самолет без опознавательных знаков и бортовых огней...

Вот с этого звонка в ночь с 6 на 7 мая 1954 года все и началось.

Прикрываясь низко нависшими над землей тучами, самолет-нарушитель пролетел вдоль Ирбенского пролива, над Вильяндиским районом, близ местечка Ауксаре, круто

повернул на юго-запад и ушел в сторону Балтийского моря. Шел самолет со скоростью пятьсот километров в час, с приглушенными моторами, крадучись, и, было ясно, что он не случайно сбился с курса.

Наутро председатель Комитета госбезопасности Эстонской ССР полковник Иван Прокофьевич Карпов созвал в свой кабинет начальников отделов и служб. Обсудив сообщения, все пришли к единодушному мнению, что самолет-нарушитель, скорей всего, прилетел для выброски. И район для этой цели выбран подходящий — на много километров простираются густые леса и труднопроходимые болота, деревни и хутора разбросаны далеко друг от друга, можно сутками ходить, не встретив ни одного человека. А если шпионы захотят уйти в город, затеряться в толпе, то и для этого есть возможности: неподалеку железнодорожная магистраль, шоссейные и проселочные дороги — выбирай любую!

— Противник дело свое знает: время и место для выброски выбраны удачно, — сказал полковник Старинов.

— Вот вы, Гавриил Григорьевич, — откликнулся Карпов, — и возглавите оперативную группу. Привлеките к операции население.

Это полковник Старинов хорошо понимал. Почему-то сразу вспомнились послевоенные годы работы в Тарту, лицо одного из активнейших помощников — Эдуарда Фукса. Вот кто был непримирим к фашистскому оккупационному режиму! Но и враги ненавидели его люто. Бандитам удалось выследить отважного крестьянина вместе с женой... Его гибель Гавриил Григорьевич переживал как личное горе. На место погибшего Фукса в батальон народной защиты пришли десятки новых бойцов, а сын Эдуарда стал чекистом.

Оперативной группе предстояло, во-первых, установить точное место приземления парашютистов и по возможности взять их след. Во-вторых, определить, сколько их выброшено. В-третьих, поймать их и выяснить, по заданию какой разведки явились они на нашу территорию и в чем состоит их задание.

Чекисты начали работу. О результатах поиска ежедневно запрашивала Москва. В предполагаемых местах выброски были прочесаны огромные лесные и болотистые массивы, усилен контрольно-пропускной режим на дорогах, по всей республике удвоено наблюдение за всеми подозрительными лицами. Но первые две недели поиска не дали результата.

Конечно, за две недели нарушители могли не один раз пересечь всю Эстонию из конца в конец, но в вяндраских лесах, где они приземлились, должны были остаться какие-то следы.

На карте полковника Старинова появился треугольник, начерченный синим карандашом: Вяндра — Кыпу — Абья-Палуоя.

Поиск проходил трудно. Приехал из Москвы представитель Комитета госбезопасности подполковник Бахтийчук. Одобрил назначение Старинова руководителем оперативно-поисковой группы.

Многие годы отдал Гавриил Григорьевич Старинов работе в органах ОГПУ — НКВД на Орловщине, в Сибири, Бресте. Великую Отечественную встретил на посту заместителя начальника управления НКГБ Белоруссии. В 1946 году возглавил Тартуский отдел МГБ в Эстонии, да так и остался здесь — стал заместителем председателя КГБ республики...

Под стать руководителю были офицеры его группы: Касаткин, Миллер, Ляпчихин, Лукьянов, Карулаас.

Чекисты прошли по всем дорогам и тропам в районе предполагаемой выброски парашютистов. Густой лес, заболоченные кустарники с подернутыми тиной бочагами, оконца тихих озер, лесные просеки и осушительные каналы, тянувшиеся на многие километры, цепко хранили тайну той майской ночи. Парашютисты словно в воду канули.

— Может, не там ищем, а?

Конечно, теперь поиск шел уже на территории многих районов и городов Эстонии, но «синий треугольник» Гавриил Григорьевич стирать не собирался.

Кроме поисков, чекисты должны были помнить еще и о том, чтобы не спугнуть врага. Поэтому все мероприятия проводились скрытно от посторонних глаз. То, смотришь, лесник пошел проверить свои владения, то лесоруб выбрал новую делянку, а то и просто появился еще один любитель побродить по весеннему бору.

Старший лейтенант Александр Касаткин в конце второй недели поисков остановился передохнуть в лесу под старой березой — было это недалеко от деревни Ауксаре. Сел на пенек, достал портсигар... И вдруг его словно током подбросило с пенька. Вначале он заметил лямки, свисавшие с ветвей старой березы, а потом увидел и парашют, застрявший на самой ее вершине.

Вот это удача! Подтверждалась версия о выброске

парашютистов и правильность основных направлений чекистского поиска. «Синий треугольник» на картах словно наполнялся живым содержанием.

Место вокруг старой березы тщательно исследовали. Старинов вместе с офицерами своей группы осмотрел каждый кустик, обшарил всю траву. И не напрасно! Нашли возле пня неполную пачку сигарет в заграничной упаковке — видно, выпала из кармана. А в полукилометре от этого места обнаружили два окурка этих же сигарет. Разделившись на несколько небольших групп, чекисты тщательно обследовали лесистую местность, чтобы определить, в какую сторону ушел парашютист. И снова — удача. Молодой сотрудник из группы капитана Лукьянова наткнулся в лесу на два шалаша из еловых веток, сделанных на сухом пригорке. Шалаша сооружались в спешке. И хотя прошли дожди, чекисты без особого труда обнаружили следы пребывания здесь двух человек. Перерыли и перебрали каждую веточку. И опять не напрасно: под подстилкой, устроенной из сена, нашли обертку из-под галет и две пустые консервные банки.

Полковник Старинов, разбирая вечером итоги поисков, с удовлетворением говорил своим сотрудникам:

— Главное — терпение. Человек — не иголка, не святой дух. Обязательно оставит следы. Нелегко, конечно, отыскать врага, обученного запутывать свои следы. Но ведь он не станет долго отсиживаться, он должен выполнить задание, иначе зачем посылать четырехмоторный самолет, обучать, тратить средства. Значит, противник должен себя проявить. Конечно, надо найти врага до того, как он начнет действовать. Теперь мы уже кое-что знаем. Хотя бы то, что искать надо двоих.

И поиски продолжались. Старший лейтенант Карулаас, набродившись по лесным чащам, к вечеру вышел к одинокому хутору, приткнувшемуся у опушки леса. За жердяной изгородью увидел хлопотавшую у большого корыта хозяйку — готовила еду для поросят. Женщина оказалась очень словоохотливой. Она вынесла из дома большую глиняную кружку молока.

— К вам, наверное, нередко заходят люди — уж очень хорошо хутор стоит? — как бы между делом поинтересовался чекист.

— Да бывают, чего там! — воскликнула женщина.

И вдруг умолкла на полуслове, словно сама себя одернула: не болтай лишнее.

— Незнакомые все? — поощрительно спросил офицер.

— Незнакомые... не из наших.— Оглянувшись на лес и на свой дом, хозяйка все-таки решилась сказать: — Где-то после 10 мая приходил один тип... Золотые часы на руке, вопросы какие-то непонятные...

Карулаас понял, что с этой женщиной можно поговорить откровенно, не зря же она сказала «не из наших».

— Попил он у меня молока, и хлеба дала ему. Поблагодарил за все. А потом спрашивает, не видела ли я в лесах солдат или милицию. А перед уходом еще спросил, не знаю ли я, где теперь живет вдова Лиза Тоомла. А чего же не знаю-то? Знаю! Переехала она после войны на другой хутор, возле деревни Кергу.

Пожилая колхозница рассказала, что «не наш тип» ушел от нее к лесу, а там под деревьями ожидал его другой человек — высокого роста, блондин. А тот, что приходил к ней, был чернявый, брови вразлет, большой нос, худощавый и тоже высокий.

— Только плечи у него какие-то опущенные, шея длинная и кадык выступает,— вспоминала хозяйка.

«Ишь, какая наблюдательная! Ей бы словесные портреты на преступников рисовать...»

— Да, шея длинная и кадык выступает,— повторила она.— Только вот одет как-то странно — старый пиджак, старые, ношенные-переносенные штаны. И золотые часы — надо же!

Молодой офицер уже знал, с какой дотошностью будет расспрашивать его вечером полковник Старинов. Он не сомневался, что колхозница видела именно тех самых шпионов-парашютистов, которых они разыскивали. И теперь чекисты знали уже одно имя, которым интересовались заброшенные к нам разведчики. Лиза Тоомла! Выяснить, кто такая Лиза Тоомла, проживающая на хуторе возле деревни Кергу, не представляло большой сложности.

Почти одновременно пришел сигнал из Пярну. Уборщица вагонного участка станции Пярну Анна Анисимова, женщина лет тридцати с небольшим, вела санитарную обработку поезда, прибывшего из Таллина. На работу она вышла в восемь утра, но до хвостового вагона добралась нескоро. Зашла в туалет, вымыла раковину и унитаз, как-то машинально сунула руку за водопроводную трубу — и обмлела. В ее руке оказался пистолет. А за ним еще один, потом авторучка, коробочка с патронами, пузырьки с какой-то странной жидкостью, две пробирки... «Игрушки, что ли?» — была первая мысль. Да нет, какие

там игрушки! Сложила все в пакет, с колотящимся сердцем пошла в багажную — там сидел знакомый ей работник станции Удрас.

— Смотрите, что я нашла.

У Удраса от изумления отвалилась челюсть. Но он быстро овладел собой.

— Аня, не говори никому!

И ушел, забрав все содержимое. В документах появился перечень найденного: два пистолета «Вальтер», пистолет-авторучка, стреляющая в упор газом, патроны, ампула с ядом и флакон специальных чернил для тайнописи. Экспертиза установила, что все эти вещи могли принадлежать иностранным шпионам и вполне вероятно, что тем самым парашютистам, которых сейчас разыскивали по всей республике.

Как и рассчитывал полковник Старинов, следы появились.

В разных местах наследили, мечутся. Что-то заставило их устроить тайник в вагонном туалете. Может, чекисты уже сидели у них на хвосте?

Ну а что же Лиза Тоомла? Через пару дней после встречи старшего лейтенанта Карулааса с колхозницей-хуторяжкой в Комитете госбезопасности имелись на нее полные данные.

Лиза Тоомла вместе с замужней дочерью Хельги Ноормаа и ее двумя несовершеннолетними детьми проживала на хуторе возле деревни Кергу Вяндраского района. Дочь работала телефонисткой в отделении связи Кайсма, внук и внучка (14 и 12 лет) учились в школе. Но был у Лизы Тоомла сын Ханс, 1923 года рождения, который добровольно служил в Восточном батальоне фашистской армии и с конца 1944 года, то есть после освобождения Эстонской ССР от немецко-фашистских захватчиков, числился без вести пропавшим. А не он ли приходил на хутор пожилой колхозницы и интересовался местопроживанием Лизы Тоомла? Правда, по приметам он не имел ничего общего с тем человеком, о котором рассказала старшему лейтенанту Карулаасу хозяйка хутора.

— Проверьте, еще раз проверьте! — потребовал полковник Старинов. — Посмотрите, не изменился ли в чем-то распорядок жизни на хуторе Лизы Тоомла.

Оказалось, изменился. Сослуживцы Хельги Ноормаа стали замечать появившуюся в поведении женщины несвойственную ей нервозность, она ко всему настороженно прислушивалась.

Как-то после работы в отделении связи зашла Хельги в местный сельмаг. Поздоровалась с одним, с другим. Стала покупать хлеб, макароны, масло, сахар, сигареты.

— Как всегда, буханочку? — спросила продавец.

— Нет, сегодня попрошу три. К маме гости приехали.

Обычно общительная, разговорчивая, Хельги стала теперь замкнутой, шутки односельчан не всегда доходили до ее сознания. Подшучивали же не только над ее мужем, «не просыхавшим» с утра до вечера и редко появлявшимся в доме жены и тещи, но и над нею самой.

Кого откармливаешь, Хельги? И куда тебе столько сигарет?

В свои тридцать шесть она была стройной, розово-щекой. Некоторые мужчины не без надежды на успех заглядывались на нее и без нужды заходили в отделение связи, где она сидела у коммутатора с наушниками на голове.

В сельмаге Хельги стала появляться ежедневно, и каждый раз количество продуктов явно превышало потребности ее семьи.

У мамы опять гости, приехали на несколько дней — надо же их кормить!

Односельчане заметили этих гостей. Двое молодых мужчин. Оба высокого роста. Уезжали куда-то на велосипедах, да так поспешно, что пока не удавалось их разглядеть.

Давайте-ка накроем их! — предлагали горячие головы.

И что? — спрашивал Гавриил Григорьевич. — Возьмем без всяких улик, без свидетельств о враждебной деятельности? Без сообщников, к которым, возможно, они шли?

Наблюдение за хутором Лизы Тоомла теперь велось круглосуточно. Молодые ребята замаскировались столь удачно, что их невозможно было обнаружить. Хоть все это давалось им с большим трудом. Лето стояло жаркое, день стал таким длинным, что невозможно было уловить его приход в белую ночь. На полях почти круглые сутки стрекотали сенокосилки, копошились крестьяне. По лесам вокруг деревень и хуторов носились ватаги ребятишек, игравших в свои шумные ребячьи игры.

Зато теперь точно установили распорядок дня на хуторе Лизы Тоомла. Двое незнакомых молодых мужчин приезжали на велосипедах обычно к вечеру, порознь, в дом сразу не заходили. Их встречала либо сама хозяйка,

либо Хельги. Один из незнакомцев, брюнет, вскоре уходил в сарай, а блондин оставался на улице или заходил в дом. Старая Лиза садилась на крыльцо, беседовала с блондином. Хельги, переодевшись, направлялась к сараю, где скрывался черноволосый постоялец. И оставалась там.

Рано утром мужчины на велосипедах уезжали в лес. Всегда порознь. А Лиза шла на работу в колхоз или трудилась на своем участке. Хельги деловито направлялась на работу...

Брюнет, с которым Хельги теперь часто оставалась в сарае, очень смахивал на того любителя молочка, который заходил на хутор.

Группа полковника Старинова не ограничивалась наблюдением за хутором Лизы Тоомла, и хотя «синий треугольник» на чекистских картах оставался предметом наиболее пристального внимания, оперативно-поисковые мероприятия проводились во многих других местах. Как и сказал своим сотрудникам Гавриил Григорьевич, вражеские лазутчики теперь не прятались по лесам, а стремились скорее уйти в город, смешаться с толпой, и находка тайника с оружием и ядом в туалете поезда Таллин — Пярну об этом красноречиво свидетельствовала. В Комитет госбезопасности республики в эти дни поступало немало и других сигналов о неизвестных лицах. Весь аппарат был начеку.

И вот первый убедительный сигнал о том, что сброшенные с самолета разведчики обосновались на территории Советской Эстонии и приступили к выполнению своих шпионских заданий. 30 июня 1954 года органами безопасности республики был зафиксирован выход в эфир нелегальной радиостанции. Она работала всего несколько минут и успела передать краткую зашифрованную информацию заграничному центру, но этого было достаточно, чтобы определить начало нового этапа в поведении шпионов и соответственно новых условий и задач в операции по розыску и поимке вражеских агентов.

Они звали друг друга Артур и Карл. Эти имена дали им в разведшколе близ Вашингтона, хотя оба они в годы войны служили в немецком Восточном батальоне, потом встречались в нейтральной Швеции и отлично знали подлинные имена и фамилии.

По национальности они были эстонцами. В освобожденной от немецко-фашистских захватчиков Эстонии у них

остались матери, сестры и братья. Они не забыли родной язык, пошутить и спеть лучше всего могли по-эстонски. На это и рассчитывали те, кто их завербовал, выучил шпионскому ремеслу, выбросил темной майской ночью с четырехмоторного американского самолета, поднявшегося с аэродрома во Франкфурте-на-Майне и вернувшегося после «операции» туда же, в ФРГ

Их не только хорошо обучили, но и хорошо экипировали. Еще там, во Франкфурте-на-Майне, они с сияющими глазами осматривали новенькие портативные радиоприемники, наисовременнейшие фотоаппараты, безотказные пистолеты, запас галет и сигарет, десятки тысяч рублей советских денег. А главное — современные рации, шифровальные блокноты, запасные кварцы.

Они вернулись в Эстонию американскими шпионами. Хотя оба были уверены, что служат праведному делу — освобождению Эстонии от коммунистов. Только оставался еще вопрос, над которым они даже не задумывались: а хотят ли этого «освобождения» те эстонцы, которые живут в своей республике?

Карлу, высокому брюнету, все время не везло. В годы войны он добровольно вступил в немецкую армию, но за воровство консервов с военного склада был немцами же приговорен к каторжным работам. Ему удалось бежать. До февраля 1944 года скрывался у родителей, а потом поехал в Пярну и опять пошел на службу к фашистам. Жуткими были бои под Нарвой, не лучше и в Тарту. Опять бежал. С трудом добрался до Швеции, в полной мере испытал на себе, что такое безработица, а когда устроился на торговое судно, то угораздило заболеть в дальнем плавании. Хозяин высадил его в Касабланке. Год провалялся на больничной койке, не зная, как за это расплатиться. Спас некий Алекс, назвавшийся консулом бывшего буржуазного эстонского правительства.

Эстонцы должны помогать друг другу, тем более вдали от родины, — заявил он. — Выздоровливай — и отправляйся в Мюнхен. Там тебя встретят.

Алекс сдержал слово. Он мог сдержать слово: ведь его всемогущество, которым восхищался Карл, было построено на верной службе американской разведке. Впрочем, Карл об этом догадался только потом, а пока, в июле 1953 года, консул купил ему билет до Мюнхена и пожелал благополучного пути.

Огромный Мюнхен оглушил скромного морячка шумом и суетою. На железнодорожном вокзале его встретил

некий Джон, который тут же познакомил его с двумя мужчинами — явно американцами. Даже в пансионе, двухэтажном здании на Кайзельгас, 45, кровать нового постояльца была покрыта американским армейским одеялом, да и проживавший с семьей на первом этаже служитель был обыкновенным американским полицейским.

Вскоре Карла навестил Джон с двумя неизвестными американцами. Беседа продолжалась более двух часов и включала довольно неприятные моменты — так называемые психологические опыты. Американцы должны были знать, на кого делают ставку...

7 августа 1953 года на пассажирском самолете, поднявшемся с Мюнхенского аэродрома, его повезли через океан. Сердце сжимало от неясных предчувствий. Полет его не утолил — укачали думы о будущем. Он уже понял, что из него хотят сделать шпиона и заслать на территорию Советского Союза, может быть, домой, в Эстонию. Конечно, с Советами ему не по пути, он их толком не знал, но ненавидел люто за то, что нельзя вернуться на родину: слишком много усердствовал в дни войны в карательных операциях. Слышал, что его односельчане воевали в Эстонском корпусе Красной Армии и вернулись домой с победой. А вот ему... Впрочем, может быть, американцы, с его же помощью, прогонят коммунистов из Эстонии.

В Вашингтоне его встретили деловито, поместили вначале в гостинице «Гамильтон» на 14-й авеню, а потом отвезли в лагерь десантных войск «Форт Брегг» в штат Северная Каролина. Здесь он встретился еще с двумя эстонцами — Антсом и Артуром. Про Антса Карл не знал ничего, а вот Артур оказался старым знакомым — служил унтер-офицером в войсках СС, потом они встречались в Швеции, даже дружили одно время.

Опять не очень повезло Карлу с этим Артуром. Он сразу стал старшим в их группе. Руководитель Пауль Поулсон, инструктора Алекс и Виктор, проживавшие когда-то в Эстонии, американец Дин явно отдавали предпочтение Артуру, и когда тот поссорился с Антсом, то последнего просто убрали из школы.

Обучали многим шпионским специальностям, но особенно радиodelу, фотографированию, тайнописи, топографии. Артур и тут показал себя намного способнее — на передатчике типа Р-6 передавал до 120 знаков в минуту, а приемником РР-6 принимал 90—100 знаков, и это в то время, когда Карлу удавалось осилить 30—40 знаков. Когда их вернули в Западную Германию, Пауль Поулсон

специально возил их в Альпы — вести двухстороннюю связь, но Карл так и не догнал Артура.

В апреле 1954 года Поулсон сказал:

— Ну, дорогие ученики, наступает время в деле показать, что вы освоили за семь месяцев учебы. Вот установится подходящая погода — и вернем вас на родину, в район Вильянди. Места там удобные, будет где укрыться!

Да, места-то удобные. Но Карлу и тут не повезло — упал с парашютом на старую березу, повредил ногу и крепко ушиб руку.

Артур быстро нашел его, вдвоем они попытались снять парашют с березы.

— Вот угораздило! — ругался Артур, бегая вокруг старого дерева. Он даже пытался вскарабкаться на дерево, но только сорвал шелушившуюся березовую кору. Все его усилия оказались напрасными.

Вокруг было тихо, и они решили, что вряд ли кто забредет в эту глухомань и обнаружит оставшийся на дереве парашют. Нарушили, таким образом, главную заповедь своих заокеанских наставников — не оставлять никаких следов. У Карла все сильнее болели рука и нога, он с трудом пробирался сквозь чащу. Его неловкость приводила Артура в бешенство, он нервно скрипел зубами. Так они удалились от места приземления километра на два в северо-западном направлении. Начинало светать. Выбрав подходящий куст, закопали в землю парашют Артура, отошли еще на километр и с рассветом устроились на отдых в густом лесу. Проспали весь день. Вечером двинулись в сторону шоссе, дошли до реки Халлисте и утром снова легли спать. У Карла по-прежнему болели нога и рука...

Дня через три они добрались до поселка Тори, зашли в магазин за продуктами. Народу везде было много, еще висели лозунги и транспаранты по случаю 9-й годовщины со Дня Победы над фашистской Германией. Люди были неплохо одеты, веселы и жизнерадостны. Это очень озадачило Артура. Он с трудом скрывал свою ненависть ко всему, что видел, он уже почти убедился, что на его родине никто не думает о грядущем освобождении от коммунистов.

Поездом они поехали в местечко Вилувере — поискать родственников Артура, но из-за болезни Карла вынуждены были еще два дня просидеть в лесу. 13 мая поездом же приехали в Пярну. Город еще залечивал раны минувшей войны, но и здесь люди были жизнерадостны, женщины,

пользуясь теплой майской погодой, ходили в платьях ярких расцветок, бронзовая Лидия Койдула, казалось, неодобрительно смотрела со своего пьедестала на двух уставших путников, присевших отдохнуть в зеленом сквере с аккуратно подрезанными кустиками. И Карл и Артур вдруг поняли, как плохо они одеты по сравнению с пярнусцами.

— Проклятые американцы! — выругался нервно Артур, осматривая костюмы на себе и Карле. — «В Эстонии люди плохо живут, плохо одеваются! — передразнил он Поулсона, снаряжавшего их в дорогу. — Чтобы ваша одежда не привлекла внимание, оденьтесь поскромнее!..» Оделись! Теперь стыдно даже по улице идти!

У них кончились американские консервы, и шпионы зашли в одну из пярнуских столовых. Молоденькая официантка с изумлением смотрела, как жадно уплетали они все, что она им принесла.

— Откуда вы? — спросила она.

— Мы? — переспросил Артур, вытирая бумажной салфеткой губы. — Освободились из заключения.

Девушка сочувственно улыбнулась. И даже отказалась от чаевых — люди освободились из заключения, им самим пригодятся деньги. Если б знала, сколько денег в карманах их поношенных сермяг и в тайниках неподалеку от места приземления.

Впрочем, с маскарадом пришлось немедленно кончать, пока не заинтересовалась их видом милиция.

Поехали в Таллин. В столице шло бурное строительство, город выглядел светлым, чистым, в скверах и на площадях цвели тысячи любовно ухоженных цветов.

Они довольно удачно купили себе по костюму и на кладбище Рахумяэ переоделись. В лесу близ Рахумяэ заночевали, а утром опять сели в поезд. На сей раз доехали до станции Вилвере и пошли в деревушку Нылва, где проживала тетя Артура.

Они были приняты, обогреты — легенда об освобождении из заключения за якобы вынужденную службу в немецкой армии действовала безотказно, люди сочувствовали двум бедолагам, готовы были помочь им начать новую жизнь.

14 мая они вновь были в Пярну. В универмаге купили два велосипеда, белье, носки, полуботинки. Теперь безбоязненно заходили в столовые, гуляли по городу, удивлялись беззаботности граждан.

— Ненавижу! — прошипел Артур за обедом, погляды-

вая на довольных людей за соседними столиками в ресторане на пляже, и его глаза сверкнули такой злобой, что даже хорошо знавший его спутник подивился. Казалось, светлольняные волосы на голове Артура зашевелились.

Карл и сам не радовался тому, что видел вокруг, но доводить себя до такого исступления не собирался.

Переночевали они в лесу за Раекюла, южнее города.

15 мая решили из Пярну поехать в Таллин. Купили билеты, подошли к поезду. В карманах у них были пистолеты, кое-какое другое шпионское снаряжение. Посмотрели друг на друга, подумали об одном и том же: а вдруг проверка в поезде?

— Туалет.

Это сказал Артур.

Они прошли в вагон, заперлись в чистеньком туалете. Артур осмотрел устройство помещения, нащупал свободное пространство за водопроводной трубой.

Давай!

Завернули в целлофановый пакет оружие, авторучку-пистолет, чернила для тайнописи, ампулу с ядом.

Поезд отходил не скоро, они решили поехать до Тори на велосипедах и там сесть в свой вагон. Но опоздали на две минуты, и добрались до Таллина лишь следующим поездом. На станции Таллин-Вяйке, где заканчивались маршруты поездов местных линий, они нашли свой состав и успокоились. Пошли в центр города. В магазине на Суур-Карья Артур купил себе пальто и брюки, Карл — пальто. Вечером поехали на станцию Таллин-Вяйке — за «багажом», запрятанным в тайнике туалета, и не нашли свой вагон. Артур готов был рвать и метать, злился на Карла, но тот был виноват не больше его.

Они хорошо освоили дорогу поездом — из Пярну в Таллин и обратно. И не теряли надежды найти вагон с тайником в туалете.

Однажды вечером возвращались из Пярну в Тори. Решили еще раз поискать свой тайник. Пошли по вагонам, словно выискивая себе подходящую компанию. Оба высокие, только один блондин, другой — брюнет, оба хорошо одеты, уверены в себе. Мало ли таких молодых людей возвращается домой вечерним поездом. На них никто не обращал внимания. Уже два вагона прошли, а в третий не пустил проводник. Как было условлено на случай проверки, Карл сел в одном конце вагона, Артур в другом. И не напрасно! При подходе поезда к станции Синди рядом с Карлом внезапно появились двое мужчин в

штатском. Он успел заметить, что Артур сидит спокойно — значит, его документы уже проверили.

Один из проверяющих взял в руки паспорт Карла, долго рассматривал. У шпиона засосало под ложечкой. Первый контролер подал паспорт Карла второму, говорившему по-русски. Тот тоже долго что-то рассматривал. «Наверное, сфабриковали американцы что-то неудачно», — с тоской подумал Карл, пытаясь краем глаза увидеть Артура. Народу в вагоне было немного, в основном женщины. Если проверяющие попытаются задержать Карла, Артур в нужный момент пустит в ход оружие, они убьют проверяющих и на ходу выскочат из поезда...

— Почему в вашем паспорте, выданном в 1950 году, стоит печать 1947 года и к тому же нечетко оттиснута? — спросил первый.

А вы спросите об этом того начальника, который выдал мне этот паспорт!

Карл почувствовал, как кровь прилила к лицу, наверное, все это видят, и ждал первого выстрела Артура, чтобы самому выхватить пистолет. Но проверяющий рассмеялся и вернул ему документ.

Артур очень нервничал, хотя внешне оставался спокойным. Он предложил выпрыгнуть на ходу из поезда, чтобы их не могли задержать на ближайшей станции. Карл с трудом отговорил его.

Проверки на дорогах, услышанная однажды перестрелка в лесу насторожили шпионов. Они стали осмотрительнее, хотя нередко попадали впросак. То за обед поблагодарят по-немецки — потом готовы проглотить язык, то зададут глупый вопрос.

Бродили как-то по Таллину; побывали на пляже в Пирита, где думали выкрасть документы у кого-нибудь из купающихся, делали покупки в промтоварных магазинах, с легкостью соря деньгами, — им казалось, что таким образом они «сливаются с толпой», ведут себя безупречно. И уже подумывали о первом выходе в эфир и отправке по условному адресу письменного сообщения своим заокеанским хозяевам, но возникло неожиданное препятствие: адрес на конверте надо было писать на двух языках, а писать по-русски они не умели...

Озабоченные неудачей с отправкой письма, они зашли в открытое летнее кафе возле Вышгорода. Все столы оказались заняты, они хотели уже уйти, но их окликнул по-эстонски мужской голос:

— Товарищи, здесь есть два свободных места!

Они оглянулись. Молодой офицер доброжелательно улыбался им. На его погонах блестели четыре маленькие серебряные звездочки.

Они сели, заказали пиво и молча смотрели вниз на город.

Капитан тоже молчал. Артур заинтересовался приветливым соседом.

— А что, эстонцы тоже могут стать офицерами? — спросил он.

— А вы что — с неба свалились? — рассмеялся офицер.

Артур и сам засмеялся:

— Совершенно верно, с неба!

Они еще посмеялись и поговорили на ничего не значащие темы. Вскоре капитан рассчитался с официанткой и пожелал незнакомцам приятного вечера и хорошего аппетита.

А вечер в самом деле был приятный, теплый, по-настоящему майский. Напротив, на горке Харью, играл духовой оркестр. Тысячами огней сиял большой город и знакомый, и таинственный одновременно.

«Свалились с неба!..» — вспомнил Карл слова капитана, и опять у него под ложечкой засосало. Свалиться-то свалились, но как бы не угодить туда обратно... Он посмотрел на Артура — тот разомлел от съеденного и выпитого, в глазах потух нервный блеск, льняные волосы словно полиняли, запутались. Как на трупе. Это неприятно поразило Карла.

Уже в разгаре было лето пятьдесят четвертого года. В такие дни тянуло на пляжи, хорошо было побродить и по ягодному лесу. Полковник Старинов с детства любил дальние лесные прогулки и сейчас ловил себя на мысли, что для ягодника и грибника вяндраские леса — настоящий рай, только вот искать в них приходится не ту ягоду...

Оперативная группа, руководимая полковником, избрала своей главной резиденцией освободившуюся на летние каникулы вяндраскую среднюю школу. Установили связь с Таллином и с любым пунктом республики, здесь получали маршруты пеленгаторные станции, сюда стекались все сведения о наблюдениях за подозрительными лицами.

После выхода в эфир неизвестная радиостанция на-

долго умолкла, но Гавриил Григорьевич считал, что бездействовать она не станет, надо набраться терпения и ждать. Специалисты определили, что первый выход радиостанции в эфир произведен из лесного массива близ деревни Кергу. Поэтому треугольник, очерченный синим карандашом, по-прежнему оставался в центре внимания чекистов.

День 18 июля выдался особенно жарким, безветренным, дышать было нечем. Старинов подумал, как тяжело его ребятам сидеть сейчас в засадах. Но, как это часто случается в Эстонии, к вечеру погода резко ухудшилась, тяжелые тучи заволокли небо и пошел проливной дождь. К ночи лесные дороги раскисли — проехать по ним можно было разве только на лошади.

— Усилить наблюдение! — распорядился полковник Старинов.

Он почти не сомневался в том, что шпионы постараются воспользоваться резкой сменой погоды для нового выхода в эфир. Особое внимание «синему треугольнику». Гавриил Григорьевич ожидал, что именно тут развернутся главные события операции по захвату шпионов-парашютистов. Большая часть пеленгаторных станций по его приказу была стянута в этот район.

Хельги Ноормаа пришла в тот вечер в дом матери — Лизы Тоомла и находилась там до позднего вечера. Она, видимо, ждала Карла, а он не приезжал. Появился он под утро, поставил велосипед у калитки. Оперативники видели, как он подошел к каменной ограде, тянувшейся от перекрестка дорог к хутору Лизы Тоомла, отвернул камень, достал объемистый сверток и немецкий автомат. Вышел из дома и его приятель, личность которого чекисты уже точно установили. Это был «пропавший» в сорок четвертом году сын Лизы Тоомла Ханс, служивший в войну в фашистской дивизии. Его тайник был расположен в другом конце каменной ограды, он тоже достал оттуда какой-то предмет, завернутый в брезент, и автомат.

Щелкнули затворы, и все стихло. Завернутые в брезент предметы приятели прикрепили к багажникам велосипедов.

В ночь на 19 июля Старинов почти не спал. В 4 часа 30 минут утра ему доложили, что от хутора Лизы Тоомла на велосипедах проследовали в сторону леса двое мужчин. Гавриил Григорьевич поднял группу. Чекисты заняли отведенные им оперативным планом места. Гавриил Григорьевич перекинулся несколькими словами с представи-

телем центра, и они двинулись в путь по заранее разработанному маршруту. В коричневую «Победу» вместе с полковником Арбениным сели крепкие парни — один Александр Касаткин чего стоил! В машину Старинова — уполномоченный КГБ по Вяндраскому району Лукьянов со своими помощниками.

Как доложили оперативники, велосипедисты вели себя спокойно, довольно уверенно двигались по лесной дороге в сторону деревни Рахкамаа. Впереди — на много километров непролазные лесные чащи, нормальному человеку после такого дождя нечего там делать, значит, идут для нового выхода в эфир! Полковник Старинов уже почти не сомневался, что именно сегодня они задержат шпионов с поличным, только бы все сработало четко, только бы дороги не подвели.

Он не зря беспокоился. В лесу оперативники потеряли из виду велосипедистов. Они ушли вдоль одной из наполненных водою лесных канав и пропали в каком-то урочище.

После первого выхода в эфир, 30 июня, кое-кто из жителей Кергу и Кайсма видел проезжавшую легковую автомашину иностранной марки, и чекисты ждали ее появления и сегодня. Кто же мог знать, что эта машина побывала здесь двумя днями раньше...

Артур и Карл в это утро чувствовали себя уверенно. Почти два с половиной месяца они ездили по республике на поездах и велосипедах, без особых опасений гуляли по Таллину, Пярну, бывали в поселках Тори и Тоотси, привлекли к участию в своих шпионских делах нескольких родственников Ханса Тоомла, из которых больше всех старалась сестра Ханса — Хельги Ноормаа. Когда им потребовался список абонентов телефонной сети, она тут же принесла телефонный справочник из отделения связи Кайсма. Услышав, что брату и его другу нужны советские документы, она предложила свой паспорт. Угождала всем, чем могла, — даже в постель к Карлу полезла при первом его намеке и не одну ночь провела с ним в сарае, не стесняясь матери и брата, не очень заботясь о детях, которые все видели...

И машина в распоряжении шпионов появилась — завербованный ими друг детства Ханса на их деньги купил в Москве отличный «оппель-капитан», и от его аккумуляторов питалась радиостанция шпионов при выходе в эфир. Заокеанским хозяевам Карл написал:

«Купили для сотрудника автомашину, чтобы ему было

легче помогать нам. Родственники Артура все живы, все преданные лица. Я со своими родственниками в контакт не вступал. Шлите адреса тех трех лиц, с которыми я должен здесь вступить в контакт. Направьте новые адреса, куда смогу направлять письма... Шлите мои письма по таблице и шифроблокноту Артура.

Печальная женщина.

Слушаем вас в отмеченные дни по таблице Артура».

С установлением связи у них поначалу произошел казус: Артур в качестве точки закодировал условное число «91» цифрами, а надо было буквами. Как заволновались в их разведцентре! Начались перепроверки, но скоро разобрались.

Еще раньше Артур писал заокеанским друзьям:

«В сельской местности КГБ проводит проверку паспортов. Атс рассказал, что проверяющие спросили его, является ли он местным. Среди населения прошел слух, что проверяющие разыскивают следы чужих парашютистов... Сейчас находимся с Карлом у моей матери».

Насчет чужих парашютистов приврал, набивая себе цену, хотя от истины был недалек.

Карл завидовал своему напарнику — сколько родственников и друзей привлек он к своей шпионской работе: и сестра, и мать, и две тети, и друг детства. А Карл не решился зайти к матери, которая в свое время вместе с отцом отговаривала его от службы фашистам. Что она скажет сейчас? Лучше не думать об этом! Карл особенно радовался сотрудничеству с ними Атса, который к осени станет резидентом американской разведки в Таллине. С хорошей сетью помощников, с аппаратурой и оружием, с личной автомашиной и деньгами. А они честно заработают обещанные каждому десять тысяч долларов и заживут припеваючи...

Правда, не все они делали так, как учили их Пауль Поулсон и другие американские инструкторы, не раз и не два предупреждавшие: не связывайтесь с людьми, скомпрометированными перед Советской властью, — за ними может вестись наблюдение. В этом отношении и Атс — не идеал: служил в немецкой армии. Но ведь не могли же они посвятить в свои дела офицера, которого встретили в кафе. Не рекомендовали американцы связываться с «лесными братьями» — провалят, как было не однажды. Не пользоваться услугами незнакомых людей, избегать выпивок, посещений кафе и ресторанов, связей с женщинами... Да, конечно, амурные дела Карла

с Хельги Ноормаа возникли, так сказать, на идейной основе, только вот ее пьяница-муж однажды чуть не накрыл их...

К удивлению Карла обычно нервный и резкий Артур сегодня был спокоен. Сам забросил антенну на высокое дерево, сам стал настраивать рацию. А после связи с мюнхенским центром деловито сказал:

Сегодня заберем рацию с собой. В следующий раз Атс забросит нас куда-нибудь поближе к Тарту.

В 9 часов 30 минут 19 июля расставленные в «синем треугольнике» пеленгаторные машины засекли новый выход в эфир нелегальной рации. Почерк радиста и шифр оказались такими же, как при выходе неизвестной радиостанции 30 июня.

Место работы радиостанции удалось засечь с высокой точностью. С разных сторон к нему устремились группы чекистов. Но ближайšie из них находились еще в шести-семи километрах от цели, когда радиостанция умолкла...

Парашютисты сегодня были довольны собою.

Они тщательно упаковали рацию, оружие, завернули в плащи и привязали к багажникам велосипедов.

Путаными лесными тропинками пробирались они в сторону дороги Нымме — Рахкамаа. Лес вокруг стоял высокий, еще мокрый после вчерашнего проливного дождя, но по хорошо утопанной узенькой тропе велосипеды шли легко, успокаивающе шуршали шины. Они еще не знали, что все ближе к ним подходят с разных сторон группы чекистов, что все туже стягивается вокруг них петля.

На одном из лесных перекрестков машины чекистов остановились. Полковники Старинов и Арбенин склонились над картой. Сопровождавшие их оперативники Лукьянов, Петай, Касаткин, Ермаков и подполковник Бахтийчук, приехавший из Москвы, разминали затекшие ноги. А вокруг распевали лесные птицы, с безоблачного неба ярко светило июльское солнце. Только вот дороги не успели просохнуть, грязная колея после прохода машины вновь наполнялась водой.

Гавриил Григорьевич, изучив карту и еще раз бросив взгляд на расходящиеся лесные дороги, невесело пошутил:

— Направо пойдешь — голову потеряешь, налево... В общем, как в известной русской сказке.

Решили двинуться по самой узкой, более всего раскисшей от вчерашнего потопа дороге.

Встреча произошла внезапно.

Когда шедшая первой коричневая «Победа» полковника Арбенина миновала крутой изгиб дороги и вышла на относительно прямой участок, чекисты увидели ехавших им навстречу двух велосипедистов. Расстояние между машиной и велосипедистами сокращалось с каждой секундой. Арбенин понимал, что любое неосторожное действие с их стороны может закончиться драматически: велосипедисты спешатся и откроют прицельный огонь по машине, и никто из нее не успеет даже выскочить. К счастью, «Победа» с сотрудниками КГБ была не первой, которую встретили по пути шпионы, и они уступили ей дорогу, свернув на обочину. При этом ехавший впереди блондин держал кепку на руле велосипеда, явно прикрывая ею оружие. Он переждал, пока машина прошла мимо него, и изо всех сил нажал на педали, а второй, чернявый, вынужден был остановиться. Александр Касаткин с наивностью вырвавшегося на природу человека спросил, где в этих лесах побольше земляники. Первый велосипедист успел скрыться за изгибом дороги.

Чернявый сошел с велосипеда, удерживая его за руль.

— Да тут везде хватает, — сказал он Касаткину. — Поезжайте еще километра два вперед, сверните вправо...

За изгибом дороги, куда уехал блондин с кепкой на руле, почти одновременно прогремели два выстрела. Чернявый не успел даже ойкнуть, как Касаткин обнял, разоружил и подмял его под себя, а выскочившие из «Победы» чекисты вмиг скрутили ему руки.

А что же произошло со вторым?

Оставив напарника объясняться с ягодниками, Артур быстро скрылся за поворотом дороги и тут же увидел приближавшуюся к нему вторую «Победу». Он хотел было проскочить мимо нее по узкой обочине, но сидевший рядом с шофером полковник Старинов внезапно открыл дверцу машины, и шпион вынужден был сойти с велосипеда. Но он успел выстрелить. Пуля попала в верхний край дверцы «Победы» и, срикошетив, тяжело ранила сидевшего на заднем сиденье районного уполномоченного КГБ Лукьянова. Ответным выстрелом Старинов тяжело ранил шпиона.

Хансу Тоомла на месте оказали первую медицинскую помощь.

Отпираться не было смысла — задержали с поличным — с оружием, рацией, подложными паспортами, шифроблокнотами американского происхождения.

Ханс хрипел от дикой боли в горле, в груди, но еще

больше — от ненависти, от сознания полного своего бессилия. Теряя силы, он все-таки заговорил. Мертвенно-бледное лицо его покрыла испарина, льянные волосы спутались, глаза нервно блестели. Не зная, что его напарник уже взят, он говорил за обоих. Да, это они с Карлом были сброшены в ночь с 6 на 7 мая с американского самолета близ деревни Ауксаре, это они 30 июня и сегодня выходили в эфир.

Раненый шпион имел при себе паспорт на имя Ярве Яна Мартовича, 1923 года рождения. При обыске у него нашли два пистолета системы «Вальтер», немецкий автомат с заряженными магазинами, радиостанцию, кварцы, шифровальные блокноты, микрофотоаппарат, ампулу с ядом (американцы ведь наказывали, ни в коем случае не даваться в руки чекистам живыми!), расписание связей, таблицы замены переговорного кода и другое шпионское снаряжение. Полковник Старинов и окружавшие его чекисты осмотрели все это имущество, оформили соответствующим образом. Раненого отправили в одну из таллинских больниц.

В протоколе задержания на второго шпиона, подписанном полковником Стариновым, заместителем начальника отдела полковником Арбениным и оперуполномоченным по Вяндраскому району старшим сержантом Пятай, были перечислены сверток с немецким автоматом и большим количеством патронов в обоймах, пистолет «Ф» № 8219 с двумя обоймами, опять же ампула с ядом, трехкилограммовая банка мясных консервов, 164 рубля 50 копеек советских денег... Паспорт на имя Талуотса Ильмара Антоновича, 1923 года рождения. Выдан в Ленинграде, только вот место работы, судя по штампу, выглядело несколько странно: «Ленгорпромстрой». Видимо, имелся в виду Ленгорпромстрой, но кто же упрекнет заокеанских изготовителей штампа за столь малую ошибку!

К вечеру 19 июля Талуотса под надежной охраной доставили в Таллин, в Комитет государственной безопасности.

Карл, или теперь Ильмар Талуотс, почувствовав, что чекисты не верят ни одному его слову, решил «открыться»:

— Вы меня извините, но вообще-то я не Талуотс, а Петерсон Карл Николаевич...

Допрос вместе с Карповым вел начальник следственного отдела подполковник Донат Аркадьевич Пупышев,

чекист с большим стажем, отличавшийся высокой интеллигентностью.

Выходец из семьи лесничего, Донат с детства обладал необыкновенной наблюдательностью, любил художественную литературу, умел рисовать, а уж его каллиграфическим почерком в свое время были написаны десятки стенгазет. И Карл-Ильмар еще не подозревал, что в течение пяти с лишним месяцев этот далеко не могучий и не страшный на вид человек заставит его выложить самое затаенное.

В кабинете с длинным столом было тепло и уютно, и в какие-то мгновения все происходящее казалось Ильмару сном.

Он сделал вид, что глубоко раскаивается в содеянном, назвал имя начальника американской разведшколы Пауля Поулсона, рассказал о полученном задании — заняться в Эстонии сбором сведений о строительстве аэродромов, мостов, о состоянии железных и шоссейных дорог, найти и завербовать помощников для шпионской работы, добыть образцы советских документов. Какие задания имел его напарник, он не знал. Под каждым листом протокола шпион четко вывел свое имя и фамилию: «Карл Петерсон».

Когда его уводили в камеру, он почти ликовал: ему повезло, он ловко провел следователей.

Но уже на другой день ему предъявили официальную справку о том, что в Эстонской ССР никогда не существовало Карла Николаевича Петерсона, уроженца города Пярну. Подполковник, показавшийся вчера симпатичным, был строг и категоричен. И шпион растерялся. В Америке, да и в Мюнхене его запугали зверствами чекистов, поэтому он ни при каких обстоятельствах не должен называть своей настоящей фамилии.

Я убедился, что после того, как я был схвачен с оружием в руках, ко мне здесь относятся корректно, что американская пропаганда о ваших зверствах была лживой... — заискивающе заговорил шпион, — поэтому хочу сказать вам всю правду

И он назвал свое настоящее имя — Кукк Калью Николаевич, родился 16 марта 1923 года в Тахкураанна Пярнуского уезда. Его отец и мать в начале войны категорически возражали против его вступления в немецкую армию, не хотели, чтобы сын воевал с Советской властью. Поэтому он не мог явиться к ним, а пошел с Яном Ярве к его родственникам.

Сидя в камере, он опять радовался, что назвал чекистам только свое имя и не выдал Яна, но не прошло и недели, как имена Ханса Тоомла и его сестры Хельги Ноормаа прозвучали из его уст.

— Почему не называли их раньше? — спросил следователь. — Ведь вы уверяли нас в своей искренности.

Калью Кукк втянул голову в плечи.

Извините... не хотел выдать человека, у которого мы жили.

Калью Кукк наивно полагал, что допросы в кабинете подполковника Пупышева будут вестись бесконечно, что он, Калью, никогда не скажет главного, что за отсутствием серьезных улик дело ограничится для него тюрьмой или ссылкой. Главное — уцелеть в этой переделке, сохранить жизнь. Да, он очень хотел жить, хотя уже не мог представить, как его дальнейшая жизнь может сложиться. Удастся ли бежать? Воспользоваться «окном» на советско-финляндской границе? Или где-нибудь на время затаиться? Или американцы найдут способ выручить его из беды? На это он уже не надеялся.

Хотя допросы вел в основном подполковник Пупышев, оперативная группа Старинова продолжала поиск. Надо было установить, что успели сделать шпионы за два с лишним месяца действия на территории республики, какие завели связи, кого успели завербовать, имеется ли у них резидент и кто он, найти новые вещественные доказательства враждебной деятельности задержанных.

В руках следственных органов остался один из них — Калью Кукк. Ханс Тоомла вскоре умер.

Карпов и Старинов внимательно выслушали сообщение начальника следственного отдела о результатах первой недели допросов Кукка.

Юлит, только делает вид, что дает чистосердечные показания! — заявил Пупышев.

В чекистской работе не бывает мелочей, здесь не верят на слово даже, казалось бы, самым убедительным «признаниям» задержанных. И хотя довольно быстро было установлено, что в Тахкураанна Пярнуского уезда у Анны и Николая Кукк в 1923 году действительно родился сын Калью, который в войну служил в немецко-фашистских войсках, а после войны не вернулся на родину, надо было точно установить, является ли пойманный с поличным американский шпион Калью Кукком.

Задержанный очень удивился, когда однажды ему предложили переодеться в немецкую форму. Это был но-

венький френч мышинного цвета и такие же брюки, ремень со знакомой бляхой. Шпион, конечно, не знал, с каким трудом чекисты раздобыли это обмундирование в костюмерной драмтеатра имени Виктора Кингисеппа. Когда он оделся, в кабинет следователя вошел фотограф...

С фотографией Калью Кукка, облаченного в немецкую солдатскую форму, поехал в Пярнуский район заместитель начальника следственного отдела КГБ республики капитан Александр Иванович Ляпчихин. Это ему вместе с Донатом Пупышевым руководство комитета поручило распутать замысловатый шпионский клубок, связанный с делом Кукка и Тоомла.

Капитан Ляпчихин, несмотря на молодость, слыл уже бывалым человеком. В сороковом году, когда в Эстонии была восстановлена Советская власть, Саша Ляпчихин работал кочегаром маленького пароходика, курсировавшего по полноводной Нарове — от Чудского озера до выхода в Финский залив. На этом же пароходе стоял рулевым и его отец — Иван Ляпчихин. Саша стал одним из первых комсомольцев-активистов в городе Нарве, и его в числе четырех молодых ребят, владевших эстонским и русским языками, направили на работу в городской отдел НКВД для проведения паспортизации. Я видел один из паспортов того времени, выписанных крупным, четким, округлым почерком молодого Ляпчихина.

В начале войны комсомолец Ляпчихин вступил в истребительный батальон, которому пришлось сдерживать регулярные фашистские войска с танками и артиллерией. Потом прошел весь боевой путь Эстонского национального корпуса Советской Армии — от Великих Лук до Курляндии. В сорок пятом участвовал в ликвидации бандитских формирований и националистического подполья на территории родной республики, не пропустив, наверно, ни одной серьезной чекистской операции. И постоянно учился — очно и заочно. Обаятельный человек в кругу своих, он был бескомпромиссным и твердым в любом боевом деле.

Старенькая женщина, назвавшаяся Анной Кукк, суетливо заметалась по комнате своего деревенского дома, не зная, куда посадить нежданного гостя. Александр Иванович успокоил ее, усадил поближе к окну. В глазах женщины засветилась надежда. Она — мать, а какая мать не думает ежечасно о сыне, пропавшем в страшное лихолетье.

— Значит, после войны ваш сын Калью так ни разу и не приходил к вам?

— Нет, сыночек, не приходил. С сорок четвертого ничего о нем не знаю. Говорила ведь ему, чтоб не вступал в немецкую армию, так не послушал. А вот теперь где же он? И жив ли?

Она принесла альбом, показала довоенную фотографию сына.

— А вот на этой фотографии — не он ли? — положил Ляпчихин перед нею любительский снимок, сделанный всего несколько дней назад.

Анна Кукк дрожащими старческими руками взяла снимок, долго рассматривала.

— Он, это он — мой сын Калью, — сказала она взволнованно. — Только постаревший немного...

«Не немного, а на целых десять лет!» — подумал Александр Иванович, но вслух ничего не сказал.

— Где же он? Вы знаете, где он сейчас?

— Нет, мамаша, — ответил Ляпчихин, — мы не знаем, где он сейчас. Сами ищем.

Взятый из альбома Кукков снимок позволил судебно-фотографической экспертизой идентифицировать снятого на нем человека с изображенным на экспериментальном снимке сегодняшним Калью Кукком.

В ходе следствия возникало немало драматических моментов. Пойманный с поличным шпион долго пытался увести следствие от истины, прикидываясь раскаявшимся простачком, которому больше нечего скрывать. Но его ложь разоблачалась быстро и доказательно.

Он пытался скрыть свое участие в двух облавах на партизан в районе реки Луги и охотно рассказывал, как, обворовав немецкий военный склад, был приговорен к каторжным работам и удачно бежал вместе с другими из-под стражи. Он не хотел ничего говорить об участии в боях против советских войск под Нарвой и в районе Тарту, зато подробно описывал дезертирство из немецкой армии в сорок четвертом году, когда понял, что фашисты войну проиграли, и подробности бегства в Швецию на паруснике «Юрка» — со знакомой семьей и лейтенантом немецкой армии Ормусом. Он долго не называл места своих тайников с оружием, радиостанцией, другим шпионским снаряжением.

— Пауль Поулсон, начальник разведшколы дал задание доставать и фотографировать советские паспорта, сообщать о состоянии шоссейных дорог, о железной доро-

ге Таллин — Ленинград, об аэродромах и количестве самолетов на них, о расположении бензоскладов, — повторял он на очередном допросе. — Собранные сведения мы должны были передавать по радио и тайнописью. Размер радиogramмы не должен превышать 150 групп. Было условлено в радиogramмах первые две группы оставлять незашифрованными, в конце ставить шесть шестерок, последнее слово — «Карл». Если сообщу, что «ездил на автомашине по улице» — значит, работаю по принуждению, а бессмыслица («ездил по реке на автомашине») — означает, что все у нас в порядке...

Но он уже назвал сообщницу — сестру Ханса Тоомла Хельги Ноормаа, указал тайник у дороги близ деревни Аллика с кварцами и шифрами, приемник возле Клоостриметса в Таллине.

— Где еще тайник? Что еще не изъято? Вам понятен вопрос?

Он молчит. Наконец, решается:

Не изъятыми остались вещевой мешок Артура и два маленьких пакета № 6 и 7, они были предназначены для передачи третьему лицу...

— Кому?

— Артур этого не сказал.

Так появилось упоминание о вещмешке и пластиковых пакетах, которые следовало передать третьему лицу. В вещмешке должны находиться фотоаппарат, чистые бланки советских паспортов, печати и деньги. Что в пакетах, он не знает. И где пакеты, тоже не знает.

Нет, вы знаете, где эти пакеты! — не поверил ему подполковник Пупышев.

Наконец шпион сдался. Пакеты закопаны около православного кладбища в деревне Кергу. Один — под четвертым деревом при выходе с кладбища справа, другой — около столба кладбищенских ворот. Вещмешок запрятан в каменной ограде у местечка Кайсма.

— Могу показать.

Он добавил, что свой шифрблокнот для приема радиogramм из разведцентра и расписание работы центра положил в бутылку и запрятал в каменной ограде около кладбища в Кергу... Не говорил об этом раньше, чтобы не выдать Хельги Ноормаа... Это Хельги перепрятала пакеты № 4 и 5.

Перед вылетом в Эстонию Поулсон привез нас на военный склад, предложил выбрать все необходимое, дал мне пакеты № 4 и 5, Артуру — № 6 и 7, по 15—16 тысяч

рублей советских денег, а также норвежские, шведские и финские деньги. О месте, где будут спрятаны пакеты № 4, 5, 6, 7, мы должны сообщить в разведцентр...

— У вас изъято письмо на эстонском языке за подписью «Атс», — сказал однажды следователь, глядя прямо в лицо Кукка. — Кто это?

Калью Кукк опять заюлил.

Письмо я получил от Поулсона для передачи человеку по имени Сузи. Кто такой Атс — не знаю, а Сузи находится на территории Эстонии, его адрес обещали передать позднее, но не передали.

Очень неохотно, выдавливая из себя каждое слово, Кукк все же рассказал, что в качестве пароля при встрече с Сузи он должен передать ему ножичек для разрезания бумаги. Сузи должен помочь в укрытии и в шпионской работе. Одного из имеющихся двух помощников Сузи Калью Кукк должен обучить тайнописи. Помощников Сузи зовут Юрий и Михкель...

И опять он рассказал не все.

Пупышев и Ляпчихин, посоветовавшись с руководством комитета, решили послать своего человека к Хельги Ноормаа, которая, видимо, многое знала. Может быть, удастся выяснить, кто же скрывается под кличкой Атс.

В Кергу поехал один из боевых офицеров-чекистов, храбрый и умный человек, Эндель Миллер. Хельги спокойно впустила его в дом и очень обрадовалась, что он принес вести от Карла.

Приложив палец к губам и оглянувшись, нет ли кого поблизости, Эндель Миллер очень доверительно рассказал Хельги о том, что Карл сейчас скрывается в бункере, просил передать, чтоб она не беспокоилась.

Теперь надо было как-то изъять из тайников, названных Кукком, находившиеся в них пакеты, вещмешок Ханса Тоомла. Старший лейтенант Миллер и его коллега Александр Касаткин приехали однажды на хутор Хельги... вместе с самим Калью Кукком. Женщина очень обрадовалась, увидев перед собой живого и невредимого Карла. Энделя она встретила как старого знакомого.

— А это тоже мой друг, — представил он Александра Касаткина. — Ему ты можешь полностью доверять. Сейчас мы заберем кое-какие вещи.

Хельги вытащила из-под лестницы и шкафа запасные части к рации и другое снаряжение. Спросила, все ли вещи они смогут забрать — осталось еще белье Карла, но оно не стирается.

— А я заеду к вам в другой раз! — игриво бросил Миллер, и Хельги зарделась.

— Ладно. Хоть постираю...

Когда чекист заехал в условленный день и час за остальными вещами, Хельги принесла ему вещи Калью Кукка и озабоченно спросила про брата:

— А где жё Ханс? Не случилось ли чего... Ведь в тот день, когда он ушел с Карлом, в лесу слышали перестрелку...

Миллер ответил неопределенно.

— А как дела у Роби? — спросила Хельги.

Миллер даже остановился от неожиданности. Роби? Может быть, парашютистов было трое?

— Да что Роби? С ним все в порядке, как и со мной!

Решили при следующей встрече «помочь» Хельги сказать о Роби побольше. Конечно, Робертом мог быть человек, никак не связанный со шпионской деятельностью Кукка и Тоомла.

Теперь на встречу с Хельги поехали подполковник Пупышев и капитан Ляпчихин. Они приехали в Кергу к двенадцати часам ночи, осмотрели будущее место действия — православное кладбище. Ждать оставалось три часа. Придет ли? Не опоздает ли? Не помешает ли встрече какое-нибудь непредвиденное обстоятельство?

Ее шаги они услышали задолго до того, как увидели темный силуэт. Она осторожно шла между рядами могил с какой-то сумкой в руках.

Александр Ляпчихин подошел к ней первым. Успел сказать, что Карл сегодня не смог прийти и поручил встретиться с нею двум своим друзьям. В этот момент раздался громкий, залиvistый звон. Они отпрянули друг от друга, но звон продолжался.

— Ой, извините, это... будильник! — воскликнула Хельги и полезла в свою сумку, откуда и шел этот неожиданный трезвон. — Знаете, очень боялась проспать...

Посмеялись над случившимся.

— Давайте отойдем отсюда подальше, там еще один наш друг ожидает, — предложил Ляпчихин и двинулся вперед, пропуская женщину перед собою.

Они, уже втроем, остановились в лесу.

Вас дома не потеряют?

Да нет, я к маме ушла, а дети уже большие.

— Что ж, это хорошо. Придется поехать в Таллин.

И галантные мужчины предъявили ей чекистские удостоверения.

Калью Кукк привычно шел на очередной допрос.

Конечно, жаль, что он назвал чекистам сестру Ханса Тоомла. Хельги неплохая бабенка, да и помогала всем, чем могла. Теперь, наверное, заграбастают и ее, разыщут все тайники в каменных оградах Кергу...

Думая о том, как умело он скрывает от чекистов правду, выдавая кое-что под давлением обстоятельств, Калью Кукк совсем не вспоминал брошенных в Швеции жену и дочь, отгонял мысли о матери, которой шел 67-й год. Хорошо, что он не стал искать встречи с нею...

— Итак, гражданин Кукк,— сказал следователь,— расскажите, с кем еще вы встречались на территории Эстонской ССР? Забыли? Может, расскажете о Роберте?

Шпион побледнел, резко выступающий вперед кадык его заметался снизу вверх. Кто мог сказать чекистам о Роберте?

Еще в разведшколе под Вашингтоном Ханс Тоомла рассказал ему однажды о своем друге детства Роберте Хамбурге. Сам Ханс воспитывался у тети Юли Йыхвикас, проживавшей в деревне Нылва, недалеко от Ярваканди, а Роберт Хамбург жил в полутора километрах от него — в деревне Аллика. Там в мальчишеских играх и подружались. В 1941 году оба служили в 183-м восточном батальоне, а потом встретились в Финляндии.

Когда они с Хансом Тоомла приехали в Таллин, первым делом пошли искать Роберта Хамбурга. Вначале к нему зашел Ханс, а потом они пригласили и Калью.

Узнав, что перед ним американские шпионы-парашютисты, Роберт доверительно рассказал им, как в 1944 году вернулся из Финляндии в Эстонию вместе с другими «эстонскими парнями», чтобы защитить родину от красных на рубеже Нарва — Чудское озеро. Но бои там развернулись жестокие, видно было, что гитлеровцы долго не продержатся, поэтому Роберт выбросил в лесу немецкую форму и спрятался. Потом, когда все поутихло и жизнь в Эстонии нормализовалась, он решил выползти на солнышко. Наговорил в милиции про свои скитания, и его не стали преследовать. Даже в техникум направили учиться молочному делу, и вот уже который год трудится он на Таллинском молочном комбинате, выдвинут на должность начальника цеха. Калью Кукк вспомнил, как еще

при посещении деревни Нылва тетя Ханса, Юли Йыхвикас, сказала: «О, Роберт — большой начальник!.. Так вот этот «большой начальник» сразу согласился помогать американским шпионам, только не дал еще ответа, желает ли он уйти потом за границу, поучиться в американской разведшколе и вернуться в Эстонию уже профессионально обученным разведчиком...

А Донат Пупышев и Александр Ляпчихин ждали ответа.

— В изъятном у вас сообщении вы указываете, что «купили для сотрудничества автомашину». Так вы купили автомашину или у Хамбурга была своя «Победа»?

Врать было уже невозможно, и в конце концов шпион рассказал о завербованном ими резиденте по кличке Атс. Это они дали ему деньги на покупку «оппель-капитана», на этой машине ездили на первый сеанс связи с разведцентром, да и в последний раз использовали аккумулятор с его машины.

Перед тем как Роберт поехал в Москву за машиной, они встретились в лесу «Рюютли куузик» («Рыцарский ельник»).

— Мы дадим тебе письма, ты опустишь их в Москве, — сказал Ханс Тоомла своему приятелю, — но для того, чтобы оформить эти письма, нам нужны примус и кофейник.

Они дали Хамбургу сто рублей, и он, взяв один из их велосипедов, поехал в Ярваканди. Вернулся часа через три-четыре, поставил на землю новенький примус, а вместо кофейника — металлическую фляжку. Привез также консервы, хлеб, лимонад. Ушел где-то около восьми вечера. Дали ему деньги на покупку спортивных костюмов. Письма написать не удалось. Следующий раз Хамбург приехал к ним только 28 июня — к православному кладбищу в Кергу. На сверкающем «оппель-капитане» — на шпионские деньги купил в Москве.

30 июня он отвез Кукка и Тоомла к месту первого выхода в эфир и ждал их поблизости. 10 июля встретились на дороге в Ярваканди, у поворота на Кергу. Шпионы хотели поехать с ним в Таллин, но Хамбург отговорил — на дорогах начались проверки. Он привез им большую жестяную банку консервов без этикетки. 16 июля встретил шпионов на дороге Вилувере — Кергу, довез до Ярваканди.

— Здесь, ребята, вы должны выйти: я с девушкой. «Проголосуйте» мне на дороге, я возьму вас в машину как случайных попутчиков.

Так и сделали. С Робертом была красивая молодая девушка, которая доброжелательно отнеслась к подобранным по дороге попутчикам. На другой день по телефону условились встретиться 22 июля — опять на дороге Вилувере — Кергу

— Кличка Хамбурга — Атс?

— Нет, эту кличку мы дали двоюродному брату Хамбурга, сыну тети Юли Йыхвикас Яану...

Кукк опять врал. Он отлично знал, что еще 30 июня американский разведцентр, одоблив вербовку Хамбурга, дал ему эту кличку. Он все еще пытался увести следствие от резидента, от его сестры — Эрны Хамбург, проживавшей в деревне Аллика близ Ярваканди, он все еще будто бы не знал, где спрятаны черный дерматиновый портфель Ханса Тоомла, охотнее говорил про шпиона Сузи, которого ни разу не встретил.

— Вы передали Хамбургу фотоаппарат «Робот»?

— Нет, не передавали.

Но «Робот» уже был в руках следователей. Один из сотрудников КГБ, страстный фотолюбитель, обнаружил этот редкий фотоаппарат в комиссионном магазине. Сотрудник знал, что точно такой же был изъят у шпионов при их задержании. Нашли женщину, сдавшую аппарат на продажу. Она не стала ничего скрывать: обнаружила эту редкую заграничную диковинку в сарае, в кладке дров, решила продать и на вырученные деньги купить себе модные туфельки...

— А кто еще пользуется этим сараем?

— Да мой сосед — Роберт Хамбург.

Все стало на место.

21 октября 1954 года Роберт Хамбург поездом Москва — Таллин возвращался из столицы. Там он окончательно оформил все документы на покупку легковой машины «оппель-капитан», завтра он поедет к своим родным в Аллика и, может быть, в «Рыцарском ельнике» вновь встретится с Артуром и Карлом. Он уже давно знал настоящие имена не только друга детства Ханса Тоомла, но и его напарника Калью Кукка, удивлялся, почему Калью так и не съездил к своей старенькой матери, которой уже невольно справляться с хозяйством. Правда, надо проявить большую осторожность — друзья его не показывались уже несколько месяцев, прошли даже слухи о какой-то перестрелке на дороге Нымме — Рахкамаа, но Роберт считал, что его приятели просто затаились, пережидают, пока все нормализуется.

Он вышел на привокзальную площадь. День выдался пасмурный, холодила привычная для Эстонии сырость. Он остановился перед переходом и вдруг ощутил, что два крепких, здоровых парня в штатском зажали его с двух сторон. Один негромко сказал по-эстонски:

— С приездом, Роберт Хамбург!

Мелькнула мысль, что эти люди — от Ханса Тоомле, но его отвели в сторону и предъявили ордер на арест.

— За что, помилуйте! — воскликнул он негромко, но оперативная машина уже стояла рядом. Пришлось сесть в машину — опять между этими здоровяками.

В Комитете госбезопасности его привели в кабинет заместителя начальника следственного отдела капитана Ляпчихина. Вспоминая о первом впечатлении, Александр Иванович Ляпчихин говорит:

Статный, представительный мужчина, шатен, с вьющимися волосами, одет безукоризненно. Сразу начал все отрицать — никого не знает, ни с кем не встречался, спросите о нем на молококомбинате — там его ценят за хорошую работу. Мы спросили, конечно. Родина простила ему службу в немецкой армии, дала профессию, образование — живи полнокровно, но первая же встреча со шпионами определила его выбор.

На допросах иногда присутствовал подполковник Донат Пупышев, постоянно интересовались ходом следствия руководители комитета Карпов и Старинов, но главный поединок с врагом вел капитан Ляпчихин.

На какие средства приобрели автомашину «оппель-капитан»?

Выиграл в мае 5 тысяч, взял 2 тысячи займы у двоюродного брата Хейнриха, остальное имел.

— В какой сберкассе получили выигрыш?

— На углу Тартуского шоссе и бульвара Эстония.

На первом допросе Хамбург рассказал о своей службе фашистам, но при этом подчеркивал, что дезертировал из гитлеровской армии, убежал в Финляндию, но там после взятия советскими войсками Выборга его отправили на Карельский фронт. Удалось опять бежать, переправиться в Эстонию, скрывался вначале от немецкой мобилизации, а потом от советской. Легализовался в сентябре 1946 года. Для достоверности признал, что за зимнюю кампанию 1941—1942 годов немецкое командование наградило его лентой...

На второй день после ареста капитан Ляпчихин встретил подследственного сообщением:

— Проверка показала, что ни одного выигрыша в 5 тысяч рублей названной вами сберкассой в мае этого года не было выплачено.

Кровь бросилась в лицо Роберту Хамбургу. А когда следователь поставил перед ним металлическую банку мясных консервов, купленную им для Тоомла и Кукка в Ярваканди, он уже не мог отпираться. Хотя попробовал, сказал, что впервые эту банку видит.

Разве она не напоминает вам о встрече с вашим другом детства Хансом Тоомла в лесу? — спросил Ляпчихин.

Пришлось «вспомнить» и рассказать все, как было. И сестру Эрну пришлось назвать, которая активно помогала шпионам и ему, рассказать о всех встречах, о деньгах, о фотоаппарате «Робот», о шпионских заданиях.

Он еще пытался утверждать, что практически никаких заданий Тоомла и Кукка не выполнял, не верил в успех их дела, надеялся, что шпионы сами скоро уйдут за границу и про него никто ничего не узнает.

— Только веские, конкретные доказательства заставляли его говорить правду, — вспоминает Ляпчихин. — Но доказательств у нас уже было достаточно.

В декабре, когда весь клубок шпионских дел Тоомла, Кукка, Хамбурга и их помощников был распутан, следствие провело очные ставки. Бывшие соратники валили друг на друга вину, лишь бы облегчить свою участь, не заботясь ни о родных, ни о друзьях.

Хельги Ноормаа призналась, что хранила шпионское снаряжение, вещмешок и черный дерматиновый портфель шпионов с пачками крупных сумм советских денег. Брат и Кукк за верную службу подарили ей золотые часы и дали триста рублей, а еще триста рублей она взяла из пачки просто так — на непредвиденные расходы. Чувствовала себя хозяйкой шпионских ценностей.

Пакеты № 4, 5, 6, 7 предназначались американцами для агентов, разоблаченных советской контрразведкой. За несколько дней до задержания Калью Кукк вскрыл один пакет — в нем оказалось десять тысяч рублей. Взял себе сотню, остальное положил в портфель. В трех изъятых при задержании пакетах оказалось 45 тысяч рублей, а всего шпионы привезли 82 тысячи рублей. Только большая часть их попала не тем, кому предназначалась, а пошла в бюджет Советской страны.

Давно это случилось — более тридцати лет прошло. Но уроки истории столь поучительны, что не грех и вспомнить.

Калью Кукк, Хельги Ноормаа, Роберт Хамбург и его сестра Эрна Хамбург в феврале 1955 года предстали перед правосудием — их дело слушалось в открытом заседании Военного трибунала Ленинградского военного округа. С учетом содеянных преступлений перед Родиной каждый получил должное. Калью Кукк — исключительную меру наказания, его прошение о помиловании осталось без удовлетворения.

Полковнику Старинову — уже под восемьдесят. В последний раз мы встретились в центре Таллина, на узенькой средневековой улочке. Я уточнил некоторые детали и удивился, как он все хорошо помнит.

Запомним и мы.

Иван КОНОНЕНКО

ТАЙНИК — ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА

Савеловский вокзал жил своей обычной вечерней жизнью. В напоенном ноябрьской сыростью воздухе мерцали уличные фонари. Приходили и уходили электрички. Закончив дневные дела, разъезжались по домам люди, живущие за городом.

Сергей Чиркин ожидал на перроне Лену, а она, как всегда, опаздывала. Утром, когда ехали на работу, договорились пораньше возвратиться, чтобы успеть на последний сеанс в кино. Сергей еще раз прошелся по платформе туда и обратно, поглядывая на часы, спустился на привокзальный «пяточок» и закурил. После училища он работал на вокзале электриком и все вокруг знал, как свои пять пальцев. Его внимание привлек молодой мужчина...

«На вокзале все торопятся, но этот долговязый уж больно суетится. А зачем заглядывать за будку? Что он там забыл?» Сергея разобрало любопытство, и, когда неизвестный отошел от будки и направился в сторону Новослободской улицы, он подошел к автомату и тоже посмотрел за будку. «Вроде ничего там нет. Хотя погоди, а это что? Какая-то металлическая коробочка на задней стенке!» Сергей протянул руку и потрогал странную штуковину. Она чуть сдвинулась с места, но снова пристала к

стенке. И тут Сергея как током ударило: «Что я делаю? Может, это тот долговязый прилепил?» Сергей отдернул руку и отошел от будки. Хотел было найти милиционера и сказать, но передумал. Тут появилась запыхавшаяся Лена и, схватив его за руку, потащила к электричке, которая вот-вот должна была отправиться. Сергей молчал, накупившись. У вагона он остановился и придержал Лену.

— Ты чего? — заглянула ему в глаза Лена.

— Чего, чего... Не надо опаздывать...

— Сережа, я нисколько не виновата. У нас собрание было, комсомольское. Не сердись, завтра пойдем в кино.

— Да я не сержусь. Завтра, так завтра. Но ты поезжай одна, а я вернусь в город. Очень нужно. Потом я все объясню...

Сергей обошел вокруг большое здание на площади Дзержинского, нашел приемную и позвонил дежурному. Через несколько минут к нему подошел парень чуть постарше его и пригласил в одну из комнат приемной. Сергей рассказал о долговязом, привлекшем его внимание, о металлической штуковине на задней стенке телефонной будки. Парень, который назвался Пономаревым, спросил:

— Ты мог бы мне изложить все, что рассказал, на бумаге? — И пододвинул ему чистый лист.

— А зачем писать, я все рассказал, как было.

— Все верно. Я все запомнил, даже пометки для себя сделал, но, сам понимаешь, если это что-то серьезное и дело дойдет до следствия и суда, то нужны будут не только слова, но и документы.

— А, ну это другое дело. Что писать?

— Когда, где, что видел, приметы мужчины...

Пономарев внимательно прочитал написанное Сергеем, спрятал в папку и задернул молнию.

— Спасибо, Сергей, — протянул он руку, — и пусть все будет между нами.

— Все понял. Нем, как рыба, — сказал Сергей и, пожав руку Пономареву, ушел.

О беседе с Сергеем Чиркиным Пономарев тут же доложил начальнику отдела Таймасову. Срочно проверили. Да, действительно, на задней стенке телефона-автомата был установлен магнитный контейнер. Что в нем находится, установить трудно, не изымая контейнер, но по внешним признакам догадаться можно — это тайник. К таким ве-

шам прибегает иногда иностранная разведка для связи со своими агентами. Почерк знаком. Встречался уже. Делается попытка установить связь, а раз такая попытка делается, значит имеется и объект для связи.

Установил эту «штуковину», возможно, тот «долговязый», которого заметил Сергей Чиркин. Не исключено, конечно, что тайник заложили раньше, а «долговязый» только проверил, на месте ли он. Так или иначе, появился тайник, появится и тот, для кого он предназначен. Надо не упустить его, захватить на месте преступления с поличным. Нужен глаз да глаз, и не только за тем, кто придет изымать этот контейнер, но и за его покровителями, за теми, кто, прикрываясь дипломатическими паспортами и прочими привилегиями, занимаются неблагоприятными делами.

Времени было в обрез. Шпион в любое время мог появиться и забрать контейнер. Потом ищи ветра в поле.

Утром, в начале рабочего дня, Таймасов собрал совещание. Вопрос о тайнике у Савеловского вокзала стоял первым. Пономарев настаивал на своей версии. Контейнер предназначен для известного им Хомяченкова, на которого в одном из местных органов имелись весьма убедительные данные о том, что он некоторое время тому назад попал в сети иностранной разведки.

Перед Таймасовым лежала только что полученная телеграмма: «...интересующий вас человек вчера незаметно ушел с работы раньше времени, выехал с территории завода в спецавтомашине, в кассе «Аэрофлота» приобрел билет на самолет и сегодня должен вылететь в Москву...

Пономарев заканчивал доклад:

— На днях этот Хомяченков получил из Москвы от некоего Виктора второе письмо, адрес на конверте написан рукой Хомяченкова. Видимо, это-то письмо и позвало его в дорогу...

— Да, похоже, — вздохнул Таймасов. — Что мы имеем? От Хомяченкова дипломаты-шпионы, вероятно, раньше получили информацию, которую они считают для себя важной. Дальше. Хомяченков имеет доступ, а это мы знаем точно, к материалам, составляющим государственную тайну. Это последнее обстоятельство подсказывает нам, что дальнейшее пребывание его на свободе может нанести серьезный ущерб интересам нашего государства. Следовательно, если Хомяченков появится у тайника, глаз с него не спускать, если попытается изъять контейнер, задержать с поличным. Я сейчас доложу наши предположения руко-

водству, а вам, товарищ Пономарев, со своими людьми быть наготове.

— А если это не Хомяченков? — спросил кто-то из присутствующих.

Если не он, следует взять под наблюдение. Я так думаю. После доклада уточним.

В тот же день, вечером, часов около девяти, Хомяченков появился на Савеловском вокзале. Кутаясь в воротник демисезонного пальто, он покрутился на перроне, зашел в помещение вокзала, посидел там на скамейке, затем направился к телефону-автомату, на задней стенке которого помещался контейнер, позвонил кому-то или просто поворачивал диск, тут же трубку повесил, вышел из будки и направился в город. По фотокарточке он без особого затруднения был опознан, но поскольку к злополучному контейнеру интереса не проявил, решили с задержанием повременить.

Через пару часов Хомяченков снова появился. На сей раз он сразу же подошел к телефонной будке, энергичным движением достал из-за задней стенки контейнер, спрятал в карман и снова направился в город. По пути к остановке автобуса он был остановлен людьми Пономарева.

Направив оперативную группу на задержание, Таймасов и Пономарев были все время начеку. Если один отлучался куда-нибудь, то другой обязательно сидел в ожидании телефонного звонка. Обязательно должен был позвонить старший группы. Рабочий день кончился, в коридорах установилась глубокая непривычная тишина.

Пономарев волновался, как школьник на экзамене: такое задание он выполнял впервые.

Он был уверен, что все сделал, как надо, все предусмотрел, но всякое случается. Как тогда, на последнем году службы на границе. Только вернулся из дозора, глаза слипаются, ноги гудят, вдруг — боевая тревога. Замполит — начальник заставы был в отпуске, — отправив боевые расчеты на угрожаемые направления, обратился к нему: «Ты, Пономарев, только что из наряда, но все равно, бери своего напарника и — на окраину поселка, к оврагу. Маловероятно, что пойдет этим маршрутом, но чем черт не шутит». А нарушитель как раз на них и вышел...

Ребята завидовали ему:

Везет же тебе, Пономарев. Уже домой собрался и шпиона задержал.

Телефон зазвонил тихо, но Пономарев вздрогнул, рывком поднял трубку:

— Слушаю.

Докладывал старший оперативной группы, Пономарев слушал, не перебивая, потом сказал:

Глаз не спускать, но чтобы комар носа... Понял? Давай действуй и докладывай, как условились...

Ровно в одиннадцать телефон зазвонил снова. Трубку поднял Таймасов. Пономарев, выхватив из шкафа пальто и шапку, застыл в ожидании. Но Таймасов, выслушав и медленно положив трубку, спокойно сказал:

— Все в порядке. Взяли, скоро будут здесь...

При личном обыске в присутствии понятых у Хомяченкова был найден контейнер, содержимое которого зафиксировали в протоколе.

Следователь Дмитрий Павлович Бурлаков, которому поручили вести дело Хомяченкова, был человек пожилой, опытный и на своем следовательском веку встречался с подобного рода делами. На войне он, правда, следствием не занимался, воевал поначалу рядовым, потом сержантом, а в конце войны — лейтенантом, и все в пехоте. Но сразу после войны закончил юридический институт и с тех пор пахал, как он иногда выражался, следователем. Так что дело Хомяченкова для него не было чем-то необычным. Дело как дело. Кому-то надо и такими делами заниматься. Не мог он свыкнуться с другим, как ни пытался, не мог понять, как может человек стать шпионом. Конечно, объяснить все можно, а вот понять не так просто.

Будучи человеком обстоятельным и дотошным, Дмитрий Павлович скрупулезно изучил все имеющиеся документальные и иные материалы, расспросил, как вел себя Хомяченков во время задержания, и наметил в ближайшее время побывать по месту жительства и работы подследственного, встретиться и поговорить с людьми, его окружавшими.

Из материалов, полученных от местных органов, следовало, что Хомяченков, техник научно-исследовательского института, по некоторым данным, антисоветски настроенный человек. В свое время служил в армии в группе советских войск за границей. Зачем-то записывал в блокнот сведения о вооружении и технике своей и соседних воинских частей. Блокнот потерял — и хорошо, что нашел его военнотружущий той же части.

После увольнения из армии зачастил в Москву.

Стал скрытным и угрюмым. На расспросы матери отмалчивался, порой грубил: «Не твое дело. Я уже взрослый, куда хочу, туда езжу». Однажды получил из Москвы письмо от некоего Виктора. В письме была пятидесятирублевая купюра — якобы возвращал долг. А адрес на конверте был написан рукой самого Хомяченкова.

Оснований для ареста Хомяченкова было больше чем достаточно, но всего этого было мало для того, чтобы ответить на вопрос, как и почему он дошел до жизни такой. Дмитрию Павловичу нужно было знать все о склонностях Хомяченкова, политических взглядах, увлечениях, намерениях, наконец. Что же он в конце концов собирался делать в будущем, как жить дальше? Но прежде всего следовало изучить условия его службы в армии и работы после службы с тем, чтобы знать, какими реальными возможностями он обладал для сбора секретной информации.

Дмитрий Павлович в который раз уже листал засаленный блокнот, потерянный Хомяченковым. Кроме адресов и телефонов сослуживцев и знакомых девушек, виршей сомнительного содержания, подсчетов денег, были записи о дислокации и назначении секретных объектов, тактико-технические данные некоторых видов вооружения. Зачем-то он записывал эти данные. Просто так, по недомыслию? Вряд ли. В армии об этом предупреждают, беседы проводят, лекции читают. Тогда что же, в то время уже вынашивал преступные замыслы?

На запрос Дмитрия Павловича командование воинской части ответило, что по месту прежней службы Хомяченков характеризовался по-разному, но в целом не совсем лестно. В последней служебной характеристике отмечалось: «...на последнем году к службе охладел... всячески увиливал от исполнения своих прямых обязанностей. На замечания командиров и начальников реагировал болезненно, уставы знал удовлетворительно, но не всегда правильно ими руководствовался».

«Все это так, — думал Дмитрий Павлович, — но зачем он собирал секретные сведения и действительно ли уже в то время был намерен передать эту информацию вражеской разведке?»

Дмитрий Павлович листает вторую записную книжку Хомяченкова, изъятую при аресте. Несколько страниц занимают английские слова и выражения. Столбики английских слов и рядом перевод. Отдельные фразы, поговорки. Видимо, самостоятельно изучал английский.

Вскоре из технической лаборатории возвратили магнитный контейнер, изъятый у Хомяченкова при аресте. Его вместе с актом осмотра и экспертных исследований приобщили к делу Контейнер — небольшая, герметически заваренная коробочка, в нее вмонтирован пакет из невулканизированного каучука. Все это кем-то тщательно продумано, изготовлено, пригнано, запаяно... Старались на совесть. В коробочке лежало несколько листов белой бумаги и письмо, начинающееся словами: «Искренний привет от ваших друзей...» — дальше шли слова благодарности получателю за «дружбу» и «интересную и ценную информацию», сообщалось, что через пять недель после отправки им тайнописного послания, он может получить ответ, исполненный тоже тайнописью, в котором будет указано место нахождения другого контейнера. На отдельном листе — рекомендации о месте установки условного знака и два рисунка, где и как поставить знак, извещающий об изъятии контейнера. Тут же задание по сбору шпионских сведений с указанием конкретных вопросов, интересующих иностранную разведку. Не забыли вложить «Общие инструкции по использованию системы шифрования», «Общие инструкции по писанию с копиркой», тайнописную копирку, шифрблокнот с четырехзначными группами цифр. Еще вложили пять почтовых конвертов советского производства, на них на испанском языке один и тот же адрес получателя в Гватемале. В каждом конверте — письмо бытового содержания от Марио, который якобы путешествует по нашей стране, любит красота природы и делится своими впечатлениями. Шпионские сведения Хомяченков должен был нанести поперек письма тайнописью.

Все предусмотрели, ничего не забыли. Вложили и денежное вспомоществование — две с половиной сотни крупными купюрами.

Первое время после ареста Хомяченков был в подавленном состоянии. Голова раскалывалась, в висках стучало, время от времени появлялись рези в животе. В сознании всплывали одни и те же вопросы: «Что делать?», «Как выпутаться?» Не находя ответов на мучившие его вопросы, снова впадал в состояние полной апатии.

Постепенно наступало просветление. Вскинулся: «Почему не вызывают на допрос? Может, ошибка, разберутся и отпустят? Какая же ошибка, если в моем кармане была

эта злополучная коробка, а там, видимо, находятся вещи, по которым сразу определяют, что к чему. Стоп... Что это я начинаю раскисать? Не-ет, шалишь, ничего у них не выйдет! Черта с два. Я им так не дамся. Что они обо мне знают? О том, что было в Западном Берлине, не знают. Иначе давно бы загребли. Когда лазил через забор, тоже не знают. А коробка? Нашел, случайно. И все. Привет!.. Спокойно, спокойно, соберись... Так, продумай еще раз все варианты. Никаких признаний! Все отрицать...

Вызвали на допрос. Раз, второй. Следователь слушал внимательно, но ничего не записывал. Почему? А он трусил страшно. Дрожал, как заяц. Ноги ватные. Ладони мокрые. Во рту сухо, язык не ворочается...

Дмитрий Павлович смотрел на него с каким-то глубоким сожалением, выслушивал его односложные ответы, не перебивая, кивал головой, но ни одному слову не верил. Хомяченков лгал, неуклюже пытаюсь объяснить, как к нему попал контейнер. Говорил с дрожью в голосе, с хрипотой. Потом не выдержал:

Вы мне не верите?

— А вы как думаете?

— Я говорю правду, все как было, но вы ничего не заносите в протокол...

— Смотрю я на вас, Хомяченков, и думаю,— перебил его Дмитрий Павлович,— откуда у вас такая озлобленность на весь мир, в том числе и на меня, где истоки того, что привело вас сюда, чем вызваны ваши поступки? Вы еще сравнительно молодой человек, можно сказать, начинаете жить, и так плохо начинаете...

— Это уж не ваше дело! Как умею...

Нелегко было Хомяченкову с Дмитрием Павловичем — пожилым, многоопытным и многознающим, казалось, видящим его насквозь. Этого он не мог не чувствовать. Напрягая силы, он отрицал все, даже очевидные факты. Надолго ли его хватит?

Возвращаясь от следователя, он падал на жесткую койку, смотрел в одну точку и перебирал в памяти все от начала до конца, искал причину провала, искал выход. Думал о провале, и выходило, что виноват тот долговязый Барри, как он тогда представился. Когда с ним беседовали, то лысый толстый, который, по всему видно, был старшим, даже не назвал себя, а на прощанье, сунув свои толстые, как сосиски, пальцы в его ладонь, сказал, что он будет иметь дело с Барри. «Черт бы побрал

этого Барри! Они, поди, глушат себе виски и в ус не дуют, а он здесь парится».

Дмитрий Павлович видел, что Хомяченков настроен резко враждебно и пока не намерен раскаиваться и давать правдивые показания. Следователь вызывал его на допрос, выслушивал. Сам же продолжал изучать материалы, встречался с людьми, знавшими арестованного. Его помощники побывали на работе у Хомяченкова, встретились с родственниками, знакомыми, сослуживцами. Картина постепенно вырисовывалась.

Хомяченков ничем не выделялся среди сверстников, рос, учился, как все. Разве что с детства был замкнутым, болезненно самолюбивым, обидчивым и жадным. Из-за этого сверстники его недолюбливали, а порой и били. Мать очень переживала, иногда ссорилась с родителями обидчиков сына, пыталась как-то повлиять на родное дитя. Успокаивала себя тем, что сын растет без отца. Но рос Хомяченков без отца не все время, как утверждал он. Расследование показало, что отец уехал, когда он учился в шестом классе. В том же году мать переехала с ним в город, где жили ее родители. Родители вскоре умерли, а он с матерью так и остался в их квартире. Отец считался пропавшим без вести во время войны. Но он не пропал, а возвратился с войны живым, здоровым. Жил тихо, работал в магазинах подсобным рабочим. Часто менял места работы. А потом уехал и пропал. Как выяснилось, он был осужден. Во время войны добровольно сдался в плен, добровольно стал служить оккупантам, бежал с ними и по пути скрылся. Примазался к военнопленным, возвращавшимся на Родину, был мобилизован и пере, концом войны находился в одной из тыловых частей.

Бежал от семьи старший Хомяченков тогда, когда почувствовал, что его разыскивают. Перед этим на семейном совете порешили, что жена с сыном переедут к родителям и будут считать его без вести пропавшим. Так Хомяченков-младший остался без отца.

Время шло. Хомяченков поступил в электромеханический техникум, увлекся радиотехникой, допоздна засиживался у приемника. Все было бы хорошо, но потом появились заграничные тряпки, которые он потихоньку перепродавал. Пристрастился к выпивкам. Мать всполошилась, принялась уговаривать, а он ей: «Ты, мать, ничего не понимаешь. Что это у нас за жизнь? Вон там люди живут, вот это да!» Мать плакала, умоляла одуматься,

но сын не слушался, огрызался или не реагировал вовсе. Она опять успокаивала себя: пройдет время, поумнеет, все встанет на свое место.

Техникум еле кончил, устроился на работу. Но не поумнел.

Когда призвали в армию, мать обрадовалась: там его научат уму-разуму. Служил он за границей, в ГДР. Первое время служба шла туго, многое не клеилось. В письмах к матери он жаловался на трудности армейской жизни и на то, что очень уж медленно тянется время. Спустя год-полтора успокоился. Писал, что жить можно. Меньше стала волноваться мать, полагая, что все обошлось, ее сын стал в конце концов человеком. Ну что ж, все правильно. Военная служба есть военная служба, особенно срочная. Не санаторий, всем известно. Особенно не разгуляешься, время расписано до минуты. Занятия, наряды, учения. Между ними немного личного времени, в течение которого можно успеть сменить подворотничок на гимнастерке, написать письмо, почитать или посмотреть фильм в клубе части. Бывают еще увольнения в город.

Денег хватает только на папиросы, конверты или открытки. Так что Хомяченков, проходя срочную службу, кафе видел только со стороны.

Отслужив срочную службу, Хомяченков остался работать вольнонаемным. Привлекала его не работа сама по себе, а возможность подзаработать и ближе познакомиться с Западом. Иного пути к осуществлению своих заветных стремлений он не видел. Частые поездки и отлучки из части можно было объяснить служебной надобностью, командование, занятое своими заботами, не слишком контролировало — доверяло.

Почти рядом с расположением части — крупный город, связь хорошая, сел в автобус или на попутку, и через пятнадцать минут в центре города. Посидеть за кружкой пива с порцией корна, послушать музыку есть где. Берлин в двух часах езды, так что и туда можно съездить при желании. Хомяченков уже не тяготился службой, время у него текло не так медленно, как прежде. Другая жизнь пошла.

Особенно ему приглянулось одно уютное кафе на окраине города. То ли потому, что там за стойкой стояла молодая симпатичная фрау, то ли потому, что туда редко заглядывали сослуживцы. Так или иначе, но Хомяченков облюбовал себе это кафе. С привлекательной фрау, правда, перспектива представлялась не совсем ясной.

Она мило улыбалась при его появлении, внимательно обслуживала. С разговором дело обстояло сложнее: у него в запасе несколько немецких слов, а у нее столько же русских. Со временем это препятствие Хомяченков надеялся преодолеть, но тут возникло новое: за стойкой стал появляться весьма внушительного вида мужик в шерстяной безрукавке и закатанными по локоть рукавами клетчатой сорочки. При его появлении фрау переставала улыбаться, а у Хомяченкова пропадало желание с ней заигрывать.

В один из слякотных осенних вечеров в этом уютном кафе на окраине города произошла встреча, которая многое определила в судьбе Хомяченкова. В тот вечер он задержался на работе и пришел в кафе позже обычного. Столик, за которым он любил сидеть, был занят. Там сидел какой-то тип и читал газету. Ему даже показалось, что, когда он подошел к стойке и поздоровался, фрау чуточку смутилась и опустила глаза. Но он не придал этому значения.

Хомяченков подошел к читающему, спросил, вернее, указал на свободный стул, тот кивнул, и он сел и заказал, как всегда, сто корна, кружку пива и порцию сосисок. Когда Хомяченков выпил вторые сто граммов корна, сидящий рядом опустил газету, надел на нос очки и спросил:

— Русский, офицер?

Хомяченков кивнул, подтверждая то ли что он русский, то ли что офицер.

— Майор?

Хомяченков обратил внимание на нерусское произношение, особенно на картавое «р».

— Нет пока. А вы?

— Я бизнесмен Питер Панитски. Можно просто Питер. Моя фирма — тут недалеко, в Берлине.

— Меня зовут Станислав. Станислав Хомяченков, можно просто Слава.

— Отшен приятно, — сказал иностранец. — Хорошее имя. Я много езжу по этой автостраде.

Они еще немного посидели, перебросившись несколькими фразами, расплатились и разошлись.

Встретились недели через две снова, и тоже случайно. Иностранец рассказывал, что он работает в Западном Берлине, в фирме, названия которой Хомяченков не запомнил, часто ездит в «восточную зону» по делам. В друзья он

не навязывался, в душу не лез. Хомяченков сказал, что служит тут недалеко, семьи не имеет, а поскольку вечерами делать нечего, вот иногда и заглядывает сюда.

Наверное, фрау понравилась? — пошутил Питер.

Ничего, — принял шутку Хомяченков, — но у нее партнер уж больно грозен.

Оба рассмеялись.

Когда расходились, Питер вскользь бросил:

— Можно встретиться через три дня. Я буду ехать тут по делам фирмы. Посидим, поболтаем.

На этот раз Питер был активнее. Он сразу взял инициативу в свои руки. Хомяченков собирался заказать себе традиционные сто грамм корна, кружку пива и порцию сосисок, но Питер остановил его:

— Один момент, Слава. Сегодня я имею много денег. Получил вознаграждение. Потому я угощаю и хочу выпить за наше знакомство и будущую дружбу.

Он подозвал симпатичную фрау, и через пару минут на столе появился французский коньяк, лимон и любимые Хомяченковым сосиски.

Когда подвыпили, Питер как бы в шутку спросил:

— Слава, ты ракетчик? Да?

Хомяченков не ответил, он дожевывал сосиску.

Я знаю, ракетчик. Боишься мне говорить. Ваши ракеты на нас нацелены? — продолжал шутить Питер.

— Наши ракеты до вас не долетят. Это не те ракеты...

Тс-с... не так громко, — приложил палец к губам Питер.

Они хорошо посидели. Платил за все Питер. На следующий день у Хомяченкова голова раскалывалась. Только после обеда он немного пришел в себя и вспомнил, как Питер его спросил:

— Слава, ты хочешь побывать в Западном Берлине?

— Хочу, — сказал Слава.

Я приглашаю тебя. Могу показать тебе город.

— Как?

Питер, пожав плечами, сказал:

— Это моя забота. Ты об этом никому не говори, хорошо?

Хомяченков кивнул.

— В эту субботу в три часа приезжай к бензоколонке, которая тут недалеко, при выезде из города. Знаешь? Там встретимся.

...Поездка в Западный Берлин прошла без приключений. Правда, Хомяченкову пришлось часть пути ехать

без комфорта, но что поделаешь. Как говорится, в жизни за все надо чем-то расплачиваться. На окраине Берлина, в безымянном тупике, Питер, остановив машину, сказал сидевшему рядом Хомяченкову:

— Слава, тебе сейчас нужно сделать небольшую маскировку, чтобы на КПП не придрались.— Он открыл заднюю дверцу, отодвинул сиденье.— Прошу. Здесь тебе будет не очень удобно, но зато абсолютно безопасно. Это пока переедем границу.

Хомяченков лег на коврик, свернулся калачиком. Питер задвинул сиденье. Щелкнула дверца. Машина плавно тронулась.

Хомяченков лежал тихо, как мышь, и очень боялся. «Вдруг обнаружат? Неприятностей не оберешься... Связался с этим очкариком. На кой черт я согласился? Чего я там не видел?.. А что, собственно, тут такого, убил, ограбил кого? Интересно посмотреть, да и безо всяких хлопот, туда и обратно...»

Он слышал, как на КПП остановили машину, у Питера проверяли документы, что-то говорили по-немецки или по-английски. Когда снова поехали, он облегченно вздохнул. Вскоре Питер остановил машину и выпустил его из тайника.

— Все в порядке, Слава, мы в Западном Берлине.

Хомяченков вылез, отряхнулся и уселся на заднее сиденье. Они долго кружили по незнакомому городу. Останавливались, заходили в магазины и снова куда-то сходили. Пообедали в ресторане. Заехали в контору Питера, поговорили, выпили по стакану виски. Питер достал из шкафа картонную коробку, распаковал ее, вытащил отливающий лаком и никелем небольшой магнитофон и поставил его перед Хомяченковым.

— Это тебе, Слава, в знак нашей дружбы.

Хомяченков с недоумением посмотрел на него:

Ты что, серьезно? Нет, нет, Питер, таких подарков я не принимаю. Слишком дорогая вещь, зачем же? У меня ничего такого нет, чтоб отблагодарить тебя...

Не торопись, Слава, я тебе объясню. Это последняя модель, новинка, так по-вашему, кажется? Да, мы на этом имеем бизнес, неплохой бизнес. Нам, работникам фирмы, дают несколько штук для презентов нашим клиентам, дарить за услуги. Это как бы реклама, понимаешь? Чтобы бизнес шел хорошо. Поэтому я могу это себе позволить, подарить нужному человеку. В этом нет ущерба ни для фирмы, ни для меня лично. А ты мне друг, и я хочу,

чтобы у тебя осталась память обо мне и наших встречах. Так что ты бери, не сомневайся. Я не буду от этого разоряться. Все о'кей? — Питер хохотнул, хлопнув Хомяченкова по плечу. Они распили еще бутылку коньяка.

Когда уходили, Питер достал из стола небольшой бланк и, как бы раздумывая, сказал:

— Слушай, Слава, я подумал, ты все же распишишь тут, что получил от меня эту штуку, а то как бы не вышел у меня конфликт с шефом. Он имеет привычку совать нос везде. Понимаешь, таков уж характер у человека, и тут ничего поделаться нельзя. Тут распишишь, а тут напиши, что за услуги получил.

Хомяченков, одурев от выпитого, какое-то время тупо смотрел на бланк, где типографским способом на английском языке было что-то отпечатано, затем взял у Питера ручку и нетвердой рукой написал в пропуске: «За оказанные мною услуги по делу», внизу: «От Питера Панитски получил» и расписался. Дату поставил Питер.

Обратно они ехали тем же путем и с соблюдением тех же предосторожностей. Только высадил Питер Хомяченкова не у бензоколонки, а на автобусной остановке, между городом и частью.

Когда Хомяченков отработал положенный срок, его не стали удерживать. К своим обязанностям относился он спустя рукава, был склонен к злоупотреблению спиртными напитками.

Ему объявили о предстоящем увольнении.

К этому времени он уже сдружился с Питером Панитски и при очередном свидании в кафе поделился с ним новостью. Питера это известие обеспокоило не на шутку, и он принялся горячо уговаривать Хомяченкова сделать все от него зависящее, чтобы остаться еще на срок. Но Хомяченков, выслушав своего приятеля, сказал, что список увольняемых утвержден командованием и ему вряд ли удастся что-либо сделать. Видимо, понял это и Питер. Он тут же предложил Хомяченкову снова прокатиться в Западный Берлин.

В ближайшую субботу все началось по прежнему сценарию. Но, когда они сидели в конторе у Питера за бутылкой коньяку, к ним присоединился еще один сотрудник фирмы. Он тряхнул Хомяченкову руку, как-то назвался, тот не разобрал, а переспрашивать не стал. Это был крупный мужчина с пучками волос, торчащими из нозд-

рей, белесыми бровями и тяжелыми, как ставни, веками. Питер засуетился, налил ему рюмку, но тот только пригубил. Говорил он довольно сносно по-русски, даже, пожалуй, лучше Питера. После нескольких незначущих фраз он сказал, обращаясь к Хомяченкову:

— Я — представитель разведки. Да, да, из того ведомства, о котором у вас много пишут в газетах, и вы, надеюсь, знаете, что это такое. Тем более что вы — военный человек.

Хомяченков поначалу опешил, а потом промямлил

— Да, знаю, конечно.

— Ну вот и хорошо. Мы скорее найдем с вами общий язык. Не так ли?

Хомяченков пожал плечами.

— Мне о вас рассказывал Питер, о том, что вы говорили ему о себе, своей службе, своей части, сослуживцах. Скажу откровенно, кое-что из вами рассказанного для нас ново, интересно. Я вас благодарить хочу за это. Мы одобряем дружбу Питера с вами и ценим ваше отношение к нам. Разумеется, если вас не подослали к нам специально. Вы не из КГБ?

— Нет, что вы, — вырвалось у Хомяченкова, — но...

Да вы не волнуйтесь. Ничего страшного. Все будет нормально. Мы не собираемся заявлять вашему командованию, что вы с нами поддерживаете контакт. Нам это не нужно. Надеюсь, вы тоже не будете заявлять?

Ну что вы, нет, конечно. Зачем мне?

— Отлично, приятель. Питер сказал мне, что вы уезжаете домой, увольняют вас, не так ли?

Да, у меня кончился срок.

Ну что ж. Это тоже неплохой вариант. Там вы не будете безработным? Кстати, у вас есть специальность?

Да, есть, я учился в электромеханическом...

— О, с такой профессией можно найти работу, можно на заводе, можно в НИИ. Постарайтесь устроиться на закрытое предприятие, которое работает на военные цели. Там больше платят. А вы молодой, деньги вам будут нужны. Я думаю, мы вам дадим денег на первый случай. Как ты считаешь, Питер?

— О'кей, — сказал Питер и положил пачку денег перед шефом.

— Вот вам тысяча рублей, берите, они ваши.

— Деньги я не возьму, — сказал неуверенно Хомяченков.

— Берите, берите, — с нажимом промолвил шеф, —

мы не будем бедными от этого, а вам они пригодятся. Потом, мы ведь не даром даем, за услуги, которые вы нам оказывали и, надеюсь, будете оказывать.

Какие услуги? — вскинулся было Хомяченков, — я ничего такого...

Не торопитесь, приятель. Вы же рассказывали Питеру такие вещи, которые для нас полезны. О том, что вы говорили, в газетах и журналах, которые можно везде купить, не пишут. А мы не хотим быть у вас в долгу. Услуга за услугу. Мы народ деловой, любим рассчитывать. Везде должен быть порядок.

Разговор продолжался. Питер открыл вторую бутылку, выпили еще. Шеф выразил надежду, что Хомяченков останется ими доволен и будет поддерживать «дружеские отношения» с их представителем в Москве. Там, в их посольстве, на его счету будет лежать пять тысяч рублей, ему их выплатят потом, если он будет благоразумным и дело, начатое здесь, будет продолжено.

От выпитого Хомяченкова разморило. Он обмяк и сидел, тупо уставившись в рот шефу. О чем он думал и думал ли вообще, по его виду определить было трудно. На какое-то мгновение маска безразличия сползла с него, и он спросил:

— А в Москве с кем мне встретиться?

В нашем деле хорошо выдержку иметь, — улыбнулся шеф, довольный тем, что сидящий напротив него тип наконец-то проснулся и проявил к его словам интерес. — Вам ни с кем встречаться не надо. Вас найдут и установят контакт.

Но я живу в другом городе...

— Это не так важно. Оставьте Питеру ваш адрес. — Он что-то сказал по-английски Питеру. Тот закивал головой.

— Хочу вас предупредить, чтобы вы были очень осторожны и строго следовали инструкции, которую вам дадут. Понимаете, о чем я говорю?

— Да, да, я понимаю.

— И еще. Очень важно вам постараться получить хорошую работу там, дома, в своем городе. В военной части или на большом заводе, где производится военная продукция. Можно в исследовательском центре, как у вас говорят, закрытом НИИ.

Закончив наставления, шеф ушел. Питер достал несколько конвертов советского производства, и Хомяченков написал на них свой адрес и свою фамилию. Потом

Питер взял у Хомяченкова расписку в получении денег и отвез его к заветному кафе. Они расстались довольные друг другом.

Так закончился для Хомяченкова первый этап его падения.

После увольнения и возвращения домой Хомяченков почти полгода не работал, деньги водились, и он наслаждался жизнью, отдыхал от трудов праведных. Он ждал, что с ним установят контакт, как ему говорили в Западном Берлине, и выплатят те пять тысяч, которые задолжали. Но разведчики из посольства почему-то не торопились.

Денежки таяли, как снег в апрельский день. От тысячи, брошенной ему на бедность, уже не осталось и следа. На исходе были и те, которые поднакопил за время службы. На мать надежда слабая, она зарабатывала только себе на жизнь. А по вечерам так тянуло в ресторан или хотя бы в кафе. Да и дружки уважают, пока денежки водятся.

Пришлось устраиваться на работу. Он поступил работать в НИИ и стал предпринимать практические шаги по сбору шпионских сведений. Правда, он кое-что накопил, будучи в части, чтобы встретить новых хозяев не с пустыми руками, но этого, он чувствовал, было явно недостаточно, чтобы выманить те заветные пять тысяч. Данные были не первой свежести, он их уже давал Питеру, да и многое могло измениться там за это время. Так что надо было стараться...

И Хомяченков старался. Из разговоров с сотрудниками НИИ узнал адреса и наименования предприятий-получателей продукции, смежников, фамилии руководящих работников, адреса и телефоны — и все это копил, записывал.

Хомяченков нервничал. Уплывали из рук обещанные пять тысяч. Он пытался найти надежные пути установления контакта с посольством. Приехал в Москву, походил вокруг посольства, искал другие учреждения этой страны. Посетил проходившую выставку «Исследования и разработки», оставил в книге отзывов запись: «Очень восхищен выставкой, высоким уровнем развития науки и техники вашей страны и благосостоянием вашего народа. Приезжайте еще к нам, наше правительство предоставит вам возможность. Приятель». И надо отдать должное хозяевам выставки: эта запись из книги отзывов ими

была изъята. Но ожидаемого результата не последовало. Хозяева молчали. То ли они сомневались в надежности Хомяченкова, то ли хотели понаблюдать за ним, то ли выжидали, пока плод созреет окончательно и упадет на землю сам.

Хомяченков все больше нервничал, а вестей все не было. И он решился. Взяв больничный, он снова приехал в Москву. Ему удалось узнать адрес одного из посольских особняков, и он в течение трех дней вел наблюдение за ним, изучая окружающую обстановку. Поздно ночью он залез на дерево, с него перебрался на стену, ограждающую особняк, и оттуда спрыгнул во двор. Встретили, правда, его не очень гостеприимно. Два дюжих охранника сбили его с ног, намяли бока и, накрыв чем-то жестким и тяжелым, поволокли в особняк. Долго пришлось Хомяченкову доказывать этим молодцам, которые не знали русского языка, что он их друг. Его посадили в темный вонючий чулан, и он часа два ожидал, когда с ним поговорят.

Говорили с ним двое мужчин, но уже не те, которые так негостеприимно встретили его в посольском саду. Оба были некрасивы: один — долговязый, невероятно тощий и весь какой-то перекореженный, другой — постарше, посолидней, плотный, плешивый, с редкими зубами и вывороченными губами. Первый назвался Барри Древсом. Второго Древс назвал мистером Грейроком. Древс выступал как бы устроителем встречи и беседы с Хомяченковым.

Хомяченкову пришлось выложить на стол все имеющиеся у него документы, подробно рассказать о себе, о встречах с Питером Панитски и его шефом в Западном Берлине.

И что же вы хотите от нас? — небрежно спросил мистер Грейрок. На него рассказ Хомяченкова, казалось, не произвел впечатления.

Если бесцеремонное обращение охранников можно было как-то понять, то холодность и безразличие этих господ после того, как они узнали, кто он, озадачили и обидели Хомяченкова. Он пожал плечами.

Но мне сказали, что меня найдут и свяжут, — промямлил он неуверенно. — Потом, тут некоторая сумма...

И вы решили поторопить события, — перебил его Древс.

А вы знаете, — спросил Грейрок, — что вы сделали

себя подозрительным в глазах своих соотечественников и нас поставили в неудобное положение?

— Но меня никто не видел, клянусь вам...

Беседа затянулась. Хомяченков видел, что разговор записывали на магнитофон, закамуфлированный под небольшой чемодан. «Ну и черт с ними», — подумал Хомяченков, — пусть записывают, если это им интересно».

На следующий день после завтрака Дреус и Грейрок снова беседовали с ним. Говорил больше Хомяченков, а дипломаты слушали и записывали на магнитофон. Хомяченков старался. Раз уж так получилось, то надо выкладываться на всю катушку, чтобы поверили и приняли за солидного партнера. Потом, надо же вырвать обещанные пять тысяч...

Хомяченков выложил часть собранных им секретных сведений военного характера, начертил схему расположения известных ему военных объектов с привязкой их к ориентирам на местности.

Когда он выговорился, Грейрок и Дреус заставили его дать подписку о том, что он и впредь будет честно и добросовестно работать на их разведку и соблюдать данные ему инструкции. Инструкции были изложены пока устно. Позже он получит их и в письменной форме. Ему предписывалось собирать разведывательную информацию о воинских частях и промышленных предприятиях (давался перечень объектов), обуславливались способы конспиративной связи с использованием тайнописи и тайников. Дреус протянул ему лист бумаги с описанием места и схемой первого тайника, а когда Хомяченков изучил его и запомнил, сжег листок над пепельницей. В описании было сказано, чтобы тайник изъять после получения письма с тайнописью при наличии в открытом тексте слова «хоккей».

Дали Хомяченкову и денег, не пять тысяч, конечно, а всего двести пятьдесят рублей. На недоуменный взгляд Хомяченкова Грейрок сказал:

— Знаю, знаю. Не волнуйтесь. Выплатим мы ваши деньги, даже больше дадим. Но, во-первых, эти деньги еще нам не переведены, во-вторых, мы должны убедиться, что вы нас не водите за нос.

И протянул ему в качестве сувенира шариковую ручку с автографом президента на корпусе. Так сказать, на долгую память.

Поздно вечером Дреус вывез Хомяченкова из посольства в машине с дипломатическим номером и доставил

его к станции метро «Парк культуры». Оттуда Хомяченков уже самостоятельно доехал до вокзала, взял билет и отправился домой.

Когда Хомяченков все же разговорился на следствии, он рассказал обо всем, показал дерево, на которое взбирался темной ночью, чтобы спрыгнуть оттуда за стену, ограждающую посольский особняк. Опознал на предъявленных фотокарточках Древса и Грейрока. На квартире Хомяченкова была обнаружена и приобщена к делу в качестве вещественного доказательства злополучная шариковая ручка с автографом президента. В одной из записных книжек Хомяченкова, изъятых при обыске на квартире, имелась запись, которая, когда ее расшифровали, указывала на местонахождение тайника. Шпион нарушил инструкцию и записал для памяти, где он должен будет изъять предназначенное ему послание. С первым тайником, как и со вторым, его постигла неудача. Он получил письмо от Древса, пытался проявить тайнопись, но сделать этого не сумел. Однако, поскольку в открытом тексте письма было заветное слово «хоккей», свидетельствовавшее о закладке в тайник материалов (а он думал, что, возможно, и денег), то Хомяченков направился к указанному месту. Но там было пусто. Что бы это значило? Понимая, что тут возможны варианты, он струхнул, притаился. Второй раз не рискнул сигать через стену.

Но ничего страшного не произошло.

Просто Грейрок и Древс еще колебались, тянули время, а потом и совсем отказались от этого тайника. Вот как они объяснили это во втором письме: «Дорогой Слава! Помнишь, когда ты был в столице последний раз, и я тебе говорил о Толе, который тоже собирает марки и который проживает в твоём городе. Я даже показывал тебе его карточку и просил зайти к нему, если будет возможность. Ну так забудь об этом, его там больше нет, он теперь в Москве. Так что, когда будешь в Москве в следующий раз, и я надеюсь, что это будет в скором времени, рассчитывай пробыть там некоторое время с тем, чтобы навестить его». И дальше: «...фотографией я продолжаю заниматься, научился разглаживать старые, свернутые и скомканные фотокарточки, а также и старые документы... В то время как для фотокарточек уют должен быть слегка горячим и разглаживать их нужно с задней стороны; бумаги, к примеру, документы, письма, газеты и прочее нужно гладить с лицевой стороны и как

можно более горячим утюгом и очень медленно, чтобы только-только не сжечь бумагу...

Хомяченков на сей раз усвоил науку своих учителей, и второе письмо обработал по всем правилам. В нем говорилось: «Дорогой друг! Есть то же самое сообщение на всех страницах этого письма. Игнорируйте бывшие инструкции. Осторожно следуйте эти новые инструкции. Найдите хорошую причину приехать в Москву как можно скорее. Пойдите на Савеловский вокзал в 22.00 или позже... Вы должны иметь причину быть в этом районе, но не задерживайтесь там. Будете уверены в том, что никто не увидит вас, когда вы подберете пакет. Тщательно спрячьте его, уничтожьте это письмо. Б.»

В конце следствия Дмитрий Павлович предложил провести следственный эксперимент. На адрес в Гватемале, указанный Хомяченкову в инструкции, направили два из ранее подготовленных и находившихся в контейнере писем. В тайнописном тексте, написанном рукой Хомяченкова, сообщалось, что он понял и усвоил инструкции и отвечает на поставленные вопросы. Сведения, само собой разумеется, были липовые, но тщательно подобранные с таким расчетом, чтобы хозяева шпиона поверили. Кроме того, в письме было высказано беспокойство из-за отсутствия известий из разведцентра и жалоба на материальные затруднения.

Цепь замкнулась. Древис вскоре заложил тайник для Хомяченкова, а на следующий день Грейрок поздно вечером, возвращаясь из театра, опустил в почтовый ящик рядом с театром письмо. На основании ранее вынесенного следствием постановления о наложении ареста на корреспонденцию Хомяченкова письмо было изъято. Там обнаружили тайнопись: шпиону предлагалось срочно изъять заложенный для него очередной контейнер с материалами, прилагались схема и описание места закладки. На этот раз Древис спрятал контейнер в основание осветительного столба в одном из скверов.

Дмитрий Павлович в присутствии понятых изъясил контейнер и оформил в соответствии с требованиями соответствующих статей УПК РСФСР. Это был кусок ржавой металлической трубы, залепленный с обеих сторон пластилином. Внутри трубы — цилиндр с герметически закрывающейся крышкой на резьбе, а в цилиндре — письмо, инструкции и шифрблокноты. Деньги тоже вложили, но опять же немного. Пятью тысячами перед носом шпиона помахивали; а бросали сотню-две. В письме на

сей раз, кроме обычных рекомендаций, предлагалось приобрести радиоприемник для приема односторонних радиопередач, тут же была инструкция для приема радиопередач с указанием расписания. Была еще одна инструкция об использовании для связи микрофотографии и прибор для чтений микрограмм, пакетик проявителя и даже мелок для нанесения метки об изъятии контейнера из тайника.

Таким образом, по делу были собраны доказательства, полностью изобличающие Хомяченкова в принадлежности к агентуре иностранной разведки. Он полностью признал себя виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» статьи 64 УК РСФСР.

Шпион получил по заслугам.

Во время обеденного перерыва Сергея Чиркина позвали к телефону. Он подумал, что это Лена, но в трубке услышал незнакомый голос:

— Здравствуй, Сергей! Как жизнь?

— Здравствуй,— неуверенно ответил Сергей.

— Не узнаешь старых знакомых? Это Пономарев Николай. Помнишь?

— А-а, привет, привет! Как там насчет того, все в норме?

— Все в норме. Ты когда кончаешь работу?

— В четыре, а что?

— Можешь приехать к нам в приемную сегодня после работы?

— Могу, конечно, хотя...— Сергей подумал, что на этот раз Лене придется ждать: «Не все же мне...»

— Приезжай, я встречу в 16.30.

Они поднялись на лифте, пошли по коридору. Их встретил начальник отдела Таймасов с папкой под мышкой. Он поздоровался с Сергеем за руку, и через пару минут они вошли в кабинет генерала.

Из-за стола поднялся невысокий, как показалось Сергею, пожилой мужчина с черной с проседью шевелюрой и мохнатыми бровями. Таймасов и Пономарев остановились. Сергей, глядя на них, тоже принял стойку «смирно». Генерал протянул руку Сергею первому. Ладонь у него была широкая, крепкая.

Сели за длинный стол. Принесли чай. Генерал пригласил «отведать чайку», спросил Сергея, как работает, женат ли, кто родители. Сказал, что он тоже начинал

трудовую деятельность на заводе в Барнауле, учился в ПТУ, был на комсомольской и партийной работе, а потом уже стал чекистом и москвичом.

Обращаясь к Сергею, генерал произнес:

— Товарищ Чиркин, вы нам помогли разоблачить шпиона, который мог бы причинить нашему государству немалый вред.

Он поднялся, взял с письменного стола коричневую коробочку.

— Руководство КГБ благодарит вас за гражданский, патриотический поступок, награждает ценным именованным подарком и желает крепкого здоровья, счастья и успехов в трудовой деятельности.

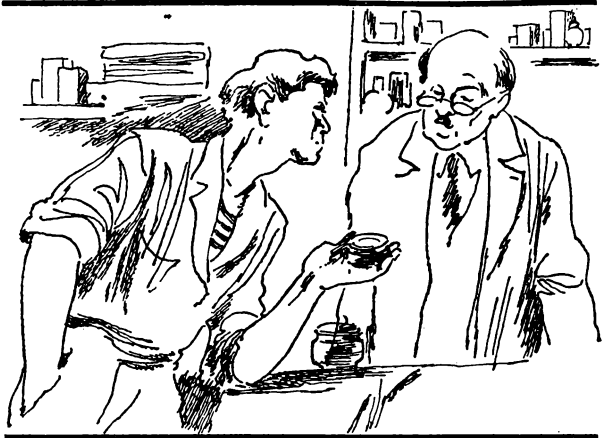
Вручив подарок, генерал обнял Сергея. Сергей расчувствовался и не знал, что ответить, но потом все же нашелся:

— Спасибо, товарищ генерал. Служу Советскому Союзу!

Когда Сергей приехал на Савеловский вокзал, Лена уже ждала его. Он молча обнял девушку. Лена сказала:

— Сережа, ты сегодня такой, будто возвратился из космоса.

— Точно, Леночка. Я на меньше и не рассчитываю... И они побежали на электричку.

Григорий ВАСИЛЕНКО

СИНЬОР РАМОНИ И К*

Николай Васильевич, а зачем к нам последний раз приезжали помощники военных атташе стран, входящих в НАТО? — спросил генерал Гаевой начальника отдела полковника Шах-танина.

Порт их интересует.

Только ли порт?

Черноморский флот, побережье...

Вот, вот Уточнение существенное. Только в нашем порту нет того, что их интересует, если не считать пограничных катеров и нефтеналивных судов, а они заглядывают в щели забора старых казарм, тащатся на малой скорости вдоль полигона, на котором стоят макеты ракет, шныряют по городским закоулкам. Может, кого ищут? Не купаться же они к нам приезжали? — спросил генерал.

— Ни разу не купались. Это верно. По городу ездили, кое-какие старые улицы фотографировали.

Вот что, Николай Васильевич, поехали в порт, посмотрим, что там можно увидеть. Может, там Пентагону мерещится армада советских военных кораблей.

Порт жил обычной напряженной жизнью. Громадные краны высоко поднимали изогнутыми хоботами контейнеры, автомашины, бочки, мешки, пиломатериалы и плавно опускали в глубокие трюмы.

В портовый шум врывались крики чаек, стаями паривших у океанских судов.

Танкер вот-вот должен был отойти, и провожавшие не расходились. Полковник невольно засмотрелся на улыбающуюся женщину и девочку лет шести. Девочка что-то кричала, видимо, своему отцу, а тот разводил руками: ничего не слышно.

Пошли, дочка,— сказала женщина.— Скоро придем папу встречать. Я могу вас подвезти, машина стоит у проходной,— предложила она девушке, которая все время стояла рядом с ней.— Как вас зовут?

Нина.

— А меня Анна Петровна. А это моя дочка Жанна. Вы провожали врача, Григория Павловича?

— Да.

Я это заметила. Он стоял рядом с моим мужем, радистом. Они уже давно вместе плавают. Вы его жена?

Нет,— сказала Нина.— Мы живем на одной площадке. Он как-то пожаловался, что грустно уходить в море, если тебя не провожают. Вот я и пришла.

— А где вы работаете?

В интерклубе гидом-переводчиком.

Танкер ушел в дальнейшее плавание, разошлись провожающие. Возвратились из порта генерал и полковник.

— Итак, что мы увидели в порту? Что могло бы привлечь внимание помощников военно-морских атташе?

Полковник ответил, что порт торговый и, кроме танкеров и сухогрузов, перевозящих нефть, цемент, лес, зерно, ничего там нет.

— Согласен, но их интересует не только наш флот, но и грузы, их назначение, портовое хозяйство. Я бы сказал, все. Увидят военного моряка, летчика или десантника — на заметку, военную автомашину — на заметку, судно с цементом — на заметку, ну а нефть — это стратегический товар. Военный корабль — находка для отчета. Надо разобраться, Николай Васильевич, что их заинтересовало.

Домой Шахтанин шел пешком по вечерним улицам

города. С моря тянуло прохладой. По пути встречались шумные компании молодых людей, подвыпившие иностранные моряки, степенные пенсионеры.

Полковник вдруг позавидовал людям, которым не надо ломать себе голову над тем, чем интересовались помощники военных атташе. Для этого существовала его служба. С ней он связал свою судьбу в первые послевоенные годы. А прошло с тех пор почти сорок лет.

Как только танкер «Бейсуг» пришвартовался в порту Монполи, радист Валерий Чукрин, непоседливый молодой человек, сразу направился к капитану с просьбой разрешить увольнение на берег.

Капитану не понравилось его нетерпение, но находившийся в капитанской каюте судовой врач Григорий Павлович присоединился к просьбе радиста, и капитану пришлось согласиться.

— Идите вместе, только не задерживайтесь.

У трапа они расстались.

— Я найду к Яше,— сказал Чукрин врачу.— И мигом вас догоню.

— Не забывай напутствия капитана,— напомнил врач.

На вывеске у входа в магазинчик по-русски было написано «Наташа» и нарисована красotka, которая, по замыслу хозяина, должна была зазывать покупателей.

Григорий Павлович пошел в город, а Чукрин зашел в магазин. Там было пусто: ни покупателей, ни хозяина.

На громкое приветствие Чукина владелец магазинчика вышел из жилого помещения.

Здоровеньки булы,— обрадовался Яша Фишман своему знакомому.

— Как живешь, старина? — балагурил Валерий.— Небось все тоскуешь по Одессе?

Как не тосковать? Родился и вырос на Дерибасовской, а когда перевалило уже за пятьдесят — явился черт в червонной свитке, подхватил, покружил по свету и бросил в этот каменный мешок. Хорошо, недалеко от моря.

Валерий положил на прилавок сумку, в которой были бутылка украинской «Перцовки», баночка икры, пять пачек столичных сигарет и коробка шоколадных конфет.

Лавочка торговала всякой ерундой: джинсами, коф-

точками, косынками, очками, зонтиками, зажигалками, авторучками, жевательной резинкой, дешевыми часами и браслетами. Но когда попадался нужный покупатель, Яша мог достать любой товар, даже японский телевизор, видеомагнитофон и кассеты с записями фильмов западного производства. «Яша все может»,— говорили о нем.

— Все подошло жене и дочке? — поинтересовался Яша.

— Конечно. Что за вопрос...

— Фирма,— сказал Яша.— Женщины — народ капризный. Не всегда угодишь.

— Это правда, старина. Моя как увидит в городе новинку, так сразу заказ. А на какие? Вот и выкручиваюсь,— жаловался Чукрин.

Правильно делает. Живем-то один раз,— Яша похлопал собеседника по плечу.— Что будешь брать?

Моменто. Вот списочек,— Валерий достал из кармана бумажку.— Значит так — джинсы. Очень ходовой товар. Туфли — белые лодочки на высоком каблуке, кое-что дочке.

Заказов было много, а иностранной валюты мало. Выложив все наличные, Чукрин вздохнул и повинно склонил голову. Яша, пересчитав деньги, задумался.

Чукрин выложил на прилавок из сумки все принесенное, но, как видно, и этого было мало.

— Может, у тебя есть рубли? — спросил Яша.

Валерий с опаской оглянулся, пошарил по карманам, и невольно улыбнулся, увидев свое сконфуженное лицо в зеркальной двери за прилавком.

— Берет не возьмешь? Французский...

— Нет, нет...— отказался Валерий.

— Для члена партии лучше, конечно, рабочую кепку,— усмехнулся Яша.

— А я — беспартийный.

— Тогда бери все, что отобрал. Расплатишься в следующий раз. Только крупными купюрами — пятьдесят, сто...

В это время в магазин зашел Григорий Павлович, Яша замолчал.

Валерий схватил свертки, и они вышли из магазина. Какая-то пара, стоявшая у входа, двинулась за ними. Григорию Павловичу неудобно было часто оглядываться, но его разбирало любопытство: случайно или нет идут за ними? Зачем?

Они еще ходили по городу, и все время эти люди их провожали. Подойдя к стоянке «Бейсуга», врач оглянулся и встретился глазами с женщиной.

Перед швартовкой вернувшегося из рейса «Бейсуга» в порту Новочерноморска Чукрин забежал в каюту к врачу и пожаловался на учащенное сердцебиение. Врач послушал его, измерил давление и сказал, что ничего страшного.

— Волнение перед встречей с женой,— поставил он диагноз.

— Григорий Павлович, можно один вопрос прояснить? — спросил Чукрин.

— Слушаю.

— Ну был я там у Яши, кое-что прикупил. Так, по мелочи, для жены и дочки. Приятель просил привезти японские кассеты...

Просьбу он давно обдумал, но, увидев закаменевшее лицо врача, заколебался. Записать все в свою декларацию он опасался. Скрыть — таможенники обнаружат и передадут в пароходство...

— Григорий Павлович, может, выручите, запишете что-нибудь на себя?

— Сам дошел до этого или с кем советовался?

Ответить Валерий не успел: в каюту зашел первый помощник капитана. Чукрин что-то сказал невпопад, как бы заканчивая разговор, и попятился к двери.

Как-то раньше Григорий Павлович не обращал особого внимания на радиста. Рано располневший, с длинными патлами, свисающими ниже воротника форменной куртки, в потертых джинсах. Врачу не нравились его постоянные разговоры о вещах и жадность, с которой тот ел и пил в камбузе, но ничего криминального вроде бы в этом не было.

И все-таки Григорий Павлович решил сказать капитану о странной просьбе радиста. Поднялся в рубку, но капитан стоял рядом со штурвальным, и врачу не удалось с ним переговорить.

Когда Григорий Павлович возвращался в свою каюту, таможенный досмотр уже закончился и Валерий с сияющим лицом прошмыгнул мимо него.

Перед уходом в рейс Чукрин зашел в бар к знакомому бармену Эдику. Эдик налил ему рюмку дешевого коньяку. Валера выпил с видом знатока, попросил сигарету. Бар-

мен, как иллюзионист, чуть ли не в воздухе поймал сигарету и высек огонь наимоднейшей зажигалкой.

Из последнего рейса Валерий привез ему две кассеты с записью порнографического видеофильма западно-германского производства.

— Сколько? — спросил бармен.

— По дешевке отдаю. Семь.

Бармен отсчитал семьсот рублей и сказал:

— С процентами заплачу за ковбойский боевик.

— Клади задаток, — протянул руку Валера, — только сотенными.

Бармен отсчитал три сотни и налил ему еще коньяку. По случаю состоявшейся сделки Чукрину пришла в голову мысль попросить у бармена тридцать-сорок баночек икры, на которой можно хорошо подзаработать у Яши. Когда он сказал об этом Эдику, тот поинтересовался, что будет иметь от этого мероприятия.

— Это, считай, чистых сто долларов. — Валерий значительно занизил предполагаемую выручку. — Половина — твои. Заказывай, что надо.

— О'кей! — сказал бармен. — Зайдешь перед отходом. Товар приготовлю. Тогда и договоримся.

Чукрин пошатываясь направился к выходу.

«Бейсуг» ушел в рейс, а через день теплоход «Амалия» под панамским флагом пришвартовался в Новочерноморском порту.

Теплоход этот довольно часто приходил в Новочерноморск. В один из его приходов Нина познакомилась с итальянским моряком Марчелло Рамони, который плывал на нем.

И на этот раз Марчелло позвонил Нине. Они встретились и долго гуляли в приморском парке.

Нина устала и предложила пойти в кино. Марчелло ни разу не был в нашем кинотеатре и не видел ни одного советского фильма.

Вспыхнул экран, побежали первые кадры. В фильме рассказывалось о жесточайших боях западнее Сталинграда зимою 1942 года. Нина почти не переводила ему текст, и смысл фильма не дошел до Рамони.

Когда они вышли из душного кинотеатра на улицу, Марчелло некоторое время молчал, а потом спросил у Нины, не видела ли она итальянский фильм, название которого на русский язык можно перевести в нескольких вариантах, но наиболее правильный из них — «Грязный мир».

— О чем это? — поинтересовалась Нина.

— О том, что цивилизация ничем не отличается от дикости. Чем выше цивилизация, тем больше звереет человек. Наш постановщик очень хорошо показал, что человек кровожаден, уродлив и прожорлив.

— Глупость какая, — начала было Нина, но Марчелло перебил ее. Он утверждал, что для того, чтобы держать в руках звереющего человека, в государстве нужна сильная личность, каким был Муссолини.

У вас много говорят о войне и показывают фильмы, в которых слишком много убивают. А нужно показывать развлекательные фильмы, чтобы люди наслаждались ими.

Нине не хотелось с ним спорить, и она перевела разговор на другую тему:

— Мы встречаемся не первый раз. А я так мало знаю о тебе. Расскажи мне, отчего умерла твоя жена.

— Жена моя погибла в автомобильной катастрофе, — с раздражением сказал Марчелло, — а о дочери я тебе говорил. Что еще?

Он надолго замолчал, а потом вдруг заговорил о том, как переправить чемоданы с приданым Нины в Италию, чтобы избежать таможенных формальностей.

Нина засмеялась, но тут же спохватилась — а вдруг это предложение по-итальянски. Весь дальнейший разговор свелся к итальянским свадебным обрядам.

— А церковь у вас есть? — поинтересовался Марчелло.

— Конечно, есть, — сказала Нина, ожидая, что дальше он заговорит о венчании.

— И ты ходишь в церковь? — удивился Марчелло.

Нина в церкви ни разу не была даже на экскурсии.

У нас не принято, — проронила она тихо.

— А у нас все посещают, — с подчеркнутым превосходством заявил Рамони.

Промолчав, чтобы не обидеть его, Нина подумала, что никаких признаков набожности в нем не замечала.

— Я видел в вашем городе единственного человека с крестом — бармена из «Бригантины».

Нина едва не рассмеялась при упоминании об этом «святоше», не умевшем даже перекреститься.

Марчелло проводил Нину и назначил свидание в следующий приход.

Когда вернувшийся из рейса Рамони появился на территории порта, его уже поджидали.

— Синьор Марчелло Рамони? — спросил у трапа мужчина в темных очках. — Вы не могли бы зайти в технический отдел капитанерии?

— Кто вы такой? — спросил Рамони.

— Сержант капитанерии, — небрежно проронил незнакомец.

О капитанерии Рамони знал. Не раз бывал в техническом отделе, который принимает заявки на разного рода ремонтные работы и оборудование на судах.

Ему только казалось странным, что технический отдел был укомплектован не гражданским персоналом, а военными.

По дороге в капитанерию Рамони пытался понять, чем он мог привлечь внимание технического отдела, но ничего особенного не вспомнил и поэтому порог переступил вполне спокойно.

Сержант указал ему на мягкое кресло у стола, однако человека, сидевшего за столом, не назвал. Синьор этот сидел закинув ногу за ногу и курил сигарету, разглядывая Рамони. «Американец, наверное», — подумал Рамони.

— Перейдем к делу, — сказал сержант.

Рамони кивнул в знак согласия, посмотрел на часы, давая понять, что времени у него в обрез.

Насколько нам известно, в Новочерноморске вы встречаетесь с русской?

— Вы располагаете не полной информацией. В Марселе у меня француженка, а в Стамбуле — турчанка, исповедующая ислам, — парировал Рамони. — Морская традиция со времен пиратов — встречаться и кутить в иностранных портах с женщинами.

Молчавший синьор с седеющими висками посмотрел пристально и сказал:

Вы исходите из того, что мы будем обвинять вас за связь с русской. Не будем, но расскажите нам, кто она. Наверно, атеистка, ненавидящая капитализм и Америку?

— Ее имя — Нина, фамилию не знаю. Работает гидом-переводчиком в клубе моряков, говорит на итальянском и английском. Вероисповеданием не интересовался. Смею вас заверить, что оно не сказывается на ее фигуре.

Американец скупно улыбнулся.

— Где гарантия, что она не обратит вас в коммунисти-

ческую веру? Имейте в виду, Рамони, мы первые под- скажем католической церкви, что вы можете покраснеть от соприкосновения с русской.

Я постараюсь не доводить дело до конфликта с па- пой.

Этого можно избежать, если русская станет ка- толичкой и вы женитесь на ней.

Рамони не думал жениться на русской, хотя и говорил с ней о переправке приданого. «Пожалуй, можно поторго- ваться», — подумал он.

У меня денег не хватит, чтобы из России перевезти ее вещи.

Мы могли бы свадебные расходы взять на себя, но все деньги ушли в полицию за ваше досье, — тут же осадил его американец. — Женитесь на русской, синьор Рамони, — предложил он, разминая дымящуюся сигарету в пе- пельнице.

Это была уж очевидная бестактность. Рамони воз- мущенно хмыкнул.

Успокойтесь, — сказал американец, которого мало интересовала реакция собеседника. Он кивнул сержанту, тот достал бутылку виски.

— Выпейте, Рамони, — предложил американец.

Рамони пробормотал какое-то проклятие, но выхода из создавшейся ситуации не было. Досье о его связях с мафией и причастности к заговору против республики находилось в их руках. Рамони залпом выпил виски, за- курил сигарету.

— Мы с ним договоримся, — подмигнул американец сержанту. — Не будем задерживать. Используйте воз- можности своей невесты, — заторопился с инструктажем американец, — подберите в Новочерноморске проворного парня, которого можно было бы купить для сбора нужной нам информации. Нас интересуют военные корабли Со- ветов на Черном море. Вы разбираетесь в оборудовании и вооружении. Фиксируйте время и координаты, типы и номера. В портах Восточного блока нас интересует харак- тер грузовых операций, грузы на причалах, особенно военные. Не проходите мимо военных сооружений, ан- тенн, помещений... Погуляйте с невестой в окрестностях Новочерноморска, у полигона, по дороге в загородный ресторан. Хорошо заплатим и за документы: паспорта, трудовые книжки, удостоверения.

— Достаточно на первый раз, — сказал Рамони, под- нимаясь с кресла.

Американец и сержант предложили еще выпить, но он отказался.

— Вернетесь из рейса, позвоните мне,— сказал сержант, написав на бумажке номер телефона.

«Бейсуг» снова пришел в порт Монполи, куда так стремился Чукрин. Радист ходил за старшим помощником капитана, назойливо упрашивая отпустить его в город. Старпом объяснил, что в порту участились случаи провокаций и ограблений, поэтому капитан к вечеру запретил увольнения на берег.

Утром радист снова явился к старпому проситься в город.

— Пристраивайся к механику и матросу Перебейносу и отправляйся.

Чукрин взял свой увесистый «дипломат», подошли спутники, и они втроем спустились по трапу на причал.

На знакомой узкой улочке Чукрин приотстал от своих товарищей. Когда они скрылись из виду, он поспешил в магазин Яши. В магазине, как всегда, никого не было.

— Ау,— крикнул Валера, вызывая хозяина к прилавку.

— А, прощающая душа,— приветствовал его Яша.— Какая погода в Одессе?

— За Одессу не скажу, а в Новочерноморске дует норд-ост:

— Я тебе дам пластинку с модной песенкой:

О Шамр-Аш-Шейх!
Мы снова вернулись к тебе.
Ты — в наших сердцах...

Голос с «исторической родины». Передашь знакомому в Одессу.

Между тем Чукрин выложил на прилавок сотенные купюры — тысячу рублей. Яша пересчитал деньги и похвалил его за надежность.

Я тебя когда подводил? — спросил польщенный Валерий.

В ответ Яша обвел широким жестом полки.

Выбирай... Как говорят в Одессе — что для твоей души угодно.

Чукрин достал из кармана список, начал читать вслух, дошел до кассеты с записью фильма, о котором просил Эдик.

Яша обещал достать, заметив, что это будет стоить кругленькую сумму в рублях.

— Я когда-нибудь подводил? — повторил Чукрин и поднял над прилавком «дипломат».

— Золотые слитки с Колымы? — кивнул Яша на «дипломат». Чукрин раскрыл его и достал баночку икры.

— Получи презент. Остальные сорок — уступаю по пяти долларов за штуку.

Под прилавком шла запись на магнитную ленту, бесшумно работала кинокамера.

— Я специализируюсь на рублях. Да и если перемножить сорок на пять, то получится сумма, которой я не имею, — сказал Яша.

Он подмигнул Валере, вышел через зеркальную дверь в комнату и оттуда кому-то позвонил, сказав, что есть товар по сходной цене. Просил не задерживаться.

Яша вернулся за прилавком с довольной улыбкой.

— Считаю, тебе повезло, нашел покупателя.

— А кто он?

— Какое это имеет значение? Американцы, немцы или китайцы. Деньги на бочку и адью. Пойдешь в универмаг и отоваришься.

...В магазин зашли двое: мужчина и женщина. Яша велел Чукрину обождать, а сам скрылся с пришедшими за зеркальной дверью. Сценарий сделки был разработан до малейших подробностей, и не последнюю роль в нем играл владелец магазина. Вскоре они вышли и пригласили Чукрина в машину.

Мужчина сел за руль, женщина оказалась переводчицей.

— Фишман сказал, что вы продаете икру, — обратилась она к Чукрину.

— Сорок банок по пять долларов, — предложил Чукрин.

Женщина перевела. Мужчина остановил машину у универмага, отсчитал из бумажника двести долларов. Переводчица подставила хозяйственную сумку, куда Чукрин переложил баночки.

— Советуем вам зайти в этот магазин, — сказала она. — Здесь вы можете купить на доллары все, что хотите.

Чукрин вылез из машины и направился в роскошный многоэтажный универмаг, не замечая, что его на остановке взяли под наблюдение дюжие молодчики.

Он ходил от прилавка к прилавку. Покупателей было

мало, продавцы предупредительно спрашивали, что он желает.

Чукрин остановился в отделе, где продавались бритвы. Ему тут же показали электрическую бритву «Браун».

Один из агентов стоял рядом с радистом, а другой предупредил кассиршу, что подойдет русский и будет платить фальшивыми долларами.

Кассирша пробила чек, а потом позвала одного из служащих универмага, и они стали рассматривать доллары. Чукрин не понимал их разговор, но до него дошло, что его в чем-то заподозрили.

Служащий взял его под руку, провел в комнату и позвонил в полицию. Представители полиции не заставили себя долго ждать. Они обыскали Чукина, изъяли доллары, паспорт, записную книжку и увезли его с собою.

Допрос вел мужчина средних лет в штатском. Он подробно интересовался работой, местом жительства, семьей, образованием, партийностью и многими другими вопросами, а потом уже перешел к фальшивым долларам. Чукрин возмущался, кричал:

— Провокация... Отпустите меня.

Он требовал пригласить советского консула или капитана танкера, а допрашивающий, пропуская мимо ушей крики Чукина, предлагал сказать, откуда у него фальшивые доллары.

— Не в ваших интересах требовать присутствия советских представителей, — сказал переводчик. — Узнает консул или капитан, и по возвращении домой вас бросят за решетку.

В запасе у Чукина оставалась последняя надежда — Яша. Он попросил разрешения позвонить ему.

Представитель спецслужб, имя которого переводчик не назвал, не возражал против звонка Фишману. Переводчик набрал номер телефона из изъятой записной книжки и передал Валерию трубку.

— Яша, это я, Валерий, — проговорил Чукрин. — Ты не мог бы приехать в полицию? И сообщи в консульство или...

Переводчик вырвал из рук трубку и передал сотруднику спецслужб. Тот предложил Фишману прибыть в полицию и никуда ничего не сообщать.

...Все увольнявшиеся на берег, кроме Чукина, вернулись из города и доложили старпому о своем возвращении.

Капитан «Бейсуга» послал старпома поставить в известность советского консула о невозвращении Чукрина, наказав ему без радиста не возвращаться.

Вместе со старпомом вызвался пойти в город на розыск Чукрина и Григорий Павлович.

Они зашли в магазин к Фишману. Старпом настойчиво постучал по прилавку, и Яша появился.

— Где Чукрин? — строго спросил старпом лавочника.

Яша сделал вид, что никакого Чукрина не знает. Мало ли к нему заходит людей, фамилии он не спрашивает.

Где Чукрин? Он заходил к вам. Есть свидетели, — наступал старпом.

— Я же говорю, был, — сказал дрожавший Яша. — И ушел.

Яша грозил позвонить в полицию.

— Мы сами заявим в полицию, — вмешался врач, — что пропал советский моряк, и потребуем расследования. Сегодня же репортеры всех газет разнесут на весь мир имя торговца, в лавочке которого исчезают люди.

Вы не сделаете этого. Погубите безвинного человека, — струхнул Яша. — Я вас не знаю, вы у меня не были, но я из Одессы, поэтому говорю: Валерий в полиции. Не спрашивайте больше.

Старпом и врач рассказали консулу о беседе с Фишманом. Наконец, после проволочек местных властей комиссар полиции сообщил, что советский моряк Чукрин был подобран в невменяемом состоянии в одном из ресторанов в компании проституток и что полиция не возражает передать его консульству.

Весь помятый, обросший, с синяками под глазами Чукрин действительно выглядел как после сильной попойки. В таком состоянии его доставили на борт танкера.

Когда танкер вышел в открытое море и взял курс к родным берегам, опомнившийся Чукрин ужаснулся, вспомнив, что с ним произошло.

— Урок на всю жизнь, — потупив глаза, сказал он капитану, ожидая наказания. — Провокация чистой воды.

— Иди, работай, потом разберемся, — отпустил его капитан.

Вернувшись в радиорубку, Чукрин не мог успокоить-

ся. Он перебирал в памяти допрос и пребывание в полиции, страшась, что все станет известно экипажу и дома.

Если первый допрашивавший добивался, не привез ли он фальшивые доллары из Новочерноморска и грозил ему тюрьмой, то сменившие его ночью двое других расспрашивали главным образом о работе радиста, содержании телеграмм, системе кодированной связи, о доступе к таблицам, порядке приема и передач телеграмм, интересовались, выходил ли он в эфир во время стоянки танкера в иностранных портах.

Ответы не устраивали допрашивающих, поэтому пригласили в полицию Фишмана, который для протокола официально опознал Чукрина и рассказал о покупках, провозе икры и советских денег

Потом было разрешено свидание Чукрина с Яшей наедине.

Ну и удружил ты мне,— упрекнул его Чукрин.

Успокойся. Откуда я знал, что они тебе подsunут зеленые туалетные бумажки.

Чукрин слезно просил Яшу что-нибудь придумать, вызволить его из полиции.

Как говорят у нас в Одессе — рука руку моет,— намекнул Яша на то, что надо чем-то заслужить освобождение из полиции. Весь этот разговор был записан на магнитофонную пленку.

Подписать протокол — означало согласиться со всем, что в нем написано. А что в нем написано, знали только те, кто его писал.

Чукрин и после встречи с Яшей отказался подписать протокол. С ним не церемонились. Профессиональный удар в живот свалил его на пол. Ему тут же сделали какой-то укол. Что было дальше, о чем он говорил, что подписывал, не помнил. Очнулся на стуле, увидел те же лица, протокол им был подписан, предупредили, что если он будет продолжать кипятиться, то обо всем станет известно капитану танкера и КГБ.

Чукриным овладело полное безразличие ко всему происходящему. Он словно отрешился от реального мира: голова была тяжелая и пустая, а мышцы настолько расслаблены, что руки и ноги стали как ватные. Его инструктировали, давали какие-то поручения, говорили, что с ним встретятся в любом порту, а если спишут с судна, то найдут его дома.

Потом Чукрина увели в камеру, дали выпить стакан виски на голодный желудок.

Обо всем этом он не решился рассказать капитану.

Рамони разыскал Нину в интерклубе и предложил поехать на такси в загородный ресторан «На семи ветрах». Сказал, что хотел бы отдохнуть от шума городского в тихом красивом месте.

— Я буду молчать. Ты сама договорись с таксистом.

Нину это удивило — зачем Марчелло скрывать, что он иностранец?

Такси выскочило из города и, лавируя в потоке автомашин, понеслось по широкому шоссе. Рамони смотрел по сторонам, что-то искал, но ничего интересного не находил. На коленях у него лежал раскрытый фотоаппарат. Он не прятал его от шофера, держал наготове, присматривал хороший объект для съемки. Вскоре впереди показался полосатый шлагбаум у полигона, а около него под грибком солдат с автоматом.

Марчелло поцеловал Нину и шепнул ей на ухо:

— Останови, я хочу выйти.

Как тихо ни шептал Марчелло, шофер все же уловил чужой говор.

Нина попросила шофера остановить машину.

Иностранец, что ли? — спросил он Нину.

— Мужик, — ответила она грубовато, пытаюсь замять разговор.

Шофер обошел машину, ткнул ногой каждый скат, потом открыл капот, склонился над пышущим жаром мотором, а сам все косился на кусты, куда ушел иностранец.

— Не все ли равно таксисту, кого возить? Крути ба-ранку, получай монету, — пошутила Нина.

— Значит, по-твоему, наше дело кучерское: ткнут в спину — поехал, еще раз ткнут, стой — глуши мотор. Лишь бы на лапу клали.

Марчелло отошел подальше от машины и из кустов сфотографировал шлагбаум и часового, охранявшего въезд на полигон.

Как только он вернулся к машине, шофер, доставая сигарету, сказал:

— Спички не найдется?

Рамони не понял, повернулся к Нине, которая, густо покраснев, попросила зажигалку и сама передала шоферу.

Вернувшись в город, шофер позвонил дежурному по управлению КГБ, рассказал о парочке, которую вез в загородный ресторан, об остановке у полигона и своих подозрениях.

Полковник Шахтанин распорядился направить в ресторан лейтенанта Бурова, чтобы тот своими глазами посмотрел на парочку, о которой сообщал таксист.

Шептались не по-нашему, — рассказывала лейтенанту официантка, — но она — русская. Рыжая, в джинсах. Я ее уже видела у нас с иностранными моряками. Помоему, она работает переводчицей.

Полковник Шахтанин попросился на прием к генералу на следующий день с утра.

Чем порадуете, Николай Васильевич? — просматривая свежие газеты, спросил генерал.

— Особенно нечем, Алексей Иванович.

— Значит, все-таки что-то есть, — отложив в сторону газету, сказал генерал. — Выкладывайте.

— Вчера вечером, около 20 часов, милиционер транспортного отделения заметил недалеко от порта двух неизвестных за забором у жилого дома по улице Светлой. Они тоже заметили милиционера. Побежали. Когда милиционер стал их догонять, один из них бросил пояс. Видимо, опытный контрабандист. Пока милиционер подобрал пояс, человек скрылся. В этом поясе оказалось пятьдесят штук часов западного производства.

— Что можно предположить? — спросил генерал.

Видимо, контрабандная сделка с иностранцем.

— Хорошие часы?

Штамповка. Но внешнее оформление под дорогостоящие швейцарские и очень модные. Приметы бросившего пояс совпадают с Удавом. Это кличка фарцовщика. Он нам известен.

— Кто он?

— Бармен Вартанов Эдуард из ресторана «Бригантина». Отчислен с третьего курса института иностранных языков за неуспеваемость. Занимался мелкой фарцовкой, учиться было некогда. Гастролировал по побережью. Два года назад приехал в Новочерноморск к своей тетке Розе Наумовне Цейтлиной, заведующей блинной.

— А иностранец кто?

— Пока не установлен. Кое-какие приметы есть.

Надо поискать среди тех, кто находился в городе в это время.

Николаю Васильевичу и его подчиненным предстояла

нелегкая работа. Удава мог опознать милиционер, а вот найти иностранца среди моряков, которых было немало в порту, нелегко.

— Что еще? — спросил генерал.

Поступило заявление от шофера такси о том, что иностранец фотографировал въезд на полигон.

— Установили?

Штурман с теплохода «Амалия» — Марчелло Рамони.

— Может, тот самый, который убежал?

— Проверим.

Нина возвратилась домой встревоженная, до конца еще не осознав, что произошло в ресторане. Она ждала, пока мать или отчим спросят — что случилось? А они не отрывались от телевизора.

— Что вы смотрите эту муть? — бросила она им со злостью.

Отчим, Андрей Александрович, инженер судоремонтного завода, человек сдержанный, знавший Нину уже пять-шесть лет, ничего подобного от нее не слышал.

Пока он раздумывал, как ей сделать замечание в присутствии матери, которая пропустила мимо ушей мнение дочери о передаче, Нина объявила:

— Я выхожу замуж.

Мать встала, подошла к ней, поцеловала, а потом уже спросила:

— За Марчелло?

А за кого же еще?

Пусть поедет посмотрит мир, — сказала Евгения Михайловна.

— Она едет не в туристическую поездку; а замуж выходит, — возразил Андрей Александрович. Его раздражало то, что говорила жена, и он с трудом сдерживал себя, стараясь не испортить настроение ей и Нине.

— Мы еще поедem с тобою в гости в Италию, — сказала Евгения Михайловна.

— Если поедешь, то без меня.

Эти слова не на шутку насторожили Евгению Михайловну. Муж явно не одобрял этот брак. Нина со слезами на глазах убежала в другую комнату и захлопнула дверь.

Я — отчим и, может, не имею права вмешиваться в жизнь Нины. Считайте, что это мое частное мнение. Как это просто все у вас получается — выйти замуж за иностранца, которого мы и видели всего-то два-три раза мельком, уехать с ним не в соседнюю станицу, а черт

знает куда... Будь я родным отцом, я бы ни за что не позволил!

Евгения Михайловна долго молчала. Доводы мужа заставили ее призадуматься.

Не она первая и не она последняя выходит замуж за иностранца. Браки с иностранцами разрешены официально.

Да не об этом же речь,— недовольно прервал ее Андрей Александрович.— Ничего ты не поняла. Она не приспособлена к жизни в стране с совершенно другим укладом.

Андрей Александрович почувствовал, что аргументы его легковесны, а другие не шли на ум. Просто он чувствовал, что делать этого не следует

— Николай Васильевич, разобрались, кто этот Рамони?

Шахтанин покопался в своей папке, нашел какие-то записи и прочел вслух:

Бывший офицер ВМС Италии, отпрыск старинного княжеского рода. Служил штурманом, но с военной службой пришлось расстаться. Флот покинул в спешном порядке после раскрытия одного из заговоров против республики. Его отец, член масонской ложи, бежал за границу и там умер, а может, его ликвидировала мафия. Марчелло отводилась черновая работа в подготовке заговора. Очевидно, ему вовремя подсказали, и он уехал за границу на «лечение», пока не утих очередной политический скандал. Его жена, Мария, журналистка, неожиданно исчезла. Труп ее нашли в собственной автомашине. Видимо, она кое-что знала от Марчелло и переусердствовала в своих репортажах. У Рамони оставалась двенадцатилетняя дочь в Италии, и он вынужден был вернуться домой, но уже не на службу в ВМС, а пошел на торговое судно.

Прошлое Рамони стало известно экипажу, но капитану было приказано владельцем судна взять его штурманом.

Рамони не забывал, что его поддерживают масоны, которым он обязан тем, что не угодил в тюрьму после раскрытия заговора, и вместе с тем понимал, что рано или поздно спасители потребуют от него плату. Спустя год после газетной шумихи по поводу заговора, во время захода судна в порт на Сицилии, на борт поднялись двое

неизвестных, осведомленных во всех его «грехах». Они подробно расспросили Рамони о рейсах в порты России и ушли, заявив, что в случае надобности его найдут.

Полковник Шахтанин имел информацию о контрабандных сделках Рамони в Новочерноморске и его связях с барменом Вартановым.

Полковник полагал, что иностранец попытается, если уже не пытался, прибрать бармена к рукам.

— А он теперь еще и наш жених, — сказал в заключение Николай Васильевич. — Ухаживает не только за барменом, но и за переводчицей из интерклуба — Ниной Шаталовой.

— Выходит, во всей Италии невесту себе не нашел?

— По-моему, жених себе на уме, — усмехнулся полковник.

...Вскоре после свадебного путешествия в Италию, Нина пришла на борту той же «Амалии» вместе с мужем в Новочерноморск.

Встретили ее без оркестра. Родители, конечно, обрадовались, а больше никому до нее не было дела.

Она забрела в бар к Эдику. Как обычно, уселась у стойки и в ожидании, пока бармен подойдет к ней, закурила.

— Что призадумалась, синьора Рамони? — наливая ей коньяку, спросил Вартанов.

Нина выпила залпом, откусила конфету и, закуривая, попросила еще. На этот раз она не торопилась, греда рюмку в руке.

— Ну как там? — поинтересовался бармен.

— Римского папу не видела, а Муссолини давно уже сгнил.

— Что ты такая?

— Какая? — Нина повертелась перед ним.

— Экстра-класс, — польстил ей бармен. — А где же твой? — поинтересовался Эдик.

Нина пьянела, и язык у нее развязался.

— А что ты хочешь от Марчелло? — добивалась Нина.

— Мужской разговор, синьора. Мужской...

...На следующий день в ресторан «Бригантина» Нина пришла вместе с Марчелло. Их встретил Эдик, заказавший богатый стол. Их не надо было знакомить. Они

понимающе переглянулись, пожали друг другу руки, но сделали вид, будто видятся впервые. За столом некоторое время шел разговор о макаронах, современных ритмах, водке, джинсах, к которым испытывал пристрастие не только бармен, но и Марчелло.

Они быстро с помощью Нины договорились о крупной сделке: Марчелло привозит двести-триста джинсов, которые Эдик купит у него.

Генерал и полковник еще раз проехали по маршруту передвижения помощников военных атташе, проработали различные версии, связанные с фотографированием улицы, на которой ничего примечательного не было. С житейских позиций все выглядело просто: увидели на улице дома своеобразной архитектуры, утопающие в зелени, и решили запечатлеть на пленку. Но контрразведчики понимали, что это не ответ.

— Строители и топографы привязывают на местности не только реки, горы, дороги и населенные пункты, отдельные строения и даже деревья. А потом все это переносят на карту, определяя предельно точно их координаты, — сказал генерал. — Как бы не пришлось, Николай Васильевич, нам перебирать всех жителей этой улицы.

Николай Васильевич назвал несколько лиц, занимавшихся контрабандой, липнувших к иностранным морякам, однако все они были не с той улицы.

На улице проживают моряки, но они, за исключением, пожалуй, одного разгильдяя, люди порядочные и не вызывают никаких сомнений.

— Но один есть?

— Капитан хочет списать его.

Вот и присмотритесь к нему повнимательнее, — сказал генерал.

Вместо Нины в интерклубе временно работала студентка Оксана Шепелюк, проходившая языковую практику в своем родном городе. Она привела в бар «Бригантины» группу иностранных моряков.

— Умничка, — похвалил ее бармен. — Кое-что переняла у своей предшественницы. Объяви им, что есть замечательный кубанский коньяк «Большой приз».

Оксана не стала рекламировать коньяк, зная, что моряки лучше ее разбираются в напитках.

Переходи на работу в «Бригантину» метрдотелем, пока есть вакантное место. Требуется толмач. Могу рекомендовать.

После окончания института, может быть, а сейчас мне нужна справка о прохождении практики.

— Подумаешь, проблема общего рынка... Моя тетя — Роза Наумовна, начальница, корчмы — маг! С неба звезды снимает, а справку...

Оксана сказала ему, что приехала не за бумажкой, а на языковую практику и потом батя не позволит ей работать в ресторане.

— Он что у тебя — из вечно вчерашних?

— Он у меня бригадир докеров! — с гордостью сказала Оксана.

— Значит, ты наследница того самого Шепелюка. Приятная неожиданность,— паясничал Эдик. Он услышал имя человека, который мог ему пригодиться, и решил поволочиться за Оксаной, чтобы через нее проложить дорогу в бригаду Шепелюка.

— Все делается до распределения,— поучал ее Эдик. — Два-три года надо отработать, а доходное место ждать не будет.

— Это меня не страшит. Найду работу. Мечта родителей, чтобы я стала учительницей.

— Экзотично. Боишься разочаровать грозного предка?

Оксана покачала головой. Отец ее любил по-настоящему. Никогда не заставлял сидеть за учебниками, не ругал за отметки, ничего ей не запрещал, она сама знала, что можно и что нельзя.

Тебе сколько осталось практиковаться? — спросил Эдик.

Еще месяц.

Хочешь, я устрою тебя в блинную? Подзаработаешь на все оставшиеся семестры.

Какие же заработки в блинной?

— Эх ты, зеленая петрушка... Извини... Элементарно. Блинная от «Бригантины». Заведи туда своих подопечных, пусть попробуют русских блинов. Задача для ученика третьего класса. Дают, скажем, мешок муки на блины. Сколько блинов можно испечь?

Оксана пожала плечами.

Ни одна счетно-вычислительная машина не подсчитает. Предположим, по норме — пятьсот... А можно и тысячу. Какому дикарю придет в голову взвешивать блин? Никто ведь не разберет и не понесет в лабораторию

определять, сколько граммов масла полили на блины. Элементарно...

Он рассчитывал увлечь ее деловым предложением, но из этого ничего не получилось.

Оксана поблагодарила за кофе, положила мелочь на прилавок и ушла.

Выслушав подробный доклад полковника о том, как Рамони фотографировал видневшуюся на полигоне «ракету», генерал пытался связать воедино поступившую в последнее время информацию об этом иностранном моряке и других событиях, между которыми, очевидно, существовала какая-то связь. Сопоставляя по времени приезд в Новочерноморск помощников военных атташе и появление у полигона Рамони, можно было предположить, что он выполнял задание по доразведке полигона. На нем стоял макет ракеты, искусно сработанный солдатами-умельцами. Из-за кустов торчала только ее макушка, но и она, видимо, была замечена помощниками военных атташе.

Алексей Иванович, как вы знаете, тряпочный пояс с часами бросил бармен Вартанов из «Бригантины», а его сообщником, как теперь выяснилось, был Рамони, — сказал Шахтанин. — Приметы совпадают.

Он что же, занимается и контрабандой?

Мелкой, Алексей Иванович. Торгует джинсами. Но и она не доказана.

Доказывать надо то и другое. Не совсем только вяжется одно с другим. Зачем агенту спецслужб заниматься контрабандой?

— Может, мало платят.

— Может быть, может быть, — повторял генерал, прохаживаясь по кабинету.

Не мешает основательно посмотреть за Рамони, Чукриным и Вартановым. Если сидит у нас агент, он может проявить себя во время флотских учений, попытается собрать информацию, сообщить в свой центр о появлении советских военных кораблей. Нам остается предусмотреть все без исключения. Это может вывести на след. Даже если сразу мы не обнаружим агента, то наверняка кого-то из них вычеркнем из списка. Работы поубавится.

Поручаю вам, Николай Васильевич, разработать все в деталях. Если что-то не ясно или в чем сомневаетесь, говорите сейчас, обсудим.

— Полагаю необходимым, Алексей Иванович, вести дело к захвату с поличным у полигона контрабандиста, но предварительно зафиксировать действия Рамони на борту «Амалии» во время учений. Пентагону и ЦРУ везде мерещатся наши ракеты. Попросим военных соорудить еще один макет. Проверим реакцию помощников. Может, еще кто-нибудь полезет к полигону.

— Согласен. Разработайте операцию так, чтобы все выглядело предельно убедительно. Не переборщите с ракетами. Не забудьте предусмотреть плотный контроль эфира. Когда все будет готово, обсудим план действий с непосредственными исполнителями.

Оксана уселась за кухонный стол. Петр Филиппович уже позавтракал и ушел на работу.

— Мама, можно к нам зайдет мой знакомый?

Без согласия родителей она не смела пригласить домой Эдика, а он все настойчивее просил Оксану познакомиться его с отцом.

А что он за человек? — спросила мать.

Его зовут Эдик, он работает барменом в ресторане «Бригантина».

— Кем работает? — переспросила мать.

Барменом.

— Надо отцу сказать. По-моему, пусть приходит. От судьбы никуда не уйти.

— Что ты, мама? Какая там судьба. Просто хочет с вами познакомиться.

Оксана поцеловала мать, взглянула на себя в зеркало и поспешила на работу.

Петр Филиппович вернулся домой усталый, молчаливый. Как обычно, вымыл руки, подтянул гирю ходиков и уселся за стол. Варвара Федосеевна собирала ужин.

— Как там у Оксаны идут дела? — осведомился он. Жених хочет зайти.

Чей жених?

Не мой же, Оксаны.

— Кто он такой? Что-то она ничего не говорила раньше.

— Бармен.

— Терпеть не могу всяких барменов. Значит, лентяй, а может, и разгильдяй. Пусть приходит, я на него погляжу.

Эдик вырядился по последней моде — узкие джинсы были подвернуты, рубашка с короткими рукавами расписана вдоль и поперек газетными полосами на английском языке, на шее золотая цепочка с каким-то африканским амулетом. На плече иностранная сумка с бутылкой коньяка.

В таком виде он и предстал перед Шепелюком.

Петр Филиппович был одет по-домашнему — в клетчатой рубашке нараспашку. Эдик прошел по комнате, рассматривая висевшие фотографии. На одной из них узнал молодого сержанта, хозяина дома с орденом Славы и медалью «За отвагу».

— Воевали? — спросил Эдик.

Пришлось.

— А сами откуда будете?

Белгородские мы.

В той провинции не бывал, — небрежно проронил Эдик.

Петр Филиппович тут же хотел ему высказать свое мнение в отношении провинции, но сдержался, хотя момент был подходящий: Варвара Федосеевна и Оксана ушли на кухню готовить чай.

— Не надоело быть барменом?

Эдик фыркнул, передернул тоненькими черными усиками.

— Петр Филиппович, а можно у вас подработать? — спросил он.

Как это подработать? Летунов не держим.

— По-моему, одному в бригаде вы делаете скидку.

Новичок Толик, приятель Эдика, временно устроился в бригаду грузчиков Шепелюка. Их вместе отчислили с третьего курса института. Эдик с помощью тетки пристроился барменом, а Толик долго болтался по городу без дела, занимаясь мелкой фарцовкой, потом кончил курсы краповщиков.

В армии служил? — усаживаясь за стол, спросил Петр Филиппович.

— Нет, с детства я не отличался здоровьем...

— Понятно, — не дослушав, сказал Шепелюк.

Эдик достал из сумки бутылку «Наполеона», которым хотел удивить хозяина. От чая отказался, попросил чашечку черного кофе и разрешения закурить.

Умудренный опытом Шепелюк почувствовал, что Эдику что-то нужно от него.

— Зачем тебе подрабатывать? Место у тебя непло-

хое. Презенты получаешь. Чего еще? Сыт, пьян и нос в табаке.

— Если откровенно, собираю монету на машину. Это не роскошь, а средство передвижения.

Он открыл бутылку, протер с профессиональной ловкостью салфеткой горлышко, попросил рюмки.

— Петр Филиппович, возьмите меня на поденную работу, — добивался Эдик.

Он хотел налить коньяку хозяину, но тот накрыл рюмку ладонью, сказав, что предпочитает «Столичную».

Поденщиков не принимаем, — резко ответил он.

Тогда приду помогать Толику безвозмездно, на благо отечества. Можно?

— Приходи.

Эдик оживился. Рассказал случай, как подзаработали в порту какие-то грузчики, получив от иностранцев по несколько пар джинсов.

Оксана увидела, как помрачнело лицо отца, и поторопилась выйти с чашками на кухню.

Шепелюк понял намерение «женниха».

Что с тобой делать? Позвони через недельку.

Вечером, когда рабочий день уже закончился, в кабинете генерала раздался телефонный звонок. Алексей Иванович снял трубку

Товарищ генерал, докладывает дежурный, майор Евдокимов. К вам пришел заявитель, товарищ Шепелюк Петр Филиппович.

— По какому вопросу?

Говорит, что хочет лично вам изложить...

Проводите ко мне.

— Есть.

Алексей Иванович усадил Шепелюка в кресло у письменного стола и спросил:

Как там портовики справляются с планом?

Наша бригада идет с превышением плана, а вот за весь порт затрудняюсь сказать. Хозяйство большое. Вагонов часто не хватает, краны простаивают.

Я вас слушаю, Петр Филиппович.

Не знаю, с чего и начать. В общем, так — на прошлой неделе ко мне домой напросился знакомый моей дочери Оксаны — Эдик, по фамилии Вартанов. Молодой парень, высокий, с усиками, одним словом — шеголь. Работает барменом в ресторане. Ну подумали мы с моей Вар-

варой Федосеевной, зачем же он пришел. Стал я прислушиваться, куда гнет парень. Просился в бригаду ко мне, но оформляться на работу, как положено, не собирается. В бригаде работает его дружок Толя Красноштан. Из разговора с барменом я понял, что замышляют они какую-то операцию с джинсами или еще что-то. Я должен закрыть глаза на все, что они будут вытворять. Этого сделать я не могу, вот и пришел к вам.

— Петр Филиппович, а какие вы грузы обрабатываете?

— Грузим на иностранные суда пиломатериалы в лесном порту. Выгружаем что придется.

А что собою представляют пиломатериалы?

Доски, брусья, сложенные в большие пакеты. Кран подцепляет и прямо в трюм.

— Ну а если в обратном порядке — груз с борта на берег?

— Можно и так.

— Значит, можно и контрабанду в пакете сюда-туда переправлять?

— Мои хлопцы этим не занимаются, — твердо сказал Шепелюк.

— Я пытаюсь понять, что может сделать крановщик и Варганов, поскольку он просил вас закрыть глаза. На что закрывать глаза?

Петр Филиппович понял генерала и согласился с ним — вполне возможно использовать груз для перемещения контрабанды.

— Скажите, Петр Филиппович, бывают случаи, когда, скажем, подняли на борт пакет досок, а он чем-то не понравился приемщику? Как с ним дальше поступают?

— Это редко бывает.

— Но бывает?

— Бывает. Значит, попался брак. Пакет с борта на берег Крановщик это мигом сделает, но по команде.

Генерал пригласил Николая Васильевича и познакомил его с бригадиром, пересказал вкратце существо заявления.

— Петр Филиппович, спасибо вам, что пришли и рассказали. Мы займемся этим делом. Кстати, у вас есть на примете иностранное судно и моряки, которые могут привезти крупную контрабанду?

Петр Филиппович не колебался:

— «Амалия» под панамским флагом. На нем есть торгаши. Есть и другие, но на «Амалии» точно.

Судового врача Григория Павловича Аринина пригласили на беседу после того, как «Бейсуг» возвратился из рейса и в пароходстве стало известно о происшествии с радистом Чукриным.

Генерал и полковник внимательно слушали его неторопливый рассказ о Чукрине и Яше. Беседа затянулась. Потом контрразведчики проанализировали действия радиста, сопоставили с имевшейся у них информацией о провокации, о поведении Чукрина дома и за границей, его связях с местными фарцовщиками. Они уже знали, что Чукрин перед рейсом встречался с барменом Вартановым, а после рейса между ними разыгрался скандал, который грозил перерасти в драку, причем Вартанов требовал выплатить ему какую-то неустойку.

Григорий Павлович, как, по-вашему, Чукрин способен на предательство? — спросил генерал.

Аринин после небольшой паузы заявил, что радист только пыжится, но он трус и склонен разве только к мелкой фарцовке.

— Полиция не смогла скрыть задержание Чукрина, — сказал Николай Васильевич, — а это большой прокол в задуманной провокации.

— Итак, что же нам остается? — рассуждал Алексей Иванович.

— Думаю, что Чукрин вам все расскажет, — сказал Аринин, — и ситуация прояснится. Он относится к тому типу людей, которые сначала сделают, а потом думают и ужасаются, что они натворили.

— Посоветуйте ему, Григорий Павлович, зайти к нам и обо всем чистосердечно рассказать.

— Хорошо.

— Это — первое. Второе — в рейс он не идет. К удовольствию капитана списался сам. Не исключено, что Фишман или кто-нибудь другой будут наводить о нем справки. Что случилось, почему остался дома? Если до этого дойдет, скажите — заболел. Выздоровеет — придет. Можете даже привет от него передать.

Прощаясь, генерал поблагодарил Аринина и попросил позвонить, если к нему наведается Чукрин.

— Так что у нас там есть о Фишмане? — спросил генерал Николая Васильевича после ухода Аринина.

— Фишман Яков Абрамович, — докладывал полковник, — до эмиграции из СССР в 1975 году в Израиль занимался фотографией на одесском рынке.

Подрабатывал еще в оркестре на похоронах, играя на

трубе, случалось, заменял и барабанщика. Оркестр состоял из четырех человек. Двоих удалось разыскать и побеседовать. Главным занятием Фишмана была спекуляция дефицитными товарами, которые он доставал на базах.

В 1971 году судим по статье 154 УК РСФСР за спекуляцию. Возвратившись из заключения, нашел каких-то родственников в Израиле, они прислали ему вызов, и он уехал к ним. В Израиле долго не задержался, жил в Канаде и Штатах, но обосновался в Италии, открыл свою лавочку поблизости от порта.

Охотно вступает в контакт с советскими моряками, стараясь показать себя своим человеком, угодлив и назойлив. По-прежнему увлекается фотографией. Любит прихвастнуть своей материальной обеспеченностью, располагает деньгами.

Специализируется в основном на скупке советской валюты.

Давно установлено — все владельцы так называемых «русских» магазинов, которые в последние годы растут как грибы на Западе, не только скупают советскую валюту по курсу «черного рынка», но и пытаются выуживать у советских моряков, вроде Чукрина, различные сведения шпионского характера, занимаются изучением наших граждан, посещающих эти лавочки, организуют провокации и наводят разведки на клиентов, замешанных в спекулятивных сделках за рубежом.

— Николай Васильевич, а на какой улице живет Чукрин? — вспомнил генерал незаконченный разговор.

На той самой, Алексей Иванович.

— Ну вот, круг и замкнулся. Значит, не случайно они фотографировали улицу.

Его дом попал на фотографию. Такой невзрачный весь опутан виноградом, и окон не видать.

Так, им нужен не дом, а радист Чукрин. Значит они знают его адрес. Все это следует учитывать в дальнейшей работе.

Чукрин списался на берег, устроился работать в дом отдыха «Горный ручей». Ему хотелось затеряться, чтобы его никто не нашел.

Жене объяснял смену работы тем, что сердце пошаливает, надоело болтаться в море, жаль надолго расставаться с семьей и со стариками.

Она выслушала, но не поверила, а жалобы мужа на здоровье натолкнули Анну на мысль поговорить с судовым врачом.

Аринин не мог сказать Анне, почему ее муж списался с судна. Беседа с врачом не удовлетворила Анну, и она пошла к капитану. Тот сказал, что Чукрин подал заявление с просьбой о списании его на берег по причине ухудшения состояния здоровья и он удовлетворил его желание.

Домой она не шла, а бежала, но Чукрин еще не приходил с работы. Анна не стала готовить ужин. Сидела и хмуро ждала его возвращения.

— В забегаловке был? — спросила она, как только муж переступил порог кухни.

Что ты? На работе малость задержался.

За что тебя списали с судна?

Я уже говорил тебе.

— Не верю. Я была у капитана и врача.

Чукрин чертыхнулся, но рассказывать жене, что с ним произошло, он побоялся.

— Люди на суда просят, — причитала жена, — а тебя списали. Нашел себе работенку — крутить пластинки. Врач сказал, что у тебя все в порядке. Чего тебе дома сидеть? Сходи к нему, приглашал.

Она привыкла к тому, что муж надолго уходил в море. Для нее было непривычным его пребывание дома, это ее связывало по рукам и ногам. Совсем немного прошло с того дня, как он жил на берегу, но ее это ужасно раздражало.

Каждый раз, возвращаясь из рейса, Рамони шел в капитанерию, где его ожидали сержант и американец. Рамони знал, что небрежно развалившийся перед ним в кресле американец Фрэнк — кадровый сотрудник РУМО¹, ведомства, которому подчинены все военные атташе, рабтавшие за рубежом. У Рамони он вызывал раздражение не только своей бесцеремонностью и плохо скрываемым пренебрежением к итальянцам, но и тем, что беспрерывно жевал резинку.

Фрэнк оживился, когда услышал, что Рамони видел своими глазами и даже сфотографировал русские ракеты на полигоне недалеко от Новочерноморска. При этом он

---

¹ Разведывательное управление министерства обороны США.

утверждал, что не заметил за собою наблюдения русских, хотя вдоль шоссе патрулировали армейские наряды. Все сходилось с ранее поступившей информацией.

Как с военными кораблями русских на Черном море? — спросил Фрэнк, пропуская мимо ушей рассказ об опасностях, расписанных агентом.

Не видел. Шли ночью. Был туман. В Новочерноморске стояло под погрузкой много иностранных и русских танкеров. Я составил список, указал тоннаж, — протянул он лист.

— Мы оборудуем вам тайник на «Амалии».

Рамони опасался хранить свои записи и фотопленки на судне, поэтому против тайника не возражал.

Американец проявлял назойливый интерес к связям Рамони в Новочерноморске, тот назвал бармена как кандидата для обработки.

Фрэнка бармен не устраивал. Его интересовали прежде всего военные, которые могли бы добывать информацию о ракетах, военных кораблях, штабах, научных изысканиях русских.

— И дорого обойдется бармен? — спросил он.

Курс доллара от этого на биржах не упадет и на бюджете вашей службы не скажется.

Сколько? — допытывался Фрэнк.

Пятьсот джинсов, — заломил Рамони, почувствовав, что можно сорвать куш.

Фрэнк раздумывал недолго. Согласился.

— Имейте в виду, Рамони, — предупредил Фрэнк, — не в наших привычках расходовать деньги легкомысленно.

Заданий Рамони с каждым разом прибавлялось. Фрэнк считал, что возможностей у него стало больше после того, как он женился на русской. К тому же ему представлялось, что не так уж сложно в Новочерноморске навести справки о судьбе радиста «Бейсуга» — Чукрина, не пришедшего в иностранный порт.

Рамони обещал через Вартанова узнать, что с ним случилось.

Чукрина одолевала тревога. Он споткнулся, казалось бы, на ровном месте и только теперь всерьез задумался над тем, что произошло.

Вы бываете в каюте капитана? — вспомнил он вопрос допрашивавших его в полиции.

— Бываю...

— Значит, можете в его отсутствие посмотреть документы в сейфе.

— У меня нет ключа.

— А мы сделаем ключ с вашей помощью.

Радист доказывал, что это невозможно. Ему не верили.

— Давайте ваши шифры.

Чукрин лихорадочно соображал, что бы им сказать, чтобы они отпустили его.

Ему навязывали различные условия его освобождения, наконец он согласился встретиться на борту танкера с Яшей.

По замыслу тех, кто настаивал на этом варианте, Яша предложит морякам свои товары, и пока они их будут рассматривать и примерять, он зайдет к Чукрину в каюту и сфотографирует у него одну из телеграмм.

И вот теперь он не пошел в рейс, но все равно боялся и помнил, что ему пригрозили найти в любом иностранном порту и дома.

Поэтому Чукрин решил пойти к судовому врачу, намереваясь попросить его сказать Яше, что он заболел. Он надеялся, что доктор не станет допытываться, почему должен передать Фишману о болезни радиста.

— Вот что, Валерий,— сказал твердо и серьезно Аринин,— советую тебе пойти и обо всем рассказать чистосердечно.

— Куда? — испуганно спросил Чукрин.

— Сам знаешь, куда.

— Я ничего не сделал.

— Не жди, пока тебя вызовут. Сразу полегчает. Иди...

Вартанов ехал на «Жигулях», машине своей тетки, по тихой малолюдной улице в порт, к Толику.

Вдруг он увидел супружескую пару Чукриных, с полными сумками в руках, возвращавшихся с близлежащего рынка.

— Хэлло, мистер Чукрин, можно на минутку оторвать тебя от прекрасной леди?

— Что тебе? — опешил Валерий.

— А ты не знаешь?

Чукрин собирался расплатиться за икру, но в присутствии жены он не мог об этом говорить.

— Да заяви ты на этого хама в милицию,— вмешалась

Анна.— Если ты этого не сделаешь, сама пойду,— кричала она на всю улицу.

Заявлять в милицию обе стороны не собирались. Это понимали и Вартанов и Чукрин. Заявить — значит рассказать о совершенном преступлении. Этим тонкостей Анна не знала.

— Что молчишь? — набросилась Анна на Валерия.— Какие у тебя с ним дела?

— Не шуми,— попросил он ее.— Дома поговорим.

Дома он не мог успокоиться, ходил по комнате, курил, припоминал однажды услышанное разъяснение лектора о том, что человек, не совершивший преступления и заявивший о связи с иностранной разведкой, к уголовной ответственности не привлекается. Да и доктор советовал рассказать.

Я пойду, Аня,— сказал дрогнувшим голосом.— В милицию.— Не хотелось ему признаваться, что пойдет в КГБ.

— Поешь, потом пойдешь.

Не хочу. Прощай,— страдальчески сказал Валера.

— Почему прощай? Я пойду с тобой.

— Не надо. Я сам. Оставайся с дочкой.

Чукрин прочитал вывеску на здании управления и испугался. Не сразу решил он зайти и обратиться к дежурному. Прошел мимо. Со второго захода, тяжело вздохнув, переступил порог.

Вы к кому? — спросил прапорщик.

— Не знаю. К кому направите...

Направили его к полковнику Шахтанину.

Видя нерешительность Чукина, ходившего вокруг да около, Николай Васильевич раскрыл уголовный кодекс РСФСР, лежавший у него на столе, нашел нужную статью.

Я прочту вам пункт «б» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР: «Не подлежит уголовной ответственности гражданин СССР,— читал полковник,— завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой».

Чукрин начал рассказывать о посещении лавочки Яши, о том, как ему подсунули фальшивые доллары, доставили в полицию и пытались завербовать. Много не договаривал, стремился представить все как безобидные, необдуманые действия, в чем он глубоко теперь раскаивался.

Вы ведь не один раз вывозили за границу советские деньги? — спросил его Николай Васильевич.

Виноват, товарищ полковник. Было дело, по мелочи.

Вывозили контрабанду...

Так, по мелочи.

Тайник был?

Был.

Где?

В радиорубке.

Сколько выручили фальшивых долларов в последнем рейсе?

— Двести, — с трудом выговорил Чукрин.

Где брали икру?

У Удава, — проговорил Чукрин.

Кто такой?

Бармен Эдик Вартанов из ресторана «Бригантина».

Давайте так сделаем, — обратился Николай Васильевич к майору Евдокимову, присутствовавшему при этом разговоре, — оформим протоколом явку с повинной. Вам, Чукрин, советую обо всем рассказать как на духу. А теперь скажите, кто из экипажа «Бейсуга» знает Яшу?

— Доктор Григорий Павлович Аринин. Да не только он. Старпом. Яша должен прийти ко мне на борт в очередной рейс.

— В полиции спрашивали ваш домашний адрес?

Спрашивали.

— Где вы живете?

— Поморская, 24. В частном доме. Жене достался по наследству. Ее старики умерли, а мои тоже не жильцы.

— Ваш номер телефона записали в полиции?

— Не помню.

Через несколько часов, прочитав протокол явки с повинной, полковник распорядился отпустить Чукина домой.

Шепелюк из порта позвонил полковнику Шахтанину. Он сообщил, что к нему приехал знакомый, который просит показать участок работы, на котором предстоит ему трудиться.

Шепелюк просил полковника посоветовать, как ему поступить: больно уж не нравится ему гастролер.

— Петр Филиппович, какое судно обрабатывает бригада? — выслушав бригадира, спросил Шахтанин.

«Амалию».

Понятно, — помедлил Николай Васильевич. — Что грузите?

— Пиломатериалы.

К вам подъедет от меня товарищ Евдокимов, окажите ему помощь.

Я бы этого гастролера прогнал, но раз нужно, так нужно, — сказал Петр Филиппович и повесил трубку.

Оперативная группа, возглавляемая Евдокимовым, выехала в порт.

Бригадир сказал майору, что Вартанов уже побывал на кране у Толика, а теперь не отстает ни на шаг от стивидора. Сообразуясь с портовой обстановкой, Евдокимов расставил посты наблюдения. Первый пост Евдокимов поставил поблизости от машины Вартанова. Другие посты расположил так, чтобы в поле зрения находился Вартанов и борт «Амалии». Особо наказал не спускать глаз с пакетов пиломатериалов, которые мощные краны легко подхватывали и плавно опускали в трюмы судна.

Докладывая полковнику Шахтанину обстановку, майор выделил два момента: возможную встречу Вартанова с Рамони и благоприятные условия для перемещения контрабанды с судна на берег или с берега на судно, используя в этих целях пакеты пиломатериалов, в которых мог быть оборудован тайник.

Вартанов помогал грузчикам. Вдруг приемщики фирмы заявили стивидору, что в одном из погруженных пакетов пиломатериалов обнаружен брак — побитые и нестандартные доски, поэтому они просят снять его с судна.

Стивидор не стал спорить, дал знак Толику подцепить этот пакет и переместить на берег. Этого момента и ожидал Вартанов. Он показывал Толику, куда опустить пакет. Крановщик точно выполнил. Оставалось самое трудное — извлечь из тайника в пакете контрабандные джинсы, заложенные Рамони, и перенести их в «Жигули».

Необычную транспортировку пакета заметил майор Евдокимов и поспешил к бригадиру спросить: почему вернули пакет на берег? Шепелюк тяжело вздохнул, припоминая беседу у генерала, пояснил, что в практике такое бывает, когда попадается нестандартный лес. Майор

распорядился взять под наблюдение снятый с корабля пакет пиломатериалов.

— Не спускать глаз и с машины,— последовало указание Евдокимова,— усильте наблюдение за Рамони с соседних судов.

Майор связался по телефону с полковником Шахтаниным и попросил разрешение задержать Вартанова с личным, если в ходе наблюдения будет обнаружена в его руках контрабанда.

Пока майор докладывал, Вартанов, оглядываясь по сторонам и укрываясь в лабиринте узких проходов между грузами, пробрался с большим свертком к своей машине. Бросив его на заднее сидение, прикрыл бумажным мешком и поспешил за другим.

В это время пост наблюдения доложил, что Рамони с черным «дипломатом» направился к проходной порта.

Вартанов на автомашине тоже поехал в город.

На большой скорости он выскакивал на широкие улицы, заезжал в глухие переулки, пока не остановился за высокой кирпичной оградой, полагая, что в таком глухом месте его никто не увидит и не услышит. К этому месту примерно тем же маршрутом сначала на такси, а потом пешком добирался и Рамони.

— Как только сядут в «Жигули»,— последовало указание полковника оперативному наряду,— задержать их с личным. Пригласите понятых и составьте протокол.

Отдавая такое распоряжение, Николай Васильевич уже знал, что в пакете был оборудован тайник, в котором лежали джинсы. Всю контрабанду Вартанов, видимо, не смог сразу увезти, а может, оставил часть Толику.

Танкер «Бейсуг» снова пришвартовался в порту Монполи.

На следующий после швартовки день на причале появился Фишман и попросил у вахтенного пропустить его к врачу.

— Здравствуйте, доктор.

— Чем могу быть полезен? — помня напутствие полковника, спросил Аринин.

— Как говорят у нас в Одессе, захворал. Не откажите...

— Что с вами?

— Давит как каменюкой вот здесь,— приложил он руку к левой стороне груди.— Вот тут. Думаю, подожду советского доктора...

— Раздевайтесь до пояса.

Яша быстро разделся, словно боялся, что врач передумает и не станет с ним разговаривать. Аринин осматривал его, выстукивал и выслушивал с пристрастием.

— Что там у меня, доктор? — чуть ли не со стоном спросил Фишман.

— Ничего особенного. Возрастное. Советую пройти обследование в стационарных условиях.

— Дорого тут больница обходится.

— Не прибедняйтесь. Торговля у вас процветает...

— Уже и вы так думаете. Заходил ко мне один веселый хлопец с «Бейсуга», привозил вести из Одессы. В этот раз, наверное, не пришел.

— Кто же это? У нас все веселые.

— Дай бог память, имя вылетело из головы,— хитрил Фишман.— Валерий, кажется, зовут. Старость, склероз...

— Заболел,— с сожалением сказал Аринин.— Поправится — придет.

— Да, да,— охал Яша.— И у вас болеют. Привет ему. Может, вам чего надо достать?

— Спасибо. Ничего не надо.

Я должен заплатить за прием. Не стесняйтесь. Сколько?

— Вы же из Одессы и знаете, что у нас не берут денег за прием.

— Золотая у вас профессия, доктор,— сказал Яша, переходя к выполнению второй части данного ему задания.— А живете, посмотрю я на вас, бедновато. Не то что здесь.

— Я бы не сказал.

— Вот, вот... Все вы такие, советские. А здесь лопатой бы гребли доллары.

— Как это? — спросил Григорий Павлович, почувствовав, что Яша начал выполнять задание.

— Открыли бы частную практику. Сам себе хозяин. Вилла, лимузин, секретарша...

— Что вы говорите? Не знал о таких возможностях.

— Гарантирую,— оживился Яша.

— Гарантии могут быть от людей с солидным положением и полным кошельком, а вы не можете заплатить местному врачу за прием.

Разговор принимал оборот, который нужен был не только Фишману, забывшему о своих болезнях, но и Аринину.

— За такими людьми дело не станет,— сказал Фишман.

— Давайте начистоту,— прикрыл дверь врач.— Слушаю...

— Я все организую. Есть люди, которые переправят вас в Штаты. Поверьте уже старому человеку.

— Хотите на мякине провести. Кто вас послал? — подойдя поближе к Яше, строго спросил Аринин.

Фишман перепугался, он моргал глазами, ничего вразумительного сказать не мог и, наконец, взмолился отпустить его. Он стал предлагать разные вещи, которые принес с собой в портфеле, протянул доктору доллары.

Николай Иванович,— позвонил Аринин,— если вас не затруднит, зайдите, пожалуйста, ко мне. Задержал одного с долларами.

Старпом не заставил себя долго ждать.

— Кажется, знакомая личность.

Аринин предложил заявить протест портовым властям, препроводив к ним Яшу.

— Берите свой портфель с тряпками и пошли на берег. Считайте, что ваша поганая миссия провалилась. Так и передайте своим хозяевам из капитанерии или сионистам, кому вы там служите.

Яша, как побитый пес, семеня по причалу за старпомом и упрашивал отпустить его домой, обещая больше никогда не связываться с темными людишками.

Старпом был неумолим.

Их задержали в автомашине как раз в тот момент, когда они рассчитывались в рублях и долларах за джинсы. Увлеченный пересчитыванием купюр Рамони неожиданно увидел перед собою чекистов. Ослепительные вспышки фотоаппаратов беспристрастно зафиксировали валютно-контрабандную сделку.

— Каким образом джинсы оказались в машине? — спросил подъехавший к месту задержания майор Евдокимов.— Вам вопрос, Вартанов.

— Он принес,— кивнул бармен на Марчелло.
Ваши джинсы, Рамони?

Мои. Он,— указал на Вартанова,— сам их погрузил в порту. Я ничего не выносил и не нарушал...

После оформления соответствующих протоколов, предусмотренных УПК, Рамони и Вартанов были доставлены в порт. На борт «Амалии» поднялись таможенники для повторного досмотра судна в связи с обнаружением контрабанды.

В каюте Рамони в присутствии капитана сотрудники таможи обнаружили в тайнике любопытный вопросник — «Наблюдение за судами». В нем предлагалось регистрировать «все суда Восточного блока и коммунистических стран в море или в порту». Особое внимание отводилось военным кораблям. Один из разделов вопросника указывал на важность сбора сведений, относящихся к «Работам на причалах». Не оставлялись без внимания «Военные сооружения» в советских морских портах.

Таможенники изъяли план-схему порта Новочерноморска с обозначениями важнейших его сооружений, нефтеналивных причалов, военных объектов, пробирки с водой и грунтом, рубли, доллары, лиры, а также записную книжку с адресами.

Я приношу извинения за случившееся. Я незамедлительно проинформирую судовладельца о действиях штурмана Рамони, — видя результаты досмотра, заявил капитан. — Как говорят русские, в семье не без урода.

Майор Евдокимов тщательно осмотрел изъятые из тайника материалы, а потом, выслушав таможенников, предъявил их Рамони.

Штурман достал сигареты, попросил разрешения закурить.

Карта и другие записи изобличают вас в сборе шпионской информации.

Когда Рамони перевели эти слова, он стал горячо уверять майора, что ничего подобного он не замышлял, хотя и признает, что собирал информацию о навигационной обстановке.

«Вот это да!» — чуть не вырвалось у майора, когда он нашел в записной книжке Рамони адрес Чукурина.

Кто такой Чукурин Валерий? — поинтересовался Евдокимов.

Не знаю.

— Зачем вы его записали в свою записную книжку?

Мне назвали эту фамилию и адрес.

Где и кто назвал?

Рамони не хотелось отвечать на этот вопрос, но майор ждал.

— Мой знакомый, в капитанерии порта Монполи, как синьора, к которому можно в случае надобности обратиться,— придумывал на ходу Рамони.

— Вы встречались с Чукриным?

— Нет.

— Кто этот ваш знакомый?

— Сержант из капитанерии.

— Зачем же ему понадобился советский гражданин Чукрин?

— Сержант просил меня найти Чукрина, побывать на улице, где он живет, посмотреть на его дом, но я ничего не сделал, меня задержали. Я хотел попросить бармена Вартанова помочь мне найти Чукрина.

— За это решили заплатить ему джинсами? — Майор Евдокимов своими вопросами загонял Рамони в угол.— По законам нашей страны вы совершили преступление. Капитан судна об этом проинформирован.

Я совершил ошибку. Прошу простить меня. Я хотел бы письменно принести извинения, просить прощения у советских властей.

Майор Евдокимов дал Рамони бумагу и тот склонился над столом.

«Я, Марчелло Рамони,— писал он,— гражданин Италии, работаю на судне «Амалия». С 1981 года периодически посещаю Новочерноморск. В 1982 году в порту Монполи я встретился с сержантом капитанерии порта, который предложил мне собирать сведения о советских и других судах, хотел знать их названия и номера, а также данные о движении грузов и назначении сооружений в порту. В дальнейшем я имел встречи с сотрудниками службы информации — капитанерии порта. В своей жизни я сделал ошибку и обещаю советским властям больше не делать этого...»

...Перед тем как отправиться на доклад к полковнику Шахтанину, майор Евдокимов зашел в кабинет к следователю, допрашивавшему Вартанова.

— Валюту покупал у иностранных моряков, пришедших в Новочерноморск. Обычно это проходило в баре ресторана «Бригантина»,— цедил сквозь зубы Эдик.

— Сколько вы платили Рамони за джинсы? — спросил следователь.

— Смотря за какие, от 150 до 200 рублей.

— Только рублями?

— Свободно конвертируемой валютой... Долларами, марками, лирами.

— Скажите, Вартанов, вы Чукрина знаете?

— Что-то слышал. Кажется, моряк.

Следствие по делу Вартанова только начиналось. С санкции прокурора он в тот же день был арестован. Предстояла большая и нелегкая работа по расследованию не только его валютно-контрабандных сделок, но и видеобизнеса.

Отпустив майора Евдокимова домой, Николай Васильевич пошел на доклад к генералу Гаевскому.

Чем порадуете? — спросил Алексей Иванович.

— Особо нечем. Евдокимов доложил о всех событиях сегодняшнего дня. В основном все наши прогнозы и подозрения подтвердились. В записной книжке Рамони есть адрес Чукрина. Рамони получил задание найти его в Новочерноморске.

— Значит, надо полагать, те, кто вербовал Рамони, вербовали и Чукрина? Одна компания.

— Очевидно, так, Алексей Иванович. Чукрина не хотелось им упускать. Уж больно заманчивой показалась им должность радиста.

— Вот вам и ответ, Николай Васильевич, зачем помощники военных атташе бродили по улице и фотографировали его дом.

— Рамони давалось задание по «ракетам» или это его инициатива? — спросил генерал.

— Ему было предложено найти полигон в районе Новочерноморска и посмотреть, что на нем есть. В тайнике обнаружен «Вопросник» и его собственноручные записи шпионской информации. На проявленной пленке засняты порттовые сооружения, грузы, многие суда, военные корабли.

Николай Васильевич нашел в папке объяснение Рамони и передал его генералу.

К концу следующего дня было принято согласованное решение в отношении иностранца. Оно гласило: ...учитывая добровольное признание Марчелло Рамони, советские компетентные органы, руководствуясь принципами гуманизма, решили ограничиться выдворением итальян-

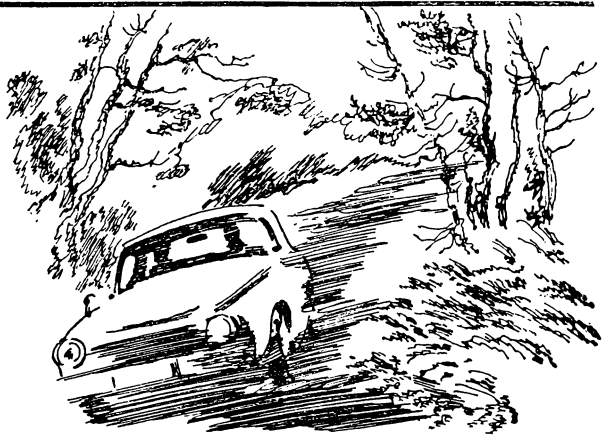
янского моряка из нашей страны без права въезда в СССР».

Узнав об этом решении, вынуждена была подвести итог и иностранная пресса:

...История агента, введенного в экипаж грузового торгового судна, лопнула, как мыльный пузырь».

Статья в советской газете заканчивалась словами чекиста, принимавшего участие в разоблачении агента:

«Знаете, что лучше всего успокаивает после самого напряженного дня? — сказал он корреспонденту. — Голоса детей. Ведь мы работаем ради их спокойствия, ради мира на земле».

Владимир ВОСТОКОВ

ТЕНЬ ФИРМЫ «БЛИЦ»

Не успел майор Хохлов войти в квартиру и поставить чемодан на пол, как жена, открывшая ему дверь, сказала:

— Звонил Михаил Иванович, просил срочно приехать... Неужели до утра нельзя подождать? Не дадут отдохнуть с дороги...

— Не ворчи. Раз срочно, значит, срочно. Пора привыкнуть. Дома все в порядке? — обнимая жену, спросил Хохлов.

— Витек опять затемпературил...— И она поднесла платок к глазам.

— А зачем слезы? Врача вызвала? — спросил Хохлов. Да. Может быть, чайку с дороги?

— Нет, мать. Я поехал. Скоро позвоню.

По дороге Хохлов ломал голову над неурочным вызовом. Перебрал в памяти дела, находившиеся у него в производстве, но так и не понял, какое из них потребовало его срочного присутствия.

Полковник Квартов сидел за письменным столом, сосредоточенно уткнувшись в лежавшие перед ним материалы.

— А, здравствуйте, Петр Николаевич. Садитесь,— сказал полковник.

— Здравствуйте, Михаил Иванович.

Хохлов устало опустил на стул.

Полковник с минуту продолжал перелистывать бумаги, затем пододвинул их Хохлову.

Ваш бывший подопечный — Тихоня — вновь у нас объявился. Займитесь им. Извините, что не придется отдохнуть с дороги — времени в обрез. Свяжитесь, с кем надо, и доложите план действий.

Хохлов принял материалы, когда-то собранные на иностранного специалиста, работавшего на монтаже завода и проявившего подозрительный интерес к оборонным объектам.

А с какой целью он едет? — спросил Хохлов и сам удивился несуразности вопроса.

Полковник насмешливо глянул на Хохлова.

— Я имел в виду официальную версию... — смущенно поправился Хохлов.

— Как съездил в Рязань?

Свидетели опознали бывшего агента гестапо Хитрого...

— А вы... Ну да ладно. Передайте на него материалы своему помощнику, а сами вплотную займитесь Тихоней.

— Понятно.

В то время, когда Хохлов изучал материалы по делу Тихони, на пограничной станции Брест только что прибывшую туристскую группу провели в таможенный зал. Туристы расположились у невысокой стойки, положив на нее свои чемоданы. Джим, помня наставления Крепса, оказался последним в очереди на досмотр.

С приездом, господа. Откуда пожаловали? — спросил пожилой таможенник и, получив ответ от руководителя туристской группы Брука, кивнул головой.

Таможенник спокойно осматривал содержимое чемоданов и баулов. Руководитель туристской группы Брук внимательно следил за его действиями. Джим тоже не сводил с него глаз, стараясь казаться равнодушным. Поток чемоданов подходил к концу. Таможенник все меньше и меньше времени задерживался около вещей «Устал», — с удовлетворением подумал Джим.

Когда подошла его очередь, неторопливо раскрыл чемодан.

У вас, кроме чемодана, ничего нет? — спросил таможенник.

Да, сэр... то есть товарищ... — сказал Джим

Бросив беглый взгляд на багаж, таможенник удался.

«Святая Мария! Пронесло», — с облегчением вздохнул Джим.

Соседями Джима по купе оказалась супружеская пара, уже вторично посещающая Россию. Мужчина, коренастый, с серыми выразительными глазами на полном лице, угостив Джима сигаретой, спросил:

— Вы впервые едете в Россию?

Да, — соврал Джим.

— О! Вам предстоит много интересного и полезного увидеть в этой удивительной стране, — откликнулась жена соседа. — Вы знаете, мы в прошлый раз были в Волгограде. Какой это чудный город, какой там памятник создали русские в честь победы! А Ленинград? Это же чисто европейский город. А какие там памятники и музеи! — Она все восхищалась, а у Джима сжималось сердце и портилось настроение. — А люди там приветливые и чистосердечные. Вы знаете, мы посетили одну русскую семью...

— Дорогая, по-моему, ты утомила нашего спутника, — перебил ее муж.

— Надо же человеку хоть немного быть в курсе дел. В общем, вы не пожалеете, что решили поехать в Россию, — обратилась она к Джиму.

— Благодарю вас... Кажется, мы подъезжаем к какому-то городу, — довольно сухо поблагодарил Джим.

Втайне он завидовал супружеской паре. В отличие от Джима они ехали в Советский Союз с открытой душой.

Джим вышел в коридор, остановился около окна. Перед глазами пробежали березовые рощи, луга и поля.

— Какая красота, а! — услышал он голос Брука. Джим обернулся, посмотрел в довольное лицо руководителя группы.

— Березы как березы, — отозвался Джим.

Ну, ну... Скоро станция. Не мешало бы вам немного проветриться. — Брук взглянул на часы.

— Пожалуй, — согласился Джим.

Замелькали нитки железнодорожных путей, составы и пристанционные пристройки. Поезд подходил к большой станции.

Когда поезд остановился, Джим вышел из вагона. Прошелся по перрону. Купил в ларьке полюбившиеся ему когда-то папиросы «Казбек» и после трех жадных затяжек почувствовал, как по телу побежала теплая истома.

Возвращаться в купе не хотелось. Он остановился в коридоре у окна. Мысли его были заняты предстоящей встречей с семьей инженера Кленова и тем, как он будет действовать, следуя строгим инструкциям шефа. Это-то и не давало покоя. Не нравилась ему вся эта затея. Но теперь ничего не поделаешь. «Поезд,— как любил говорить Кленов,— ушел».

Поезд опаздывал на четыре часа, и Джима это раздражало. Наконец по радио известили, что поезд подходит к станции. Туристскую группу встретили с цветами. И от этого у Джима еще больше защемило сердце.

В первом по маршруту городе группа провела два дня. Джим вместе со всеми осматривал достопримечательности, сходил в кино. Туристы шумно делились впечатлениями. Не все нравилось, однако общее впечатление было хорошим.

Два дня эти Джиму показались вечностью. Следующим был город, где жил инженер Кленов. В поезде Джим вновь оказался в купе с той же супружеской парой. «Сейчас будут лезть в душу»,— неприязненно решил он. И не ошибся.

— Не жалеете, что поехали? — спросила жена соседа.

Нет.

— А что вам больше всего запомнилось?

«Ленин в октябре».

— О! Да. Это колоссально. Мы его смотрели в третий раз. Верно, Ларсен?

— Да, Мэри,— подтвердил муж.

Джим чуть не проговорился, что он этот фильм смотрел тоже не раз, но вовремя спохватился.

— Знаете, что больше всего меня восхищает в русских? — спросила Мэри и тут же ответила: — Доброта и терпеливость. Не хотите заложить пульку?

— Благодарю. Я не умею,— соврал Джим.

— Жаль,— разочарованно произнесла женщина.

Джим залез на верхнюю полку и задремал. Его разбудил голос по радио, извещавший, что поезд подходит к станции.

Все засуетились, готовясь к выходу.

Город встретил туристскую группу проливным дождем.

Через пелену дождевых струй Джим увидел на перроне людей с цветами, среди них был и Кленов. Джим спрыгнул с подножки и оказался в его объятиях.

Пошли быстрее к машине! — Кленов подхватил

чемодан и увлек Джима за собой.— Как доехал? — спросил он.

— Спасибо, Борис. Хорошо.

— Каким временем мы располагаем?

— До вечера.

— И никак не больше?

— Никак, Борис.

— Жаль. А я думал, мы порыбачим.

— Не получится. Но зато я тебе привез отличные снасти.

— Спасибо. Как поживает Ненси и дети?

— Они шлют вам горячий привет.

— Благодарю. А как ты себя чувствуешь?

Ничего.

А мы думали, что с вами случилось? Молчите молчите, и вдруг получаем письмо.

Понимаешь, болели мы, то сам, то жена, то дети. Так что не было настроения... Да кому нужны чужие болячки и невзгоды?

Ну это ты зря говоришь. Ну ладно. Молодчина, что дал знать о себе. Сейчас это событие мы отметим как следует.

Вскоре они въехали на улицу Космонавтов, и машина остановилась у дома Кленова.

Они долго сидели за столом, вспоминая, как проводили вместе время, как налаживали холодильную установку и устраняли капризы техники, с которыми им пришлось столкнуться.

— А знаешь, Джим, Лариса приготовила для тебя сюрприз. Подавай на стол,— сказал Кленов, обращаясь к жене.

Джим с нескрываемым любопытством бросил взгляд на Ларису и улыбнулся. Лариса удалилась на кухню и вскоре вернулась с большой супницей в руках. Поставила на стол. Начала разливать по тарелкам.

Уха-а,— радостно догадался Джим.

Твоя любимая,— подтвердил Кленов.

— Ну обрадовали. Спасибо, Борис, спасибо, Лариса.— Джим подошел к Ларисе и поцеловал её руку.

— А мне? — пошутил Кленов.

— А тебе обещанный рыбацкий набор, последняя новинка,— ответил Джим, направляясь к чемодану, откуда вынул красивую коробку с набором разных крючков и приспособлений.

Сгорая от нетерпения, Кленов открыл коробку, с не-

скрываемым восхищением начал перебирать содержимое.

— Борис, уха остынет,— с укоризной напомнила Лариса замешкавшемуся мужу.

— Уважил. Спасибо, Джим. Ну а теперь возьмемся за уху,— согласился Кленов.

Уха удалась на славу. Джим жмурился от удовольствия, приговаривая:

— Ничего вкуснее не ел...

— Наливай еще. Ешь, не стесняйся,— угощал Кленов.

Съев две тарелки ухи, Джим крикнул от удовольствия, поднялся из-за стола, подошел к баулу и вынул оттуда коробку.

— А это вам, Лариса. Чуть не забыл,— сказал он, вручая ей французские духи.

После сытного застолья Джим изрядно захмелел, и супруги Кленовы предложили ему с дороги немного отдохнуть. Джим не заставил себя долго уговаривать, и в его распоряжение тут же была предоставлена спальня.

Потом они вместе гуляли по городу, любовались Волгой, делились впечатлениями, прошли мимо завода, где работал Кленов.

— Как наша установка? — поинтересовался Джим.

— Не обижаемся.

— Кто налаживал-то? — пошутил Джим.

— А кто помогал? — в ответ улыбнулся Кленов.

— Все правильно,— согласился Джим.

— А как себя чувствует моя харьковская бритва?

— Спасибо. Работает как зверь.

— То-то.— Не сговариваясь, они дружно рассмеялись.

Некоторое время шли молча. Джим с любопытством рассматривал знакомые места, новостройки, отмечал про себя, как похорошел город.

— Джим, а как тебе жилось все это время? — спросил Кленов.

— Собственно, и рассказывать нечего,— после минутного раздумья начал он.— Работа. Дом. Болезни. Вокруг этого и крутилась моя жизнь.

— Не густо. Ну а как общая обстановка у вас? Размещение «першингов»-то все-таки допустили.

— Дopusтили,— согласился Джим.

— А почему?

В ответ Джим, криво улыбнувшись, пожал плечами.

— Я скажу. Плохо протестуете.

— Возможно... Я далек от политики, Борис.

— Разве можно стоять в стороне, когда мир катится к войне? — И Кленов с укором посмотрел на Джима.

— У нас на всех углах кричат, что Россия активно вооружается, чтобы прибрать к рукам Европу, — ответил как бы оправдываясь, Джим.

И ты веришь этой чепухе? — возмутился Кленов. — Ты, который прожил у нас целый год?

— Я-то, может, и нет, а вот остальные...

— Хватит вам о политике, — перебила до сих пор молчавшая Лариса.

Кленов посмотрел на жену, затем перевел взгляд на Джима.

Ты не подумай, что я агитирую тебя стать борцом за мир и тем более коммунистом. Вопрос мира и войны сейчас стал острее клинка, и он не может не волновать честных людей. Извини, — заключил Кленов.

Поздно вечером Кленов вместе с женой отвезли Джима в гостиницу.

Счастливого тебе пути, Джим. Привет Ненси. А это маленький сувенир от нас. — И Кленов передал Джиму палехскую шкатулку.

Благодарю. Рад буду принять вас у себя, — ответил Джим, прощаясь.

..Джим поднялся в номер, и в ту же минуту к нему заглянул Брук.

Вижу, что неплохо провел время, — усмехнулся Брук.

— Лучше и не придумаешь, — откликнулся Джим.

— Ужинать идешь?

— Что вы, как можно? — И Джим с удовольствием погладил свой живот.

— А впрочем, напрасно я спросил. Забыл. Русские умеют угощать... Конечно, была осетровая уха или рыбный шашлык. Что-нибудь в этом роде. Ну ладно, не буду мешать. Я пойду. — И Брук покинул номер.

Джим разделся, сел к столу. Посмотрел на лежащую бумагу. И тут впервые подумал, что не написал ни одного письма Ненси. Взял листок. «Впрочем, до отъезда осталось не так уж много времени. Вряд ли письмо придет до моего возвращения», — решил он. И тут же вспомнил о самоваре.

Совсем вылетело из головы, — вслух произнес Джим.

Что вылетело? — спросил неожиданно появившийся в дверях Брук.

Да жена просила купить самовар, а я...

— Завтра утром внизу в ларьке и купи. Я на секунду, возьму у тебя карты. Спокойной ночи.

Утром, купив подарок жене, Джим готов был выехать на вокзал, чтобы продолжить путешествие.

Когда поезд тронулся, Джим с удовольствием подумал, что первый рубеж благополучно пройден. Осталось преодолеть еще одно препятствие — и он обеспеченный человек!

Туристскую группу поместили в лучшей гостинице города. Джим и здесь поселился рядом с руководителем группы Бруком, как и велел принявший его на работу мужчина с пунцовыми щеками. Первый день Джим с туристской группой осмотрел город, посетил местный музей, а вечером ходил в театр оперетты.

После сытного ужина Джим вернулся в номер и лег в постель. Завтра ему предстоял трудный день, и он решил пораньше лечь, чтобы хорошо выспаться.

Застав Джима в постели, Брук не удивился.

Набираешься сил? — бросил он на ходу. — Ну и правильно. Я приду поздно. Завтра мы едем в село. Я сказал группе, что ты болен и не сможешь быть с нами, — сообщил Брук. — Так что можешь быть спокойным.

Спасибо.

— Спокойной ночи. — И Брук ушел.

Спокойной ночи у Джима не получилось. Он долго ворочался в постели, стараясь освободиться от тревожных мыслей. Как-то дальше сложатся дела? Невольно вспомнил, с чего все началось...

Много месяцев подряд он приходил на биржу труда, становился в длинную очередь и терпеливо ждал, чтобы сделать отметку в красной карточке безработного. Молодой, сильный мужчина, обладающий хорошей профессией инженера по холодильным установкам, Джим, усталый и разбитый, возвращался домой к семье и каждый раз прятал глаза от измученной жены, полуголодных и больных детей. Пособия по безработице хватало лишь на десять дней. Но даже и эта мизерная выплата вскоре прекратилась. Вслед за этим пришла другая большая беда: хозяин дома потребовал немедленно погасить задолженность по квартире. В противном случае он обратится в полицию и потребует их выселения. Только этого не

хватало! Были срочно заложены и проданы последние ценные вещи. Жить больше было не на что.

И когда в очередной приход Джима на биржу труда вдруг выкрикнули его фамилию, он не поверил своим ушам. Он пробился к стеклянной стойке и просунул лицо в окошко.

Я Джим Карло,— произнес он, затаив дыхание.

Ваш документ,— потребовал чиновник.— Сэр Карло, обратитесь по этому адресу. Вас ждут. Душевно хочу, чтобы вам повезло. Желаю удачи.— И служащий биржи протянул ему маленький листок бумаги. Руки у Джима дрожали, от волнения на лбу выступил пот. Шутка ли, ведь он так ждал этой минуты! Он шагал по указанному адресу, не чуя под собой ног У железных ворот небольшого двухэтажного коттеджа он остановился, нажал на кнопку звонка.

«Вас слушаю. Что угодно?» — услышал он голос над головой.

Джим Карло, по направлению биржи труда,— ответил он в невидимый микрофон.

Железная дверь медленно открылась.

Его встретили у подъезда коттеджа, провели на второй этаж. За большим письменным столом сидел мужчина средних лет с такими пунцовыми щеками, будто он только что вошел сюда с мороза. На широком носу громоздились роговые очки, из-за которых на вошедшего смотрели застывшие бесцветные глаза.

— Надеюсь, Джим, ваши дети теперь скоро поправятся,— произнес хозяин кабинета, любуясь длинными холеными ногтями.

Джим от неожиданности раскрыл было рот, но, быстро справившись с собой, ответил:

Да, сэр, спасибо. Они очень слабы и...

Понятно. Дело поправимое,— сказал мужчина, оборвав его на полуфразе.— Не будем терять время. У нас к вам имеется деловое предложение. Совсем пустячное, но зато вы сможете сразу поправить свои семейные дела и обеспечить ближайшее будущее. Как?

Я согласен, сэр.

Ну вот и отлично. Если не ошибаюсь, вам уже приходилось бывать в России?

Да, сэр, по контракту. Три года тому назад. Монтировал на заводе холодильную установку

Русским языком владеете?

— Слабо, сэр. Нет практики.

— Это поправимо. Какие у вас отношения сложились с русским инженером Кленовым?

Для Джима этот вопрос прозвучал словно выстрел в ночной тишине.

— Кленовым?! Ах, Кленовым Борисом. Были хорошие, сэр. После моего отъезда из России мы переписывались в течение полугода, но потом все прекратилось. Понимаете, я потерял работу и...

Понимаю. Когда вы получили от него последнее письмо?

Последнее? Примерно год тому назад...

Вы были вхожи в его семью?

Да, сэр.

Адрес помните?

— Адрес? Надо поискать.

Поищите. И, когда найдете, придете ко мне.

Хорошо, сэр.

— Все. Можете идти.

Весь путь к дому он мучительно ломал голову, вспоминая адрес инженера Кленова. Однако, кроме города и названия улицы, ничего больше не вспомнил. Осталась одна надежда на Ненси. А что, если и она не помнит? Но письма-то должны сохраниться. Последние метры к дому Джим не шел, а почти бежал.

— Ненси, Ненси, где письма Кленова из России, где его письма?

Что случилось? На тебе лица нет.

Где письма Кленова?

— Я их сожгла. Они принесли нам немало неприятностей. Ты же сам это говорил...

— Ненси, дорогая, вспомни его адрес, понимаешь, адрес!

— Адрес... Чего ты так всполошился? Я его и так запомнила: улица Космонавтов, дом двадцать, квартира тридцать пять.

— Спасибо, милая! — И Джим порывисто обнял жену. — Я скоро вернусь...

В памяти Джима постепенно восстанавливались подробности знакомства с русским инженером. В числе других специалистов фирмы он прибыл для монтажа и наладки холодильной установки. Там, на заводе, работа и свела его с инженером Кленовым. Ему очень понравился этот голубоглазый русский инженер, понравился своей сердечностью, добротой и деловитостью. Чего греха таить, приехал Джим в Россию с большим преубеждени-

ем. Местная буржуазная печать, радиостанции «Голос Америки», «Свобода», телевидение не жалели красок, чтобы преподнести жизнь в России как сплошной кошмар, в котором живут чуть ли не первобытные кровожадные люди. Все, что Джим увидел в России, никак не укладывалось в сознании. Одно приятное открытие следовало за другим. Оказывается, здесь живут нормальные люди, со своими горестями и радостями.

На заводе Джим вместе с инженером Кленовым собирал и пускал холодильную установку. Совместная работа сблизила их, отношения скрашивались взаимной симпатией. Новый год он встречал в семье Кленова. Это был незабываемый вечер. Здесь он познакомился с женой Кленова Ларисой. Они долго и много тогда пели, танцевали. Правда, в разговор Джим вступал редко: русский язык давался ему нелегко, и потому он больше слушал и улыбался. Он был счастлив тогда, хотя и находился вдали от родины.

С тех пор он стал часто бывать у Кленовых. Выходные дни проводил на Волге, рыбачили. Особенно Джима тронула забота Кленова, когда он очутился в городской больнице. Кленов навещал его почти ежедневно, приносил фрукты и сласти. Это было для Джима так необычно и неожиданно, что он не находил слов благодарности. Но больше всего он поразился, когда пришла пора выписываться из больницы. На вопрос, сколько он должен заплатить за свое пребывание в больнице, Джим получил ответ, что лечение и операция бесплатны. Он был совершенно уверен, что это Кленов заплатил за него. Несколько дней спустя Джим вернулся к мучившему его вопросу:

— Скажите, Борис, сколько я все же должен за мое пребывание в больнице?— спросил он Кленова.

— Ровным счетом ничего.

И как горячо ни доказывал ему Кленов, что в Советском Союзе бесплатное медицинское обслуживание, Джим до конца так и не смог в это поверить.

По-прежнему работали они дружно. Кленов оказался высококвалифицированным специалистом. С ним Джиму было легко. Их теплые отношения не прошли незамеченными и вызвали осуждение со стороны старшего группы наладчиков фирмы. Однажды он затеял с Джимом серьезный разговор и просил прекратить общение с Кленовым в нерабочее время.

— Смотри, доиграешься,— предупредил он Джима.

Тогда он не придавал этому значения и, уж конечно, не предполагал, что именно эта причина послужит поводом для его увольнения из фирмы.

И вот теперь новое предложение возродило в нем былые надежды. Понятно, с каким трепетным волнением открыл он дверь кабинета, где сидел за столом мужчина с пунцовыми щеками.

Принесли? — весело встретил он Джима.

Да, сэр.

— Вам придется совершить еще одну поездку в Россию. Как вы на это смотрите?

— О, сэр! Я согласен, — обрадовался Джим.

Если не возражаете, приступим к делу, — улыбнулся мужчина.

Да, сэр, но мне хотелось бы знать, с кем я имею честь разговаривать...

Джон Блиц.

Благодарю, сэр. А какую фирму вы представляете? Я ведь инженер...

Наша фирма — «Блиц», за нее краснеть вам не придется. Пройдите, пожалуйста, в соседнюю комнату, там вам все объяснят. Желаю удачи.

Сэр, а как же с адресом? Я его принес.

— Он вам пригодится. Желаю удачи, — повторил Блиц.

Джим покинул кабинет со смешанным чувством радости и недоумения. Наконец-то нашлась работа, да еще с поездкой в Россию. Можно только мечтать об этом. Но огорчал эпизод с адресом инженера Кленова. С таким трудом он восстановил его, а Блиц даже не поинтересовался. Почему? Поразмыслив немного, он пришел к выводу, что это была, очевидно, маленькая проверка, которую он, по всей вероятности, прошел благополучно. При первой поездке в Россию все было просто и ясно, кого он представлял и с какой целью ехал. Сейчас совсем другое. «Ладно, поживем, увидим», — решил он и вошел в указанный кабинет.

— Добрый день, — произнес Джим, закрывая за собой массивную дверь кабинета.

— Я вас жду, Джим Карло. Проходите и садитесь, — вместо приветствия услышал он.

Джим сел в большое мягкое кресло.

За письменным столом стоял пожилой мужчина с пышной шевелюрой. Длинные черные волосы, спускавшиеся почти до плеч, и черная с проседью борода больше

подошли бы священнику, чем чиновнику.— Мужчина внимательно и строго рассматривал посетителя.

Джим Карло,— наконец нарушив молчание, сказал бородач,— меня зовут Крепсом. Вилли Крепсом. Вам известно, чем занимается наша фирма?

— Нет, сэр.

— Она занимается установлением деловых и прочных связей с русскими. Поскольку вы имеете знакомых в России, мы и нуждаемся в вашей помощи. Надеюсь, вы не откажетесь способствовать дальнейшему процветанию нашей фирмы, а она за это, разумеется, не останется перед вами в долгу. Тем более однажды вы нам существенно помогли...— И бородач сел за стол, где лежала перед ним какая-то папка.

Каким образом?— удивился Джим.

Будучи в России, вы помогли нам внести ясность по одному объекту. Надеюсь, не забыли?— И Крепс вынул из папки лист бумаги, на котором рукою Джима была нарисована схема расположения строящегося завода. Джим опешил от неожиданности и тут отчетливо вспомнил, как накануне его поездки в Россию с ним встретился представитель какой-то важной фирмы и настоятельно попросил его поинтересоваться характером объекта, строящегося недалеко от города. Он хотел было отказаться, но ему прозрачно намекнули, что еще не поздно аннулировать поездку, и он был вынужден дать согласие.

В один из выходных дней Джим под предлогом поездки на рыбалку выехал из города и появился в районе интересующего объекта, затем быстро вернулся обратно.

Так вы согласны?— последовал жесткий вопрос.

Да, да, сэр,— дрогнувшим голосом сказал Джим.— Что я должен делать?

Маленький безобидный пустячок... Но прежде всего вам придется пройти маленький курс подготовки. Увы, это необходимо. Не возражаете?

К вашим услугам.

— Очень хорошо. С сегодняшнего дня вы зачисляетесь в штаты фирмы. Вот аванс.— И бородач протянул Джиму чек.— Вопросы есть?

Джим взглянул на чек и обомлел.

— Нет, сэр, благодарю вас.— Он с трудом сдерживал свою радость.

Джим почти не помнил, как он вышел на улицу. Он

забыл про все свои мýтарства, тревоги, сомнения и страдания. Накупил разных продуктов, не забыл прихватить две бутылки вина. «Вот обрадуется Ненси, как будут счастливы дети. Наверное, зря я отнял у них удовольствие самим сделать покупки»,— подумал он, открывая дверь квартиры.

— Откуда это все, святая Мария! — воскликнула Ненси, как только увидела Джима, нагруженного продуктами.

— От Кленова. Бери быстрее и накрывай стол. Я жутко голоден.

Ненси от радости всплакнула.

— Милый Джим! Как я счастлива! За удачу, за детей, за тебя! — И Ненси подняла бокал.

На следующий день, как было обусловлено, Джим явился к Крепсу.

— Как настроение, Джим? — встретил его Крепс.

— Хорошее, сэр. Благодарю вас.

— Отлично. Теперь вам остается заполнить вот эту анкету.— Он подал Джиму развернутый лист. Джим взял анкету и удивился множеству вопросов, на которые ему придется отвечать.— Заполните здесь. Пройдите в комнату отдыха, после зайдете ко мне. Пока все, Джим.

Джим долго пыхтел над ответами на вопросы анкеты. И чем дальше следовали они, тем больше он поражался их разнообразию. Они вертелись вокруг политических убеждений и обстоятельств, связанных с пребыванием в России. На вопросы о знакомых требовались обстоятельные ответы: привычки, слабости, поведение на службе, в быту. Отвечая на них, Джим был вынужден сообщать все, что он знал об инженере Кленове. Заполнив анкету, Джим вернулся к Крепсу.

Крепс долго и внимательно изучал ответы Джима.

— Вы пишете, что подаренную вам электрическую бритву после ее ремонта прислал сюда инженер Кленов, так?

— Да, сэр.

— Когда вы ее получили?

— Это было вскоре после возвращения.

— Хорошо. Пройдемте со мной.

Крепс ввел Джима в полутемную комнату, где он увидел мужчину в белом халате. Джима усадили в глубокое кресло, подключили его ко всяким проводам, и посыпались вопросы, на которые он отвечал в анкете.

Джим догадался — его проверяли на детекторе лжи. «Выходит, вся эта поездка — не такой уж пустячок, как уверял Крепс», — подумал он, отвечая на вопросы мужчины в белом халате. Просмотрев пленку, тот сказал: «Хорошо. Теперь кое-что вам надо изучить...

...На вокзал Джим явился ровно за час до отхода поезда. В служебном кабинете, куда он вошел, были Крепс и какой-то респектабельный мужчина.

— Значит, как и условились, — напутствовал его Крепс. — Вы едете с группой туристов. Руководитель — господин Брук. На него можете во всем положиться. Вот ваш билет. — И Крепс протянул ему продолговатый конверт. — Если возникнут какие-либо вопросы, консультируйтесь с Бруком.

— Хорошо. Постараюсь не доставить вам хлопот, — ответил Джим.

Как только Брук покинул кабинет, Крепс тут же обратился к Джиму:

— Давайте, Джим, еще раз прокрутим ваши действия в России. — Крепс вынул лист бумаги, разложил его на столе. — Вот это место в лесу, в десяти километрах от города. Оно вам знакомо. — Указательным пальцем Крепс ткнул в точку, заштрихованную красным фломастером...

«Скорее бы добраться до этого леса», — подумал Джим. Он встал с постели и подошел к окну. Долго стоял, любуясь игрой света. Затем достал из кармана коробок спичек, вынул из него продолговатый патрончик, замаскированный под спичку, вскрыл и извлек оттуда свернутую в трубочку бумагу с начерченной схемой местности, куда ему придется ехать. Убедившись, что все хорошо запомнил, он разорвал на мелкие кусочки и снова лег. Но сон не шел. Выпил сильнодействующее снотворное и вскоре провалился как в омут.

...Полковник Квартов разбирал у себя в кабинете очередную почту, когда секретарь доложил, что пришел по срочному вопросу майор Хохлов.

— Зовите, — ответил Квартов.

— Товарищ полковник, Тихоня, по всему видно, разворачивается...

— Что случилось?

— Он посетил своего старого знакомого инженера Кленова. Пробыл у него в квартире несколько часов, изрядно набрался...

Можно покороче.— И Квартов, посмотрев на часы, закрыл папку.

— Можно. Кленов пришел в УКГБ, где заявил о пропаже у него паспорта и военного билета.

Кленов уверен, что документы пропали после ухода Тихони?

Да. Как раз перед приездом Тихони Кленов получил паспорт, который был на прописке в милиции, и вместе с военным билетом положил в спальне на видное место. Инженер Кленов заслуживает полного доверия.

Ну что же, вполне вероятно. Известно, что иностранная разведка систематически поручает своей агентуре добывать советские документы.

Кленов ничего подозрительного не заметил в поведении Тихони? — спросил Квартов.

Ровным счетом ничего.

Ровным счетом ничего...— повторил в раздумье Квартов.

— Кленов предлагал свои услуги. Он готов, если потребуется, встретиться с Тихоней и объяснить.

— И что вы ответили ему?

Сказал, что, если потребуется, мы прибегнем к его услугам.

Квартов одобрительно кивнул головой.

Главное, не спугнуть Тихоню. Думается, что эти документы — далеко не главная задача...— И Квартов на минуту задумался.— Где сейчас группа?

— В колхозе «Старый большевик». Тихоня остался в номере гостиницы.

— Остался, говорите? Это интересно. Как он ведет себя?

Немного нервничает.

Будьте внимательны. Помощь вам нужна?

Управимся.

— Тогда действуйте. Будьте на связи.

Утром, когда туристская группа выехала на экскурсию в колхоз-миллионер «Старый большевик», Джим быстро переоделся, опробовал как собирается металлическая лопатка, затем положил в хозяйственную сумку пластмассовый чемоданчик, напоминавший магнитофон, покинул номер.

Осторожно оглядываясь по сторонам, он зашел в сквер, находившийся против гостиницы, сел на лавочку, покурил и направился по аллее к стоянке такси. На ходу вынул из внутреннего кармана плаща шарф, перевязал им щеку.

Джим точно следовал полученным инструкциям — садиться не в первую машину. Он уже допустил одну оплошность: щеку ему следовало завязать шарфом еще в гостинице, а не на улице. Впредь надо быть повнимательней... Сев в такси, он молча показал шоферу заранее подготовленную записку с конечным пунктом поездки. Рта Джим не открывал, руку к щеке прижимал. И так все ясно — «болели зубы».

У вас, очевидно, флюс, — сочувственно произнес водитель, прочитав поданную записку. — Знакомо! Надо полоскать шалфеем. На себе испытал. Кстати, тут аптека недалеко. Можем заехать, — предложил шофер.

Джим показал на часы, мол, нет времени. Таксист понимающе улыбнулся. Машина тронулась. Выехали за город. Вскоре за окном показалась знакомая березовая роща, которую пересекала уходящая вглубь бетонная дорога. У поворота мелькнул знак, запрещающий туда въезд.

Джим мысленно отмечал попадавшие по дороге ориентиры, изученные по карте и макету, боясь пропустить место, где он должен сойти. Впереди засинел густой лес. Проехали указатель девятого километра. Скоро покажется десятый. Пора.

Джим тронул за плечо шофера и, показав ему рукой на живот, подал знак остановиться.

Да ты, брат, совсем расклеился, — сочувственно произнес таксист.

Джим изобразил страдание.

Машина остановилась.

Кряхтя и морщась от «боли», Джим вылез из такси, прихватив с собой хозяйственную сумку, и, держась за живот, побежал в лес.

«Не доверяет, — подумал таксист, — вещички с собой захватил».

Вскоре Джим вернулся.

Все в порядке? — дружелюбно осведомился шофер.

— Спа-си-бо, — шепотом поблагодарил Джим. Слегка морщась, он осторожно влез на заднее сиденье и затих,

прижимая повязку к щеке. Через несколько минут Джим повторил операцию с выходом из машины, но теперь уже недалеко от озера.

Чем вас накормили?

Тво-рог,— соврал Джим.— В кафе.

А, это случается. Не повезло тебе... Стоп, у меня есть гарантированное средство.— И шофер подал Джиму таблетку энтеросептола.

Джим, с трудом проглотив таблетку, выбрался из машины и, придерживая хозяйственную сумку, поскорее побежал в кусты...

Чтобы не вызвать подозрения у таксиста, Джим вместо запрятанного в лесу пластмассового чемоданчика заполнил заметно полегчавшую сумку землей и вернулся к машине.

— Ну как? — участливо встретил его таксист.

В ответ Джим, сделав страдальческую гримасу, вымученно улыбнулся.

— Ничего, все образуется. Садитесь на строгую диету... Вперед?!

Джим кивнул головой.

Вскоре доехали до ближайшей железнодорожной станции. Щедро расплатившись с таксистом, Джим взял билет на пригородный поезд.

В поезде народу оказалось немного. Джим опустился на свободную скамью, незаметно, как следовало по инструкции, засунул под нее хозяйственную сумку и откинулся в изнеможении.

Возвратился он в гостиницу еле живой. Войдя в номер, достал из шкафа бутылку «Столичной», быстрыми глотками стал пить прямо из горлышка. Кажется, захмелел. Лег в постель. Через несколько минут заснул сном младенца. Джим проснулся, когда в номере было темно. Он встал, зажег свет. Увидел в зеркале свое помятое лицо. «Завтра в полдень — отъезд,— подумал с облегчением.— Скорее бы наступило завтра».

К вечеру вернулись товарищи.

Как зубы? — спросил у Джима руководитель группы и бросил взгляд на пустую бутылку.

Русская водка делает чудеса,— ответил Джим.

В таком случае пошли на ужин и отдадим ей должное еще раз.

Больше не могу. Принесите мне чего-нибудь соленья,— попросил Джим.

Ужинать он не пошел, а утром, продолжая «болеть»,

пропустил завтрак, ограничился лишь стаканом крепкого чая. Лежа в постели и сладко потягиваясь, Джим посмотрел на часы. Руководитель уже давно ушел. Пора вставать... В это время в номер постучали.

«Кто бы это мог быть?» — подумал Джим.

Накинув халат, он открыл дверь. Перед ним стояли четверо: какой-то незнакомый широкоплечий человек, рядом — вчерашний водитель такси, дежурная по этажу и горничная.

— Вы господин Джим Карло? — спросил на английском языке широкоплечий мужчина.

Я. С кем имею честь говорить? — спросил, холодея, Джим.

— Майор Хохлов из Комитета госбезопасности.

Что вам угодно?

Вы нужны, Джим Карло. Только вы, — ответил майор Хохлов. — Предъявите ваши документы.

Джим передал паспорт, окинул взглядом майора Хохлова и обомлел. В руках представителя органов госбезопасности был тот самый пластмассовый чемоданчик, который он зарыл вчера в березовой роще, неподалеку от озера. И у таксиста Джим увидел хозяйственную сумку, оставленную им в электричке. Ноги сделались ватными.

— Господин Карло, узнаете ли вы чемоданчик и хозяйственную сумку? — спросил майор Хохлов, указывая на вещи.

«Это конец», — молнией промелькнуло в голове у Джи-ма. Он не мог произнести ни слова.

— Это ваш чемоданчик? — настойчиво повторил майор Хохлов.

Первый раз вижу... Господа... Товарищи... Мой чемодан здесь... — И Джим, решив разыграть комедию, бросился к шкафу, вынул чемодан и поставил его у своих ног: — Пожалуйста, убедитесь, господа.

— Прошу вынуть вещи из чемодана.

Джим не шелохнулся.

В это время в номер шумно ворвался руководитель группы Брук. Он с недоумением оглядел незнакомых ему людей.

— Господа, что здесь происходит? Извольте объяснить.

А вы кто?

Я руководитель туристской группы Брук. А вы?

— Очень кстати. Я из Комитета госбезопасности

майор Хохлов. Господин Брук, господин Джим Карло совершил государственное преступление. Вчера в десять часов пятнадцать минут он в районе оборонного объекта зарыл в землю вот этот пластмассовый чемодан с упрятым в нем передатчиком. Господину Джиму Карло предъявляется обвинение в проведении шпионской деятельности против Советского Союза. Сейчас мы составим в присутствии понятых протокол опознания и задержания...

— Это недоразумение, господа... Это провокация! Вы не имеете права... На каком основании... — пытаюсь спасти положение, проямлил Брук.

На основании ордера прокурора, вот, пожалуйста, убедитесь. — И майор Хохлов предъявил соответствующий документ. Пока руководитель группы рассматривал ордер, Джим безвольно переминался с ноги на ногу, надеясь, что все обойдется.

— Пожалуйста, товарищи... господа, смотрите...

— Непременно. Господин Карло, предъявите, пожалуйста, понятым свой чемодан.

На глазах у присутствующих Хохлов поднял тщательно замаскированное второе дно. Как и предполагалось, под ним оказался тайник, в него поместился плоский чемоданчик.

— Что вы на это скажете? — последовал вопрос.

Провокация! Немедленно соедините нас с посольством. Мы будем жаловаться... Вы за это ответите... заявил руководитель группы, бросая ордер на стол.

— Ответим и с посольством соединим, но от этого вам легче не будет.

Господа, прошу подойти к столу. — Майор Хохлов откинул крышку плоского чемоданчика. — Не стесняйтесь, подойдите.

— Мне нечего стесняться. Там деньги, лекарства, часы и кое-какие ценные вещи, — произнес Джим, довольно скоро приходя в себя после шока. Он подошел к столу, бросил взгляд на содержимое чемоданчика и оторопел. Его взору открылся тщательно смонтированный электронный блок, состоящий из сотен, если не тысяч мелких деталей, опутанных сетью разноцветных проводов.

Почувствовав замешательство Джима, майор Хохлов продолжал:

Значит, деньги, лекарства, часы и ценные вещи?! И, конечно, знаете, для чего они предназначались?

Джим беспомощно посмотрел на Брука. В ответ тот презрительно дернул плечами, отвернулся к окну.

— Так вот, господин Карло, эта импульсная установка предназначена для перехватывания сигналов, исходящих с оборонного объекта. Вот акт экспертизы. Теперь, надеюсь, вы понимаете, каким она служит целям?

Джим медленно обвел испуганным взглядом людей в номере, точно увидел их впервые. Его лицо сделалось мертвенно бледным. Вдруг он опустился на колени, крепко сжал голову руками и, что-то бормоча, начал раскачиваться из стороны в сторону.

Присутствующие молча наблюдали за этой сценой. Только Брук безучастно смотрел в окно, повернувшись ко всем спиной.

Что я наделал? Моя бедная Ненси... Мои несчастные дети... Я все расскажу... Да, мне дали «разовое деловое предложение», меня заставили согласиться, — решительно поднимаясь с пола, заявил Джим.

— Шенок. Тряпка, — с гневом произнес Брук и хотел было выйти из номера, но майор Хохлов решительным жестом остановил его.

— Прошу прощения, но ваше присутствие, господин Брук, совершенно необходимо. Джим Карло, мы вынуждены произвести осмотр номера и ваших вещей, — заявил майор Хохлов. — Откройте шкаф.

Джим вынул из платяного шкафа пиджак и в присутствии понятых передал Хохлову. Хохлов извлек из пиджака советский паспорт и военный билет.

Кленов Борис Александрович, — вслух произнес он. — Откуда у вас советский паспорт и военный билет?

— Это документы моего знакомого, инженера Кленова. Я находился у него в гостях и взял их.

Не взяли, а украли.

Да.

— Джим Карло, признаете, что этот пластмассовый чемоданчик вы зарыли в лесу?

— Да, признаю...

— С какой целью вы приехали в Советский Союз?

— Разрешите воды... и, если можно, закурить, — промямлил Джим.

Джим залпом осушил воду. Вынул из пачки папиросу, помял ее. На минуту задумался...

— Не знаю, с чего и начать, — произнес он, собираясь

с мыслями.— Биржа труда направила меня на фирму, занимающуюся, как мне объяснили, упрочением деловых связей с русскими. Мне предложили совершить экскурсию в Россию, выдали большой денежный аванс. Потом меня обучили, как надо вести себя в России. Вам, конечно, не понять, что такое быть безработным. Когда у тебя большая семья, больные дети, долги... В конце концов я согласился, разумеется, за крупное вознаграждение. Им для чего-то потребовался советский паспорт и военный билет. Я должен был их взять у инженера Кленова, что я и сделал.

Вернее, выкрасть,— поправил майор Хохлов.

Да, выкрасть... Как я виноват перед Борисом... Нет мне прощения... Хозяева фирмы сказали мне, чтобы я отвез и закопал у озера пластмассовый чемоданчик. Это посылка, сказали мне, для незаслуженно осужденного советским судом «борца за права человека», который якобы нуждается в помощи и поддержке. При этом дали понять, что иного канала помощи ему не существует. Вот, мол, и приходится идти на подобную хитрость. Указали место, где надо зарыть чемоданчик в землю, причем обязательно на метровую глубину, чтоб нельзя было обнаружить. Я специально тренировался...

— И вы не поинтересовались, что в этом чемоданчике?

— Мне сказали, что деньги, дефицитные лекарства, часы и разные вещи для продажи.

И вы поверили?

Не совсем. Вес чемоданчика внушал сомнение, как и многое другое. Но для меня мосты были уже сожжены... Аванс ушел на погашение долгов, на лечение детей... А чем рассчитывать? Поверьте, я мучился, переживал... Даже появилась мысль прийти к вам с повинной и все рассказать... Не верите?

И что же вам помешало?

— Не хватило духу.

Джим глубоко вздохнул.

— Укажите адрес и имена сотрудников фирмы «Блиц», с которыми вам пришлось иметь дело перед поездкой в Советский Союз.

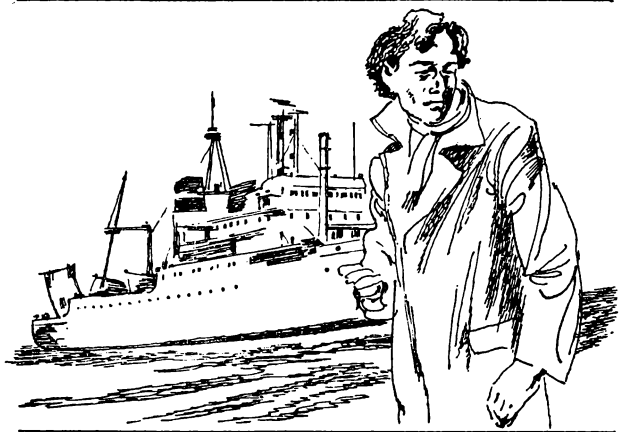
Джим назвал адрес фирмы «Блиц» и дал характеристики двум ее сотрудникам — Блицу и Крепсу.

— Я про-те-стую,— вновь вмешался в разговор Брук.

— Против чего вы протестуете, господин Брук?

Против всего того, что здесь происходит.

Мы тоже протестуем, и прежде всего против происков ЦРУ, жертвой которых стал ваш соотечественник,— спокойно возразил майор Хохлов.— Джим Карло, на основании статьи 65 Уголовного кодекса РСФСР вы задержаны. Оденьтесь и следуйте за мной,— приказал майор Хохлов.

Павел КРЕНЕВ

С КАМНЕМ В КАРМАНЕ

1

В половине десятого переливисто зазвонил внутренний телефон. Что-то рано сегодня. Обычно с утра Сергеев старался не беспокоить. Значит, неотложное дело.

Васильевский поднял трубку.

— Здравствуйте, Михаил Александрович. Слушаю вас.

— Доброе утро. Зайди ко мне, Александр Павлович. Голос у Сергеева ровный, по телефону у него никогда не поймешь: спокоен он или волнуется.

Но как только Васильевский зашел к Сергееву в кабинет, сразу понял: произошло нечто серьезное — шеф стоял у окна и курил.

Хорошо, что у людей есть устоявшиеся привычки, по которым можно сразу определить их настроение. Когда начальник отдела ходит по кабинету, он думает и нервничает. В такие минуты он часто подходит к окну и подолгу в него смотрит, будто в проходящих трамваях или людском потоке высматривает решение.

— Проходи, Саша, садись.

Сергеев взял из раскрытой папки бумаги и протянул Васильевскому.

Документ оказался телеграммой, пришедшей ночью

из Центра. Александр первым делом глянул на подпись, чтобы сразу знать, с кем имеет дело. Внизу стояла фамилия одного из руководителей контрразведывательного управления. Уровень солидный, ничего не скажешь. Сверху, наискосок, черными чернилами была нанесена резолюция начальника их управления, генерала Покрышева. Этот почерк Александр смог бы отличить среди тысячи других: прямой, почти без наклона, крупный и размашистый, с четко выведенной каждой буквой, острый на изгибах — почерк повторял особенности характера начальника.

Резолюция Покрышева была лаконичной: «Тов. Сергею. Прошу в кратчайшие сроки собрать характеризующие Панкова данные, выяснить степень секретности располагаемых им сведений. Решите вопрос о кандидатуре командиремого за рубеж работника».

Васильевский бросил быстрый взгляд на Сергея. — Ты читай, читай, — повторил тот

«По линии МИД СССР нам поступило сообщение о том, что в советское Генеральное консульство, находящееся в Сан-Стоуне (Латинская Америка), обратился пребывающий там в служебной командировке ленинградский инженер Сажинов и заявил, что явился свидетелем встречи научного сотрудника с исследовательского судна «Академик Волгарев» Панкова с двумя иностранцами, одного из которых зовут Кларк Белоу. Сажинову показался подозрительным тот факт, что Белоу работает в восточном отделе судостроительной компании «Модерн шипс», куда командирован сам Сажинов, и, по его мнению, является крайне антисоветски настроенным человеком. Во время разговора с иностранцами Панков вел себя нервно, явно остерегался, что его заметит кто-либо из команды советского судна.

По имеющимся у нас данным, Белоу является кадровым сотрудником ЦРУ, действительно работает под прикрытием восточного отдела американской компании «Модерн шипс», специализируется на сборе разведанных о советском судостроении.

С учетом того что Панков как специалист в судостроении располагает интересующей противника информацией, просим срочно командировать в Сан-Стоун опытного оперативного работника с задачей на месте выяснить характер контакта Панкова с сотрудником ЦРУ

Предполагаемый повторный заход судна в Сан-Стоун — через три недели».

Васильевский читал медленно: телеграмма — особый

вид переписки,— сухой, но емкий, каждое слово значит многое.

Сергеев достал из стола пачку сигарет, щелкнул зажигалкой, закурил.

— Что скажешь? — спросил он у Александра, когда тот поднял голову.

— Информация серьезная.

— Америку открыл. Лучше скажи, с чего начнешь?

— А что, это мне поручите?— Глаза у Васильевского заблестели.

— Кому же еще! — Сергеев хмыкнул.— Дело Николаева ты закончил, материалы у следователей. А чтобы вопросов не возникало — дай-ка документ.

Он взял телеграмму и пониже генеральской резолюции написал свою: «Тов. Васильевский. Пр. срочно доложить предложения по организации проверки Панкова». И протянул телеграмму Васильевскому.

— Вот так-то.

Александр тут же начал предлагать:

— Начну с места работы...

— Так, а дальше?

— Как обычно, пройдемся по связям, а там посмотрим.

— Посмотрим.— Сергеев нахмурился, поднялся с кресла и вновь пошел к окну.

— Тут, Саша, нельзя сработать вхолостую. Сам видишь, не исключено, что имеем дело с вербовкой. Все должно быть так, чтобы комар носа не подточил, и, как требует Москва, в крайне сжатые сроки. В общем, надеюсь на тебя.

— Спасибо, Михаил Александрович, постараюсь.

Когда Васильевский уходил, Сергеев вдруг хитрюще улыбнулся:

— Шашку не забудь в управлении оставить.

— Какую шашку?

— Кавалерийскую. Ты же у нас главный кавалерист. Наскоками все орудуешь.

— Да...

— Не оправдывайся! Начальству видней.

Александр улыбнулся:

— Есть оставить шашку.

В научно-исследовательском институте антикоррозийных покрытий появился журналист. Улыбчивый, общительный и дотошный. Он знакомился с сотрудниками,

доставал микрофон и задавал всевозможные вопросы. Взял интервью даже у старой дворничихи Анны Михайловны Прохвятиловой. Словоохотливая Анна Михайловна, уставшая от недостатка общения, к интервью отнеслась со всей ответственностью. Чтобы не выронить, не разбить дорогую вещь, она обхватила микрофон обеими руками и наговорила в него столько, что корреспонденту пришлось выключить магнитофон: пленка уже кончалась. Немало труда стоило и распрощаться с ней.

— А про директора-то, про главного-то надо ведь, как же?

— Я к вам еще зайду, ладно?

— Ладно-то ладно, да ведь про всех уже рассказала, а про главного-то и не поспела.

— Спасибо, спасибо...

Затем журналист появился у заведующего сектором, занимающимся разработками для морского судостроения.

— Здравствуйте, Евгений Никитич, я звонил вам...

А-а, из городского радио?

Да, Рогозин из отдела науки и техники.

— Проходите, корреспондент, садитесь.

Заведующий сектором, по всему видать, живой, энергичный мужчина, хотя и излишне полный, добродушно улыбался. Он тоже, наверно, не был избалован вниманием радио и прессы. В предвкушении интересного разговора закурил.

— Чем наш скромный сектор мог заинтересовать уважаемые средства массовой информации? — спросил он, слегка нервничая.

— К сожалению, интерес лишь косвенный, и я хотел бы сразу предупредить, что беседа с вами может и не выйти в эфир.

— Что сделаешь, — завсектором горестно улыбнулся.

— Мы следим за научными изысканиями судна «Академик Волгарев». Оно сейчас в Атлантике...

— Простите, как вас...

— Александр Павлович.

— Ну вот, Александр Павлович, а вы говорите — к нам не имеет отношения. На «Академике» два моих сотрудника — Панков и Гаврилов!

Евгений Никитич проговорил это с такой гордостью, будто судьбу научного рейса судна только эти два его сотрудника и решали.

Но Рогозин вдруг засомневался, так ли уж велико значение исследований в области антикоррозийных по-

крытий в том огромном объеме научных изысканий, которым занимается экипаж «Академика Волгарева», и тем самым подлил масла в огонь. Заведующий сектором стал азартно доказывать, что хорошее антикоррозийное покрытие увеличивает долговечность судна во столько-то и во столько-то раз, что вообще — это основа всех основ.

Ну хорошо, Евгений Никитич, а о ком, с вашей точки зрения, лучше рассказать по радио: о Гаврилове или Панкове?

Заведующий сектором на мгновение задумался, а потом сказал решительно:

— Конечно, если уж я именно их отправил, то ручаюсь за обоих, но Панков, хоть и моложе Гаврилова, больше годится в герои радиоочерка.

Почему?

— Это быстрорастущий ученый, несмотря на недостатки. Он очень перспективен...

Евгений Никитич многое рассказал Рогозину

Вот, наконец, Александр Павлович, и пригодилось, что ты у нас журналист по образованию. Давай-ка подведем итоги.— Сергеев задымил сигаретой и зашагал по кабинету.— Значит, говоришь, быстрорастущий ученый?

— Да, непосредственное начальство характеризует Панкова так, что, как говорится, хоть в передний угол его. И быстро все схватывает, и энергичен, и план дает, и докторскую пишет, и Почетной грамотой награжден...

— План это хорошо,— начальник отдела вмял сигарету в пепельницу,— но ты что-то и об эгоизме его рассказывал.

— Да, Михаил Александрович, из бесед с сотрудниками НИИ сложилось мнение, что Панков — большой эгоист.

Из чего ты сделал это заключение?

Ну, во-первых, у него нет друзей.

Совсем нет?

— Совсем.

— Действительно, аргумент серьезный. А ты говорил: пройдемся по связям. Что еще?

Не любит ни с кем делить славы. Избегает участие в групповых научных работах. Даже сложные, многоплановые разработки старается выполнять один.

Это спорно. Может быть, он просто трудолюбив и не терпит бездельников и прихлебателей. Их полно вокруг любого большого дела. Ты же знаешь.

Но и премию, когда дело сделано, старается ни с кем не делить.

Он что, жадный?

По всей вероятности, да. До сих пор не женат. Рано, говорит. Вот докторскую осилю, тогда можно. Нечего, мол, нищету разводить.

Ничего себе нищету кандидат, старший научный.— Сергеев хмыкнул.— Похоже, действительно эгоист. Дальше.

Хорошо подготовленный демагог, хотя действительно умен. Болезненно самолюбив, не любит признаваться в ошибках.

Ну, собрал букетик. Теперь подробности..

— Демагог, любит выступать на собраниях и говорит красиво, но дельного ничего не предлагает, так, болтология одна.

А что там про самолюбие?

В НИИ Панков объяснил, что на прежней работе столкнулся с рутинерами и зажимщиками прогресса, поэтому решил оттуда уйти.

— А на самом деле?

Я выяснил, что там он выдвинул интересную, на первый взгляд, технологическую идею, которая при реализации сулила большие выгоды. Панков создал ей большую рекламу, заручился поддержкой кого-то из министерства. Потом рядом ученых было доказано, что идея не продумана до конца, а внедрение принесет только вред. Панков обвинил ученых в том, что они сделали это из зависти, и продолжал добиваться своего. В общем, ему пришлось уйти...

А на прежней работе он имел доступ к закрытой тематике?

Имел.

По-моему, гражданин Сажинов был прав, когда обратился в консульство и рассказал о Панкове. Кстати, ты не выяснил, где они раньше встречались?

Вместе учились в Политехническом.

В порту колышется людское море. Над головами провожающих вместе с ветром летят томные и немножко грустные слова танго, плывет голос певицы:

Я жду тебя, как прежде,
Но не будь таким жестоким,
Мой нежный друг...

Песня звучит из динамиков пассажирского лайнера «Павел Корчагин», уходящего в круизное плавание по Атлантике. Судно скоро уже должно отшвартоваться, и портовые рабочие заняли места у береговых кнехтов. Последние пассажиры поднимаются по трапу на борт.

Марина приподнялась на цыпочки, поцеловала Александра в щеку и в который уже раз предупредила:

— Саша, я прошу тебя, будь осторожен и осмотрителен, ладно?

— Конечно, как всегда.— Васильевский улыбнулся и поднял с земли чемодан.

— Как всегда, я не согласна,— покачала головой жена.

— Я тоже не согласен,— поддержал Марину Сергеев.

У трапа Васильевский показал пограничнику паспорт, билет на круизный рейс, обернулся и помахал рукой Михаилу Александровичу и Марине.

Для всякого горожанина, привыкшего к уличной духоте и сутолоке, к житейской рутине, любой выезд за город, на природу,— событие из ряда вон выходящее. Неделю-то уж точно человек потом ахает да охает, восторгается и дымной горечью костра, и чистотой воздуха, приправленного ароматом разнотравья, сосен и берез... А тут совсем уж фантастика: круиз по Атлантическому океану! Одни географические названия чего стоят: Балтика, Северное море, Ла-Манш, Бискайский залив... Сначала чопорные, по-северному строгие и степенные города-порты: Копенгаген, Гаага, затем, по прошествии многих дней и ночей, явственно ощущается, как теплеет воздух, чернеют ночи, все выше в полдень поднимается солнце. Порошкие сосняком скалистые ландшафты северной Европы, взрастившие поколения норманнов, меняются полыханием цветов на холмах Испании и Португалии, буйством зелени субтропиков, кущами Мадейры, островов Зеленого Мыса. Несмотря на солнце, непривычную для северян жару, пассажиры почти не прячутся в прохладе кают, часами гуляют по палубе — боятся что-нибудь пропустить. Гомон и сутолока портов, разноцветье воды, берега и городов, разноголосые и разноязычные крики базарных зазывал, прожекторы маяков и россыпи ночных огней на берегу — от впечатлений кружится голова.

Когда пересекали экватор, Александра, как, впрочем, и всех пассажиров, бултыхнули в бассейн, крестили, так сказать, что и было засвидетельствовано в специально выданной шуточной грамоте.

Эти дни Васильевский воспринимал как нечаянную благодать, дарованную судьбой. Как и все туристы, он восторгался красотой закатов, в портовых городах бес­печно глазел на экзотические заморские чудеса.

Но однажды, ближе к полудню, кто-то из пассажиров крикнул: «Берег!» Прямо по курсу, в том месте, где прика­саются друг к другу океан и небо, прорезалась тонкая черная полоска — Южная Америка. Через несколько часов «Павел Корчагин» прибудет в Пуэрто-Фердинандос — первый латиноамериканский порт, куда зайдет судно. А потом, спустя сутки, будет и последний пункт, крайняя точка круизного туристического рейса — Сан-Стоун.

Михаил Александрович, напутствуя Александра, на­мекнул, что, ничего, мол, «старший оперативный уполномо­ченный — он и за границей...» Так-то так, но свои стены всегда помогают. А тут чужая страна, неизвестность, помощи ждать не от кого... Задача же поставлена: «на месте выяснить характер контакта Панкова с сотрудником ЦРУ» — так сформулировано в телеграмме из Центра. Ни больше ни меньше.

2

Александра Александровича Сажинова Васильев­ский увидел издалека. Он стоял поодаль от портовых ворот у кирпичной стены какого-то ангара и внимательно вглядывался в туристов, выходящих в город. У него была приметная внешность: худощавая, сутуловатая фигура, короткая стрижка, веснушчатое, некрасивое лицо, очки... В руке, как и было оговорено, Сажинов держал малень­кий плоский коричневый кейс. Александр подождал, пока за ворота выйдет последняя группа пассажиров с «Павла Корчагина», и подошел к Сажинову.

— Доброе утро, Александр Александрович.

Тот вздрогнул, зачем-то быстро глянул по сторонам и торопливо протянул Васильевскому маленькую сильную руку.

— А-а, это вы. Пойдемте отсюда, а... здесь так много­людно...

Васильевский не любил суетливых и нервных людей, но заставил себя как можно приветливее улыбнуться: Вы ведь тут хозяин. Куда скажете, туда и пойду.

Припортовая часть Сан-Стоуна была довольно замусорена. На коротких и кривых улицах, захламленных кучами коробок, ящиков, брошенными машинами, лепились друг к другу низенькие несуразные домики, в большинстве фанерные. Более привлекательно выглядели выкрашенные в разные цвета крохотные магазинчики с яркими рекламами, третьесортные забегаловки, претенциозно именуемые, судя по вывескам, ресторанами. Там и сям фланировали или просто стояли на углах размалеванные девицы.

Сажинов быстро вывел Васильевского на тихую улочку, застроенную крепкими домиками и затененную густой зеленью.

Они зашли в кафе с ажурной табличкой «Black cat»¹ почти пустое и довольно уютное. Столики и стулья в нем были искусно сплетены из черной лозы, за баром стоял огромный горбоносый и улыбчивый бармен, то ли испанец, то ли армянин, с длинными черными закрученными усами («какая гармония с мебелью», — невольно подумал Александр) Увидев Сажинова, он расплылся в улыбке, щелкнул пальцами и громко залопотал по-испански. Не задавая вопросов, сделал два соковых коктейля, плюхнул в стаканы куски льда.

Буэно маньяно², — поздоровался Сажинов.

Буэно днас³, — поправил его бармен и еще больше разулыбался.

Они сели за столик в углу кафе. В маленьком зале было пусто. Только у окна сидела пара. Помешивая соломинкой коктейль, Васильевский спросил:

Откуда он вас знает?

— Да я тут каждый день бываю после работы...

В знакомой обстановке Сажинов заметно успокоился, исчезла его суетность. Он на глазах повеселел.

Простите за нервозность, я ведь простой смертный и занимаюсь самыми земными делами... А ваша работа очень уж специфична...

Лишь на первый взгляд. Обычное дело, только

¹ «Черный кот» (англ.).

² Доброе утро (исп.).

³ Добрый день (исп.).

привычка нужна,— деликатно возразил Васильевский и перешел к делу.

— Александр Александрович, пожалуйста, вспомните все обстоятельства встречи Панкова с Кларком Белоу.

Собственно, никаких таких обстоятельств и не было. Ну поговорили они, и все, как все говорят.

— Постойте, постойте,— Александр в искреннем недоумении отодвинул стакан,— как это — «поговорили и все», вас ведь что-то толкнуло сообщить об этом в консульство.

Вот тебе и на! В телеграмме Центра акценты, прямо сказать, противоположные.

— Да зря я, наверно, людей растревожил. Вас вот вызвали...— Сажинов с досадой махнул рукой, помолчал, потом объяснил:— Понимаете, я Игоря Панкова еще по институту знаю. Как мне кажется, толковый он парень. Активный всегда был... Начитанный такой... Ну встретился он с этим америкашкой, побалакал. Может, научный интерес у него к Белоу этому.

Сажинов посмотрел на Александра с искренним сожалением: вот, мол, стоило тащиться за тридевять земель по такому пустыку.

— Тем не менее, Александр Александрович, прошу вас. Вы же понимаете, что не отстану, коль приехал,— Васильевский улыбнулся.

— Да, понимаю,— Сажинов покачал головой, отложил соломинку и, отхлебнув коктейль, начал рассказывать:— Знаете, когда живешь долго на чужбине, тоска по дому жуткая. А тут приход судна из России, да еще из родного города. Это же событие! На работе отпросился и побежал в порт, как говорится, сломя голову. Но к швартовке опоздал и, когда шел по городу, зыркал глазами, вдруг повезет, кого-нибудь из знакомых встречу. И вот около телеграфа — на тебе!— стоит Игорь! Увидел его издалека, узнал, ну и к нему, естественно, направляюсь. Потом как током ударило — стоит он не один, а разговаривает с этим самым Белоу. А я его терпеть не могу: придира он и антисоветчик, хотя и руководит восточным отделом и отвечает за связи с СССР и соцстранами.

— А в чем выражается его придиричливость и враждебность?— осторожно перебил Сажинова Васильевский.

— Мне кажется, он старается не развивать связи с нами, а наоборот, где только можно ставит палки в колеса. Вот тут недавно объявил, что двое советских

специалистов некомпетентны в современных технологических вопросах и фирме надо бы от них избавиться. Причем сказал это о ребятах, которые в своей области любому западному спецу фору в сто очков дадут.

И что же ему не понравилось?

Прямая загадка! Может, злость какая-то... Эти двое наших у местных рабочих безграничным уважением пользуются...

— Мы немножко отвлеклись, Александр Александрович.

Да, так стоят они, разговаривают... Я вначале к ним, не сворачивая, обрадовался, знаете, лечу на всех, потом стоп, думаю, чего мне лишний раз глаза мозолить Кларку этому, я его на фирме-то за километр обхожу. В последний момент свернул в переулок. Но у судна никого из знакомых не встретил, все разошлись уже.

— Вы уверены в том, что это был именно Панков?

Сажинов глянул оторопело и даже возмущенно, мол, какое может быть сомнение!

Я же его как облупленного, с института... Да вот хоть бы бородавку взять, черная, за версту видать. Я сначала бородавку и увидел, потом уж Игоря распознал.

По-моему, под ухом, с правой стороны...

Не под ухом, а на щеке, причем на левой.— Сажинов хмыкнул.

Я же с ним не учился, могу и ошибиться.— Васильевский снова улыбнулся.

Проверяйте, проверяйте...

Панков в свою очередь не мог вас заметить?

По-моему, исключено. Он же близорукий, да и стоял боком.

А Белоу?

За этого не ручаюсь, но в момент моего появления он на меня не смотрел. К тому же он вряд ли помнит меня в лицо.

— Полагаю, что Белоу помнит вас не хуже, чем свою тещу, как, впрочем, и других наших специалистов.

— У вас насчет него есть какие-нибудь подозрения?

Могу вам сказать лишь то, что ваша оценка Кларка Белоу полностью совпадает с нашей и действительно следует держаться от него подальше.

Коктейль в стаканах кончился, лед тоже почти весь растаял. Бармен, знавший Сажинова, приготовил

в самом деле прекрасный напиток. Васильевский выпил его с удовольствием.

— Еще пара вопросов, Александр Александрович. Можно?

— Какой разговор!

— Что в Панкове вам бросилось в глаза?

— Одет он был просто: плащ, по-моему серый, без головного убора...

— А в руках?

Сажинов задумался, произнес неуверенно:

— Было ведь что-то, точно было...

— Журнал, газета, сумка, авоська?

— Во! Газета! В какой-то руке была свернутая газета!

— Ну у вас и память! Тогда, может, припомните, нервничал ли Панков.

— Да, нервничал. Знаете, стоял как провинившийся школьник перед учителем: руки опущены, смотрит заискивающе...

— И последний вопрос: вы всерьез верите, что у Панкова и Белоу встреча на чисто научной основе?

Сажинов смутился, отвернулся:

— Хотел бы верить. Но после разговора с вами вера эта, честно говоря, поиссякла.

Коктейль допит, деньги оставлены на столе. Когда вышли из кафе, Васильевский сказал:

— Теперь пойдете к телеграфу, покажете все, как было.

На судно «Павел Корчагин» не вернулся один из советских туристов. Во время экскурсии по городу у него начались острые боли в животе, и турист был немедленно госпитализирован в местной больнице. Судно отправилось домой без него.

Звали туриста Александр Павлович Васильевский.

Итак, три основные версии. Первая: контакт Панкова и Белоу произошел случайно и не носит враждебный характер. Вторая: Панков инициативно ищет выходы на иностранную разведку с какой-то целью, например для выгодной продажи ей имеющихся у него секретных сведений из области судостроения; третья версия: Панков уже сотрудничает с американской разведкой и его встреча

с Кларком Белоу как сотрудником ЦРУ была лишь одной из таких встреч. Из этих версий рабочими¹ являются две: вторая и третья, первая будет отработана в процессе мероприятий, которые планируется провести по второй и третьей, и отпадет или будет главной в зависимости от их результатов. Сергеев считал более вероятным, что Панков впервые установил контакт с ЦРУ и еще не включился в шпионскую деятельность по его заданию.

Рассуждал он так.

Встречи сотрудников любой разведки со своими агентами проводятся в условиях, исключающих расконспирацию агента. В данном случае, если бы Панков уже был ранее завербован, с ним были бы оговорены способы связи, в Сан-Стоуне заранее было бы подготовлено место для встречи и она в оперативном плане не выглядела бы столь нелепо: почти в центре города, на виду у прохожих, у центрального телеграфа. Кроме того, встречу эту провел Кларк Белоу, давно себя скомпрометировавший, подозреваемый в связях с ЦРУ — об этом руководство данного ведомства несомненно хорошо знало, но тем не менее поручило ему встречу с Панковым. Значит, у ЦРУ не было возможности организовать встречу по-другому, как этого требуют правила конспирации, то есть не было для этого времени, а может и желания, так как Панков для них — случайное, непроверенное лицо и от него можно ожидать чего угодно. Если исходить из этого, то появление Белоу на первой встрече с Панковым не выглядит как факт из ряда вон выходящий.

С доводами начальника отдела Васильевский согласен полностью.

Только каким образом Панков передал американцам, что намерен работать на их разведку? Заходы в иностранные порты у «Академика Волгарева» непродолжительные. Нельзя ведь подойти к случайному прохожему и спросить: где тут филиал ЦРУ? Абсурдно и небезопасно. Скорее всего, отправил письмо в какое-либо представительство США в одном из предыдущих портов и написал в нем, что предлагает свои услуги, будет ждать встречи с сотрудником ЦРУ у центрального телеграфа в Сан-Стоуне, одет так-то, в руке держу то-то... Центральные

Рабочая версия в практике оперативной деятельности — на конкретный момент основная, на проверку которой направлены первоочередные усилия. (Примеч. автора.)

телеграфы, универмаги есть в любом городе, потеряться трудно.

Интересно, успел ли передать Панков Белоу какую-либо шпионскую информацию? Вряд ли. Если контакт его с американской разведкой состоялся впервые, то обеим сторонам нужно было присмотреться друг к другу, оценить возможности. На это требуется время, а времени не было, так как судно вскоре уходило и его команда, как и находящиеся на борту ученые, были отпущены в город всего на четыре часа. Скорее всего, Белоу на предложение Панкова сотрудничать с ЦРУ (если, конечно, следовать второй версии) обещал подумать, посоветоваться с руководством, выяснил у него дату очередного захода «Академика Волгарева» в Сан-Стоун, назначил время и место второй встречи.

В том, что американцы пойдут на развитие отношений с Панковым, Васильевский не сомневался. В кои-то веки ЦРУ повезло: на них вышел гражданин СССР, который, похоже, всерьез разбирается в современном судостроении. Они должны заинтересоваться!

Как жаль, что нельзя предотвратить эту встречу Панков, конечно, всего не продаст сразу. Он прекрасно понимает, что будет выгоднее передавать то, что ему известно, частями, по капельке, по крупиночке и всякий раз выпрашивать как можно больше денег.

На второй встрече наверняка будут осторожничать и американцы. Панков для них — темная лошадка. Безусловно, сейчас они используют все возможности, чтобы получить о нем хоть какие-то сведения. Где учился, какова специальность, правда ли, что работает там-то и там-то? Но им надо рисковать, иначе они упустят возможность приобрести агента, который может оказаться очень перспективным. Судно уходит в СССР, дальнейшие встречи за границей на неопределенное время исключены, поэтому сотрудники ЦРУ на встрече с Панковым оговорят способы связи, возможно, вооружат шпионской техникой, препаратами.

Ох как надо бы эту встречу сорвать, но нельзя. Ведь если что-то помешает в этот раз, то он затаится и всплывет где-то снова, в другой, может быть, менее контролируемой ситуации.

Сосед Васильевского по больничной палате Пабло Диегос, веселый смуглый толстяк, страдающий гастритом,

сносно говорил по-английски. К СССР он проявил самый жгучий интерес и каждое утро начинал свои рассуждения о нашей стране примерно так:

Я как представитель среднего сословия страшно обескуражен! Почему в Советском Союзе пенсия по старости выплачивается только крупному руководству или партийным деятелям? Выходит, живи я в СССР, я был бы вынужден в старости умереть с голоду?

Диегос был также убежден в том, что по улицам русских городов по ночам бродят медведи, нападают на людей и бороться с этим бедствием крайне трудно, потому как в городах отсутствует электрическое освещение.

На таком уровне было трудно полемизировать, и Васильевский спрашивал:

Пабло, вы что, всерьез в это верите? Нельзя же так примитивно рассуждать о стране, которая первой отправила в космос своего гражданина.

— Как же я стану иначе мыслить, если с детства читаю подобные вещи в наших газетах. Не могу же я не верить своей пропаганде.

И снова смеялся. Веселый человек Пабло Диегос. Здоровье у Александра быстро шло на поправку. Через два дня врач сказал, что его подозрения насчет аппендицита не оправдались. Он объяснил, что боли носят аллергический характер и вызваны тем, что он, видимо, съел что-то такое, чего его желудок не принимает.

Александр подтвердил, что действительно перед болезнью съел несколько рыбных блюд из латиноамериканской кухни.

Врач обрадовался:

— Национальную кухню не каждый местный воспринимает, а тут такая резкая перемена! Вот вам и результат! Но вам, молодой человек, очень повезло, если дело так пойдет, через пару дней выпишем, благодарите свой крепкий желудок!

Срок в два дня Александра вполне устраивал. «Академик Волгарев» придет в порт через пять дней. Оставшееся время уйдет на подготовку к мероприятиям по контролю за возможной встречей Панкова с американскими разведчиками.

А как насчет платы за лечение, я ведь абсолютно некредитоспособен?— Васильевский смущенно улыбнулся.

— Вам, русским, хорошо, вас где угодно вылечат и без гроша в кармане,— причмокнул языком врач.— Мы

направим счет в советское консульство, оно все оплатит.

Когда врач ушел, Пабло Диегос хлопнул себя по толстому животу, хмыкнул и вполне серьезно сказал:

— Я, пожалуй, пересмотрю свои отношения с нашей пропагандой.

3

Два дня после выписки из больницы Васильевский провел в маленьком, невзрачном, но уютном отеле с несерьезным названием «Буратино». Как и полагается иностранному туристу, он все свободное время бродил по городу, покупал сувениры и снимал кинокамерой все, что представляло интерес для жителя другой страны.

Он хорошо поработал за это время. Главное, что Александр сделал, это определил все возможные места очередной встречи американских разведчиков с Панковым. По его мнению, это должно было произойти в районе, прилегающем к порту, причем в немногочисленном, хорошо просматриваемом месте. Таких мест Васильевский нашел три: парк, утыканный маленькими скамейками, небольшая площадь на задворках крупного магазина, бульвар Святого Мигеля, тихий, всегда пустой, поросший густыми круглыми деревьями. Вариант конспиративной квартиры, скорее всего, исключался — он только для проверенных агентов.

Александр около этих мест выбрал точки, с которых удобнее всего было снимать кинокамерой, опробовал объектив дальнего действия.

Еще он установил, что за ним нет наблюдения. Это его обрадовало, хотя он и понимал, что и будь за ним хвост, это вряд ли должно означать, что его поведение контролируют цереушники — сил у них на это не хватит. Наблюдение могла осуществлять только местная служба безопасности — все же он советский турист, свободно разгуливающий по городу, — но она у ЦРУ не пользуется таким доверием, чтобы обеспечивать их вербовочные акции: отношения между этими странами весьма натянуты.

Чтобы не показываться лишней раз на территории порта — американцы тоже наверняка готовятся, — Васильевский узнал точное время прихода судна в порт по телефону. Это не должно было вызвать ни у кого подозрений: он ждет судно, на котором собирается возвращаться домой.

Александр узнал Панкова сразу, как только тот появился в воротах порта, хотя ни разу до этого с ним не встречался, лицо видел только на фотографиях. Вон он идет с двумя мужчинами, наверное, коллегами, улыбающийся, резко жестикулирующий. На левой щеке черная, видимая издали бородавка. Внезапно он останавливается, так внезапно, что его спутники не сразу реагируют и «проскакивают» на несколько шагов вперед, оглядываются и быстро идет к киоску на другую сторону улицы. Там покупает газету, мельком проглядывает ее, потом сворачивает трубкой, берет газету в левую руку и догоняет товарищей. Что-то им говорит, и все смеются.

«Наверно, сказал, что, приехав в страну, надо узнать последние сплетни, — предположил Васильевский. — И все же газета в качестве пароля второй раз подряд — это не совсем осторожно. Белоу мог бы придумать что-нибудь другое». Интересно, кто же придет сегодня на встречу с Панковым? То, что Белоу не будет, это уже известно: Александру позвонил в гостиницу Сажинов и наряду с прочим сообщил, что сегодня не сможет прийти в гости, так как у него много работы. Это означает, что Кларк на фирме. Васильевский так и предполагал: на вторую встречу с Панковым его не пошлют: это неразумно с точки зрения конспирации.

Дойдя до улицы Конкистадоров, все трое свернули за угол и зашли в частный магазин, торгующий всем, что может заинтересовать иностранцев.

«Самое удобное место для отрыва», — подумал Александр.

Спустя минуты четыре дверь магазина открылась, оттуда быстро вышел Панков, перешел улицу и почти побежал в сторону, противоположную от порта. Метрах в ста пятидесяти навстречу ему поднялись со скамейки двое мужчин в светлых пиджаках, с пол-минуты постояли вместе с Панковым и втроем направились в сторону парка.

«Ну что, посмотрим, как работают сотрудники ЦРУ», — мелькнула мысль. Сразу стало спокойнее, возбуждение, вызванное долгой неопределенностью, спало. Осталась только сосредоточенность и уверенность: не зря приехал!

Александр шел на большом удалении от встретившихся и внимательно изучал подходы. Нет, контрнаблюдения не было: ни спереди, ни сзади, ни в редких машинах,

стоящих у обочин, никого подозрительного. Да, американские разведчики слишком вольготно чувствуют себя; видно, в этой стране у них еще не случалось серьезных провалов.

Перед парком Васильевский свернул в сторону, обошел его и зашел с другого входа. На это время он потерял Панкова из виду, но почему-то был уверен, что наверняка найдет их именно там. С видом человека, изнывающего от безделья, он медленно, не оглядываясь, прошел по аллейке, ведущей в глубину парка, тяжело плюхнулся на скамейку, раскинул по спинке руки, откинул голову. Вид отсюда был неплохой, но Панкова и американцев Васильевский не увидел. Это его обеспокоило, но открыто озираться было нельзя! Александр вытащил из кейса журнал, почитал немного, потом, сделав вид, что поза надоела, стал устраиваться поудобнее, сел так — не годится, повернулся... и чуть не натворил глупостей: едва себя сдержал, чтобы резко не отвернуться. Эти трое шли по аллее, параллельной той, на которой он сидел, и явно искали место, где бы им устроиться. «Что же, они заранее даже это не предусмотрели? Ну, ребята...

Александр снова уткнулся в журнал.

Один из американцев, который был пониже и одет в более темный костюм, шел позади и постоянно озирался. Высокий блондин в белом демонстрировал образцы галантности. Он учтиво наклонялся к Панкову и что-то говорил. Метров через семьдесят они остановились и, усевшись на скамейку, оказались наискосок от Васильевского. Коротышка, шедший сзади, прошел вперед и сел на скамью отдельно. «Вот у кого функция контрнаблюдателя!» — догадался Васильевский. Но уж больно примитивно это делается. Ракурс не очень удобен, но снимать было можно.

Пора! Александр положил кейс на колени, открыл его, достал пакетик с орехами, прихлопнул крышку и выровнял кейс так, чтобы крохотное окошечко на его дне было направлено прямо на сидящих наискосок. Камера начала снимать.

Разглядывая журнал и шелкая орехи, Васильевский наблюдал, как Панков достал какой-то листок и подал его собеседнику. Тот изучал его минут пять, затем сунул в нагрудный карман.

«Возможно, список проблем, по которым Панков мог бы давать информацию».

В первой половине беседы больше говорил Панков,

потом, сильно жестикулируя, что-то вещал американец. «Скорее всего, идет инструктаж».

Беседа продолжалась уже пятьдесят минут. Васильевскому было нужно заснять момент передачи Панкову сотрудником ЦРУ каких-либо предметов: денег, шифроблокнотов, инструкций, шпионской техники. Отсюда, конечно, не разобрать, что это будет, но все равно необходимо. Это понадобится, когда встанет вопрос о привлечении Панкова к уголовной ответственности.

Наконец-то! На шестьдесят третьей минуте долговязый блондин одновременно сунул руки в боковые карманы пиджака, вытащил из них два небольших пакета и вручил Панкову. Тот при этом ерзал и улыбался.

Все, можно собираться. Надо опередить Панкова, прийти на судно раньше его.

5

Когда Александр поднялся на палубу «Академика Волгарева», вахтенный штурман сразу его узнал:

— А-а, турист-мученик! Наслышаны, наслышаны, ждем! Нам еще в море сообщили, что грузу на обратный путь прибавляется. Ну что, победил свою болезнь?

— Да уж постарался.

Штурман провел Васильевского в каюту, показал койку, сам на минутку присел:

— Завидую я тебе, турист.

Почему?

— Ну как же, пожил в чужой стране, набрался впечатлений.

Впечатлений действительно хватает,— согласился Александр.

Научно-исследовательское судно — это совсем не то что пассажирское. Никаких излишеств, удобств ровно столько, сколько необходимо. Все подчинено только одному — созданию условий для полноценной работы. Александр один из всех не был занят постоянным делом и видел находящихся на борту сотрудников только во время приема пищи да вечером в кают-компании.

Тем не менее ему удалось познакомиться с Гавриловым, соседом Панкова по каюте и его коллегой по институту антикоррозийных покрытий. Александр установил, что любимым развлечением Гаврилова в свободное время является разгадывание кроссвордов. Васильевский с трудом отыскал в пачке «Огоньков» номер с кроссвордом,

еще не исчирканным бисерным почерком Гаврилова, подсел как-то к нему с этим журналом, задумался и спросил, ни к кому вроде не обращаясь:

— Крайний носовой отсек судна. Как же он называется-то, черт его...

— Форпик,— немедленно заглотив наживку Гаврилов.

Васильевский посмотрел на него с удивлением и интересом.

— Подходит! Но тут у меня есть такое, что никому, наверно, не под силу.

— Давайте, давайте,— заволновался Гаврилов.

— Вымершее травоядное очень крупных размеров с одним рогом на лбу выше глаз.

— Ну-у, напугали, это же совсем элементарно,— облегченно выдохнул Гаврилов,— это же эламотерий! Любой школьник скажет.

— Хотел бы я встретить такого школьника,— засомневался Васильевский и посмотрел на Гаврилова с уважением.— Вы что, ходячая энциклопедия?

Ученый слегка засмутился, чуточку порозовел от удовольствия и в конце разговора пригласил Александра в каюту «на чашку чудесного бразильского кофе». Панков лежал на своей койке и полусонными глазами смотрел в книгу. С Васильевским поздоровался дружелюбно, но в разговор его с Гавриловым не вступал. Наоборот, повернулся лицом к стене и засопел.

В Ленинграде в процессе таможенного досмотра ни денег, ни пакетов ни у Панкова, ни у Гаврилова обнаружено не было.

В кабинете начальника управления Покрышева наступила короткая тишина. Только чуть слышно, с легким мелодичным звоном, тикали в углу большие, в человеческий рост, старинные часы. Напротив генерала сидели начальник отдела Сергеев и старший оперуполномоченный Васильевский. Александр только что закончил доклад по результатам поездки в Латинскую Америку. Генерал задумался. В раздумье он сидел откинувшись на спинку кресла, положив руки на подлокотники, спокойно, как бы отрешенно глядел чуть в сторону. Наконец генерал повернулся к Васильевскому и спросил с улыбкой:

— Ну, Александр Павлович, как собираетесь дальше бороться с Панковым?

Васильевский немного растерялся.

— Мы с Михаилом Александровичем полагаем, что Панкова следует брать при первой же шпионской акции.

— Почему?

— Нам неизвестно, какие инструкции получил он от американцев. Возможны непредсказуемые действия, которые трудно будет проконтролировать. А это может привести к утечке информации, интересующей ЦРУ

Правильно,— генерал одобрительно кивнул и посмотрел теперь на Сергеева,— но ведь не менее важной является задача по разоблачению американских разведчиков, действующих на нашей территории. Как же быть с ними?

— Мы думали над этим, товарищ генерал,— ответил Сергеев.— Наш план предусматривает захват сотрудника ЦРУ с поличным в момент связи с Панковым.

— Но если он раньше выйдет из игры?

Начальник отдела помолчал, потом уверенно продолжил:

Детальное изучение личности Панкова дает основание полагать, что его можно будет использовать в отдельных мероприятиях и после ареста.

На чем это вы строите такое предположение?— Покрышев усмехнулся.

— Он не из тех людей, которые ради идеи пойдут на амбразуру. Тут никакой идеей и не пахнет. Только жажда острых ощущений да денег. Похоже, еще неумемное стремление таким образом отомстить неизвестно кому за удавшуюся, с его точки зрения, карьеру.— Сергеев поморщился.— Трус и авантюрист до мозга костей.

— Предлагаете завязать с американцами игру?

— Да.— Сергеев решительно кивнул.

Александр полагал, что для принятия такого решения Покрышеву потребуется время. Но, вероятно, его и Сергеева точка зрения совпала с решением, уже принятым начальником управления.

Желаю удачи и прошу докладывать мне лично о каждом планируемом мероприятии в отношении этого мерзавца.— Будто извиняясь добавил:— Не для контроля, а для того, чтобы думать вместе.

Когда подчиненные были уже у двери, Покрышев вдруг спросил, обращаясь к Александру:

— В момент контроля за встречей Панкова с сотрудниками ЦРУ, вернее в самом конце их беседы, не писал ли Панков каких-либо бумаг?

— Да, написал что-то на листке, который дал ему высокий.

— Американец взял и спрятал в карман?

— Да.

— Узнаю цереушников, — генерал улыбнулся. — Подписку с нового агента взяли о негласном сотрудничестве. Хорошо закрепляет отношения...

6

Прошло три недели. Приходя утром на работу, Васильевский всякий раз внимательно вчитывался в сводки наблюдения, пытаясь выявить хотя бы какие-то признаки, говорящие о подготовке Панкова к восстановлению связи с американской разведкой. Но тот, словно чувствуя контроль за своими действиями, жил тихо, размеренно. По утрам он приходил на работу, в половине первого обедал, потом полдничал, подолгу курил, точил с сотрудниками лясы, травил анекдоты, которых знал множество. Два раза в неделю: во вторник и в четверг — старался уйти с работы на полчаса — минут сорок пораньше и сразу же ехал на улицу Римского-Корсакова в дом номер двадцать три, заходил в квартиру двенадцать, находился там примерно до одиннадцати вечера. Как было установлено, по данному адресу проживала Тамара Сидоровна Рогоза, двадцати четырех лет, продавец магазина бакалейных товаров. Каких-либо материалов, компрометирующих ее, в управлении не имелось. Примерно два раза в неделю Панков посещал спецбиблиотеку при НИИ и читал техническую литературу, доступ к которой имеет ограниченный круг сотрудников. Но в этом не было ничего из ряда вон выходящего: с секретной литературой по мере необходимости знакомятся все сотрудники института, которые имеют на это право. Такое формальное право у Панкова было.

Но и Васильевский, и Сергеев, и генерал Покрышев прекрасно понимали: если не Панков (вдруг он все же струсил), так американская разведка будет выходить на связь. Ведь Панков дал ей письменное согласие о сотрудничестве. А уж ЦРУ своего не упустит. Скорее всего, Панков, в соответствии с полученными инструкциями, выжидал и осматривался. Контакт должен был быть!

5 сентября в 17.50 Васильевскому позвонил руководитель подразделения, ведущего контроль за Панковым,

и сообщил, что Панков пересек Садовую улицу и, проходя мимо углового дома, махнул по стене рукой. В этом месте на стене осталась четко различимая со значительного расстояния белая линия.

По распоряжению генерала Покрышева на перекрестке через полчаса был выставлен закрытый пост наблюдения. Вечером 5 сентября через данный участок проехало шесть машин с иностранными и дипломатическими номерами, но американских среди них не было. В 8.35 6 сентября через перекресток проследовала «тоёта» вице-консула по культуре генконсульства США в Ленинграде Артура Майборга, едущего на работу. Сотрудник управления, дежуривший на посту, заметил, что водитель внимательно поглядел в сторону метки.

В управлении КГБ расценили выставленную Панковым метку как сигнал, что он готов к восстановлению связи с американской разведкой.

10 сентября преподнес новый сюрприз. В половине первого дня Панков не пошел на обед, а вышел на улицу, поймал такси и доехал до Исаакиевской площади. Там прошел мимо подъезда гостиницы «Астория». При этом внимательно разглядывал скученные на стоянке машины. Дошел до улицы Гоголя, свернул направо, на Невском сел в общественный транспорт и вернулся на работу.

Итоги дня были подведены на совещании, которое состоялось в 18.00 в кабинете начальника управления. После доклада, сделанного Сергеевым, Покрышев задал несколько уточняющих вопросов:

— Было ли замечено что-нибудь подозрительное на стоянке?

— Ничего приметного, товарищ генерал, более того, в машинах не было ни одного человека.

— Все ли машины стояли ровно? Не выделялась ли какая-либо?

Сергеев опять ответил отрицательно.

Начальник управления встал, прошелся по кабинету.

— Предположить, что наш с вами объект просто так прогулялся вместо обеда мимо интуристовской гостиницы и автостоянки, мы не можем. Ему явно нужен был какой-то сигнал, за которым должно последовать мероприятие. Но был ли этот сигнал?

Покрышев вдруг остановился.

— Если у гостиницы стояла некая машина, «носитель», так сказать, этого сигнала, будет резонно полагать, что водитель ее постарается после выполнения задания поскорее убраться от гостиницы. Не так ли?

Сергеев и Васильевский согласно кивнули головами.

В таком случае, товарищ Сергеев, скажите мне, какие машины уезжали со стоянки после появления там Панкова? Ну, скажем, на протяжении двух часов.

Сергеев раскрыл блокнот, начал перечислять:

В 13.07 отъехали супруги из ФРГ по фамилии Зиберт, автотуристы; в 13.14 сел в машину финский гражданин Лахтиннен, в Ленинграде по торговым делам; в 13.28 отбыл англичанин Даунхилл, участник мехового аукциона; в 13.36— американка Уэлс, туристка...

Стоп!— генерал прервал Сергеева,— далее в вашем списке американцы есть?

Нет, товарищ генерал.

Что нам известно о госпоже Уэлс?

Подробные справки не наводили. По предварительным данным, приехала через Финляндию на собственном «форде».

Как приехала?

По частному приглашению. Но кто пригласил, пока не уточняли, просто не успели...

— Не успели,— Покрышев недовольно поморщился.— Что американка делала в «Астории»? Она что, проживает там?

Нет, приезжала обедать в ресторан.

— Это интересно.— Генерал оживился, сел в кресло, поднял телефонную трубку, нажал кнопку.

— Леонид Анатольевич, дайте мне, пожалуйста, срочную справку,— попросил он,— кто пригласил в Ленинград из США госпожу Уэлс?

Ответный звонок раздался через четыре минуты. Генерал выслушал Леонида Анатольевича, поблагодарил, положил трубку.

— Уэлс приехала два дня назад по приглашению госпожи Майборг

И видя, как вытянулись лица Сергеева и Васильевского, генерал подтвердил:

— Да-да, жены того самого американского разведчика, работающего под крышей консульства, который проезжал по Садовой.— Потом добавил:— А вы говорите:

не успели... Самого основного и не успели. Хотя видите, как все просто: используется обыкновенная гражданка США, которую попросили в нужное время поставить в нужном месте машину. А она и знать-то не знает, что ее машина — сигнал для начала какой-то серьезной операции.

Покрышев, потер кончиками пальцев виски, сказал задумчиво:

— Теперь надо быть начеку.

14-го, в пятницу, в 13.00 из Ленинградского управления в Центр ушла телеграмма следующего содержания:

«По подозрению в сотрудничестве с американской разведкой нами изучается Панков Игорь Степанович, 1938 года рождения (кличка по делу — Лгун) Полученные материалы свидетельствуют, что объект в ближайшее время намерен осуществить операцию по связи с ЦРУ. Сегодня утром он приобрел билет на поезд, который прибывает в Москву 15 сентября, в 7 часов 29 минут. Просим организовать за ним наблюдение и оказать содействие оперативной группе, возглавляемой сотрудником нашего управления Васильевским, которая прибудет в Москву сегодня самолетом. Санкция на арест Лгуна имеется. Его приметы... Покрышев».

7

Панков с самого начала очень трусил — Васильевский из машины отчетливо видел, как Лгун нервничал и озирался как только вышел из дома, где остановился у приятеля, свернул в один из арбатских переулков. «Проверялся» он неумело: сворачивал за угол, потом резко выскакивал обратно и всматривался в редких прохожих. «Так можно не сбросить с себя подозрения, а только навлечь, — усмехнулся про себя Александр, — начитался плохих детективов и теперь мудрит...»

На проспекте Калинина Лгун поймал такси, перед тем как сесть в машину, еще раз оглянулся и поехал в сторону ВДНХ.

В распоряжении Васильевского было две «Волги». Сам он ехал в той, которая шла за такси, другая следовала параллельным курсом по соседним улицам, связь с ней поддерживалась по радио. В машине Александра сидели

два московских работника, прекрасно знающих столицу. Такси вдруг повернуло, и один из москвичей по фамилии Беренов предположил:

— Похоже, к Бестужевскому парку двинется...

Машина объехала вокруг парка и остановилась у бокового входа. Лгун вышел из машины съезженный, будто голый очутился на морозе, постоял, зябко согнувшись, застегнул плащ, что-то сказал водителю и нырнул в парк.

Хотя над городом уже расползлись сумерки, небо было прозрачно и парковые аллеи хорошо просматривались. Васильевский никого не послал туда. Он расставил людей небольшими группами: по два человека у каждого паркового ворот и поставил одну задачу: взять объекта на выходе. Один из сотрудников — Володя Кулешов, приехавший вместе с Александром из Ленинграда, подошел к такси, показал очень удивившемуся водителю удостоверение сотрудника КГБ и лег на заднее сиденье. Уже лежа проинструктировал таксиста, как себя нужно вести, если приехавший пассажир внезапно вернется и сядет в машину.

В момент задержания Лгун, даром, что перетрусил, повел себя довольно отчаянно. Александр не ожидал от него такой прыти. Панков, увидев подходивших мужчин, резко выдернул из кармана плаща руку, отшвырнул круглый увесистый предмет в сторону и рванулся к такси. Прыгнув на переднее сиденье, он крикнул водителю: «Гони!» Выскочить из машины ему не дал Кулешов. Он применил короткий прием и сказал обмякшему Панкову:

— Как там в старой песне? ...Нам некуда больше спешить».

В первые минуты допроса Лгун врал самозабвенно и азартно, вероятно, им была продумана линия поведения на случай возможного провала. Но предъявленные вещественные доказательства: киноплёнка со сценой встречи с американским разведчиком в Латинской Америке (фильм Панков смотрел с ужасом), фотография около «Астории», на Садовой улице, материалы обыска на квартире, где в тайнике найдены были инструкция и подготовленные для передачи сотрудникам ЦРУ секретные материалы, — все настолько очевидно свидетельствовало против него, что он быстро осознал неуместность запирательства.

Он сидел теперь поникший, обескураженный и все повторял:

— Надо же, как быстро...

Рассказал о том, как пришел к мысли продать секретную информацию американцам (он так и сказал: «продать»), как еще в Норвегии отправил письмо в консульство США, сообщил в нем, что готов сотрудничать, дал свои приметы, указал пункты захода судна...

Найденная при обыске инструкция была исчерпывающей.

Запланированные ею действия Панкова предусматривали лишь подготовку к активной шпионской работе. Теперь она себя исчерпала.

Главной удачей был захват того предмета, который Лгун выбросил при задержании.

По виду это был самый обычный камень-булыжник, такой же и по весу. Васильевский, когда поднял его с земли и положил на носовой платок, долго разглядывал: зачем булыжник понадобился шпиону?

Вскрыли камень уже специалисты управления, естественно, предварительно сняв с него отпечатки пальцев Лгуна. Булыжник оказался вместительным контейнером.

Как там в Библии? «Время разбрасывать камни и время их собирать», — усмехнулся Покрышев на очередном совещании, — прямо о сцене захвата Панкова с полным сказано.

Генерал был доволен: первая часть запланированных мероприятий реализована в целом успешно. Данное совещание имело целью подвести итоги, определиться в дальнейших действиях.

После доклада Сергеев не удержался, высказал сомнения:

— Американцы в отношениях с Лгуном используют целый набор довольно хитроумных комбинаций. Не продумано ли у них на случай провала Панкова чего-нибудь такое, что трудно предусмотреть, о чем мы не догадываемся...

— Это вы уже о дальнейших наших мероприятиях? — прямо спросил Покрышев.

Да, о развитии игровой ситуации.

Ну что ж, давайте думать вместе. Москвичи дают определенный ответ: никто из американских дипломатов, связанных с ЦРУ, ни 14-го, ни 15-го в районе Бестужев-

ского парка не появлялся. Но можно предположить, что в работе с Лгуном они не задействованы. Очевидно, что на Лгуна замкнут Майборг Вами, правда, установлено, что этот разведчик из Ленинграда в эти дни не выезжал. Так?

— Так, — кивнули Сергеев и Васильевский.

— Но зато выезжала его жена, госпожа Элизабет Майборг. А это почти одно и то же. Когда она вернулась в Ленинград?

— 15-го поздно вечером.

— Вот видите. Тайник в форме камня Лгун изъят из-под скамейки тоже 15-го вечером. Значит, ее у парка или в парке быть не могло.

Генерал остановился, постоял, скрестив за спиной руки.

— Немаловажно, что Лгун — шпион начинающий, — сказал он. — Из-за нехватки у цереушников времени и возможностей он как следует не обучен, не проинструктирован, свои действия строит в соответствии с теми бумажками, которыми его снабдили. Поэтому давайте работать, как работали — спокойно и тщательно.

Посмотрев на Сергеева и Васильевского, Покрышев вдруг улыбнулся:

— Как там гласит старая гусарская поговорка? «Кто не рискует, тот не пьет шампанского!»

У генерала Покрышева было явно хорошее настроение.

29 сентября около часа дня Панков подошел к газетному стенду, что на проспекте Чернышевского, и стал внимательно читать газету «Труд». Чуть поодаль от него, около этого же стенда, стоял молодой мужчина со спортивной выправкой по имени Владимир Кулешов и читал газету «Известия». На другой стороне проспекта стоял автомобиль «Жигули» с частным номером. В ней сидели Васильевский и еще два сотрудника управления.

Без трех минут час мимо стенда, чуть притормозив, проехала зеленая машина марки «тоёта» с дипломатическим номером генерального консульства США. В ней сидели двое: Артур Майборг и его красивая жена Элизабет.

Очень трудно ждать, если не знаешь, когда же придет тот, кого ждешь. Неопределенность всегда утомительна.

Тайник, как это и предусмотрено инструкцией ЦРУ, был заложен вечером 7 октября; ночь перевалила за половину, наступило 8-е, но наружное наблюдение не зафиксировало, чтобы кто-либо попытался изъять контейнер.

Место для закладки было выбрано кем-то из цереушников с большой изобретательностью: почти посередине моста через Фонтанку Контейнер представлял из себя плоскую стальную коробку с магнитным дном и крепился к тыльной, невидимой стороне мостовой балки, примерно на уровне коленей. Чтобы его изъять, надо было, проходя по мосту, просто наклониться, чтобы завязать распустившийся шнурок... В случае опасности — одно движение и... коробка исчезнет в глубокой Фонтанке.

Умельцы из управления выход нашли: стоило только прикоснуться к контейнеру, руку обхватывала петля, а чтобы освободиться от нее, требовалось время...

Неужели что-то сделано не так и Майборг не появится? Вчера после работы машина этого «дипломата» проезжала по набережной мимо моста, но не останавливалась даже в соседних кварталах. Сейчас Майборг и его жена, как Васильевскому доложили по радиосвязи, находились дома. Но попытаться изъять тайник могли и третьи лица, теоретически такая возможность тоже не исключалась, поэтому Александр и возглавляемая им группа захвата находилась в тревожном ожидании. Все понимали, что контейнер должен быть изъят в ближайшее время. С точки зрения шпиона, где гарантия, что его случайно не обнаружит, допустим, дворник или какой-нибудь монтер. Начнет около него работать, зацепит, увидит, откроет...

Васильевский для себя почему-то решил: Майборг придет утром. Только бы успеть вовремя. Конечно, с угла вон того дома, откуда самый удобный вид на мост, оператор все заснимет, доказательства, таким образом, будут, но надежнее, если захват произойдет у самого тайника.

Группа разместилась в дорожно-ремонтном вагоне, который раньше стоял чуть подальше. Но неделю назад его подкатили к самому мосту: пусть все привыкнут.

...В 7.05 по радио поступило сообщение: Майборг вышел из подъезда своего дома.

В 7.25 он проехал по другой стороне Фонтанки, завернул за угол...

В 7.29 ступил на мост.

...Когда Александр с двумя работниками подбежал к Артуру Майборгу, тот стоял в некрасивой позе и левой

рукой тщетно пытался сдернуть петлю, захлестнувшую кисть правой.

Вам помочь, гражданин?— вежливо спросил Васильевский.

Через двое суток Майборг, объявленный персона нон грата, вместе с красавицей женой покинул пределы СССР и уехал в родную Калифорнию. Игорь Панков после вынесенного приговора так же был вынужден отбыть на длительный период из Ленинграда в менее отдаленные, но более неудобные места.

Янис ЛАПСА
Николай КОКОРЕВИЧ

РЖАВЫЕ СПОЛОХИ

По Вестмангатану, по левой стороне, если идти от центра Стокгольма, неторопливо вышагивал поджарый мужчина. На его узком лице застыла кислая гримаса. Он остановился возле шестиэтажного дома, на мгновение замешкался, потом решительно толкнул дверь.

Миновав еще пару дверей, он очутился в довольно просторной комнате, окна которой затенялись рядами цветочных горшков. Посредине комнаты за большим столом сидело человек десять, место в конце стола оставалось свободным.

— Присаживайтесь, господин Ниедре.— Вошедший услышал знакомый голос и увидел человека, с которым недавно встречался в латышской библиотеке Стокгольма. Эглитис! Он-то и пригласил его сюда, в Латышский национальный фонд.

Ниедре опустил на стул и окинул присутствующих взглядом. Напротив него сидел загадочно улыбавшийся пожилой человек. Ниедре напряг память — да, он видел и этого человека, и не раз. Было это на разного рода эмигрантских собраниях и вечеринках, где один за другим провозглашались тосты за латышскую эмиграцию и «освобождение» родины. Ниедре вспомнил — это один

из руководителей Латышского национального фонда, фамилия его — Гинтерс.

— Господин Ниедре, вы недавно побывали в Латвии, — сухо произнес Гинтерс.

— Да, там живут мои родственники и знакомые.

— Прекрасно. Надеюсь, вы встречались с ними?

— Как же иначе.

— И, кажется, фотографировали кое-что?

— Какой же турист отправляется в путешествие без фотоаппарата?

— Верно, верно, — поддакнул Эглитис и опасно покосился на забаррикадированные цветочными горшками подоконники.

Ниедре тогда еще не знал, что присутствующие больше всего на свете боятся посторонних глаз и ушей и, не приведи господь, булыжника брошенного в окно. Даже нейтральные шведы с подозрением относились к этой странной организации.

— Вы опять собираетесь, гм... на родину?

— Собираюсь.

— Было бы неплохо, если бы диапазон ваших съемок расширился. Разумеется, снятые вами экспонаты этнографического музея под открытым небом просто великолепны, но мы были бы вам признательны за... более всестороннюю, более обширную фотографическую и письменную информацию. Говорят, здания некоторых церквей там вот-вот обрушатся, да и замечено передвижение армейских частей...

До Ниедре наконец дошло, зачем его сюда пригласили...

— Не стремитесь все делать в одиночку. У вас ведь найдутся друзья, которым можно доверить хороший фотоаппарат, — ободряюще улыбнулся Гинтерс. — А о средствах на покрытие расходов мы подумаем...

В двери кабинета председателя Комитета государственной безопасности генерал-майора Лонгина Ивановича Авдюкевича постучали. Вошел полковник Акменькалис, стройный человек с лицом озабоченного учителя.

— Опять старый знакомый объявился — Ниедре из Швеции, — сказал он.

— Зачастил... Неужели успел соскучиться по своим родным и друзьям?

— Поэтому я к вам и пришел. Больше нет никаких

сомнений, что этот Ниедре собирает шпионскую информацию и материалы очернительного свойства о Советской Латвии.

Генерал откинулся на спинку стула.

— Начнем по порядку. Что мы знаем о Ниедре?

Полковник раскрыл папку.

— Ниедре родился и вырос в Латвии, служил в легионе СС, сдался англичанам и через Голландию попал в эмигрантский лагерь. Там его подвергли основательной обработке. Впоследствии при посредничестве родных перебрался в Швецию, на торфоразработки. Там подцепил туберкулез легких. Женат. В Ригу к родным в первый раз приехал в 1967 году...

— Довольно обычная биография для тех латышских парней, которые добровольно или по принуждению служили фашистам.— Генерал побарабанил костяшками пальцев по письменному столу.

— Обычная до того момента, пока он не был завербован в Стокгольме так называемым Латышским национальным фондом. С этого момента Ниедре стал самым банальным шпионом.

— Снова фонд...— Генерал подошел к сейфу и достал связку бумаг.— Познакомьтесь с этими материалами. Они помогут вам лучше понять общее положение с латышской эмиграцией. А теперь вкратце напомните мне о Латышском фонде.

— Так называемый Латышский национальный фонд основан в Стокгольме в 1947 году, в него вступило то отребье, включая военных преступников, у которого в Латвии земля горела под ногами. Достаточно сказать, что в нем активно участвовал штандартенфюрер СС Карлис Любе, убийца, на совести которого массовые преступления.

У остальных руки не чище. Один из главарей банды — Гинтерс — является агентом американской и английской разведок...

Тот самый Гинтерс, который в 1946 году организовал заброску в Латвию шпионов и диверсантов Занде и Томсона?

Полковник молча кивнул, потом продолжал:

— Так называемый генеральный секретарь фонда Эглитис во время войны официально именовался военным осведомителем СС. А о таких деятелях, как Фрейманис, Сална, Калниньш, Айзсилниекс, Тепферс, Страуберге и говорить нечего... Немало денежек выбрасывают на

ветер английские и американские разведслужбы, чтобы гальванизировать эти политические трупы. И поэтому они из кожи лезут, пытаясь доказать, что денежки, выжатые из карманов налогоплательщиков, потрачены не зря, что они вот-вот свергнут в Латвии рабоче-крестьянскую власть и вернутся старые добрые буржуазные времена.

На лице у генерала появилась горькая улыбка.

— С кем Ниедре поддерживает в Латвии связи и личные контакты?— Лонгин Иванович испытующе смотрел на полковника.

В первую очередь с неким Скудрой. Темная личность.

— Иначе и быть не может... Продолжайте, пожалуйста.

По материалам Ниедре и Скудры на Западе издана книжонка, содержащая самые гнусные измышления о жизни в Советской Латвии.

— Значит, им не впервой. А что мы еще знаем о Ниедре?

— Ниедре родился в Земгале, в семье владельца фольварка, на которого гнули спину восемь батраков. Ниедре-старший состоял членом Крестьянского союза буржуазной Латвии. Даже тогдашние органы власти вынуждены были призвать его к порядку, так как выяснилось, что он не зарегистрировал наемную рабочую силу в государственных органах. В тридцатые годы Ниедре-старший снова вступил в конфликт с законом — на этот раз попался в контрабандном провозе спирта через латвийско-литовскую границу. Когда фашисты вторглись в Латвию, Ниедре-младший стал шуцманом. Дальнейшие события развивались вполне закономерно.

— Как Скудра познакомился с Ниедре?— спросил генерал.

— Они знакомы с детства — жили по соседству. Но в годы войны их пути-дорожки разошлись.

— И когда же скрестились вновь?

Полковник полистал документы.

— В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов родители Ниедре, проживавшие в Латвии, попросили Скудру сфотографировать хутор Ниедре. Хотят, мол, послать карточку сыну в Швецию. Скудра выполнил просьбу. В 1968 году они же сообщили Скудре, что их сын намеревается приехать в Латвию, чтобы отблагодарить за «милые сердцу» фотографии...

Генерал усмехнулся.

— Дай черту палец, всю руку оторвет. Подготовьте план операции и представьте на утверждение.

Вскоре они встретились снова. Лонгин Иванович ознакомился с документом, в котором полковник предусмотрел ряд вариантов. Он задал собеседнику несколько вопросов, внес какие-то уточнения и в заключение сказал:

— План утверждаю. Ваша задача — разгадать, какой план в свою очередь составляют наши недруги по ту сторону Балтийского моря...

Тогда они еще не знали, что операция займет несколько лет.

В мае 1971 года полковник Акменькалис доложил генералу, что Ниедре прибыл в Таллин. Туда же направился Скудра, взяв с собой сына.

— Невинная семейная встреча... — ухмыльнулся генерал.

Ниедре со своей стороны тоже принял меры, чтобы визит носил как можно более сердечный характер. С ним приехала жена.

— Ну и что?

Встреча произошла в сквере. Пока оба деятеля утрясали дела, жена Ниедре и сын Скудры гуляли по Таллину. Отправили их от греха подальше...

— Информацией они обменялись?

Да. Скудра передал Ниедре кассеты с фотоснимками, а Ниедре — пленку для продолжения работы.

— События развиваются, как и следовало ожидать. Все закономерно. — Генерал сжал губы. — Скажите своим парням, чтобы не спускали с них глаз.

Но на этот раз больше ничего не произошло.

Прожив несколько дней в Таллине, супруги Ниедре отбыли восвояси.

...В 1972 году Ниедре снова сошел на берег в Таллинском порту. На этот раз Скудра явился на встречу с женой, посадил гостей в машину и отвез в гостиницу. Вероятно, Ниедре предупредил: о деле — ни слова, стены имеют уши. О деле говорили на скамейке в сквере. Скудра жаловался на денежные затруднения. Нет-нет, валюта ему не нужна, лучше уж какой-нибудь фотоаппарат — японский или западногерманский... А Ниедре похвастался: не зря, мол, работаем — латышская эмигрантская пресса охотно публикует фотоснимки Скудры.

Нет, не новостройки и не колхозные поля запечатлевал объектив Скудры. Его хозяев интересовало иное: разру-

шенный временем дворец или покосившаяся церковь. Тут уж Гинтерс и Эглитис без лишних слов открывали кошелек. Разумеется, не свой. Запускали лапу в кошну, куда подбрасывали американские спецслужбы на подрывную деятельность против Советской Латвии.

В одну из встреч Скудра передал свою рукопись: формально — путевые заметки, фактически — лживые измышления о жизни в Советской Латвии.

Ниедре отказался везти рукопись.

— Такую кучу бумаг пограничники без труда обнаружат как в моем, так и в твоём портфеле. Действовать надо с умом.

И Ниедре объяснил, что значит «действовать с умом». По совету заморского гостя и при его финансовой поддержке Скудра оборудовал фотолабораторию, в которой переснял свой опус, а пленки засунул в кассеты. Так удобнее и надежнее — в случае провала можно в одно мгновение засветить пленку.

Скудра прислушивался к хорошим советам. В следующий раз все переданные им сведения о военных объектах были тщательно пересняты на пленку и упрятаны в фотокассеты.

Вскоре полковник Акменькалис снова докладывал генералу о приезде Ниедре.

— Глаз с него не спускаете? — спросил генерал.

— Можете не беспокоиться.

В тот день Ниедре и Скудра вместе с семьями посетили этнографический музей... Потом состоялась передача фотокассеты из рук в руки. Затем побывали на улице Юглас, в Кенгарагсе, на улице Иерочу и улице Пилс. Там были спрятаны пленки. Наконец все пошли в гостиницу.

Обо всем этом немедленно стало известно генералу.

Сына Скудры призвали в армию и послали служить на Дальний Восток. Эту новость Скудра-старший немедленно довел до сведения своего шефа в Швеции — кто знает, авось пригодится.

Пригодилось. Прибыв в Советскую страну с очередным визитом, агент фонда порекомендовал своему прислужнику отправиться в далекое путешествие, чтобы повидать сына, привезти ему из Латвии гостиницу...

На протяжении всей поездки Скудра без усталости щелкал затвором фотоаппарата.

Но на проявленной пленке оказались отнюдь не пейзажи...

Во время встречи отец и сын все никак не могли наговориться. Но что-то в их беседе крайне редко звучали названия родных мест и имена знакомых людей. Приезжий в основном интересовался частью, в которой служит сын, чем вооружены солдаты, каков их моральный облик, нет ли поблизости ракетных баз. Скудра-младший рассказал отцу все, что знал, присовокупив кое-какие слухи. Агента мало заботило, верны ли полученные им сведения, он придерживался принципа: чем сногшибательнее, тем лучше.

Собранные во время поездки сведения были, разумеется, изложены на бумаге, тщательно пересняты на пленку и во время очередной встречи отправлены в... сейфы Латышского национального фонда.

Тут самое время спросить, какое дело Латышскому национальному фонду до Дальнего Востока! Ведь главари фонда, бия себя в грудь, клятвенно заверяют: нас интересует только Латвия. Не будем наивны. За «священной» вывеской скрывается один из многих филиалов американской разведки, которого латышский народ и его культура заботят не больше, чем давно вырванный зуб. Другое дело — шпионские сведения, идеологические диверсии. Не из своего кармана платил господин Ниедре за те шестнадцать фотоаппаратов и семь фотообъективов, которые он привез «в подарок» другу. На их продаже агент заработал около восьми тысяч рублей...

В конце семидесятых годов генерал Авдюкевич и полковник Акменькалис пришли к выводу, что преступные деяния Скудры и Ниедре неопровержимо доказаны.

Ваше мнение? — спросил генерал.

— Пора поставить точку.

Генерал на мгновение задумался.

Оба они сейчас в Таллине, не так ли?

Да, в Таллине. Остановились в гостинице «Виру».

— Хорошо. Представьте в прокуратуру необходимые документы на получение ордера на арест.

...Скудра и Ниедре вышли из гостиницы и подошли к трамвайной остановке.

— Ваши документы! — неожиданно услышали они суровый голос...

Дальнейшее понятно: суд, приговор. Иностранный шпион и предатель Родины получили по заслугам.

Ах какой шум подняли реакционно настроенные латышские эмигранты в Старом и Новом Свете!

Заглянем, однако, в стенограмму судебного процесса — это более десяти томов. В процессе участвовали представители трудящихся, его снимало телевидение, обвиняемые имели возможность говорить все, что они думают, согласиться с обвинением или отвергнуть его.

В зале суда Скудра рассказывал:

...В июне я поехал в Таллин один. Ниедре тоже был один. Беседовали в гостинице и в сквере. Я был недоволен тем, что Ниедре привез мне маленький аппарат, который я продал за триста рублей. Я думал, что он привезет профессиональную камеру. В тот раз я отвез Ниедре свои манускрипты, но Ниедре их не взял. Сказал, что в таком виде их нельзя провезти, но чтобы я переснял тексты на пленку. Научил меня, как это сделать».

...Ниедре привез мне японский фотоаппарат, который я продал. В этот раз Ниедре вложил в фотокассету инструкцию, что и как снимать. Я передал ему отснятые пленки».

...17 августа 1975 года, отправляясь на встречу с Ниедре, я взял с собой жену. Ниедре привез мне профессиональную камеру, но дешевую. Беседа с Ниедре состоялась в сквере у морского порта и в кафе. Он сказал, в какой из аппаратов для меня вложена полосочка бумаги. Там было написано, чтобы я узнал побольше о военных объектах в Прибалтике».

«...В июне 1976 года в Таллине я снова встретился с Ниедре. Поехали дочь сестры Ниедре и я. Ниедре привез профессиональную камеру, но это была дешевая камера, я получил за нее пятьсот рублей. В аппарате находилась инструкция».

«Я поехал к сыну на Дальний Восток, где он служил, записал все увиденное и услышанное о военных объектах. Эти материалы передал Ниедре в июне 1977 года».

«Ниедре дал мне адрес конспиративной явки по улице Пилс, где для меня были приготовлены пленки. В конспиративной квартире на улице Маскавас, я должен был оставить заснятые пленки».

«В кассете, полученной от Ниедре, была записка — инструкция о фотографировании военных объектов. Такие инструкции я получал трижды: в первый раз об объектах Латвии, во второй раз об объектах в Прибалтийских республиках, в третий — о Дальнем Востоке».

«...О комсомоле я совсем так плохо не думаю, но писал так, чтобы угодить Ниедре и получить побольше гонорар.

Если бы Ниедре не было, я бы не стал искать других путей отправки этих материалов за рубеж».

«...У меня были извращенные представления о Чека, но, когда я сам туда попал, у меня с глаз словно пелена упала.

Следователь обращался со мной гуманно... Теперь я полностью изменил свои убеждения, за исключением вопроса о религии, ибо я глубоко религиозен и в этом отношении от своих взглядов не отказываюсь».

«...Признаю себя виновным и сожалею о своей преступной деятельности».

Яснее, чем это сделал сам Скудра, не скажешь.

Но дадим слово и заграничному «патриоту» — Ниедре. Вот его показания в суде:

«В Риге мы встретились в очередной раз в августе 1976 года. Я привез Скудре два фотоаппарата, которые национальный фонд посылал в качестве гонорара за манускрипт».

«...Привез Скудре пленки и пустые кассеты. Я заявил фонду, что впредь мне больше не хочется ездить по такому заданию. Мне ответили, пусть Скудра подыщет какую-нибудь квартиру для припрятывания его пленок, ведь туристы наезжают в Ригу и уж кто-нибудь их привезет».

«...Договорились, что прибывший в Ригу турист явится на упомянутую квартиру и скажет: «Привет из Швеции».

«Гинтерс учил меня, что инструкции надо писать на листочках бумаги и вкладывать в фотокассеты. В таком виде я передавал Скудре инструкции до 1976 года. Потом Гинтерс сказал, чтобы я инструкции переснимал и Скудре отдавал пленку».

«Фотопленки, которые передавал мне Скудра, я сам обрабатывал. Потом отвозил в национальный фонд, где мне платили. В переснятых манускриптах были и сведения военного характера. Были также экономические сведения, критические заметки».

«Дорогу в Латвию мне оплачивал национальный фонд. Скудре в этот раз предназначались три тысячи крон».

«Национальный фонд определял время моей поездки. Соблюдению конспирации учил Гинтерс».

«...Признаю себя виновным полностью».

Тоже яснее не скажешь.

Провалилась очередная акция западных разведок против нашей страны. Не первая, возможно, и не послед-

няя. Провалилась благодаря бдительности наших чекистов.

Мы внимательно следим, не вспыхнут ли снова где-нибудь на горизонте ржавые сполохи — предвестники грозы. Но есть и другая ржавчина, на научном языке именуемая коррозией. В прямом смысле она разъедает металл, в переносном — людей.

21 апреля 1978 года. В сводке событий за минувшую ночь фигурирует совершенно необычное сообщение: в Юрмале обстрелян из проезжавшей машины «Жигули» дом, принадлежавший гражданину С. Стреляли из ружья и револьвера. Перед этим неизвестный человек позвонил владельцу дома по телефону и потребовал десять тысяч рублей. Гражданин С. просьбу анонимного вымогателя выполнить отказался.

Генерал вызвал к себе полковника Лодзиньша.

— Составьте оперативную группу и все выясните! Преступники должны быть найдены и изолированы. Учтите, что иногда трудно провести четкую грань между уголовным преступлением и политической диверсией.

— Ясно, — ответил полковник.

Оперативная группа прибыла на место происшествия. Тщательно прочесали окрестности. След «Жигулей» был затерт колесами других машин, гильз от патронов найти не удалось. Но в будке ближайшего телефона-автомата удалось снять десятки отпечатков пальцев. Не принадлежат ли какие-нибудь из них бандитам?

Пока шли поиски, в доме С. снова раздался телефонный звонок и незнакомый голос потребовал от хозяина уже тридцать тысяч рублей. С. передать деньги отказался, и в тот же вечер дом снова обстреляли.

Чекисты обнаружили в стенах дома и в мебели три пули от нагана и несколько пуль, выпущенных из карабина.

Первые улики. А в телефонной будке снова полным-полно отпечатков пальцев, и некоторые из них полностью совпадали со снятыми в предыдущий раз!

Председатель Комитета государственной безопасности вызвал полковника Лодзиньша.

— Каковы результаты поиска? — спросил он.

Полковник вынул из портфеля исписанные листы бумаги, фотокопии отпечатков пальцев, пули.

— По крайней мере один человек уже установлен. Это некто Мартиньш-Райтис Зилбертс, 1957 года рождения. Совсем молодой. В 1975 году, то есть в возрасте

восемнадцать лет, был судим по двум статьям: по статье 85 Уголовного кодекса, часть вторая, хищение социалистической собственности, и по статье 139 часть вторая, хищение личной собственности граждан в крупных размерах. Отец Зилбертса был кулак, активно сотрудничал с немецкими фашистами.

Выслушав полковника, генерал сказал:

Дети за грехи родителей не отвечают, но бывает, что яблоко падает недалеко от яблони.

— Бывает,— согласился полковник.— В этот раз так оно, видимо, и есть.

Какие выводы сделал Зилбертс?— спросил генерал.

— К сожалению, никаких. Слоняется без работы. Для совершения преступлений он использует машину «Жигули» белого цвета.

— Это, конечно, еще одна зацепка,— резюмировал генерал.— Но брать виновного за ворот — рано. Все свидетельствует о том, что при совершении преступления он был не один. Связи Зилбертса выявлены?

— Не все.

— Установить непременно! Между прочим, в милиции «висят» нераскрытые дела, в которых как будто тоже мелькали белые «Жигули». Войдите в контакт с госавтоинспекцией. Вполне возможно, что преступники меняют номер машины.

Гаи уже предупреждена.

Добро,— кивнул генерал.— Дальше: необходимо пересмотреть все материалы о молодых людях, попавших в поле нашего зрения за последние три года, проверить и еще раз изучить сигналы о людях, интересовавшихся огнестрельным оружием. Организуйте группы милиционеров и дружинников — пусть следят за движением транспорта в «горячих» точках.

— Будет сделано.

Милиция сообщила фантастические вещи: белые «Жигули» были замечены и бесследно исчезали в местах краж, грабежей, злонамеренных поджогов.

Оперативная группа КГБ заново проанализировала несколько нераскрытых преступлений, пытаясь обнаружить одинаковый «почерк». Открылась целая вереница поджогов и хищений автомашин в Цесисе, разграблений дач в Юрмале, квартирных краж со взломом в Риге.

Сотрудники госбезопасности вышли на след и остальных членов банды. Ближайшим подручным Зилбертса

был некий Арнис Кандерс, который также нигде не работал, а средства к существованию добывал путем грабежей и краж. Следующий — Робертс Тинте, почти совсем еще мальчик, только что получивший паспорт, но в своих художествах не отстающий от остальных. Далее — Хардий Скрибановскис, уже прошедший первую «школу» в исправительной колонии, и, наконец, Владимир Шатовский, который тоже отбыл наказание за хищение социалистической собственности, нигде не работал, выдавал себя за поэта.

У вожака банды Залбертса водились деньжата. Чтобы оборудовать собственную «базу», он даже купил в Тукумском районе дом, и в антрактах между кражами вся банда гуляла там и веселилась: жили припеваючи, демонтировали и перемонтировали краденые автомашины, устраивали оргии, не особенно остерегаясь окружающих.

Наконец в руках чекистов оказались все нити. Настали решающие дни ликвидации банды.

Полковник Лодзиньш явился к генералу с детально разработанным планом операции.

— В ночь на 30 апреля банда отправляется в Цесисский район. Они намерены совершить особо опасное преступление, которое может повлечь за собой человеческие жертвы. Мы предлагаем совместно с автоинспекцией блокировать дороги и задержать разыскиваемых на месте.

...Последний день апреля. Вечереет. По Псковскому шоссе мчатся к Риге белые «Жигули». За поворотом на Цесис их пытается остановить патруль ГАИ. Взревел мотор «жигуленка», из-под колес вырвались куски асфальта, машина словно бы оторвалась от земли и взлетела над дорогой, подпрыгивая и качаясь из стороны в сторону. Преследователи — автоинспектора на мотоцикле и чекисты на «Жигулях» — едва успели заметить, что в машине трое.

Руководитель группы захвата подполковник КГБ Янсонс закричал:

— Жмем что есть мочи!

Мотоцикл с работниками ГАИ уже мчался впереди.

Началась погоня, достаточно опасная как для преследователей, так и для всех машин и пешеходов, находящихся в этот момент на Псковском шоссе. На спидометрах преследователей стрелка указателя скорости держалась возле цифры 110.

Наконец бандиты поняли — им не уйти. За рулем мото-

цикла и машины опытные водители, расстояние сокращается, и кто знает, где следующий пост ГАИ, куда уж, наверное, сообщили по радио о погоне.

У бандитов сдают нервы. Единственная возможность — перехитрить преследователей, резко свернуть с дороги, скрыться с глаз. Возле Иерики тормоза белых «Жигулей» внезапно взвизгивают, следует крутой поворот на боковую дорогу, и... белая автомашина, перекувырнувшись, покати-лась кубарем.

Сидевшие в машине серьезно не пострадали. Они выскочили из покореженной машины, один из них без оглядки пустился наутек в сторону леса, двое других что-то спешно потащили в ближайшие кусты. Здесь их и схватили.

Извините, превысил скорость. Уплачу штраф... пролепетал Мартиньш Зилбертс.

— Да, да, мы спешили,— поддакнул ему Арнис Кандерс.— Жутко спешили.

— Где третий? Как его зовут?

— Честное слово, не знаем. Посадили по дороге. Попросил подвезти маленько.

— Еще немного — и подвезли бы на тот свет,— усмехнулся подполковник и приказал тщательно обыскать задержанных и осмотреть машину. Оружия не оказалось, очевидно, бандитам удалось спрятать его в кустах.

Смеркалось. Продолжать поиски не было смысла. Задержанных доставили в надежное место, а возле автомашины выставили охрану.

На следующее утро группа поиска обнаружила в кустах наган, карабин и патроны. Экспертиза подтвердила, что из этого оружия был обстрелян дом гражданина С. в Юрмале и что оно было в работе не раз.

Вскоре нашли и третьего. Им оказался член банды Робертс Тинте, который с перепугу улепетнул в Юрмалу и спрятался у родителей.

Под тяжестью неопровержимых улик бандиты сознались во всех преступлениях. Рассказали также, что договорились при посредничестве некоего Виктора Римуса купить в Валге винтовку с оптическим прицелом и еще несколько пистолетов, чтобы банда могла орудовать с истинно американским размахом. В руки чекистов попали адрес Римуса, описание его внешности.

Через пару дней старший лейтенант КГБ Зариньш отправился в Валгу. Он позвонил у дверей квартиры Виктора Римуса. Через некоторое время дверь приот-

крылась и в шелочку на незваного гостя уставились недоверчивые глаза.

Товарищ Римус?

— Это я.

— Я от Зилбертса...— прошептал Зариньш и боязливо оглянулся, нет ли свидетелей их разговора.

Звякнула цепочка, и дверь открылась.

Входите!— Хозяин квартиры по-прежнему не спускал с него глаз, но тем не менее провел в комнату.

— Наш разговор никто не подслушивает?— старший лейтенант изображал пугливого юнца.

— Говорите смело.— Очевидно, тон и манеры гостя успокоили хозяина квартиры, и он предложил закурить.

Мартиньша Зильбертса и Арниса Кандерса взяли — Зариньш по-прежнему говорил полупрошепотом.

Виктор Римус вздрогнул, но постарался ничем не выдать волнения, и старший лейтенант понял, что выбрал правильный вариант игры.

— А мне какое дело?— равнодушно пробурчал хозяин квартиры, но в голосе проскользнуло беспокойство.

— О, не подумайте только, что они попались на настоящем деле,— улыбнулся Зариньш.— Их взяли за мелкую спекуляцию. Но несколько недель, а может, и месяцев придется посидеть... Мне удалось добиться свидания с Мартиньшем. Я выдал себя за его родственника. Да и во время операций меня меньше всего видели — то я в запасе, то в засаде... Ну так вот, Зилбертс поручил мне немедленно получить оптическую винтовку и наган, за которые он уже заплатил серебряными вещами. Надо малость пошуметь, чтобы обеспечить алиби за те предыдущие операции, когда они еще были на воле...

Старший лейтенант вызубрил наизусть все похождения бандитов и в этот момент вспомнил, что упомянутые серебряные изделия Кандерс украл... у собственного дяди.

Римус на мгновение задумался, а потом засыпал гостя вопросами, на которые старший лейтенант отвечал точно и без запинки

— Хорошо.— Римус прекратил расспросы и улыбнулся Зариньшу.— Но оружие не у меня, оно припрятано в надежном месте в Таллине.

Они пошли на переговорный пункт, и Римус позвонил кому-то в Таллин.

Разговор был короткий. Римус повесил трубку и назвал число, когда Зариньшу надлежит явиться в Валгу. Отсюда они вместе отправятся в Таллин.

Утром 13 мая старший лейтенант Зариньш приехал в Валгу. За рулем «Жигулей» сидел лейтенант Пупе.

Римус уже ждал их. Тщательно заперев квартиру, он сел в «Жигули». Лейтенант был первоклассным водителем, и в 11 часов 30 минут они въехали в город. Чекисты — глаз у них наметанный — тотчас заметили, что к их машине «прицепился хвост» — такого же типа «Жигули» с обычным таллинским номером. Но они знали: их сопровождают коллеги, совместно разработавшие детальный план операции.

Вскоре Римус попросил остановиться у ближайшего телефона-автомата.

— Оставайтесь в машине, — коротко бросил он. Войдя в будку, набрал какой-то номер, сказал несколько слов и тотчас вернулся.

— Ровно в 13.00 нам надо быть на ипподроме, — сообщил Римус.

Точно в назначенное время они подъехали к условленному месту. Метрах в двухстах от них остановился «хвост». Люди, сидевшие во второй машине, доложили по радию в Центр о ходе операции. В Таллине находился сейчас и полковник Лодзиньш.

Рядом с машиной, в которой сидел Римус, внезапно притормозил еще один «жигуленок». В нем находились двое. Они подозрительно оглядели автомобиль с рижским номером, переглянулись с Римусом, и связной из Валги подал условный знак: все в порядке. Те двое вышли из машины, подошли поздороваться, но не представились. Знал их только Римус.

— Придется поехать за город, — сказали таллинцы. — Следуйте за нами!

Обе машины тронулись с места. Римус сел вместе с рижанами.

«Жигули» пересекли весь Таллин и углубились в пригородный лес. За ними, насколько позволяли правила конспирации, следовал «хвост».

Где-то посреди леса первая машина остановилась. Затормозил и лейтенант Пупе.

Оба таллинца еще раз вышли из машины и тщательно проверили, нет ли за ними наблюдения. «Хвоста» они, по счастью не заметили.

— Вы двое оставайтесь в машине, а этот, — таллин-

цы указали на старшего лейтенанта Зариньша, — пусть пересядет к нам.

Лейтенант заметил, что продавцы оружия вооружены.

Зариньш пересел в таллинскую машину, и она на большой скорости скрылась за поворотом лесной дороги.

Лейтенант Пупе понял, что они попали в совершенно непредвиденную ситуацию. Если их операция разоблачена, те убьют Зариньша, а труп закопают где-нибудь в лесу. Бандитов двое, оба вооружены, а у Зариньша с собой только охотничий нож.

Тянулись минуты. Может быть, сейчас решалась судьба всей операции, и жизнь чекиста из Риги была поставлена на карту.

— Куда они запропалились? — спросил лейтенант.

— Ничего, все будет в порядке, — успокоил Римус.

Тем временем оперативные работники из «хвостовой» машины поняли создавшуюся ситуацию и сообщили по рации руководству операцией о неожиданной опасности. Центр принял срочное решение: немедленно блокировать все выходы из лесу.

Отъехав на порядочное расстояние, таллинцы затормозили. Один из них открыл чемодан. Чекист увидел разобранную винтовку с оптическим прицелом.

— Вот она. Почти новенькая.

Зариньш равнодушно осмотрел хорошо смазанное оружие.

Сойдет. — Он кивнул.

— Наган тоже в машине, но, если хотите, можем раздобыть в городе еще несколько штук.

Было бы неплохо... — опять кивнул старший лейтенант и тут же спросил с опаской: — Но за них ведь не плачено.

— Поэтому мы и привезли вас сюда. Достанете еще серебра, получите и остальное оружие.

— Постарайтесь выклянчить у кого-нибудь. Нам известно, где с минимальным риском можно взять серебряный кофейный сервиз, — захихикал Зариньш.

— Кофейный сервиз? Это пойдет. Можно и за наличные.

— Немного денег у меня, пожалуй, найдется, — Зариньш словно бы погрузился в арифметические подсчеты. Переговорив, они поехали назад.

Лейтенант Пупе едва сдержал вздох облегчения, когда

таллинская машина с Зариньшем, живым и невредимым, вернулась на место.

Они договорились поехать в город, чтобы Зариньш мог купить спрятанное там оружие за наличные деньги. Римус пересел в автомобиль своих «эстонских коллег», рижские чекисты последовали за ними. По миниатюрной рации они проинформировали коллег о новом развороте событий, оттуда новость передали в Центр руководства операцией, и там было принято решение с помощью государственной автоинспекции задержать машину с вооруженными торговцами оружием.

...На дороге невесть откуда появилась фигура автоинспектора с поднятым черно-белым жезлом. Передняя машина рванулась вперед, не соблюдая правил дорожного движения. Сидящие в ней люди, очевидно, догадались, что попали в ловушку.

Машине ГАИ все же удалось обогнать беглецов, но неожиданно «Жигули» торговцев оружием резко свернули в какой-то двор, из машины выскочил Римус с портфелем и один из незнакомцев, который тащил чемодан.

Римус вбежал в дом, где его тут же схватили. Но портфель оказался пустым. Тогда преследователи бросились вдогонку за человеком с чемоданом. Это был проворный малый, хорошо знавший таллинские лабиринты. Он скрылся из поля зрения чекистов. Однако шофер «Жигулей» по-прежнему сидел за рулем, в общей суматохе о нем на какое-то время позабыли, и этого оказалось достаточно — мотор «Жигулей» взревел, машина, словно волчок, развернулась на сто восемьдесят градусов, пулей вылетела со двора и растворилась в потоке городского транспорта. Но далеко она не ушла — беглеца задержали уже через двадцать минут.

В оперативном центре тем временем выяснили фамилии: беглец с чемоданом, в котором находилась оптическая винтовка, некто Оссеп. Было установлено и его местожительство. У шофера «Жигулей» — человека по фамилии Эксверт — нашли наган. Оставалось главное — как можно скорее взять владельца чемодана.

В одну ночь чекисты сделали почти невозможное — они выяснили связи и явки преступников.

Наутро ровно в девять Оссепа задержали у газетного киоска и усадили в машину. Все произошло так внезапно и бесшумно, что даже прохожие толком не поняли, что у них на глазах обезврежен опасный преступник. Припрятанное в Таллине оружие чекисты изъяли.

— Задание выполнено, оружие изъято, виновные задержаны, жертв нет,— докладывал на следующий день полковник Лодзиньш генералу Авдюкевичу.

Так закончилась бандитская авантюра, участники которой стремились подражать американским гангстерам.

К счастью, подобные случаи очень редко встречаются в практике современных чекистов. Это может показаться несколько странным, но сотрудники органов государственной безопасности теперь главным образом занимаются профилактикой и воспитанием и в какой-то мере предвидением и предотвращением возможных преступлений.

Генерал Авдюкевич и многие его боевые товарищи ныне уже на пенсии. Их место в рядах чекистов заняла молодая смена. У них тоже горячее сердце, холодный ум и чистые руки.

Перевел с латышского ЗИГФРИД ТРЕНКО

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Я. П. Киселев.</i> Предисловие	5
<i>Анатолий Марченко.</i> Полчаса отдыха.	9
<i>Марк Спектор.</i> По заданию ЧК	18
<i>Алексей Авдеев.</i> Поединок	43
<i>Дмитрий Корбов.</i> В штабе Г. К. Жукова	75
<i>Николай Ермоленко.</i> Капитан Потемкин комендант Закопане	87
<i>Владимир Листов.</i> Вишневая шаль	102
<i>Иван Папуловский, Адольф Торпан.</i> Синий треугольник	147
<i>Иван Кононенко.</i> Тайник — телефонная будка	181
<i>Григорий Василенко.</i> Синьор Рамони и К°	204
<i>Владимир Востоков.</i> Тень фирмы «Блиц»	245
<i>Павел Кренив.</i> С камнем в кармане	268
<i>Янис Лапса, Николай Кокоревич.</i> Ржавые сполохи	298

Ч-37 **Чекисты** рассказывают: Кн. 7/Сост. В. Листов.—
М.: Сов. Россия, 1987.—320 с. ил.

Сборник посвящен работе советских органов государственной безопасности отмечающих в 1987 году свое 70-летие.

В этих документально-художественных произведениях правдиво рассказывается о героической борьбе чекистов с контрреволюцией в первые годы Советской власти, разоблачении шпионов в период Великой Отечественной войны, борьбе с происками империалистических разведок в послевоенное время.

Среди авторов книги В. Востоков, Д. Корбов, А. Марченко, . Василенко, В. Листов и другие.

Ч 4702010200—079 155—87
М-105(03)87

Р2

Составитель

Владимир Листов

ЧЕКИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ

Редактор *И. В. Стабникова*

Художественный редактор *А. С. Кулемин*

Технический редактор *Г. П. Мартьянова*

Корректор *З. И. Шехмейстер*

ИБ № 5031

Сдано в набор 29.09.86. Подп. в печать 13.02.87. А02848. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л.
16,8. Усл. кр.-отт. 17,22. Уч.-изд. л. 17,47. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1392.
Цена 85 к. Изд. инд. ХД-128.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 144003, г. Электро-
сталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

OCR: Угленко Александр

